

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

№ 1

2012

Главный редактор

Член-корреспондент АН РТ Ф.Ш. Хузин

Заместители главного редактора:

доктор исторических наук А.Г. Ситдиков

доктор исторических наук Ю.А. Зеленев

Ответственный секретарь — кандидат ветеринарных наук Г.Ш. Асылгараева

Редакционный совет:**Р.С. Хакимов** — вице-президент АН РТ (Казань, Россия) (председатель)**Х.А. Амирханов** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Махачкала, Россия)**Е.П. Казаков** — доктор исторических наук (Казань, Россия)**Н.Н. Крадин** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия)**В.Л. Янин** — академик РАН, доктор исторических наук профессор (Москва, Россия)**Редакционная коллегия:****А.А. Выборнов** – доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)**М.Ш. Галимова** – кандидат исторических наук (Казань, Россия)**Р.Д. Голдина** – доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)**И.Л. Измайлов** – кандидат исторических наук (Казань, Россия)**С.В. Кузьминых** – кандидат исторических наук (Москва, Россия)**А.Е. Леонтьев** – доктор исторических наук (Москва, Россия)**Т.Б. Никитина** – доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)**Адрес редакции:**

420012 г. Казань, ул. Булterова, 30

Телефон: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru**<http://archaeologie.pro>**

Индекс 31965, каталог «ПОЧТА РОССИИ»

Выходит 4 раза в год

© ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан», 2012

© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2012

© Редколлеги журнала «Поволжская археология», 2012

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences **F.Sh. Khuzin**

Deputy Chief Editors:

Doctor of Historical Sciences **A. G. Sitdikov**

Doctor of Historical Sciences **Yu. A. Zelenev**

Executive Secretary — Candidate of Veterinary Sciences **G.Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:

R. S. Khakimov — Vice-Chairman of the Tatarstan Academy of Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation) (chairman)

Kh. A. Amirkhanov — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Dagestan Regional Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russian Federation)

E. P. Kazakov — Doctor of Historical Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

N. N. Kradin — Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation)

V. L. Yanin — Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Editorial Board:

A. A. Vybornov — Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)

M. Sh. Galimova — Candidate of Historical Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

R. D. Goldina — Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)

I. L. Izmaylov — Candidate of Historical Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

S. V. Kuz'minykh — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

A. E. Leont'ev — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

T. B. Nikitina — Doctor of Historical Sciences (V. M. Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History, Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

<http://archaeologic.pro>

© Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 2012

© Mari State University, 2012

© “Povolzhskaya Arkheologiya” Editorial Board of Journal, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	6
<i>Армарчук Е.А.</i> Новые находки расписной керамики эпохи Абхазского царства	8
<i>Бочаров С.Г., Масловский А.Н.</i> Византийская поливная керамика в городах Северного Причерноморья золотоордынского периода (вторая половина XIII – конец XIV вв.)	20
<i>Зеленева Ю.А., Зеленцова О.В.</i> Средневековая мордва по археологическим данным	37
<i>Щапова Ю.Л.</i> «Уровень сложности организации» – известная идея в основе нового научного подхода	48
<i>Шаталов В.А.</i> О проблемах и принципах классификации костяных изделий ананьинской эпохи (на примере оружия, охотничье-промыслового и конского снаряжения)	58
<i>Руденко К.А.</i> Возникновение городов в Волжской Булгарии и Булгарской области Золотой Орды (по данным археологии)	68
<i>Курочкина С.А.</i> Альбарелло нижеволжских столиц Улуса Джучи	78

Публикации

<i>Чижевский А.А., Лыганов А.В., Морозов В.В.</i> Исследования памятников археологии на острове Дубовая Грива в 2009–2010 гг.	94
---	----

Заметки

<i>Сташенков Д.А.</i> Литейная форма с Муранского селища на реке Усе	116
<i>Пигарев Е.М.</i> Редкий тип энколпиона с Селитренного городища	120

К юбилею Марины Дмитриевны Полубояриновой

<i>Зеленева Ю.А.</i> Многогранный талант исследователя	122
<i>Кокорина Н.А.</i> Знаки ремесленников на булгарских литейных формах	129
<i>Медынцева А.А.</i> Чара Владимира Давыдовича как свидетельство межкультурных контактов	144
<i>Баранов В.С., Бадеев Д.Ю., Коваль В.Ю.</i> Исследования остатков монументальной постройки к юго-западу от Соборной мечети в Болгаре	158
<i>Кубанкин Д.А.</i> Русская община золотоордынского города Укека	172

<i>Волков И.В., Губайдуллин А.М.</i> Редкие группы керамического импорта в Болгарах	190
<i>Курышова Н.П.</i> Классификация бус из кочевнических погребений золотоордынского времени	204
<i>Яворская Л.В.</i> Костные останки животных из раскопа CLXII города Болгара: некоторые новые методы обработки и оценки археозоологических материалов	216

Хроника

<i>Зеленев Ю.А.</i> Пятая Международная конференция «Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве», посвященная памяти Г.А. Федорова-Давыдова	238
Список сокращений	242
Правила для авторов	243

CONTENTS

From Editors	6
<i>Armarchuk E.A.</i> New findings of painted ceramics of the Abkhazian Kingdom epoch	8
<i>Bocharov S.G., Maslovsky A.N.</i> The Byzantine glazed ceramics in the cites of the Northern Black Sea region of the Golden Horde period (the second half of the XIII th – end of the XIV th cc.)	20
<i>Zeleneev Y.A., Zelentsova O.V.</i> Medieval mordva as per archaeological data	37
<i>Shchapova Y.L.</i> «Organization Complexity Level» is a known idea in the basis of a new scientific approach	48
<i>Shatalov V.A.</i> About problems and principles of bone goods classification of the Anan'ino era (by way of weapons, hunting equipment and harness example)	58
<i>Rudenko K.A.</i> Occurrence of cities Volga Bulgaria and Bulgars areas of the Gold Horde (according to archaeology)	68
<i>Kurochkina S.A.</i> Albarello of the Lower Volga region capitals of Dzhuchi Ulus	78

Publications

<i>Chizhevsky A.A., Lyganov A.V., Morozov V.V.</i> On the investigation of archaeological sites in the island of Dubovaya Griva in 2009–2010	94
---	----

Notes

<i>Stashenkov D.A.</i> Casting form from Muransky selishche (settlement) on the Usa river	116
<i>Pigarev E.M.</i> Rare type of panagia from Selitrenny settlement	120

Towards the jubilee of Marina Dmitrievna Poluboyarinova

<i>Zeleneev Y.A.</i> Multi-sided talent of researcher	122
<i>Kokorina N.A.</i> Signs of artisans on Bulgar casting forms	129
<i>Medyntseva A.A.</i> Cup of Vladimir Davydovich as proof of intercultural contacts	144
<i>Baranov V.S., Badeev D.Y., Koval' V.Y.</i> Exploration of remains of monumental structure in the south-west of the Cathedral mosque in Bolgar	158

POVOLZHSKAY ARKHEOLOGIYA. № 1 2012
(THE VOLGA RIVER REGION ARCHAEOLOGY)

<i>Kubankin D.A.</i> Russian community of Ukek, the Golden Horde city	172
<i>Volkov I.V., Gubaydullin A.M.</i> Rare groups of ceramic import in Bulgar	190
<i>Kuryshova N.P.</i> Classification of beads from nomad graves of the Golden Horde period	204
<i>Yavorskaya L.V.</i> Animal bone remains from excavations CLXII of Bolgar city: some new methods of archaeological-zoological materials processing and appraisal	216

Chronicle

<i>Zeleneev Y.A.</i> The Fifth International Conference «Dialogue of Urban and Steppe Cultures on the Eurasian area», devoted to the memory of G.A. Fedorov-Davydov	238
List of abbreviations	242
Rules for authors	243

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан и Марийский государственный университет предлагают вашему вниманию первый номер нового научного журнала «Поволжская археология».

На его страницах мы намерены публиковать статьи теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин (антропология, палеозоология, эпиграфика, нумизматика и др.). Мы ставим своей целью как оперативное введение в научный оборот результатов новых археологических раскопок в Поволжском регионе, так и публикацию материалов работ прошлых лет. Материалы распределяются по разделам: «Статьи», «Публикации», «Заметки», «Критика и библиография», «Хроника». Основным требованием к публикуемому материалу является соответствие его высоким научным критериям (актуальность, научная новизна и т.д.).

В последние полтора-два десятилетия в нашей стране появилось огромное количество археологических изданий, в том числе журналов и серийных сборников, отражающих активизацию полевых, особенно охранно-спасательного характера, исследований и предлагающих во многом новую интерпретацию полученных результатов. Появились такого рода издания и у нас в Казани: журналы «Татарская археология» (с 1997 г. 21 номер в 15 книгах), «Finno-Ugrica» (с 1997 г. 13 номеров в 7 книгах), сборники из серии «Археология

евразийских степей» (11 выпусков с 2007 г.) и др. Казалось бы, нет особой необходимости издавать еще один журнал. Однако это не так. Во-первых, и «Татарскую археологию» и «Финно-Угрику», держащиеся преимущественно на частной инициативе и авторитете редакторов, не удалось превратить в строго периодические издания, учитывающие потребности и специфику археологии, а также связанных с ней смежных дисциплин. Во-вторых, они так и не стали центрами контактов широкого круга специалистов, изучающих древнюю и средневековую историю обширного Поволжского региона и нуждающихся в постоянном обмене новой информацией в целях координации их дальнейшей работы. Эти задачи берет на себя наш журнал.

Поволжье и Приуралье – особая историко-этнографическая область с полиэтничным составом населения, на территории которой в эпоху древности, раннем и позднем средневековье происходили крупные исторические события, сопровождающиеся контактами многих этносов и этнических групп, разных по языку и культуре (финно-угры, тюрки, славяне). Поиски истоков их происхождения, формирования особенностей культуры некоторых из них (напр., угров и тюрков) уведут нас далеко за пределы Поволжья и Урала. Отсюда следует, что потенциальный круг авторов нашего журнала, станет, скорее всего, довольно широким. Мы надеемся увидеть среди них, кроме наших давних коллег из научных центров Поволжья и

Урала, археологов, работающих на памятниках евразийских степей, включая территории Казахстана, Украины, Молдавии, Болгарии и Румынии.

Редакция журнала постарается соблюдать принцип разумного соотношения объема публикуемых статей как по хронологии (первобытная и средневековая археология), так и по тематике (финно-угорская и тюрко-болгаро-татарская археология). Возможно даже тематическое оформление отдельных номеров, т.е. подача специальных блоков статей с включением дополнительных публикаций по другой тематике.

* * *

Первый номер журнала редколлегии единодушно решила посвятить 80-летнему юбилею Марины Дмитриевны Полубояриновой, занимающей особое место в блестящей плеяде археологов России. Значительная часть ее научной жизни, начавшейся в Великом Новгороде под руководством ее учителя А.В. Арциховского, с конца 1960-х годов в основном была посвящена археологическому изучению Волжской Болгарии и Золотой Орды, прежде всего – Великого Болгара. Благодаря трудам таких выдающихся

исследователей, как М.Д. Полубояринова, археология Волжской Болгарии достигла замечательных успехов. Общение с корифеями изучения Болгара сохраняет живую связь с предшественниками, заложившими основы успехов археологии нашего времени.

Круг ее научных интересов не замыкался на Поволжье, охватывал практически всю Восточную Европу. Тематика исследований юбилера многогранна, но оказалось возможным выделить в ней две основные линии – археология средневековой Руси и золотоордынская проблематика, соединившиеся в фундаментальном труде «Русские люди в Золотой Орде». Коллеги и почитатели Марины Дмитриевны из России и ближнего зарубежья рады поздравить ее статьями именно в рамках основных направлений ее исследовательской деятельности, ее излюбленных тем.

Среди тех, кто подготовил свои работы к знаменательному юбилею, ее близкие друзья и коллеги, ученики, продолжатели ее исследований русско-ордынских связей, и просто товарищи по работе, испытывающие к ней глубочайшее уважение, для которых участие в первом номере нового журнала большая радость и высокая честь.

НОВЫЕ НАХОДКИ РАСПИСНОЙ КЕРАМИКИ ЭПОХИ АБХАЗСКОГО ЦАРСТВА

© 2012 г. Е.А. Армарчук

Рассматривается расписная лощеная красноглиняная керамика VIII-X вв., найденная в Анакопии и на других памятниках северной части Абхазии и прилегающего к ней района города Сочи. Это небольшие или средние по размеру одноручные кувшины с узким горлом. Роспись выполнена темно-бурой краской. Орнамент состоит в основном из прямых и волнистых линий, встречается штриховка в виде косой сетки, фестоны и узоры из крапин. Анализ расписной лощеной посуды эпохи Абхазского царства с учетом новых находок из раскопок некрополя на горе Сахарная Головка и церкви у с. Веселое в 2007-2008 гг. дает возможность установить территориальные и хронологические границы ее распространения. Ареал этой керамики охватывает побережье Черного моря от устья р. Мзымты до Нового Афона. По результатам раскопок 1950–1980-х гг. она была датирована VIII–X веками, однако новые материалы позволяют ограничить этот интервал IX–X вв. Различия в технологии изготовления сосудов указывают на существование не менее двух производственных центров. Находки небольших расписных лощеных кувшинов в христианских могилах позволяют предполагать, что они использовались для хранения благовоний или елея.

Ключевые слова: археология, Кавказ, раннее средневековье, Абхазское царство, расписная керамика, орнамент, функциональное назначение сосудов.

Расписанная темной краской красноглиняная керамика, предлагаемая вниманию читателей, впервые вошла в научное обращение как полноценный археологический источник благодаря раскопкам М.М. Трапша в Анакопии, столице Абхазского царства VIII–X вв. Она была обнаружена в 1957 г. в верхних слоях башен № 3, 4 и 6 второй линии обороны крепости и в одном из верхних слоев раскопа 3. По определению Трапша, эта сделанная на круге керамика имела сравнительно хорошее тесто, ярко-красный после обжига черепок, лощение и темно-бурую роспись в виде разнообразных полос. Содержавшие ее слои М.М. Трапш датировал по сопутствующей керамике VIII–IX вв., а весь керамический комплекс считал типично местным (Трапш, 1975, с. 109,

111, 126, 137, 146, рис. 51: 2). Особенностью явилось то, что расписная посуда дошла в виде мелких единичных обломков, не дающих представления о целых формах. Было лишь ясно, что они относятся к закрытым сосудам.

О.Х. Бгажба учел анакопийскую расписную керамику при изучении гончарного ремесла средневековой Абхазии. При классификации он объединил ее с серо- и красноглиняными лощеными нерасписными кувшинами (напр., из раскопок замка Баграта в Сухуми) в группу столовой посуды 5-го типа. Его признаки – плоское дно, узкое высокое горло и овальные или плоские в сечении ручки (Бгажба, 1977, с. 21–23, табл. X, 2–5, 12). Бгажба отметил малочисленность всей лощеной посуды в абхазских материалах и ее наличие преимущественно

в слоях VIII–X вв., а также сходство с аланской лощеной керамикой этого времени. Добавлю, что приведенный им график демонстрирует наибольшее распространение лощеной керамики в слоях IX–X вв. (Бгажба, 1977, рис. 4). В итоге О.Х. Бгажба предположил, что лощеная посуда импортировалась в Абхазию извне.

В 1968–1974 гг. Ю.Н. Воронов провел археологические разведки на черноморском побережье в окрестностях Сочи и Адлера, примыкающих с севера к территории Абхазии, и в горах у Красной Поляны. Он тоже обнаружил здесь подобную керамику с бурой росписью, представленную небольшими узкогорлыми одноручными кувшинчиками и стенками других сосудов этой категории (Воронов, 1979, с. 98–99, рис. 57). Неординарность данной керамики вызвала у Воронова предположение о византийском ее происхождении, но с той оговоркой, что среди нее встречаются экземпляры с черепком, характерным для местной посуды. Он упомянул наличие «подобной» расписной керамики VIII–X вв. в Болгарии, Румынии и Северном Причерноморье, которая, на мой взгляд, отличается от восточнопричерноморской. Впоследствии Ю.Н. Воронов держался мнения, что восточнопричерноморские «кувшины с бурой раскраской» являются привозными, не указав место их изготовления (Воронов, 2002, с. 351, рис. 9: 6–9).

В дальнейшем коллекцию этой посуды дополнили, во-первых, раскопки в 1984 г. средневекового царского дворца в селе Лыхны на севере Абхазии. Автор раскопок Л.Г. Хрушкова отметила ее наличие только в нижних слоях культурных отложений во дворце и в слое его строительства, зафик-

сированном в траншее 2 и основании древнего бетонного пола помещения 2 (Хрушкова, 1998, с. 22, 27, рис. 9: 3; 17: 12). Эта керамика отличалась немногочисленностью, оранжевым черепком, росписью коричневыми (бурыми) волнистыми полосами и овальными в сечении ручками, будучи представлена только отдельными мелкими черепками и узким горлышком кувшина. Хрушкова отнесла эту посуду к VIII–IX либо IX–X вв. и предположительно к местному производству, а строительство дворца – ко второй половине X вв. (Хрушкова, 1998, с. 41, 56, 84, рис. 31: 18–20, 22). К сожалению, беглым и неиллюстрированным осталось ее упоминание о фрагментах «сосудов с красной росписью» IX–X вв. из храма в Цандрипше, поэтому они не использованы при подготовке данной статьи (Хрушкова, 1985, с. 58).

Во-вторых, пополнение дали раскопки 2007–2008 гг. у Красной Поляны в верховьях Мзымты и христианских храмов ниже по ее течению, в междуречье Мзымты и Кудепсты. Д.Э. Василенко обнаружил единичные черепки возле храма Крион Нерон, построенного во второй половине X в., затем на Леснянской II базилике, возведенной между VIII и X вв., и у центрального сооружения Ачипсинской крепости. Два целых кувшинчика происходят из погребений внутри крепости (материал готовится к публикации) (Василенко, 2009, с. 29; 2010, с. 76–78; 2011, с. 165; Василенко, Верещагин, 2012, с. 284–286).

Два одноручных кувшинчика найдены на г. Сахарная Головка. Первый находился в верхнем потревоженном слое северного склепа храма, пере-

крытом камнями из разрушенных стен (рис. 1). Изготовлен на круге, поверхность и черепок оранжевого цвета. Имеет плоское дно, каплевидное тулово, узкое горло и чуть расширенное устье с простым краем-венчиком. Переход к горлу плавный, плечики покатые. Тулово 11-гранное, но без резких ребер, как бы обструганное ножом или иным инструментом. Его максимальный диаметр приходится на середину высоты. Ручка петельчатая, круглая в сечении, крепится к середине горла и плечикам. Диаметр дна составляет 5, тулова – 8, венчика – 2,5 см, высота кувшинчика равна 15 см. От верха горла до верха тулова сосуд расписан вертикальными, радиально расходящимися волнистыми линиями, пересекающимися прямыми горизонтальными концентрическими – одну вверху, вторую внизу. Третья горизонтальная линия проходит на середине высоты орнаментированной зоны. Роспись нанесена темно-коричневой (бурой) краской, ширина кисти 2 мм.

Второй кувшинчик стоял слева у головы погребенного на некрополе возле храма, в погр. 23 у подножья апсиды (Армарчук, 2011, с. 255–257, рис. 19). Изготовлен на круге, поверхность и черепок оранжево-красные. Формовочная масса с примесью мелких черных и коричневых (минеральных?) включений. Имеет плоское дно, приземистое, немного асимметричное грушевидное тулово и высокое цилиндрическое горло. Венчик отбит. Ручка крепится к плечикам и середине горла, в сечении прямоугольная, со скругленными ребрами. Максимальный диаметр тулова падает на середину его высоты. Высота сосуда 18,5 см; высота горла не менее 8 см, его диаметр 3 см; диаметр тулова 12, а дна – 8

см. Верхняя часть сосуда – горло, плечики и верх тулова – аналогично расписана вертикальными волнистыми радиальными линиями (рис. 2). Ниже горла их число удвоено, и эта зона ограничена одинарными прямыми линиями, – верхняя горизонтальная проведена в основании горла, а нижняя неаккуратно, по спирали нанесена с наклоном от экватора тулова. Роспись сделана темно-бурой краской, ширина кисти 4–6 мм. Сопутствующих вещей в погребении не было.

Композиция и элементы рисунка на обоих сосудах одинаковы, сами они имеют близкие размеры и схожее тесто, что в совокупности позволяет считать их одновременными и, возможно, сделанными в одном керамическом центре. Различие заключается в их форме и качестве росписи, – у кувшинчика из склепа она более тщательная, сделана тонкой кистью, а его форма отличается изяществом. Вероятно, эти сосуды изготовлены разными мастерами или в разных мастерских. Аналогичную по композиции роспись, форму и граненое тулово имеет кувшинчик из Аибги, но он разрисован прямыми линиями (Воронов, 1979, рис. 57: 2). Роспись подобными волнистыми линиями видна на керамике из Ачипсинской крепости, Анакопии и Лыхны, но построение рисунка на ней остается неясным из-за фрагментарности материала (Воронов, 1979, рис. 57: 4–28). Исключением является горлышко кувшина из лыхненского дворца, которое абрисом и декором повторяет горла сосудов с Сахарной Головки (Хрушкова, 1998, рис. 31: 19).

Храм на Сахарной Головке построен между IX–X вв., захоронения в склепе делались в период его функци-

онирования. Верхнюю дату существования комплекса, не выходящую за XII–XIII вв., дают захоронения на некрополе (Армарчук, 2010, с. 192). Это ограничивает датировку найденной там расписной посуды IX–XII вв., но предпочтительнее относить ее к IX–X (XI) вв., учитывая отсутствие такой посуды в курганах и поселениях XII–XIII вв. на данном участке побережья.

Наконец, последние четыре находки расписной керамики происходят из раскопок христианского храма у с. Веселое под Адлером в 2010–2011 гг. Храм состоит из наоса с 4-столпным ядром и тремя апсидами, и нартекса, с трех сторон к нему примыкают открытые притворы. Архитектурно-строительными признаками он объединяется с абхазскими и аланскими храмами IX–XI вв., имея своеобразные черты, в том числе капитальный колодец, примыкающий к храму с юго-запада. Разнообразные находки включают специфические предметы (кресты, книжную застежку), многочисленную строительную и бытовую керамику, детали резной алтарной преграды и ограниченный инвентарь погребений внутри и возле храма. Археологический материал и архитектурные признаки позволяют датировать строительство храма первой половиной X в. (Армарчук, Мимоход, 2012, с. 260; Армарчук, Мимоход, Седов, 2012).

Расписная посуда из Веселого включает одноручный кувшин из колодца¹ и три стенки кувшинов из слоя; все изготовлены на круге.

¹ Автор выражает благодарность Ю. Смирнову, расчищавшему этот сложный и трудоёмкий объект, глубокий узкий колодец, а также всему коллективу Сочинского отряда ИА РАН, работавшему

Кувшин из колодца характеризуется узким горлом диаметром 5,5 и высотой не менее 8 см, слегка расширяющимся к плечикам и отбитому венчику (рис. 3). Имеет тулово грушевидной формы, максимальный диаметр которого падает на середину высоты и равен 23 см. Высота кувшина превышала 34 см, диаметр плоского дна равен 14,5 см. Ручка крепится к середине горла и плечикам, в сечении овальная, размером 3,6 на 1,5 см. Верх кувшина и ручка были покрыты росписью темно-бурой, почти черной краской. Она отличается простой, не волнистой линией рисунка и выполнена кистью шириной до 5 мм. Излом черепка и поверхность сосуда оранжевые, в тесте хорошо заметны мельчайшие темно-серые частицы примеси, вероятно, какого-то минерала. Следы лощения не зафиксированы, но хорошо видна подправка тулова (типа обстругивания), оставившая на нем узкие вертикальные грани и не резкие ребра.

Из-за пребывания в воде большая часть рисунка сошла, но общая его композиция угадывается. На плечиках и в основании горла, то есть в двух горизонтальных зонах, двумя параллельными линиями нарисованы фестоны. Средняя зона сверху и снизу ограничена одинарными линиями, а ее свободный от рисунка фон заполнен крупными крапинами. Визуальная реконструкция вместе с промером подсказывают, что на плечиках располагалось девять фестонов, а под горлом – не менее четырех. Напротив ручки на плечиках, над нижней линией нарисованы три небольших окружности неправильной формы. Возможно, они шли вдоль всей этой линии.

на памятнике в 2011 г., особенно, Р.А. Мимоходу, А.А. Клещенко и В. Мельникову.

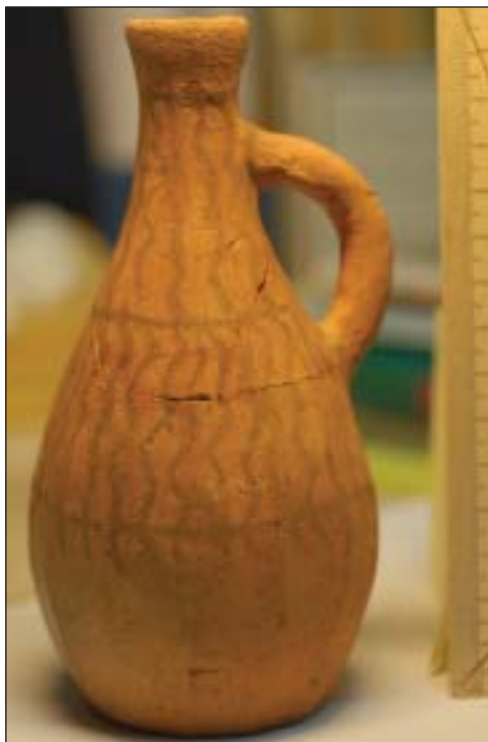

Рис. 1. Кувшинчик из северного склепа храма на г. Сахарная Головка (фото автора).

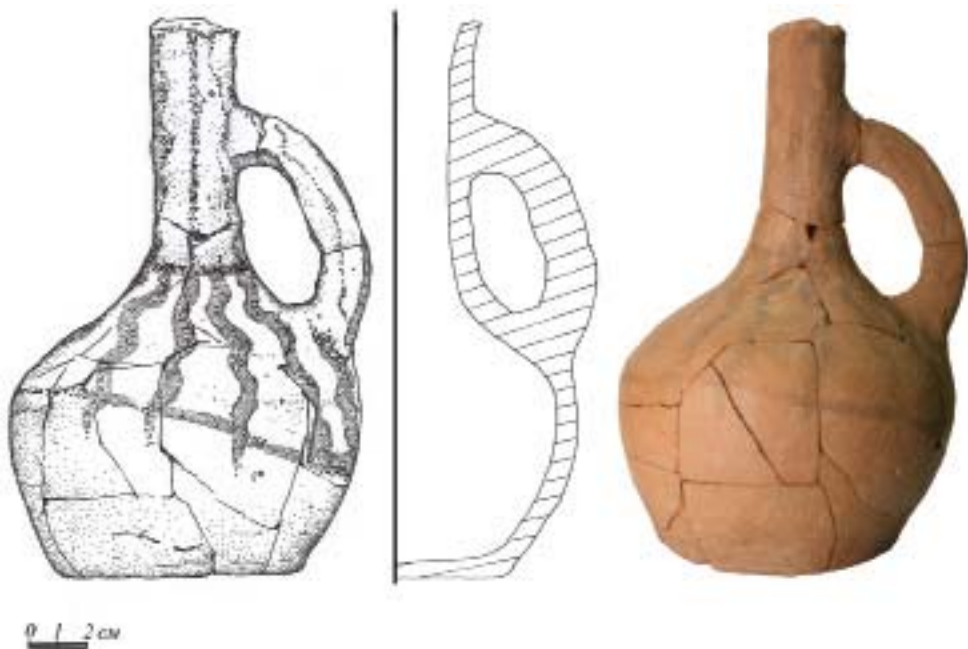

Рис. 2. Кувшинчик из погр. 23 у храма на г. Сахарная Головка (фото Д.Э. Василенко).

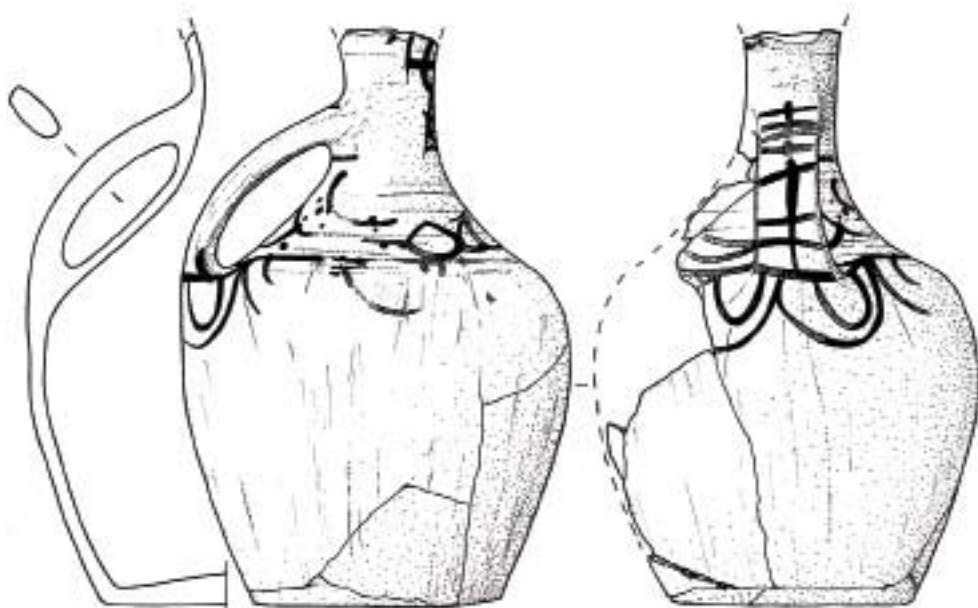

Рис. 3. Кувшин из колодца у храма у пос. Весёлое
(рис. А.И. Мищенко).

Рис. 4. Храм у пос. Весёлое. Стенка кувшина из кв. 19
(рис. А.Н. Лехничкой, фото автора).

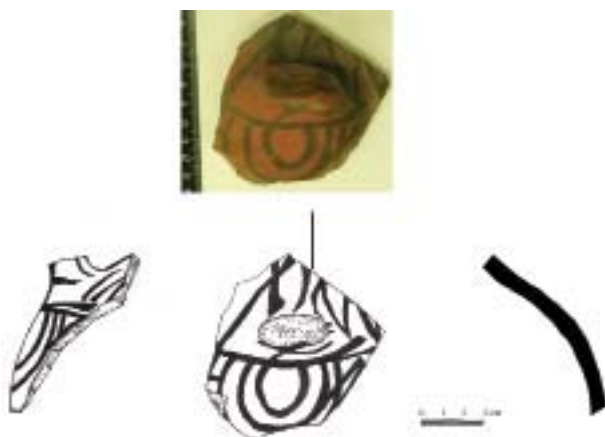

Рис. 5. Храм у пос. Весёлое. Стенка кувшина из южного борта раскопа
(рис. А.Н. Лехничкой, фото автора).

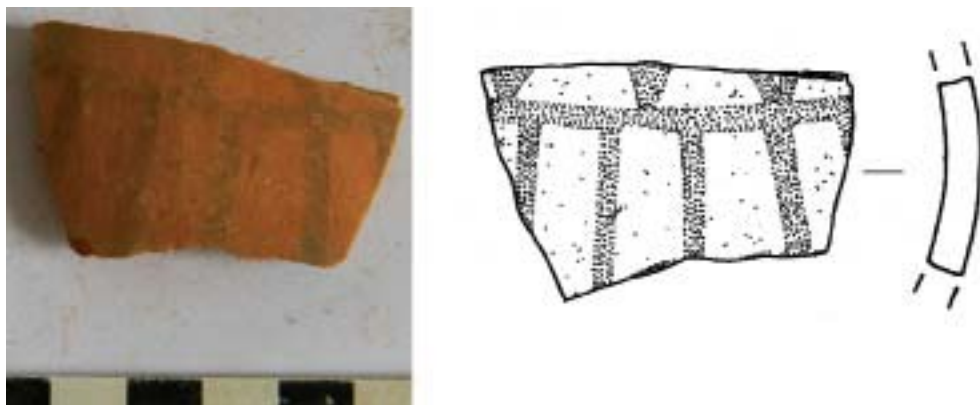

Рис. 6. Храм у пос. Весёлое. Стенка кувшина из кв.16.

Третья зона занимает горло, но здесь роспись почти не сохранилась кроме участка напротив ручки. Это три параллельных горизонтальных штриха поперек наклонных линий (косая сетчатая штриховка?). Ручка украшена семью поперечными мазками, перечеркнутыми одним прерывающимся вертикальным. Рисунок изображает многолепестковый пышный цветок, который в целом был лучше виден с верхнего ракурса. Из этого вытекает, что льющаяся из данного кувшина жидкость можно условно трактовать или воспринимать как нектар или нечто в этом роде.

Данный сосуд является первым образцом расписных «абхазских» кувшинов среднего размера (в отличие от маленьких, обнаруживаемых в средневековых погребениях Сочинского Причерноморья). Он впервые дает нам представление об их форме и орнаменте, его элементах и композиции. То, что все эти показатели могут быть одними из многих других, не умаляет значения этой находки.

Аналогичный элемент росписи, то есть фестоны, демонстрируют два других экземпляра, которые имеют насыщенный коричневато-красный черепок и темно-бурую, почти черную раскраску. Один найден в 2010 г. в перемешанном перекопом слое на квадрате 19, с юго-восточной стороны южной апсиды храма (отложения на данном участке потревожены при разборе стены на камень). Он представляет собой фрагмент плечиков кувшина диаметром 15 см, после обжига принявшего темный тон (рис. 4). Второй, стенка с корнем ручки, обнаружен в 2011 г. в переотложенном грунтоотвале с южной стороны памятника (рис. 5). По габаритам этот сосуд чуть

превышает кувшин из колодца. Реконструируемый диаметр его тулова равен 28–30 см. Ручка имеет овальное сечение размером 3,5 на 1,5 см.

На обоих фрагментах фиксируется роспись в двух горизонтальных концентрических зонах. У первого вверху нарисованы двойные фестоны с крапинами в промежутках рисунка, а нижняя зона под ними заштрихована косой сеткой. У второго черепка обратная композиция, то есть верхняя зона имеет штриховку в виде косой сетки, а в нижней зоне тремя параллельными линиями изображены фестоны (на фрагменте – один фестон). Роспись сделана такой же краской. Возможно, эти фрагменты относятся к одному сосуду. Если это так, перед нами второй пример композиции декора, которая вырисовывается следующей: в двух зонах, то есть вверху тулова и в основании горла, расположены фестоны, а между зонами плечики сосуда покрывает сетчатая штриховка.

Оба одноручных кувшина из Веселого (№№ 1 и 3), видимо, были однотипными, поскольку совпадают по тем морфологическим признакам, которые дает определить черепок. Идентичную роспись фестонами-дугами имеют мелкие обломки из Ачипсинской крепости, но композиция декора сосудов, от которых они остались, остается неизвестной (Воронов, 1979, рис. 57: 10, 17).

По просьбе автора, фрагмент из квадрата 19 с целью возможного определения области изготовления осмотрел С.Ю. Внуков, изучающий античную керамику понтийского региона и хорошо знающий продукцию из разных его областей. Он так охарактеризовал его формовочную массу: «глина

коричнево-красная, хорошо обожженная, плотная. Структура мелкозернистая, поры мелкие; обжиг равномерный, окислительный. Макропримесей немного, в основном присутствуют окатанные мелкие, менее 0,5 мм. Все светлые – беловатые или сероватые. Скорее всего, это окатанный кварц. Есть мелкие карбонатные примеси, как правило, выгоревшие («дутики»). Присутствуют единичные крупные (около 2 мм) окатанные включения. Вся примесь, видимо, естественная».

Место производства уверенно установить невозможно. Похожие керамические массы использовались на Кавказском побережье, в частности, в Абхазии. Однако точно такие очень чистые глины без искусственной отощающей примеси не часты. Обычно абхазская керамика имеет искусственную примесь песка сложного состава. Чистая масса могла использоваться только для столовой посуды. На мой взгляд, местом производства такой посуды могут быть Абхазия и, возможно, примыкающие районы Грузии и Сочинского побережья»¹.

Последним фрагментом является стенка кувшина из квадрата 16 к юго-востоку от южного притвора, из слоя некрополя (рис. 6). Она отличается коричнево-красным черепком, мелкими порами на внешней его стороне и слабым вертикально-полосчатым лощением. Относится к кувшину с диаметром плечиков 16 см. И здесь видна роспись в двух концентрических зонах, но сделанная прямыми линиями. Верхняя зона имеет штриховку в виде косой сетки, в нижней нарисованы радиально расходящиеся линии.

¹ Выражаю искреннюю признательность С.Ю. Внукову, а также Л.А. Голофаст за консультацию.

Зоны разделены одинарной горизонтальной полосой. Прямолинейная роспись данного артефакта сопоставима с рисунком на некоторых черепках из Ачипсинской крепости (Воронов, 1979, рис. 57).

Важно отметить, что только этот фрагмент сохранил лощение. Добавлю, что из погребения 17 на южном некрополе храма в Веселом происходит лощеный, но не расписной кувшинчик. Его форма и черепок почти идентичны таковым у сосуда из погребения 23 на Сахарной Головке. Тем самым новый материал подтвердил правомерность объединения лощеной и расписной посуды в одну группу, которое ранее сделал О.Х. Бгажба. Добавлю, что из слоя разрушения храма в Веселом происходит другой лощеный кувшин своеобразной выделки, которым продолжали пользоваться после того, как откололись его ручка и горло, а сколы были тщательно зашлифованы. Таким образом, в большом керамическом комплексе из Веселого, который насчитывает более 4 тысяч единиц, имеется всего три лощеных сосуда. Это не только говорит в пользу вывода Бгажбы о малочисленности лощеной посуды в средневековой Абхазии (Бгажба, 1977. С. 21–23), но и позволяет перенести это на Сочинский регион, если оперировать материалом из погребений и христианских храмов.

Сделаю обобщения.

Первое: находки расписной керамики показывают, что она изготавливалась, как минимум, в двух производственных центрах. Об этом говорят, во-первых, разный, оранжевый и коричневатокрасный черепок сосудов; во-вторых, разная краска и элементы росписи; в-третьих, разли-

чия в обработке тулова сосудов при их формовке и декоре, к которым относятся наличие или отсутствие граней, лощение. Пока эта керамика представлена только одной категорией – маленькими и средними по размеру одноручными кувшинами с высоким узким горлом. Роспись относится к контурной и располагается на сосудах горизонтальными зонами.

Второе: топография накопленного к данному времени материала очерчивает область распространения этой посуды – Абхазское царство с прилегающим к нему с севера Сочинским побережьем. Точнее, район, ограниченный на севере примерно устьем Мзымты, а на юге Новым Афоном. Ее распространение узко-локальное и почти не выходит за рамки обозначенной территории. С одной стороны, она не встречена при раскопках в Сухуми (хотя бы как ограниченно, но постоянно присутствующая керамика), а, с другой стороны, – при раскопках храма в Лоо и крепости Годлик в северной части побережья Большого Сочи, в Лазаревском районе (Овчинникова, 1997, с. 14; 2010, с. 401, рис. 7; Иванова, 1997, с. 58–61, табл. XXV–XXVI). Со слов В.А. Кузнецова, такая керамика единично присутствует на Нижне-Архызском городище. Видимо, она попала туда (как импорт?) по пути через Мзымту. Аналогии в средневековых материалах Византии и ее провинций пока не обнаружены. Возможно, будущие раскопки не только могильников и храмов, но и поселений и ремесленных объектов на черноморском побережье позволят конкретно локализовать производственные центры, выпускавшие эту продукцию.

Третье: обращает на себя внимание стабильная встречаемость рас-

писной посуды в христианских некрополях возле храмов IX–X вв., что выявлено на Адлерском побережье и в долине Мзымты. С другой стороны, напомним о ее наличии в других памятниках – Лыхненском дворце и Анакопийской крепости. Эти факты вместе с малочисленностью данной посуды показывают, что она не была массовой, широко распространенной и легко доступной, дешевой. Отсюда возникает вопрос о функциональном ее назначении. Думаю, что оно было разным и зависело от размера сосуда.

Есть мнение, что небольшие сосудики использовались для ароматических масел или специфических антисептических смесей. Такая трактовка предложена для стеклянных флаконов из погребений 3, 5 и 10 в храме Цандрипша, датированных VI в., наряду с экстраполяцией на них версии о помещении крови мучеников в погребения мучеников (Хрушкова, 1985, с. 40–41). Вместе с тем, известно давнее восприятие мелких глиняных и стеклянных кувшинчиков из средневековых захоронений на абхазском побережье (к примеру, в Вороновском храме у Цебельды и в Урбниси) как «слезниц» (Уварова, 1994, с. 24–25, 141–142, рис. 14). Много слезниц знает церковная археология Московской Руси, где они были совершенно иными, в основном, низкими поливными плошками без горла¹.

Маленькие кувшинчики, как, например, с Сахарной Головки и из некрополя храма в Веселом, возможно, служили для благовоний и тогда понятно их очень узкое горлышко, видимо, рассчитанное на медленное испарение содержимого. Этому не

¹ Выражаю благодарность О.Н. Глазуновой за консультацию.

противоречит присутствие таких кувшинчиков в могилах. Можно также предположить, что это были сосуды для освященного елея, употребляемого в церковном таинстве соборования тяжело больных. Помимо других действий исполнение этого обряда включало помазание больного елеем, к которому подмешано красное вино как символ пролитой Христом крови, для чего возле постели болящего размещали небольшой сосуд в блюде с зерном. Не могли ли в случае кончины соборовавшихся помещать в могилу эти елейницы? Вместе с тем, возлияние елея применялось и при отпевании усопшего. В связи с этим в дальнейшем целесообразно делать анализ заполнения таких кувшинчиков и внутреннего налета на их стенках.

Нарядный кувшин из колодца, если бы был найден на другом памятнике, можно принять за винный кувшин, но тогда логично ожидать в керамическом комплексе формы для питья вина, чаши и кубки. Такая посуда встречена в Лыхненском дворце наряду с обломками расписных кувшинов разного размера (Хрушкова, 1998, с. 41, 56, 79). Однако она закономерно отсутствует в храме в Веселом, как культовом памятнике, где реальнее было обнаружить специфические сосуды, напр., потиры. Вряд

ли сосуд из Веселого был обычным кувшином для воды наподобие тех, что неожиданно в большом количестве найдены в храме (Давудов, Армарчук, 2012, с. 311–312). Он резко отличен от них морфологически, по декору и имеет несколько иной черепок. Обращает на себя внимание блестящий твердый черный налет внутри сосуда (типа смоления), но он может быть вторичным, когда сосудом пользовались после того, как откололась ручка или сошла его роспись. Надо признать, что еще нет оснований для уверенной трактовки первоначальной функции этого изделия. В качестве гипотезы предположу, что в нем хранили какую-то дорогостоящую жидкость (к примеру, миро) или он играл роль статичной курильницы в отличие от кадила, которое носили во время службы.

Четвертое: хронологическая позиция. Находки расписной посуды из Веселого и с Сахарной Головки не выходят за пределы IX–X вв. У меня пока нет оснований для датировки их более ранним временем, поскольку они отсутствуют в материалах, относящихся к предшествующему VIII в., а материалов VIII в. нет в Веселом. Скорее, можно предварительно ограничить датировку расписной посуды из Веселого и с Сахарной Головки концом IX – X вв.

ЛИТЕРАТУРА

1. Армарчук Е.А. Христианский храм на горе Сахарная Головка под Адлером: планировка и строительные особенности // Архитектура Византии и Древней Руси IX–XII веков. (Тр. ГЭ. LIII). – СПб., 2010.
2. Армарчук Е.А. Раскопки христианского храма на горе Сахарная Головка под Адлером // АО 2008 года. – М., 2011.
3. Армарчук Е.А., Мимоход Р.А. Нововыявленный христианский храм X–XI веков на территории России // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. – Махачкала, 2012.

4. Армарчук Е.А., Мимоход Р.А., Седов Вл.В. Христианский храм у пос. Веселое: предварительная публикация результатов раскопок 2010 года // РА. 2012. № 3. (в печати).
5. Бгажба О.Х. Очерки по ремеслу средневековой Абхазии (VIII–XIV вв.). – Сухуми, 1977.
6. Василенко Д.Э. Погребальный обряд населения междуречья Псоу-Шахе в эпоху средневековья // Пятая Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. – Краснодар, 2009.
7. Василенко Д.Э. О времени возведения церкви у родника Крион Нерон (с. Лесное, Адлерский район р. Сочи) (к вопросу о генезисе храмов плана «croix libre» на Северном Кавказе) // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI Крупновские чтения. – Магас, 2010.
8. Василенко Д.Э. Новые данные об археологических памятниках эпохи средневековья в районе Псеашхинского перевального пути // Проблемы археологии Кавказа (К 70-летию Ю.Н. Воронова). – Сухум, 2011.
9. Василенко Д.Э., Верещагин В.В. Леснянская II базилика: некоторые вопросы истории строительства и хронологии // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. – Махачкала, 2012.
10. Воронов Ю.Н. Древности Сочи и его окрестностей. – Краснодар, 1979.
11. Воронов Ю.Н. Археологические древности и памятники Абхазии (V–XIV вв.) // Проблемы истории, филологии, культуры. – М.; Магнитогорск, 2002.
12. Давудов Ш.О., Армарчук Е.А. Керамика из раскопок храма X–XI веков у пос. Веселое // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. – Махачкала, 2012.
13. Иванова С.Н. Керамический комплекс с крепости «Годлик» // Археология, архитектура и этнографические процессы Северо-Западного Кавказа. – Екатеринбург, 1997.
14. Овчинникова Б.Б. Итоги полевых исследований Лооской археологической экспедиции Уральского государственного университета им. А.М. Горького (1987–1997 гг.) // Археология, архитектура и этнографические процессы Северо-Западного Кавказа. – Екатеринбург, 1997.
15. Овчинникова Б.Б. Лооский храм Большого Сочи // Диалог культур и народов средневековой Европы. – СПб., 2010.
16. Трати М.М. Средневековая Анакопия // Труды в 4-х томах. Т. IV. Материалы по археологии средневековой Абхазии. – Сухуми, 1975.
17. Уварова П.С. Христианские памятники // Материалы по археологии Кавказа. Вып. IV. – М., 1894.
18. Хрушкова Л.Г. Цандрипш. Материалы по раннесредневековому строительству в Абхазии. – Сухуми, 1985.
19. Хрушкова Л.Г. Лыхны: средневековый дворцовый комплекс в Абхазии. – М., 1998.

Информация об авторе:

Армарчук Екатерина Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН, (г. Москва, Россия); earmarchuk@yandex.ru

NEW FINDINGS OF PAINTED GLAZED CERAMICS OF THE ABKHAZIAN KINGDOM EPOCH

E.A. Armarchuk

The painted polished red-clay ceramic items of the 8th –10th centuries, found on the Anakopia and other sites of Northern Abkhazia and the adjoining district of the city of Sochi are considered in the article. These are small and medium sized single-handled narrow-necked jugs. The painting is made in dark brown paint. The ornament consists mainly of straight and wavy lines; hatching in the form of oblique grids, braids and patterns of specks occur. Taking into account the new finds made during the 2007–2008 excavations of the necropolis on the Sakharnaya Golovka Mountain and of the church near Veseloye village, the analysis of painted polished ware of the Abkhazian Kingdom epoch makes it possible to determine its territorial and chronological distribution limits. The area of this pottery covers the Black Sea coast from the mouth of the Mzymta river to New Athos. Based on the results of the 1950–1980s excavations, it has been dated to the 8th –10th centuries; however, the new materials allow restricting the interval to the 9th –10th centuries. The differences in the vessels manufacturing technology indicate the presence of at least two production centers. The small painted burnished jars discovered in Christian graves suggest that they had been used to store incense or chrism.

Keywords: archaeology, the Caucasus, the Early Middle Ages, the Abkhazian Kingdom, painted ceramics, ornament, functionality of vessels.

REFERENCES

1. Armarchuk, E. A. 2010. In *Arkhitektura Vizantii i Drevnei Rusi IX–XII vekov (Architecture of Byzantium and Ancient Rus', 9th–12th Centuries)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Proceedings of the State Hermitage Museum) LIII. Saint Petersburg, 180–195 (in Russian).
2. Armarchuk, E. A. 2011. In *Arkheologicheskie otkrytiia 2008 goda (Archaeological Discoveries in 2008)*. Moscow, 255–257 (in Russian).
3. Armarchuk, E. A., Mimokhod, R. A. 2012. In *Noveishie otkrytiia v arkheologii Severnogo Kavkaza: issledovaniia i interpretatsii. XXVII Krupnovskie chteniia. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (The Latest Archaeological Discoveries in the Northern Caucasus: Research and Interpretations. The 27th Krupnov's Readings. Proceedings of the International Scientific Conference)*. Makhachkala: "Mavraev" Publ., 260–261 (in Russian).
4. Armarchuk, E. A., Mimokhod, R. A., Sedov, V. I. 2012. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (3), in print (in Russian).
5. Bgazhba, O. Kh. 1977. *Ocherki po remeslu srednevekovoi Abkhazii (VIII–XIV vv.) (Essays on Crafts in Medieval Abkhazia (8th – 14th Centuries))*. Sukhumi: "Alashara" Publ. (in Russian).
6. Vasilinenko, D. E. 2009. In *Piataia Kubanskaia arkheologicheskaia konferentsiia (5th Kuban Archaeological Conference)*. Krasnodar: Kuban State University, 27–31 (in Russian).
7. Vasilinenko, D. E. 2010. In Muzhukhiov, M. B. (ed.). *Problemy khronologii i periodizatsii arkheologicheskikh pamiatnikov i kul'tur Severnogo Kavkaza (Problems of Chronology and Periodization of the Archaeological Sites and Cultures of Northern Caucasus. The 26th Krupnov Readings on the Archaeology of the Northern Caucasus)*. Magas: "Pilgrim" Publ. (in Russian).
8. Vasilinenko, D. E. 2011. In Skakov, A. Yu. (ed.). *Problemy arkheologii Kavkaza (k 70-letiiu Yu. N. Voronova) (Issues of the Archaeology of the Caucasus: in Honor of the 70th Anniversary of Yu. N. Voronov)*. Sukhum: The Abkhazian Academy of Sciences, the D. I. Gulia Abkhazian Institute for Research in the Humanities (in Russian).
9. Vasilinenko, D. E., Vereshchagin, V. V. 2012. In Gadzhiev, M. S. (ed.). *Noveishie otkrytiia v arkheologii Severnogo Kavkaza: issledovaniia i interpretatsii. XXVII Krupnovskie chteniia. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (The Latest Archaeological Discoveries in the Northern Cau-*

casus: Research and Interpretations. The 27th Krupnov's Readings. Proceedings of the International Scientific Conference). Makhachkala: "Mavraev" Publ., 284–287 (in Russian).

10. Voronov, Yu. N. 1979. *Drevnosti Sochi i ego okrestnostei (Antiquities of Sochi and Its Surroundings)*. Krasnodar: "Krasnodarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

11. Voronov, Yu. N. 2002. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Issues of History, Philology, and Culture)* 12. Moscow; Magnitogorsk: Magnitogorsk State University, 334–362 (in Russian).

12. Davudov, Sh. O., Armarchuk, E. A. 2012. In Gadzhiev, M. S. (ed.). *Noveishie otkrytiia v arkhologii Severnogo Kavkaza: issledovaniia i interpretatsii. XXVII Krupnovskie chteniia. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (The Latest Archaeological Discoveries in the Northern Caucasus: Research and Interpretations. The 27th Krupnov's Readings. Proceedings of the International Scientific Conference)*. Makhachkala: "Mavraev" Publ., 311–313 (in Russian).

13. Ivanova, S. N. 1997. In *Arkheologiia, arkhitektura i etnograficheskie protsessy Severo-Zapadnogo Kavkaza (Archaeology, Architecture and Ethnographic Processes in the North-Western Caucasus)*. Yekaterinburg, 58–68 (in Russian).

14. Ovchinnikova, B. B. 1997. In *Arkheologiia, arkhitektura i etnograficheskie protsessy Severo-Zapadnogo Kavkaza (Archaeology, Architecture and Ethnographic Processes in the North-Western Caucasus)*. Yekaterinburg, 7–33 (in Russian).

15. Ovchinnikova, B. B. 2010. In Musin, D. A., Khvoshchinskaia, N. V. (eds.). *Dialog kul'tur i narodov srednevekovoi Evropy. K 60-letiiu so dnia rozhdeniia E. N. Nosova (Dialogue of Cultures and Peoples in Medieval Europe. Towards E.N. Nosov's 60th Anniversary)*. Saint Petersburg: "Dmitrii Bulanin" Publ., 396–410 (in Russian).

16. Trapsh, M. M. 1975. In *Trudy v 4-kh tomakh (Works in 4 vols.) IV. Materialy po arkhologii srednevekovoi Abkhazii (Materials on the Archaeology of Medieval Abkhazia)*. Sukhumi: "Alashara" Publ. (in Russian).

17. Uvarova, P. S. 1894. *Khristianskie pamiatniki (Christian Monuments)*. Series: Materialy po arkhologii Kavkaza, sobrannnye ekspeditsiiami Imperatorskogo Moskovskogo Arkheologicheskogo Obshchestva, snariazhennymi na Vysochaishe darovannye sredstva (Materials on the Archaeology of the Caucasus Collected by the Expeditions of the Imperial Moscow Archaeological Society Organized by Royal Authority) IV. Moscow (in Russian).

18. Khrushkova, L. G. 1985. *Tsandriph. Materialy po rannesrednevekovomu stroitel'stvu v Abkhazii (Tsandriph: Materials on the Early Medieval Construction in Abkhazia)*. Sukhumi: "Alashara" Publ. (in Russian).

19. Khrushkova, L. G. 1998. *Lykhny – srednekovyi dvortsovyi kompleks v Abkhazii (Lykhny – Medieval Palatial Complex in Abkhazia)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

About the Author:

Armarchuk Ekaterina A. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; katherine-ar@rambler.ru

**ВИЗАНТИЙСКАЯ ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА
В ГОРОДАХ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ
ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ПЕРИОДА
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIII – КОНЕЦ XIV ВВ.)¹**

© 2012 г. С.Г. Бочаров, А.Н. Масловский

В статье дана характеристика поливной керамики византийского происхождения, найденной в городах Северного и Северо-Восточного Причерноморья золотоордынского периода (вторая половина XIII – конец XIV вв.). Рассматриваются материалы из городских центров Крыма (Солхат, Судак, Каффа, Херсонес, Чембало), Приазовья (Азак) и низовьев Дона и Кубани. Сформулированы используемые принципы классификации керамики. На их основании выделено шесть основных групп византийского керамического импорта. Для каждой группы дано описание морфологических и технологических признаков, способов и мотивов орнаментации, указаны хронологические рамки поступления в регион. Сделаны выводы о степени распространения и значении различных групп византийской поливной керамики в городах Северного Причерноморья.

Ключевые слова: археология, Северное Причерноморье, средние века, золотоордынские города, поздневизантийский керамический импорт, хронологические этапы, техника и технология производства, методика классификации.

Золотоордынские городские центры Северного Причерноморья, такие как Азак (Тана) с его округой в устье Дона, города Крымского полуострова (Солхат, Судак, Каффа, Кырк-Ер, Чембало, Алустон, Херсонес и др.) и устья Кубани, одновременно являлись в мировой торговой системе северо-восточной окраиной Средиземноморья (рис. 1: 1). Этот регион длительное время был связан с Византийской империей, частично входя в ее состав, частично поддерживая интенсивные торговые связи с ней. Это не могло не сказаться на многих аспектах материальной культуры этих центров, в том числе и на составе поливной керамики, используемой населением.

Для изучения поздневизантийской поливной керамики значение материалов этого региона очень велико. Они позволяют существенно уточнить хронологию ее производства. Многие городские центры в Северном Причерноморье существовали непродолжительное время, причем значительная часть находок происходит из закрытых комплексов. Особенно выделяется их количеством золотоордынский город Азак, где удалось проследить динамику изменения площади города в течение всего периода его существования (рис. 1: 2).

Большинство таких комплексов в этом городе представляют собой округлые в плане погребя (рис. 1: 3–8),

¹ Работа выполнена при поддержке российско-украинского гранта ДФФД України (проект № Ф40.5/002 «Полив'яний посуд Південно-Східного Криму в системі керамічного виробництва середньовічного Причорномор'я») и РФФИ (проект № 11-06-90401 а_Укр «Поливиная посуда Юго-Восточного Крыма в системе керамического производства средневекового Причерноморья»).

которые, после того как приходили в негодность или при перепланировках усадеб, забрасывались мусором. Их заполнение происходило за очень непродолжительный отрезок времени, как правило, в течение 1–2 лет. Это хорошо фиксируется по завалам глины (рис. 1: 5–6), которые образовывались в дождливые сезоны и по хорошо сохранившимся следам от землекопных орудий на стенках ям (рис. 1: 7). Благодаря этим комплексам, в нашем распоряжении много археологически целых находок поливных сосудов.

Кроме обильных находок керамики, здесь также часто встречаются медные золотоордынские монеты. Даже если на монете нет года чеканки, на них присутствуют постоянно сменявшиеся эмблемы. Срок обращения медной монеты, в первом приближении, был невелик (Федоров-Давыдов, 2003, с. 36–39). В нумизматике Золотой Орды выделены сотни типов медных монет – пулов, в т.ч. в Азове встречено свыше 200 типов (Фомичев, 1981, с. 219–241). Но огромное большинство находок из Азака относится всего к примерно 20 типам (рис. 1: 8–21), которые позволяют выделить среди керамического комплекса следующие хронологические этапы: 1 этап – последняя четверть XIII – первое десятилетие XIV в. (рис. 1: 8–10), 2 этап – 1320-е годы (рис. 1: 11), 3 этап – 1330–1340-е годы (рис. 1: 12–13), 4 этап – 1350-е годы (рис. 1, 14–15), 5 этап – 1360–1370-е годы (рис. 1, 16–18), 6 этап – 1380–1390-е годы (рис. 1, 19–21). Раскопки недолго существовавшего поселения Семеновская крепость (Кабарди – итальянских портоланов), где найдены византийские монеты, позволили выделить еще один хронологический

этап – третья четверть XIII в. (Волков, 2005, с.136–138). Этот этап в Азаке представлен единичными комплексами (Масловский, 2006а. С.268–293).

Таким образом, можно датировать находки керамики из Азака в пределах временных интервалов 10–15 лет. Материалы Азака позволяют уточнить датировку многих материалов из раскопок городов Крыма, в частности, Херсонеса, где закрытых комплексов значительно меньше, но и они, как правило, содержат примесь более ранних материалов. Находки же из культурного слоя, даже при самых тщательных раскопках, всегда содержат смесь разновременных артефактов. Часто в поздних слоях ранние по времени материалы могут составлять большинство. Так, например, в Азаке в комплексах XVIII в. большая часть находок относится к XIV в. Только в последнее время стали выявляться материалы из недолго существовавших поселений, которые могут быть датированы в пределах коротких хронологических отрезков (Бочаров, 2007, с. 12–17).

Золотоордынский Азак является местом, где встречаются изделия очень разных по своему происхождению и традициям гончарных центров – Византии, Юго-Восточного Крыма (Каффа, Солхат, Судак), самого Азака и Нижнего Поволжья, а также более удаленных центров Италии, Ближнего Востока, Средней Азии (Масловский, 2006б, с. 340–461). Анализ этих материалов показал ущербность широко распространенной системы классификации красноглиняной керамики по стилю и технике орнаментации. При такой методике в одном таксоне объединяется продукция самых различных, подчас очень удаленных друг

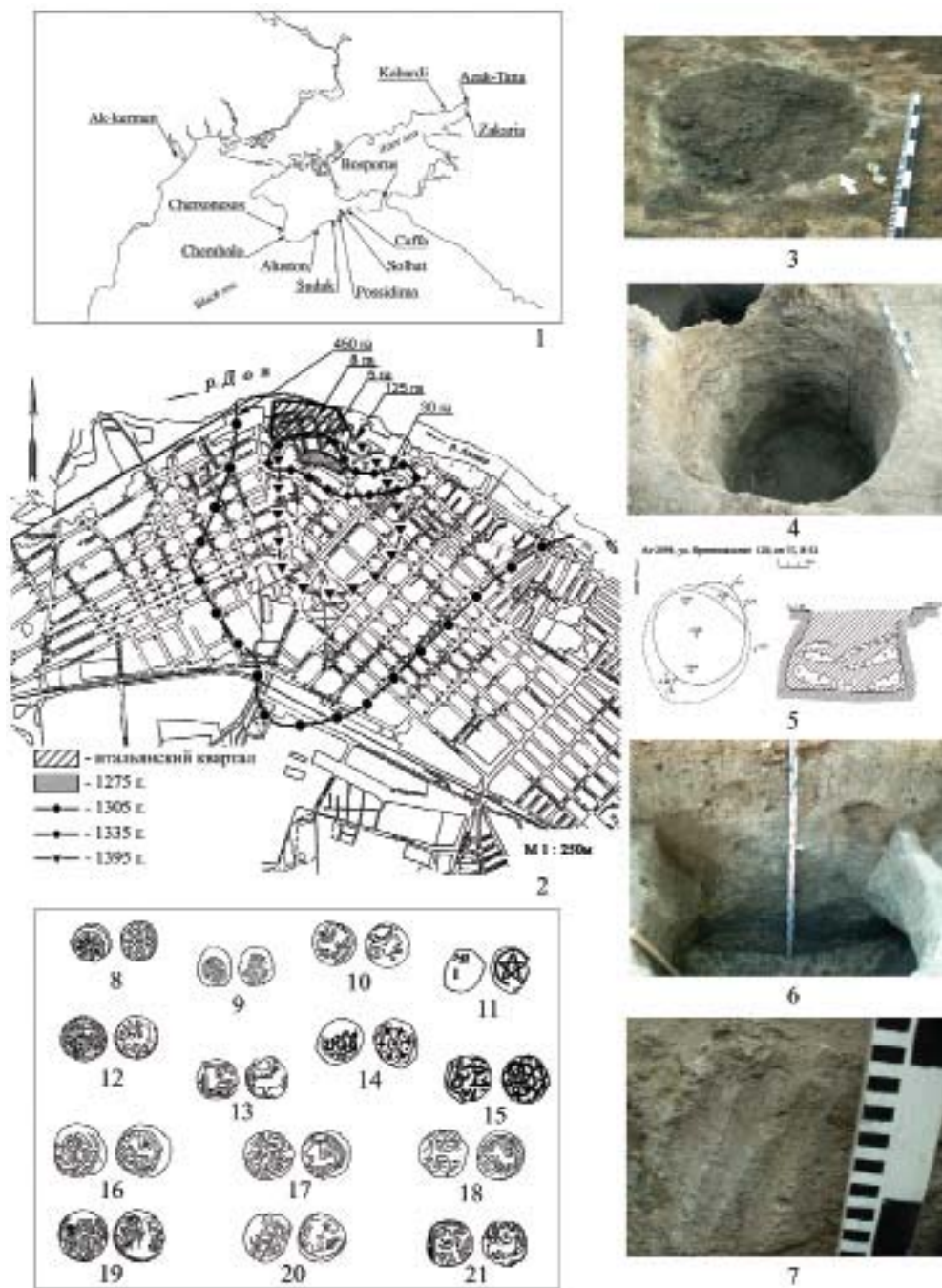

Рис. 1.

1. Карта Северного Причерноморья с местами находок византийской поливной керамики. 2. Карта городища золотоордынского Азака с указанием его границ в различные хронологические периоды. 3-7. Закрытые комплексы из раскопок золотоордынского Азака. 8-21. Наиболее распространённые в Азаке типы медных монет, используемые для датировки закрытых комплексов.

от друга центров, и часто разновременная. В итоге неверные датировки дают основания к неправильным выводам об эволюции и взаимовлиянию гончарных производств.

При исследовании керамики использовались методические разработки А.А. Бобринского (1978), которым разработаны аналитические приемы выявления признаков использованных древними гончарами технологий, начиная с общего технического уровня до особенностей отбора сырья и режима обжига. Этот анализ позволяет выделять на основе визуально фиксируемых признаков продукцию отдельных гончарных мастерских, а также во многих случаях установить степень генетического родства между этими гончарными мастерскими.

Для дальнейшей классификации керамических материалов используется система с пятью уровнями членения, предложенная в работах И.В. Волкова (2005, с. 131–135). Таксоны первого уровня – «группы» – объединяют продукцию одной или нескольких близкородственных гончарных мастерских. Их выделение происходит на основании анализа технологических особенностей изготовления сосудов, которые могут быть определены визуально. Один гончар для изготовления разных сосудов мог использовать различные технологии, поэтому на втором уровне классификации сосуды, изготовленные в одной мастерской, но с применением различных технологических приемов, группируются в «отделы». Третий уровень классификации – «виды» – объединяет сосуды с одинаковым функциональным назначением, сходные по форме и размерам. Четвертый уровень классификации – «тип»

– объединяет изделия с одинаковыми деталями профилировки и размерами. Пятый – «серия» – объединяет изделия с одинаковой орнаментацией.

Поскольку поливная керамика в различных регионах производилась примерно на одном технологическом уровне, то для ее классификации наиболее существенно установить особенности изготовления поддона чаш, наиболее массового вида поливных сосудов. В отличие от формы сосуда и элементов орнамента, которые могли копироваться по готовым образцам, техника изготовления поддона не копировалась. Эти навыки мастера гончары передавали от учителя к ученику.

Византийские гончары для изготовления поддона использовали массивную заготовку, которую наклеивали на уже готовое изделие. В подошве будущего поддона выбиралась выемка, поверхность которой обычно хорошо заглаживалась мокрой рукой. Образовавшаяся полость имеет в сечении сегментовидную, реже трапециевидную со сглаженными контурами форму. На материалах Северо-Восточного Причерноморья хорошо прослеживается постепенная эволюция профилировки поддона (рис. 2: 1–10). Она идет от широкого низкого поддона с мелкой выемкой к более высокому и узкому поддону с более глубокой выемкой, затем выемка становится сложнопрофилированной, а вершина поддона становится заметно тоньше подошвы и, наконец, поддон превращается в низкую ножку с глубокой полостью (рис. 2: 8–10). Многие звенья в этой эволюционной цепи длительное время сосуществовали друг с другом.

Такая технология изготовления поддона могла сохраняться в регио-

нах, «потерянных» Византийской империей, как, например, в Болгарии, но могла и исчезать, сменяясь другими традициями, как это произошло с керамикой стиля «Милет», значительная часть которой производилась в бывшей византийской Никее и, очевидно, в других Малоазийских центрах. Сосуды этой группы XV в. имеют поддон, изготовленный по очень своеобразной (Тесленко, 2005, с. 386–387), ранее не отмеченной технологии. В этом случае есть основание говорить о разрыве традиций гончарства и о появлении пришлой группы гончаров. Византийская гончарная традиция, конечно же, эволюционировала, но техника изготовления поддона сохранялась.

Необходимость учитывать этот фактор при изучении керамики наглядно демонстрируют материалы Азака. Поливные чаши местного азакского производства в своем большинстве имеют поддоны, изготовленные путем налепливания готового кольца, и только одна мастерская выпускала чаши с поддоном, полость которого вырезалась косо поставленным резцом. Наиболее многочисленная в XIV в. в Северном Причерноморье керамика производства городов Юго-Восточного Крыма (Каффа, Солхат, Судак) имеет поддоны, изготовленные по разным технологическим схемам. Но ни разу не отмечены поддоны, изготовленные по византийскому образцу. Местные северопричерноморские мастера могли копировать особенности формы сосудов и отдельные орнаментальные элементы византийских образцов. Но никогда они не копировали технологию изготовления поддонов византийских мастеров.

По технике изготовления поддона продукция византийских центров

резко отличается от продукции гончарных мастерских не только Крыма и Азака, но и от изделий других центров Золотой Орды, Средней Азии и других регионов. Однако именно по этому признаку очень однородна византийская поливная керамика. И для дальнейшего разделения этого керамического комплекса на продукцию отдельных центров приходится прибегать к второстепенным признакам: цвету и фактуре черепка, природным примесям, хорошо заметным визуально, цвету и толщине использованных глазурей, толщине гравированных линий орнамента. На основании этих признаков на настоящий момент можно выделить шесть основных групп византийской поливной керамики середины XIII–XIV вв., поступавших в Северное Причерноморье. Еще несколько групп, более малочисленных, специально в данной работе анализироваться не будут.

Первая группа (рис. 2: 11–13). К ней принадлежит значительная часть находок парадных блюд с сюжетными композициями из раскопок Херсонеса. Эта серия многократно опубликована (Романчук, 2003, табл. 161, 169, 432, 449 и др.), потому не имеет смысла подробно описывать ее орнаментацию. Отдельные находки встречаются при раскопках других крымских городов и Азака. Керамика отличается формовочной массой без видимых примесей и серо-коричневым цветом обжига. Глазурь нанесена тонким слоем и имеет очень характерный оливковый оттенок. Для расцветки орнамента использовались размытые пятна и полосы коричневого или зеленого цветов. Гравировка выполнена аккуратно тонкой неглубокой линией, а изображения изобилуют деталя-

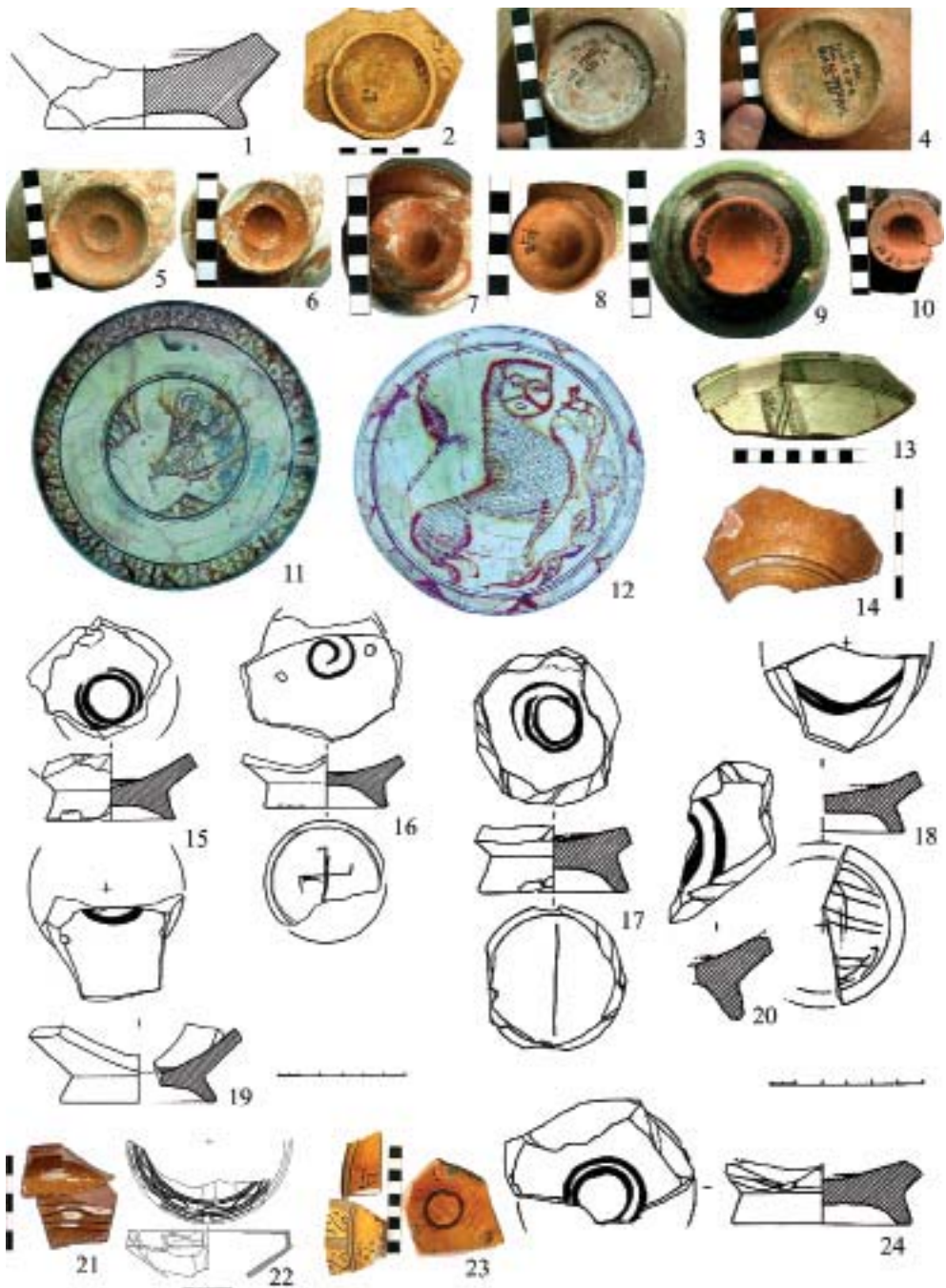

Рис. 2.

1-10. Изменение внутренней полости поддона поливных византийских чаш.

11-13. Керамика 1 группы (11-12 – Херсонес; 13 – Азак).

14-25. Керамика 2 группы (14-22, 24 – Посидима, 23 – Азак).

ми. Среди сюжетов стоящие птицы, борющиеся животные (львы, змеи, фантастические существа), всадники-змееборцы. Наиболее известны большие блюда из раскопок слоя разрушений в Херсонесе. Однако наряду с этими широко известными вещами встречаются изделия более дешевые – чаши обычного размера с сильно стилизованным растительным орнаментом. Эту керамику включают в группу «Zeuxippos ware» (Megaw, 1968, p. 68). Однако в нее А. Megaw объединил изделия очень разнородные по технологическим приемам. находки из Азака позволяют уточнить верхнюю границу бытования херсонесских блюд с сюжетными композициями. Подобная керамика поступала в Северо-Восточное Причерноморье не позднее конца XIII в. Возможно, даже не позднее начала последней четверти XIII в. И совершенно точно этой керамики нет в XIV в. Но широкого распространения эта группа керамики не получила, очевидно, будучи дорогостоящей.

Вторая группа (рис. 2: 14–24). Представляет собой хронологически первую группу византийской красноглиняной керамики, поступавшую в Северо-Восточное Причерноморье в большом количестве. Формовочная масса красно-оранжевого цвета с большим количеством мелких слюдистых чешуек. Полива интенсивно-желтого, иногда оранжевого цвета. По форме это чаши на кольцевом поддоне с выделенным бортиком, имеющим разную профилировку. Орнаментация очень ограничена. Это концентрические окружности в центре и под бортиком и одиночные волнистые линии, очень редко – сильно стилизованный растительный орнамент. Достаточно характерна роспись ангобом на внеш-

ней стороне бортика, как правило, в виде волнистой или зигзагообразной линии. В большом количестве эта керамика встречена на сельских поселениях Северного Приазовья, в наиболее ранних комплексах Азака, а также среди груза корабля, затонувшего в бухте Судака (Зеленко, 1999, с. 229, рис. 13: 1–39). Эта дешевая массовая продукция поступала в большом количестве в середине – третьей четверти XIII в. Но уже к концу XIII в. ее поступление полностью прекращается, причем в этот период она абсолютно преобладает среди поливной керамики, бытовавшей в Северном Причерноморье. К этой группе примыкает продукция еще целого ряда византийских центров, в большинстве встречающихся заметно реже, отличающаяся почти исключительно составом формовочной массы.

Третья группа (рис. 3; 4: 1–7). Эта группа византийской поливной керамики наиболее многочисленна в материалах золотоордынского Азака и его окружи (Масловский, 2010, с. 231–252). Хорошо заметна она даже в материалах такого удаленного от Причерноморья центра Золотой Орды, как Укек¹. Продукция эта очень стандартизирована. На рынок поступали большие партии сосудов, идентичных вплоть до деталей орнамента. В крымских городских центрах она не столь заметна, но здесь не столь выражены культурные слои конца XIII – первой половины XIV вв. Формовочная масса содержит примесь мельчайших слюдистых чешуек, очень мелкого песка, рыхлых коричневых частиц размером

¹ Выражаем благодарность научному сотруднику СОМК Д.А. Кубанкину за возможность ознакомиться с фондовыми материалами.

от 0,5 до 2–3 мм. Как правило, заметны продольные поры от выгоревших органических волокон длиной 1–3 мм, иногда округлые или раковинистые поры такого же размера. Цвет черепка колеблется от светло-коричневого до оранжевого. Фактура черепка мелкозернистая, он рыхлый, легко крошится. Цвет глазури колеблется от почти бесцветного до темно-оранжевого, но преимущественно встречаются сосуды с ярко-желтой глазурью. Зеленая глазурь встречается как очень редкое исключение. Для внешней стороны сосуда использовалась глазурь только светло-зеленого («салатного») цвета. Обычно она покрывает только верхнюю полосу в 2–3 см. Ангоб на внешней поверхности покрывает от 1/3 до 1/2 высоты тулова. Представлены следующие отделы поливной керамики: монохромная, с орнаментом в технике сграффито; с расцветкой пятнами глазури другого цвета; с орнаментом в технике сграффито и расцветкой пятнами глазури другого цвета.

Для орнамента сграффито использовался резец шириной 2–3 мм. Детали орнамента выделялись косой штриховкой. Для этого использовали резец шириной около 1 мм. Встречено небольшое число орнаментальных элементов. Гравировка выполнялась очень небрежно: ширина и глубина линий сильно колеблется, линии не стыкуются между собой, часто перекрывают друг друга, линии штриховки выходят за пределы контуров основных изображений. Рисунок часто асимметричный, как следствие ошибка при его разметке. За единичными исключениями техника сграффито не использовалась на внешней стороне сосуда. Достаточно часто роспись ангобом на внешней стороне сосуда,

причем преимущественно это широкие вертикальные полосы (рис. 3: 6, 11) и, как исключение, встречаются другие элементы, например, зигзаг (рис. 3: 14). Для расцветки использовалась глазурь одного цвета и, как редчайшее исключение, двух цветов. Причем, для сложных композиций практически всегда использовалась зеленая глазурь, контуры которой никогда не согласованы с элементами орнамента.

Ассортимент изделий этой группы, поступавших в Азак, наиболее разнообразен и состоял из шести видов: большие чаши, чаши, малые чаши и кубки, плоскодонные чашечки, блюда, блюдца. Есть также единичные находки обломков сосудов закрытых форм.

№ 1. Чаши. Этот вид является основным и составляет свыше 95% всех изделий. По профилировке тулова и венчика выделяется 7 типов. Наиболее многочисленны чаши с сегментовидным туловом с выделенным коротким бортиком, отогнутым наружу и вверх. Их диаметр – 15,4–16,5 см, высота – 8,0–9,0 см (рис. 3: 13, 16). Почти столь же многочисленны чаши с нижней частью тулова усечено-конической формы (рис. 3: 6, 11) у которых выделен высокий бортик загнутый внутрь и короткий прямой венчик диаметром 16,3–17,8 см. Высота таких сосудов – 8,3–10,0 см. Остальные типы малочисленны (рис. 3: 4, 5, 14, 23).

№ 2. Чаши малые и кубки. Второй по численности вид, представленный тремя типами (рис. 3: 7, 9, 12, 10, 17), среди которых многочислен только один (рис. 3: 6, 9, 12). Тулово полушарическое с невыделенным венчиком. Диаметр венчика – 10,0–12,0 см, высота – 5,5–7,0 см.

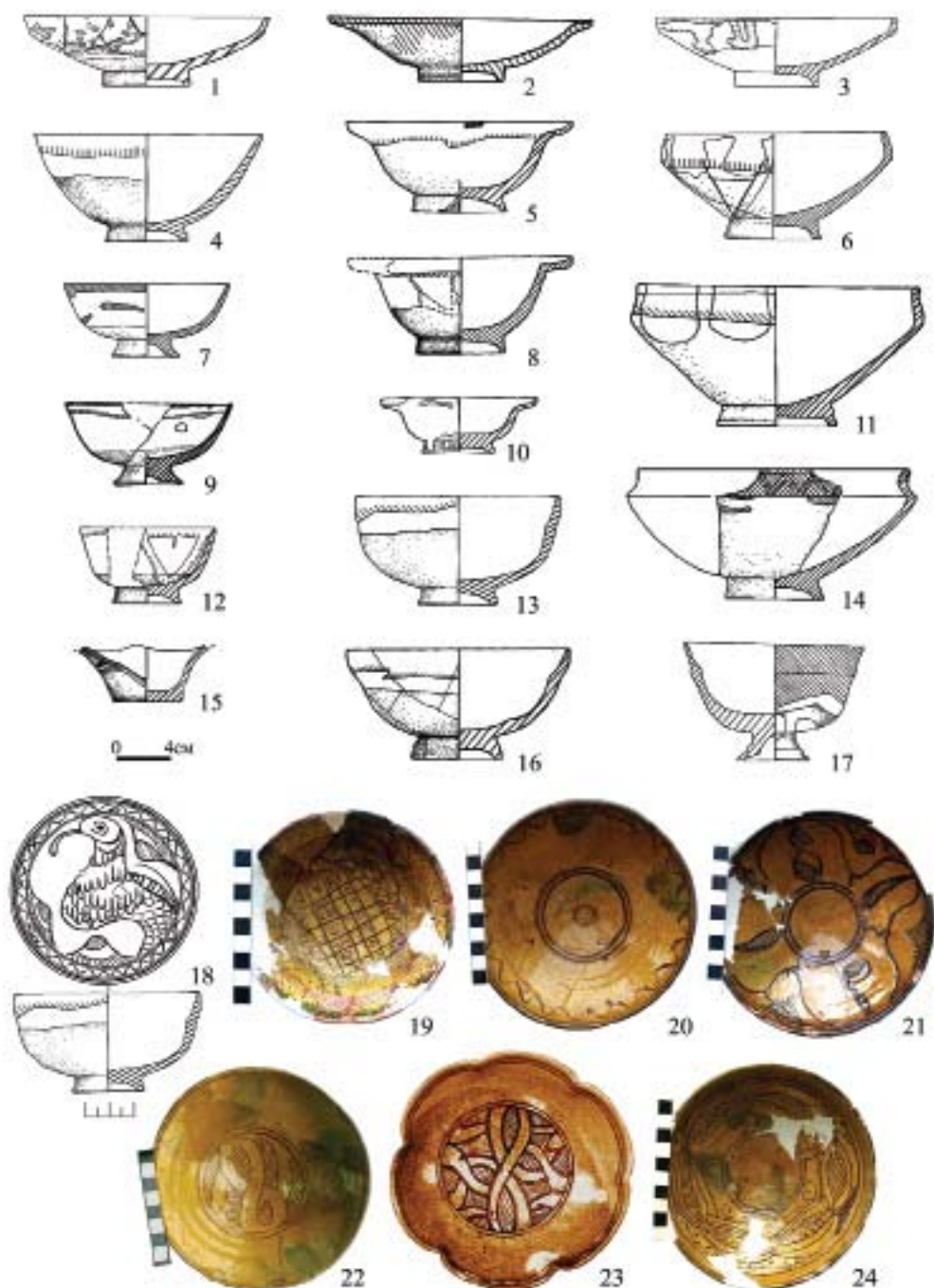

Рис. 3.
Керамика 3 группы. (1-22, 24 – Азак, 23 – Херсонес).

Четыре других вида изделий данной группы представлены крайне немногочисленными образцами.

№ 3 – большие чаши. Встречено несколько фрагментов более крупных чаш, которые, вероятно, имели иное функциональное назначение.

№ 4 – плоскодонные чашечки (рис. 3: 15; 4: 5). Известно только два фрагментированных экземпляра чашечек, имеющих колоколовидное тулово. По аналогии с более сохранными сосудами другой группы можно сказать, что диаметр венчика составлял 9–10 см, а высота около 6 см.

№ 5 – блюдца (рис. 3: 1–3). Найдено всего четыре фрагментированных экземпляра относящихся к двум различным типам, несколько различающихся профилировкой бортика. Диаметр 18–19 см.

№ 6 – блюда. Найдено всего несколько фрагментов сосудов значительно более крупного, чем вышеописанные блюдца размера. Полная форма не восстанавливается.

Орнаментация сосудов описываемой группы достаточно однообразна, если не считать немногих исключений. Орнаментальные элементы немногочисленны. Зооморфные сюжеты представлены единичными находками: например, существо, которое более всего напоминающего морского конька (рис. 3: 18) или изображение кошачьего хищника (льва?). Сосуд с изображением льва является репликой с больших парадных сосудов с сюжетными композициями первой группы.

Особняком стоит изображение на кубке (рис. 3: 19). В медальон, выделенный фестончатой линией, вписано квадратное поле, разделенное на мел-

кие клетки. В три ряда клеток вписаны мелкие окружности. Еще в один вписаны знаки.

На большинстве сосудов в центре чаши двойной линией выделен круглый медальон. Наиболее многочисленна серия сосудов, орнаментация которой этим и ограничена. Достаточно часто изображения дополнены маленькими концентрическими окружностями в центре или вдоль бортика, иногда они дополнены одиночной волнистой линией (рис. 3: 20).

Вторыми по численности сериями представлены сосуды, в которых центральный медальон становится частью более сложной композиции. Во многих случаях медальон ограничивает композицию. 1. Медальон заполняется фестончатыми линиями. 2. В медальон вписаны восьмерковидные фигуры или розетки (рис. 3: 22, 23). 3. Медальон разделен на заштрихованные клетки или клетки со вписанными спиралями (окружностями).

В других случаях композиция располагается вокруг пустого медальона. Наиболее многочисленны следующие серии. 1. Вокруг медальона расположено 3–4 лепестка различных форм и размеров (рис. 3: 21). Часто между ними расположены орнаментальные элементы в виде треугольников с вогнутыми сторонами. В некоторых случаях в них отчетливо проглядывает изображение согнутого стилизованного ростка. Последняя серия наиболее показательна в плане того, настолько велики были партии однотипной продукции поступавшей на рынок Азака. 2. От медальона расходятся ленты с вписанными в них стилизованными изображениями лоз. 3. От центра расходятся восьмерковидные фигуры

Намного реже те же орнаментальные элементы расположены вокруг центра чаши без центрального медальона (рис. 3: 24). Остальные орнаментальные мотивы редки (рис. 4: 5).

Очень многочисленна продукция с расцветкой пятнами марганца, которая относится к двум отделам. Орнамент в технике сграффито, расцвеченный пятнами марганца, всегда ограничивается концентрическими окружностями, иногда только центральным медальоном (рис. 4: 2). Сосуды, относящиеся к отделу с расцветкой пятнами глазури без сграффито почти столь же многочисленны (рис. 4: 3). И в том и в другом случаях использовались преимущественно мелкие округлые пятна более или менее равномерно распределенные по полю. Очень редко выполнялась роспись вертикальными полосами.

В отличие от сосудов с расцветкой пятнами марганца, расцветка пятнами зеленого цвета не связана с определенными орнаментами. Обычно это несколько крупных пятен, как правило, сконцентрированных на одной части сосуда. Крайне редки сосуды, орнаментация которых ограничивается пятнами зеленого цвета.

Монохромная керамика в целом не очень многочисленна. Отдельные разновидности орнамента и глазурей более или менее четко увязываются с определенными формами сосудов. Например, использование бесцветных глазурей и отсутствие орнамента характерно для чаш с горизонтально отогнутым бортиком (рис. 4: 4).

Достаточно характерной чертой поливных чаш этой группы являются граффити на внешней стороне поддона (рис. 4: 6). Ни на одной другой

группе керамики они не встречаются так часто.

Начало импорта этой группы относится к концу или третьей четверти XIII в., окончание – примерно к середине XIV в. К концу первой четверти XIV в. она почти полностью вытесняет другую красноглиняную византийскую поливу. В этот период ее доля может достигать свыше 50% всей поливной керамики в комплексе. Длительное время, на протяжении конца XIII – первой трети XIV в., эта керамика составляет серьезную конкуренцию на рынке Азака для куда более близко расположенных гончарных центров Юго-Восточного Крыма. В комплексах с монетами 1336/7 г. она примерно в два раза уступает последней по численности. К середине XIV в. ее импорт в Азак прекратился, но, разумеется, отдельные сосуды продолжали еще некоторое время использоваться в быту.

В конце XIII – XIV вв. в Северное Причерноморье поступала в небольшом количестве продукция еще ряда центров. По своей орнаментике и морфологии они существенно не отличаются от продукции 2 и 3 групп. Относительно 2 и 3 групп керамики высказано предположение о поступлении их с территории Трапезундской империи (Волков, 2004, с. 289). Данное предположение мы находим наиболее вероятным.

Четвертая группа (рис. 4: 7–11) объединяет светлоглиняную керамику с примесью дресвы в формовочной массе. Керамика очень тонкостенна (3–4 мм) с четкими волнами от вытягивания. Часто изделия имеют двуцветный в изломе черепок – бежевый и розовый. Подавляющее большинство

Рис. 4.

1-6. Керамика 3 группы (Азак). 7-11. Керамика 4 группы (Азак).
12-15. Керамика 5 группы (12 – Каффа, 13-15 – Азак).

находок относится к двум видам кухонной посуды, покрытой глазурью, нанесенной по черепку на внутреннюю поверхность.

1 вид – горшки разнообразной профилировки и размеров с одной или двумя ручками (рис. 4: 9–10). Целых сосудов склеено немного, но даже по этим образцам можно говорить о большом морфологическом разнообразии сосудов этого вида.

2 вид – низкие котлы с четырьмя симметрично расположенными ручками (рис. 4: 11). В отличие от горшков, сосуды однотипны и встречаются на порядок реже.

Столовая керамика встречается редко. Она представлена двумя видами кувшинов, которые также покрывались глазурью по черепку. Одноручные кувшины имели слив. Двуручные кувшины имели характерное расширение на средней части горла (рис. 4: 8). Более подробную морфологию из-за малого числа находок дать невозможно. Достаточно характерна орнаментация в виде росписи вертикальными полосами ангоба (рис. 4: 8). Впрочем, такая орнаментация отмечена и на поливных кувшинах других групп византийского производства. В крайне небольшом количестве представлена также керамика отдела сграффито (рис. 4: 7). Она, несмотря на светлый цвет черепка, все же покрывалась ангобом. Встречены кувшины и чаши. При этом профилировка кольцевого поддона чаш точно такая же, как и на изделиях других византийских центров.

Сосуды этой группы поступали в Северо-Восточное Причерноморье на протяжении почти всего золотоордынского периода, за исключением последней четверти XIV в. Однако ди-

намика ее поступления и ассортимент изделий существенно менялись. Пик ее импорта приходится на первую треть XIV в. В это время на отдельных участках она может составлять до 10–15% всей поливной керамики. За пределами Азака она отмечена в материалах из раскопок Чембало и окрестностей Херсона. Обычно же она из-за фрагментированности остаётся вне пределов публикаций.

Пятая группа по сравнению с тремя предыдущими сравнительно малочисленна (рис. 4: 12–15; 5: 1–2). Это явно более дорогостоящая по сравнению с ними посуда. Тем не менее, она проникала даже на сельские поселения. Черепок сосудов однородный, почти без видимых примесей, имеет кирпично-красный цвет, сравнительно толстый – 6–7 мм. Глазурь покрывает сосуды с обеих сторон. На внутренней поверхности глазурь нанесена по черепку, на внешней – по ангобу. Сосуды сплошь покрыты орнаментом сграффито. При этом в орнаментальных схемах присутствует ряд устойчивых элементов – «сельджукская цепь», «шахматная клетка», иногда со штриховкой, вертикальные или косые полосы, круглые спирали в 2–3 оборота, криволинейные заштрихованные треугольники и другое.

подавляющее большинство находок – кувшины со специфической профилировкой нижней части тулова (рис. 4: 12). Редки кувшины других форм (рис. 4: 15). Единичны фрагменты фигурных водолеев (рис. 4: 13) и блюдца. Изделия явно подражают металлической посуде, что хорошо заметно по наличию псевдозаклепок и фигурных налепов (рис. 4: 14–15). Иногда ручка действительно крепилась на пробой и фиксировалась на

внутренней стороне глиняной заклепкой (рис. 5: 2). Также очевидно, что форма водолея копировала металлические образцы. Исследователи связывают эту керамику с палеологовским стилем и влиянием латинских образцов (Крамаровский, 1996, с. 102–103, рис. 2: 3). В Северном Причерноморье эта керамика широко распространена (Кравченко, 1986, с. 113–114, рис. 41: 9, 10; Романчук, 2003, с. 89–93, табл. 73–78) и поступает с конца XIII в. до 40-х годов XIV в.

Шестая группа (рис. 5: 3–13) – последняя по времени появления группа византийской керамики в Северо-Восточном Причерноморье. Она отличается тонкостенностью сосудов – 3–4 мм. Черепок, как правило, кирпично-красного цвета. Единственной заметной устойчивой примесью в формовочной массе являются очень редкие частицы мелкой дресвы. Ассортимент представлен пятью видами. 1 вид – чаши на низкой ножке (рис. 5: 12–13). 2 вид – небольшие чашечки с сегментовидным туловом на низкой ножке (рис. 5: 5–10). Диаметр венчика 10–12 см. Высота – 5–6 см. 3 вид – плоскодонные чаши колоколовидной формы. Диаметр венчика – 15–16 см. Высота – 8 см. 4 вид – плоскодонные чашечки колоколовидной формы (рис. 5: 3–4). Диаметр венчика около 10 см. Высота – 6 см. Диаметр дна – 4,0–4,5 см. 5 вид – небольшие блюда (рис. 5: 11). Диаметр венчика около 23 см.

Орнаментация изделий достаточно стандартна и тщательно выполнена. Причем с разными видами изделий связаны свои орнаментальные схемы. Число серий ограничено. На маленьких питьевых чашечках на ножке встречаются изображения барса (льва?) в резерве (рис. 5: 5–6), птицы,

шахматный орнамент (рис. 5: 8), монограммы (рис. 5: 10), разнообразные розетки, реже человеческие фигуры. Отмечено изображение корабля. Колоколовидные чашечки на внешней стороне также имеют стандартный орнамент в виде лепестков цветка. На внутренней стороне монограммы, мелкие розетки, древо кипариса, редко брызги марганца. Сосуды большого размера встречаются крайне редко. Орнамент на них выполнен в той же стилистике (рис. 5: 12–13), за исключением крупных колоколовидных чаш, которые все монохромны.

Эта группа керамики много раз описана в литературе (François, 2005, с. 195–208; Бочаров, 2005, с. 306–323). В результате недавних исследований ее производство можно надежно связывать с Константинополем (Waksman, Erhan, Eskalen, 2009, с. 457–467). Данная группа начала поступать в Северо-Восточное Причерноморье около середины XIV в., практически одновременно с исчезновением почти всех других групп византийской поливы. Число находок невелико, но их география очень широка. Время прекращения их поступления установить сложнее. Во всяком случае, она поступала до самого конца XIV в. Следует отметить, что в Азаке все чаши с изображением барса встречены в комплексах с монетами 1367–1369 гг.

Византийская керамика в Северо-Восточном Причерноморье золотоордынского периода составляет заметную долю керамического комплекса, количественно уступая только местному производству. Это была продукция, поступававшая на рынок большими партиями. Во второй половине XIII в. она доминировала абсолютно. С рубежа веков ее стала постепенно

Рис. 5.

1-2. Керамика 5 группы (Азак). 3-13. Керамика 6 группы (3, 5, 10 – Каффа, 4, 6-9, 11-13 – Азак).

вытеснять продукция городов Юго-Восточного Крыма (Солхата, Каффы, Судака). Но окончательно этот процесс завершился только к середине XIV в. После этого в Северо-Восточное Причерноморье поступает только та керамика, которая по своим характеристикам не имела конкуренции среди местной продукции. К таким относится жаропрочная кухонная посуда 4 группы и дорогие тонкостенные сосуды 6 группы. В это время она составляет доли процента всего комплекса поливной керамики. При этом византийская полива получила очень широкое географическое распространение и проникала даже на сельские поселения, включая и более дорогие ее образцы. На протяжении большей части периода середины XIII – XIV вв. византийская поливная керамика количественно превосходила все

другие импорты, поступавшие в регион Северо-Восточного Причерноморья.

За крайне редкими исключениями византийская поливная керамика не оказала никакого воздействия на местное производство ни в технологии, ни в формах сосудов, ни в стилистике орнаментации. Развитие местного производства происходило под воздействием иных влияний, о чем свидетельствует, в первую очередь, иная техника изготовления поддона. Исключением стали поливные кухонные горшки производства Азака, имитирующие по форме византийские образцы. Причем в этом случае можно говорить о том, что местное производство не вытеснило византийскую керамику, а попыталось заместить его после прекращения импорта.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. – М., 1978.
2. *Бочаров С.Г.* Группа византийских поливных чаш второй половины XIV в. // *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв.* – Киев, 2005.
3. *Бочаров С.Г.* Рубеж XIII–XIV вв., по материалам керамического комплекса поселения Посидима (Коктебель) // *Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X–XVIII вв.* – Ялта, 2007.
4. *Волков И.В.* Надпись тушью на чаше из Азова // *Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2006 г.* Вып. 19. – Азов, 2004.
5. *Волков И.В.* Поливная керамика комплекса Кабарди (1240–1260) // *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв.* – Киев, 2005.
6. *Зеленко С.М.* Итоги исследований подводно-археологической экспедиции Киевского университета им. Тараса Шевченко на Черном море в 1997–1999 гг. // *Vita Antiqua.* – 1999. – № 3.
7. *Кравченко А.А.* Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII – XIV вв.). – Киев, 1986.
8. *Крамаровский М.Г.* Три группы поливной керамики из Северного Причерноморья // *Византия и византийские традиции.* – СПб., 1996.
9. *Масловский А.Н.* О времени возникновения Азака // *Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2005 г.* Вып. 22. – Азов, 2006а.
10. *Масловский А.Н.* Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // *Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2004 г.* Вып. 21. – Азов, 2006б.

11. *Масловский А.Н.* Об одной группе византийской поливной керамики конца XIII – первой половины XIV в. из раскопок золотоордынского Азака // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 8. – Донецк, 2010.

12. *Романчук А.И.* Глазурованная посуда поздневизантийского Херсона. Портовый район. – Екатеринбург, 2003.

13. *Тесленко И.Б.* Турецкая керамика с росписью кобальтом в Крыму (проблемы хронологии) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. – Киев, 2005.

14. *Федоров-Давыдов Г.А.* Денежное дело Золотой Орды. – М., 2003.

15. *Фомичев Н.М.* Джучидские монеты из Азова // СА. – 1981. – № 1.

16. *François V.* Elaborate incised ware: un témoin du rayonnement de la culture byzantine à l'Époque paléologue // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. – Киев, 2005.

17. *Megaw A.* «Zeuxippos Ware» // The Annual of the British School of Archaeology at Athens. Vol. 63. – L., 1968.

18. *Waksman S.Y., Erhan N., Eskalen S.* Les ateliers de ceramiques de Sirkeci (İstanbul): resultats de la campagne 2008 // Anatolia Antiqua. Vol. XVII. – Istanbul, 2009.

Информация об авторах:

Бочаров Сергей Геннадиевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Крымский филиал Института археологии НАН Украины, (г. Симферополь, Крым, Украина); sgbotcharov@mail.ru

Масловский Андрей Николаевич, кандидат исторических наук, зав. отделом, Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник (г. Азов, Российская Федерация); maslovskiazak@mail.ru

THE BYZANTINE GLAZED CERAMICS IN THE CITIES OF THE NORTHERN BLACK SEA REGION OF THE GOLDEN HORDE PERIOD (the second half of the XIII – the end of the XIVth cc.)

S.G. Bocharov, A.N. Maslovsky

Glazed ceramics of Byzantine origin, which came has been found on town sites of the Northern Black Sea region referring to the Golden Horde period (second half of the 13th – late 14th cc.), is characterized in the article. Materials from the urban centers of the Crimea (Solihat, Sudak, Kaffa, Chersonese, Cembalo), the Azov Sea region (Azaq), and the lower reaches of the Don and Kuban rivers are discussed. The applied principles of ceramics classification have been formulated. On their basis, six major groups of Byzantine ceramic imports have been identified. For each group, a description of morphological and technological features, ornamentation methods and motifs has been provided; chronological framework of their arrival in the region has been specified. Conclusions have been offered as to the extent of distribution and the role played by diverse groups of Byzantine glazed ceramics in the cities of the Northern Black Sea region

Supported by the joint Russian-Ukrainian grant from the Ukrainian State Foundation for Fundamental Research, project No. F40.5/002 “*Glazed ceramic ware of the Southeastern Crimea within ceramic production system of medieval Black Sea region*” and the Russian Foundation for Fundamental Research, project No. 11-06-90401 a Ukr “*Glazed ceramic ware of the Southeastern Crimea within ceramic production system of medieval Black Sea region*”.

Keywords: archaeology, the Northern Black Sea region, the Middle Ages, Golden Horde cities, late Byzantine ceramic imports, chronological stages, production methods and technology, classification methods.

REFERENCES

1. Bobrinsky, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniia (Pottery-making of Eastern Europe. Sources and Methods of Study)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
2. Bocharov, S. G. 2005. In *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia. X–XVIII vv. (Glazed Pottery of the Mediterranean and Pontic Regions in the 10th–18th Centuries)*. Kiev: "Stilos" Publ., 306–323 (in Russian).
3. Bocharov, S. G. 2007. In Bocharov, S. G., Koval, V. Yu. (eds.). *Polivnaia keramika Vostochnoi Evropy, Prichernomor'ia i Sredizemnomor'ia v X–XVIII vv. (Glazed Pottery of Eastern Europe, the Mediterranean and Pontic Regions in the 10th–18th Centuries)*. Yalta: "Kopi-Tsentr" Publ., 12–18 (in Russian).
4. Volkov, I. V. 2004. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2002 g. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2002)* 19. Azov: Azov Museum of Local Lore, 286–291 (in Russian).
5. Volkov, I. V. 2005. In Bocharov, S. G., Mytz, V. L. (eds.). *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia. X–XVIII vv. (Glazed Pottery of the Mediterranean and Pontic Regions in the 10th–18th Centuries)*. Kiev: "Stilos" Publ., 122–159 (in Russian).
6. Zelenko, S. M. 2000. In *Vita Antiqua* (2), 65–70 (in Russian).
7. Kravchenko, A. A. 1986. *Srednevekovyi Belgorod na Dnestre (konets XIII–XIV vv.) (Medieval Belgorod on Dniester (late 13th – 14th Centuries))*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
8. Kramarovskii, M. G. 1996. In *Vizantiia i vizantiiskie traditsii (Byzantium and the Byzantine Traditions)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 96–116 (in Russian).
9. Maslovskii, A. N. 2006. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2005 g. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2005)* 22. Azov: Azov Museum of Local Lore, 257–295 (in Russian).
10. Maslovskii, A. N. 2006. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2004 g. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2004)* 21. Azov: Azov Museum of Local Lore, 308–473 (in Russian).
11. Maslovskii, A. N. 2010. In *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 8. Donetsk: Donetsk National University, 231–252 (in Russian).
12. Romanchuk, A. I. 2003. *Glazurovannaia posuda pozdnevizantiiskogo Khersona. Portovyi raion (Glazed Vessels of Late Byzantine Cherson: Seaport Area)*. Yekaterinburg: Ural State University; "Volot" Publ. (in Russian).
13. Teslenko, I. B. 2005. In Bocharov, S. G., Mytz, V. L. (eds.). *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia. X–XVIII vv. (Glazed Pottery of the Mediterranean and Pontic Regions in the 10th–18th Centuries)*. Kiev: "Stilos" Publ., 385–410 (in Russian).
14. Fedorov-Davydov, G. A. 2003. *Denezhnoe delo Zolotoi Ordı (Coinage of the Golden Horde)*. Moscow: "Paleograf" Publ. (in Russian).
15. Fomichev, N. M. 1981. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1). 219–241 (in Russian).
16. François, V. 2003. Elaborate incised ware: un témoin du rayonnement de la culture byzantine a l'Époque paléologue. *Byzantinoslavica* LXI, 151–168.
17. Megaw, A. 1968. «Zeuxippos Ware». *The Annual of the British School of Archaeology at Athens* 63. London, 131–134.
18. Waksman, S. Y., Erhan, N., Eskalen, S. 2009. Les ateliers de ceramiques de Sirkeci (İstanbul): resultats de la campagne 2008. *Anatolia Antiqua* XVII. Istanbul, 457–467.

About the Authors:

Bocharov Sergei G. Candidate of Historical Sciences. Crimean branch of Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine; sgbotcharov@mail.ru

Maslovsky Andrey N. Candidate of Historical Sciences. Azov History, Archaeology and Paleontology Museum-Reserve. Moskovskaya St., 38/40, Azov, 346780, Russian Federation; maslovskiazak@mail.ru

СРЕДНЕВЕКОВАЯ МОРДВА ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

© 2012 г. Ю.А. Зеленев, О.В. Зеленцова

Рассматривается процесс формирования и этнокультурного развития мордвы в эпоху средневековья. Мордовский этнос складывается в начале нашей эры путем слияния небольших родственных этнических групп. К VIII веку эти группы объединились в два субэтнуса — мокшанский и эрзянский, которые сохраняются до настоящего времени. В средневековой истории мордвы выделяются четыре основных этапа, которые в основном прослеживаются по археологическим материалам: 1) завершающая стадия родового строя (VIII–X вв.); 2) формирование у мордвы раннегосударственных образований (XI–XIII вв.); 3) мордва в составе Золотой Орды (вторая половина XIII–XV вв.); 4) мордва в составе русского государства в XVI–XVIII вв. Для каждого периода определяются территория расселения мордвы, характерные особенности материальной культуры и преобладающие направления культурных связей.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, средневековье, мордва, этнические и социальные процессы, мокшанский и эрзянский субэтнуса, периодизация, раннегосударственные образования, межэтнические связи

Мордовский этнос начинает складываться с начала нашей эры и формируется путем слияния отдельных небольших родственных этнических групп. К VIII в. эти группы сливаются в два субэтнуса — мокшанский и эрзянский, которые сохраняются и по настоящее время.

В средние века (VIII–XVIII вв.) мордовский народ прошел ряд этапов в своем развитии. За этот период неоднократно перекраивалась его этническая территория и происходили этнокультурные изменения, что связано как с внешними причинами, так и с причинами внутреннего развития.

На наш взгляд, можно выделить четыре крупных периода в средневековой истории мордвы:

1. Завершающая стадия родового строя. VIII–X вв.
2. Формирование у мордвы ранних государств. XI–XIII вв.
3. Мордва в составе Золотой Орды. XIII–XV вв.

4. Мордва в составе Русского государства. XVI–XVIII вв.

Все эти периоды выделяются на основании главных тенденций в развитии народа в каждый отрезок времени. При характеристике каждого из периодов основной упор делается на анализ археологических источников, так как письменные источники даже для XVIII в. чрезвычайно скудны и не дают полной картины развития народа.

Завершающая стадия родового строя. VIII–X вв. В VIII–X вв. многие этнокультурные и социально-экономические процессы, характерные для первобытнообщинного строя, достигают предела своего развития. Все более унифицированным становится погребальный обряд. Нет того многообразия ориентировок костяков по странам света, которое было еще в середине I тыс. н.э., что говорит об оформлении языческой религии как целостной единой системы. С VIII в. устанавливается устойчивая ориенти-

ровка костяков головой в южную сторону горизонта у мокши и в северную сторону у эрзи. Более однородным становится вещевой инвентарь, что может говорить о выделении из состава общинников людей, специализирующихся на том или ином виде ремесла. При этом нужно отметить, что и в погребальном обряде (кроме ориентировки), и в инвентаре эрзи и мокши наблюдается много общего, что позволяет говорить о едином мордовском этносе, разделенном на два субэтноса.

В некоторых исследованиях говорится о наличии дружины у мордвы в этот период. В качестве подтверждения этому приводятся данные о 20% вооруженных мужчин в мордовских могильниках. Но исследования последних лет (Храпчевский) позволяют говорить, что на последней стадии родового строя и в раннеклассовом обществе 20% – это количество вооруженных ополченцев, которое могло выставить то или иное человеческое сообщество. Количество же дружинников (профессиональных воинов) значительно меньше. Есть и серьезные отличия в качестве вооружения ополченца и дружинника.

Мордовские археологические памятники, датированные данным периодом, разбросаны на огромной территории, которая не была плотно заселенной мордвой. Иногда даже возникают сомнения: как на этой площади с большими разрывами между группами мордвы сохраняется более или менее единая культура и, видимо, язык.

Южная (мокшанская) группа мордвы на западе расселялась до реки Цны в среднем ее течении. Лядинский могильник находится в правобережье этой реки (Ястребов, 1893). Археоло-

гические памятники мордвы-мокши довольно густо занимают бассейн Верхней и Средней Мокши вместе с ее притоками. Именно эта территория (Верхнее и Среднее Примокшанье и Среднее Поценье) и являлась в VIII–X вв. основным районом расселения мокшанского субэтноса.

Однако отдельные находки мордовских вещей VIII–X вв. на Верхнем Дону и его притоках (Пензенская, Тамбовская, Воронежская и Липецкая области), также мордовская топонимика, имеющаяся здесь, причем, иногда довольно густая, позволяют говорить о том, что мордва проживала в это время и несколько южнее. Аналогично этому, мордовская топонимика на территории современной Ульяновской области и отдельная находка мордовской височной привески с грузиком в Ульяновском Заволжье говорят о том, что мордовское население было и к востоку от Верхнего Примокшанья.

Центральным районом расселения северной (эрзянской) группы мордвы было междуречье Мокши и Тёши. Граница между мокшанским и эрзянским субэтносом проходила, скорее всего, в среднем Примокшанье. По крайней мере, именно здесь выявлены наиболее южные могильники VIII–X вв. мордвы-эрзи – Тенишевский и в «Мещанском лесу», возле города Краснослободска.

Эрзя заселяла и земли к северу и востоку от Потешья – бассейны Серези, Пьяны, левобережное Посурье, Поволжье от устья Оки до устья Суры. Но здесь эрзянское население, судя по распространению археологических памятников, было намного реже, чем в центральных районах эрзянского расселения.

Правда, здесь тоже нужно обратить внимание на находки мордовских вещей восточнее реки Суры и мордовскую топонимику, встречающуюся здесь, например, Шумерля – Шумерлей, Цивиль – Цивилей.

На описанной выше территории проживало довольно однородное население. Но мордва, естественно, не находилась в изоляции от соседних народов. Поэтому нужно отметить попытки расселения других этносов на соседней или непосредственно мордовской территории.

С запада начинается постепенное передвижение славян. Но в этот период оно было довольно слабым и отмечается только отдельными культурными элементами в мордовских памятниках бассейна Цны и редкими находками мечей европейских типов в могильниках, которые в некоторой степени можно связать со славянским или скандинавским культурным влиянием.

Культура рязанско-окских могильников, существовавшая в III–VII вв. на Средней Оке, с VIII в. прекращает функционировать. Носители этой культуры частично мигрируют в северо-восточном направлении. Но часть их сохраняется на Нижней Мокше. Ярчайшим памятником этого населения является Шокшинский могильник, захоронения на котором продолжались с VI по X век. Скорее всего, именно на основе этого населения складывается группа мордвы-мокши.

Наиболее динамично протекали этнокультурные и политические события в южной части расселения мордвы. Это связано с тем, что языки степи в этой лесостепной зоне глубоко вклинивались в северном направлении, что способствовало распространению культурных новаций с юга

на север путем торговых и личных контактов. В то же время свободные от леса пространства давали возможность проникновения кочевого населения в северном направлении.

В VII в. на восточном пограничье мордвы происходит крушение именковской (славянской?) культуры. Удар по ее носителям наносят пришельцы, оставившие новинковскую археологическую культуру. На Самарской Луке и на Средней Суре новинковское население, как правило, устраивало свои погребально-культовые комплексы на местах бывших именковских поселений, что, на наш взгляд, является подтверждением их уничтожения. Новинковские племена, представлявшие собой какое-то тюркское, предположительно сибирское население, не оставили значительного следа в культуре Среднего Поволжья, но оказали определенное воздействие на продолжение кочевнического расселения в северном направлении.

С VIII в. отмечается передвижение в этот регион болгар. Основное направление их расселения проходило по Волге к низовьям Камы, но оно непосредственно затронуло и мордву. В VIII–IX вв. в мордовских памятниках, особенно южной группы, увеличивается количество вещей, связываемых своим происхождением с салтовско-маяцкой культурой Подонья. Появляются и погребальные памятники со смешанным обрядом захоронения. А именно, рядом с погребальным полем из грунтовых мордовских могил устраиваются курганные захоронения явно немордовского населения. Такими являются Армиевский курганно-грунтовой и Серго-Поливановский могильники. Правда, соотнести курганные захоронения этих памятников

с какой-то определенной этнокультурной группой пока затруднительно. А вот появление курганов рядом с мордовским грунтовым Стёксовским могильником можно с некоторой долей сомнения связать с болгарским населением VIII–IX вв.

Появление немордовских памятников на территории, заселенной мордвой, явление исторически закономерное (в полной изоляции живут только народы, попавшие в соответствующие природные или политические условия), но это не привело к кардинальному изменению этнической территории мордвы и основ ее культуры.

Формирование у мордвы ранних государств. XI–XIII вв. В культуре мордвы XI–XIII вв. происходят существенные изменения. Бросается в глаза все большая унификация украшений. Можно отметить и обеднение погребений и по типу украшений и по их количеству. Это позволяет думать о процессе разложения первобытного общества и формировании слоя рядовых земледельцев, а также продолжающейся унификации религиозных взглядов и погребального обряда.

Территория мордвы в XI–XIII вв. претерпела сравнительно незначительные изменения.

Нужно отметить продвижение русских на восток в Почестье и Поочье. В Почестье к концу периода граница Рязанского княжества проходила по левому берегу реки Цны и в низовьях Мокши. Здесь уже появляются укрепленные пограничные городки. Сельские русские поселения появляются и на правом берегу Цны. Археологические памятники мордвы XI–XIII вв. отмечаются к востоку от правых притоков Цны. Хотя можно довольно уверенно говорить о том, что вся мордва

не покинула Почестье, но продолжая жить здесь, перенимает русскую культуру, то есть происходит процесс известный в этнологии как процесс аккультурации (Зеленева, 2011).

В Поочье мордва и в предшествующий период не занимала ни левый, ни тем более правый берег Нижней Оки. Этот район был зоной расселения муромы.

Сложнее вопрос с племенной принадлежностью территории приустьевой части Оки. Легенды о наличии здесь мордовского Абрамова города не имеют однозначного подтверждения в археологическом материале. Кроме того бросается в глаза тот факт, что мордва занимающая правобережье Волги от устья Оки до устья Суры уже в VIII–X вв. не селилась непосредственно на её берегу предпочитая жить в некотором отдалении от неё.

С другой стороны нельзя не обратить внимания на то, что после основания Нижнего Новгорода мордва с исключительным постоянством пыталась взять и разрушить его, то ли считая, что он основан на её территории, то ли понимая всю стратегическую угрозу, исходящую от этой крепости.

Вся совокупность археологических и письменных источников однозначно говорит о том, что у мордвы в XI–XIII вв. идет процесс складывания государства. К XIII в. он достиг того уровня, что стал отмечаться соседями. В первую очередь в русских летописях.

Можно говорить о наличии двух ранних государств у эрзи и мокши. Больше данных об объединении эрзи под главенством Пургаса. В настоящее время собрано много фактов, которые говорят, что центром этого объединения было междуречье рек Теши

и Мокши, где при впадении Сатиса в Мокшу находилось мощное мордовское городище, вполне возможно являвшееся ставкой Пургаса.

В Пургасовское объединение входили мордовские земли на северо-западе и севере почти подходящие к Оке, на северо-востоке также подходящие к Волге. На востоке можно говорить о том, что эрзя Пургаса занимала весь бассейн реки Пьяны, и западный берег Суры. На юге она расселялась до Нижней Мокши. В бассейне Алатыря в XII–XIII вв. только начинают появляться единичные мордовские памятники.

Южная граница между эрзей и мокшей по-прежнему сохранялась в районе Нижней Мокши. Скорее всего, там, где река поворачивает на запад. По крайней мере, в правобережье Нижней Мокши до сих пор встречаются топонимы Пургасово, Пургасово городище, Пурдошки.

Мокшанское раннегосударственное объединение охватывало бассейн Средней и Верхней Мокши и Верхнее Присурье. Из инязоров (князей) этого объединения известен только современник и противник Пургаса – Пуреш. Центром объединения, скорее всего, было Верхнее Присурье.

В XI–XIII вв. мордва, особенно в южной части своего расселения испытывала сильное влияние населения принесшего с собой традицию изготовления красноглиняной керамики. Сейчас довольно трудно определить этнокультурную принадлежность этого населения (болгары, аланы), но процесс смешения его с мордвой, если судить по керамическому материалу поселений, протекал очень интенсивно (Загайнова, Зеленев, Зеленцова, 2006).

В XII–XIII вв. шли постоянные русско-мордовские войны, которые объективно убыстряли процесс сложения ранней государственности у мордвы. Больше столкновения происходили на севере и северо-западе мордовского расселения в пограничной зоне с Владимирским княжеством. Особенно они усилились после закладки Нижнего Новгорода.

Рязанское княжество после присоединения плодородных земель в бассейне Цны и Нижней Мокши и закладки здесь Кадома и городка в районе современного села Темгенево и возможно Шацка дальнейшей активности в продвижении на восток не проявляло.

Но процесс русско-мордовского противостояния, как и процессы эволюционного развития мордвы, были прерваны нашествием хана Бату во второй половине 30-х годов XIII в.

Мордва в составе Золотой Орды. XIII–XV вв. После разгрома в 1236 г. Волжской Болгарии монгольское войско перенесло боевые действия в волжское правобережье. Есть некоторые основания считать, что именно 1237 г. происходит разгром городищ в верховьях Суры и Мокши и остановка монгольского войска на Нузе (Нузла, Нузлей, Уза). Но до похода на Северо-Восточную Русь мордва не была еще окончательно покорена. Скорее всего, окончательное покорение мордвы произошло во время похода, который состоялся осенью-зимой 1238–1239 гг.

Источники сообщают, что один мордовский князь (мокшанский) покорился Батью, и потом мордва-мокша участвовала в походе монголов в Центральную Европу. Второй князь (Пургас) вел упорную борьбу, был разбит, скрылся в лесах, и боль-

ше о нем ничего не известно. Археологически это подтверждается тем, что в XIII в. прекращает функционировать ряд поселений и могильников мордвы в междуречье Мокши и Теши, в том числе и Саровское городище, о котором потом возникает легенда как о татарском городе Сараклыч, хотя ордынских слоев на нем нет.

После завоевания почти вся мордва оказалась непосредственно в составе вновь образованного государства джучидов, больше известного под названием Золотая Орда. Военное разорение второй половины 30-х годов XIII в. довольно быстро было преодолено мордовским народом. В некоторых местах не происходит значительных подвижек населения. Мы видим наличие могильников и поселений, которые существовали до XIII в. и продолжают существовать в XIII–XV вв. Есть археологические объекты, на которых выделяются хронологические периоды домонгольского времени и XIV–XV вв., то есть перерыв в существовании был, но через какое-то время жизнь мордвы на данной территории возобновляется.

Основная территория мордвы сохраняется та же, что и сформировалась еще к началу средневековья. В то же время в XIII–XV вв. происходит освоение мордвой новых земель к востоку и югу от основного ее расселения. Так, мордовские могильники и поселения появляются в районе Самарской Луки, а также на левобережье Самарского течения Волги. Часть мордвы расселяется в лесостепной зоне, до золотоордынского города Укек, в районе современного Саратова. На раскопанных поселениях XIV в. в Самарско-Саратовском течении Волги, как правило, находят от 5 до

10% мордовской лепной керамики. На этих же поселениях встречается от 10 до 15% русской керамики, остальная керамика красноглиняная ордынская, ремесленного производства, то есть определить этническую принадлежность этой посуды затруднительно. Мордовская керамика в XIV в. встречается на поселениях до севера Волгоградского Поволжья включительно. Мордовские сьолгамы неоднократно находили при раскопках столичных городов Золотой Орды.

Далеко на юг распространяется и мордовская гидронимика. Любопытно, что в ряде случаев мы встречаем смешанные тюрко-мордовские названия рек. Например, *Балыклей* – балык – рыба (тат.), *лей* – река (морд.) в Волгоградской области, *Казанлей* – казан – котел (тат.), *лей* – река (морд.) в Саратовской области.

В XIV в. мордовские могильники появляются на территории современного Татарстана. На мусульманских кладбищах в городе Болгаре найдены надгробные камни с тахаллусами (фамилиями), имеющими в своем составе этноним *мокша*. Скорее всего, именно от этого населения начинается формирование мордвы-каратаев.

В то же время почти не был заселен бассейн Алатыря, находящийся как бы внутри основной мордовской территории. Начавшийся в предшествующий период процесс его заселения мордвой продолжался и в XIII–XV вв., но шел очень медленно. К XIV в. мордва продвинулась до Среднего Алатыря (Дубровский, Кендинский могильники).

Причиной широкого расселения мордвы в XIV в. можно считать стабильную и относительно безопасную жизнь в жестко централизованном золотоордынском государстве в первой

половине XIV в. Может быть, часть мордовского населения переселялась по повелению ордынских феодалов, но достоверных источников, подтверждающих это, нет.

В то же время шел процесс расселения на мордовской территории других народов. Это при наличии огромных пространств, занятых мордвой, усугубляет этническую чересполосицу, увеличивает территориальные разрывы между группами мордвы. В конечном итоге именно в средние века закладываются основы ситуации, связанной с размытостью мордовской этнической территории.

В начале XIV в. на мордовских землях появляется населенный пункт, который с полным основанием можно назвать городом – Мохши. И хотя он был основан золотоордынской администрацией, есть все основания считать, что мордва составляла значительную, если не большую часть населения этого города.

На сегодняшний день известно не менее двух могильников мордвы XIV в., примыкающих к городу. При этом один из них, известный как Старосотенский могильник, явно был городским кладбищем. Его языческая часть смыкается с мусульманским некрополем, составляя с ним единое целое. В языческой части могильника есть погребения с мусульманскими элементами погребального обряда. В этом отношении он сближается с мордовским Аткарским могильником, в котором часть захоронений совершенна по языческому обряду, а часть – по мусульманскому.

Видимо уже со второй половины XIII в. в земли, заселенные мордвой, переселяется часть кыпчакского насе-

ления. В XIV в. этот процесс явственно отражается на археологическом материале. На ряде мордовских могильников известен обычай подкурганых захоронений. Есть и чисто кочевнические погребения под курганами. К таким относятся Селищенские курганы, в левобережье реки Пьяны (Дружкин, 1877).

Но даже на некоторых грунтовых могильниках появляются погребения, которые можно связать с кочевническим миром. В этом отношении очень показателен могильник Красное 1 под Арзамасом. В нем встречены захоронения воинов с саблями, щитами и другим набором оружия, а также захоронения коней с упряжью. Любопытно, что захоронения воинов сопровождались погребениями женщин с мордовскими украшениями.

Исходя из археологического материала и письменных источников, можно предположить, что в XIII–XV вв. все большее влияние получают ордынские (тюркские) феодалы. Хотя мордовская феодальная верхушка, начавшая формироваться на предшествующем этапе, сохраняется.

Наиболее рано складываются, как региональная феодальная группа, темниковские князья (беханиды). Эта группа появляется, видимо, еще во второй половине XIII в. и просуществовала она, как единое целое, вплоть до петровских преобразований.

После потери во второй половине XIV в. своего значения городом Мохши центр этого образования переносится вниз по течению Мокши, где известно Итяковское городище XIV–XVI вв. Не позднее 1536 г. город переносится еще ниже по течению, туда, где и находится современный

Темников. Возможно, что последнее действие осуществляет уже Русское государство.

Показательно, что в письменных источниках, посвященных Ливонской войне, темниковские татары и татарские мурзы упоминаются почти всегда вместе с мордовскими ратниками, что наводит на мысль о том, что темниковские князья участвовали в войне, руководя подчиненной им мордвой.

Западная и северная граница мордвы с русскими княжествами в XIII–XV вв. фактически являлась границей между Русью и Золотой Ордой. Поэтому в XIII–XIV вв. она была почти неизменной и проходила там же, где и установилась в XII–XIII вв. Под Нижним Новгородом, например, русско-мордовская граница проходила по реке Сундовик, то есть там, где она установилась до монгольского нашествия.

Мордва в составе Русского государства. XVI–XVIII вв. Изменения во взаимоотношениях мордвы с русскими княжествами начинаются со второй половины XIV в. Происходят они постепенно и связаны с ослаблением Орды и возобновлением княжеского продвижения на юго-восток. Крестьянское продвижение, начавшись еще в домонгольский период, практически не прекращалось.

К началу 70-х годов XIV в. граница Нижегородского княжества была передвинута от Кудьмы до нижнего течения Пьяны. Подтверждением этому является закладка в 1374 г. на Суре небольшой крепости Курмыш, расположенной несколько выше устья Пьяны.

Межьпьянье, видимо, до 90-х годов XIV в. остается за пределами Нижегородских земель. По крайней мере, знаменитое побоище на Пья-

не проходило вне русских пределов. Эта территория, как и земли, прилегающие к Теше, входят в земли уже Московского княжества к 90-м годам XIV в., как можно судить из духовной грамоты 1392 г.

Территории к югу от Теши и верхней Пьяны еще некоторое время оставались вне зоны русского влияния. По крайней мере, летописец, описывая операцию по поимке жены нижегородского князя московскими служилыми людьми, говорит, что она была захвачена на реке Цыбирце (Чеберчинка), в мордовских землях, в татарских пределах.

В XV – первой половине XVI в. идет постепенное присоединение небольших участков, заселенных мордвой, к югу от реки Теши. К 1552 г. было присоединено междуречье Теши и Мокши. Видимо, в это время (1536 г.) происходит перенесение Темникова на место его современного расположения.

Продвижение же русских крестьян опережало политические действия русских князей и впоследствии Московского государства. В XIV в. на Мокше известно Шаверское поселение с русской керамикой, которое существовало и в XV в. Такое же поселение есть и на реке Суре возле села Порецкое, датируемое также XIV–XVI вв.

Бассейн Алатыря, исходя из описаний похода Ивана Грозного на Казань, был присоединен именно во время этого похода. Какое-то время считалось, что граница Русского государства будет проходить от Оки по низовьям Мокши и левому берегу Алатыря. Именно в таком направлении строят засечную черту 1552 г. и крепости на Алатыре (Василёвское городище, Ала-

тырь). Но события происходили стремительно, и уже через 100 лет пришлось строить Атемарско-Саранскую засечную черту, а еще менее чем через 50 лет – Мокшанско-Пензенскую черту. Эти засечные черты, конечно, не являлись непосредственно приграничными, но их строительство было необходимо для защиты населения, продвинувшегося на юг.

Во второй половине XVI в. фактически все мордовское население оказалось в составе Русского государства. Мордовская этническая территория в XVI–XVIII вв. изменилась мало по сравнению с предшествующим периодом. К наиболее важным перемещениям мордвы в этот период нужно отнести заселением мордвой-эрзей бассейнов Алатыря и средней Суры – районов, где до этого компактно мордва не проживала. На этой территории известно значительное количество мордовских могильников XVII–XVIII вв., тогда как археологические памятники предшествующего периода исчисляются единицами. Можно предположить, что переселение происходит из северных районов. Это подтверждается перенесением названий населенных пунктов. Например, *Ичалки* в бассейне Пьяны и *Ичалки*, *Горные Ичалки*, *Малые Ичалки* на Алатыре. *Ардатов* в Нижегородской области и *Ардатов* в Мордовии.

Мордовские могильники XVII–XVIII вв. известны на территории Чувашии, Татарстана и Ульяновского Поволжья на востоке, на Самарской Луке и на севере Саратовского Поволжья, на юго-востоке. Но процесс расселения немордовского населения между группами мордвы еще более усиливается. В отличие от предыдущего периода этим населением все

больше становятся русские, которые занимают свободные земельные участки и становятся основным населением городов, появляющихся на мордовской территории.

Города возникают первоначально как укрепленные пункты и административные центры. Некоторые из них довольно быстро становятся и экономическими центрами. Есть некоторые основания считать, что мордва составляла некоторую часть населения этих городов. Это, в первую очередь, мордовские мурзы со своими людьми, которые несли гарнизонную и другую службу на засечных чертах.

Но подавляющая часть мордвы – это сельское население. Имущественное расслоение в его среде хорошо прослеживается по материалам могильников XVI–XVIII вв. Так, в Русско-Маскинском могильнике XVII в. наряду с большинством погребений с бедным инвентарем выделяется коллективное захоронение мужчины и двух женщин с исключительно богатым набором вещей.

Письменные источники также сообщают, особенно для периода XVI–XVII вв., о наличии мордовских мурз. Судя по всему, этот социальный слой с конца XVII в. прекращает свое существование. Меньшая его часть, несущая военную службу, христианизруется, обрусевает и вливается в русское дворянство. Большая же часть переходит в крестьянское сословие.

Христианизация мордвы в XVI–XVII вв. происходила очень медленно. Захоронения во всех известных мордовских могильниках XVI–XVIII вв. осуществлялись по языческому обряду. Исходя из данных письменных источников, массовая христианизация началась только в середине XVIII в.,

что и вызвало восстания мордовского населения, которое привыкло за предшествующий период к религиозной терпимости московского правительства. Тем не менее, нет никакого сомнения, что уже в XVII в. некоторая часть мордвы имела давние христианские традиции, особенно в районах, вошедших в состав русских княжеств еще до монгольского нашествия. Определенным подтверждением этому является избрание патриархом вхожда из мордвы Никона.

Из памятников XVI–XVIII вв. археологически изучались мордовские могильники. Поселения известны только по поверхностным сборам и небольшим раскопкам.

Исходя из материалов изученных могильников, можно говорить, что у мордвы сохраняется национальный этнический культурный комплекс. Он, конечно, изменился по сравнению с предшествующим периодом, но сохранил преемственность и является результатом культурной эволюции. При анализе погребального инвентаря складывается впечатление о минимальном русском влиянии на мордву. Но этот факт нужно корректировать с учетом использования при захоронении языческо-этнического набора вещей.

Средневековая этнокультурная история характеризуется несколько-

ми важными моментами.

В этот период произошел переход от первобытнообщинных отношений к классовым отношениям. Идет процесс сложения национальных государственных образований, который не был завершен.

Уже в начале средних веков оформляется основная этническая территория мордовских субэтносов – эрзи и мокши. В дальнейшем она только расширяется, но это ведет к чересполосному расселению мордвы с другими этносами на больших территориях, что негативно сказалось на консолидации самого мордовского этноса и продолжает сказываться до настоящего времени.

Тем не менее, мордва, войдя в состав Золотой Орды, а затем Русского государства сохранила свою этнокультурную самобытность, что хорошо подтверждается археологическим материалом. На протяжении почти двух тысячелетий – с I и практически по XVIII век – наблюдается преемственность в развитии мордовской этнической культуры, которую невозможно спутать с культурой других народов. В то же время мордва в средние века не развивалась изолированно от других народов, с которыми активно сотрудничала в экономической и культурной сфере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дружкин П.Д. Раскопки нижегородских курганов // Изв. ком. Антропологической выставки. – М., 1877. – Т. 1.
2. Загайнова Л.П., Зеленева Ю.А., Зеленева О.В. Новые данные о проникновении культуры волжских болгар в мордовские земли (поселения X–XIV вв. в лесостепном Посурье по работам 2005 г.) // Средневековая археология евразийских степей. – М.; Йошкар-Ола, 2006.
3. Зеленева Ю.А. Нижнее Примокшанье в XIII–XV вв. (о золотоордынско-рязанской границе) // Золотоордынское наследие. Вып. 2. Материалы второй Международ.

конф. «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвящ. памяти М.А. Усманова. – Казань, 2011 г.

4. Ястребов В.Н. Лядинский и Томниковский могильники Тамбовской губернии // Материалы по археологии России. № 10. – СПб., 1893.

Информация об авторах:

Зеленева Юрий Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола, Россия); y_zelenev@mail.ru

Зеленцова Ольга Викторовна, научный сотрудник Института археологии РАН, кандидат исторических наук, Институт археологии РАН, (г. Москва, Россия); olgazelentsova2010@yandex.ru

MEDIEVAL MORDVA AS PER ARCHAEOLOGICAL DATA

Yu.A. Zelenev, O.V. Zelentsova

The process of formation and cultural development of the Mordvians (the Mordva) in the Middle Ages is considered in the article. The Mordovian ethnos had started its formation process in the early Common Era by way of merger of small related ethnic groups. By the 8th century, these groups united into two subethnoses – the Moksha and the Erzya, which have been preserved up to date. Four major stages are identified in the medieval history of the Mordva, which are mainly traced on the basis of archeological materials: 1) final stage of the tribal system (8th–10th cc.); 2) formation of the early Mordva states in the 11th–13th cc.; 3) the Mordva as part of the Golden Horde in the second half of the 13th through to 15th cc.; 4) the Mordva as part of the Russian State in the 16th to 18th cc. For each period, the settlement area of the Mordvians, the characteristic features of their material culture, and the predominant directions of cultural relations are determined.

Keywords: archaeology, the Middle Volga region, the Middle Ages, the Mordvians, ethnic and social processes, the Moksha and the Erzya subethnoses, periodization, early state formations, interethnic ties.

REFERENCES

1. Druzhkin, P. D. 1877. In *Izvestiia komiteta Antropologicheskoi vystavki (Reports of the Committee for the Anthropological Exhibition)* 1. Moscow (in Russian).
2. Zagainova, L. P., Zelenev, Yu. A., Zelentsova, O. V. 2006. In *Srednevekovaia arkheologiya Evraziiskikh stepei (Medieval Archaeology of the Eurasian Steppes)*. Moscow; Yoshkar-Ola: Mari State University, 158-200 (in Russian).
3. Zelenev, Yu. A. 2011. In *Zolotoordynskoe nasledie (Golden Horde Heritage)* 2. Kazan: "Foliant" Publ; Institute for History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 136-138 (in Russian).
4. Yastrebov, V. N. 1893. *Liadinskii i Tomnikovskii mogil'niki Tambovskoi gubernii (Lyada and Tomnikovo Burial Grounds in the Tambov Province)*. Series: Materialy po arkheologii Rossii (Proceedings for the Archaeology of Russia) 10. Saint Petersburg: "I. N. Skorokhodov" Publ. (in Russian).

About the Authors:

Zelenev Yuriy A. Candidate of Historical Sciences. Mari State University. Lenin Square St., 1, Yoshkar-Ola 424000, Mari El Republic, Russian Federation; y_zelenev@mail.ru

Zelentsova Olga V. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; olgazelentsova2010@yandex.ru

«УРОВЕНЬ СЛОЖНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ» – ИЗВЕСТНАЯ ИДЕЯ В ОСНОВЕ НОВОГО НАУЧНОГО ПОДХОДА

© 2012 г. Ю.Л. Шапова

В статье анализируется научная концепция, основанная на понятии иерархических систем. Описаны три вида иерархических систем, которые различаются по уровню сложности организации и по характеру связей и взаимодействия внутрисистемных элементов. Раскрывается понятие сложности организации. На этой теоретической основе показаны различные способы возможного использования естественных и математических наук в исторических и археологических исследованиях.

Ключевые слова: иерархические системы, сложность организации, структура, эволюция, естественнонаучные и математические методы

Все явления и события, имевшие место в мире когда-либо, различны по сложности и структуре. Знания об этом мире развиваются по такому же принципу системы поиска знаний о нем. Строение, взаимное расположение, число и организация частей или элементов целого усложняется от низшего к высшему и, наоборот, от высшего – к низшему. Оба вида усложнений называют иерархией, в основе которой лежит упорядоченная и ранжированная сложность явления. Иерархические системы в разных практиках и науках построены по-разному: по принципу пространственного включения; по направлению передачи вещества и энергии; по характерному времени и т.д. По направлению движения управляющих сигналов сверху вниз, одному из принципов иерархии построена информационная система целостного явления. Управляющие сигналы обладают большой информационной и энергетической силой. Иерархическим системам свойственна прочность по отношению к внешним и внутренним возмущениям. Представление об ее элементах, обладающих повышенной прочностью к

так называемому информационному шуму, созвучно понятию архетип. Архетип в источниковедении – наиболее древний, часто неизвестный текст, в языкознании реальная (или реконструируемая) исходная языковая форма для позднейших продолжений. В философском понимании – это прообраз (Словарь русского языка..., 1985, с. 643) в самом общем – образец (type, typos). Два последних понятия, относящиеся к иерархическим системам, уместны и широко употребительны в археологии, и в силу этого заслуживают внимания и самые эти системы.

Различают несколько видов иерархических систем. В одних – внутрисистемные элементы взаимодействия между собой равны и слабо связаны. Сигналы, даже разрушающие, гаснут в таких системах на расстоянии нескольких шагов от места получения. Это свойство делает систему устойчивой и к разным локальным возмущениям, и к информационному «шуму». К ним принадлежат развивающиеся линейно «решетки», «сети», «облака». В других – внутренние элементы взаимодействия неравны, между собой связаны сильно и более того,

взаимозаменяемы, поскольку способны выполнять разные функции. Такие системы называют дополнительными. Они очень устойчивы к тотальным воздействиям и, кроме того, способны распространять свою структуру на соседние области, благодаря так называемым обратным связям (и положительным, и отрицательным). В благоприятных условиях дополнительные системы развиваются нелинейно. В не благоприятных же повреждение любого жизненно важного органа может погубить систему в целом.

Третьи системы сохраняют преимущества обеих менее сложных систем. Неравные, сильно связанные и хорошо согласованные между собой и так называемой периферией внутренние элементы взаимозаменяемы и эффективны в использовании ресурсов; они способны выполнять разные функции и подчинены «ядру», единому координирующему центру. Разрыв обратной связи (только в одном месте) и/или повреждение жизненно важного органа не может погубить такую систему. Такая система может исчезнуть целиком, если разрушено «ядро», незаменимый и не имеющий компенсации орган. «Эти три группы архетипов аттракторов, – пишет А.Д. Арманд, – эволюция Универсума выделила в качестве основных, которые «периодически воспроизводятся на всех уровнях организации материи (курсив мой. – Ю.Щ.), доступных нашему анализу» (Арманд, 2001).

В первые две системы укладывается ландшафтная иерархия территориальных систем. Уровень третьей системы – общеземной. На этом уровне стало очевидно, что сформировав-

шееся «поле зоогенных и этологических взаимодействий» – это новый организующий фактор формирования всех архетипов в живой природе. По мнению А.Д. Арманда, в таких условиях следующие эволюционные шаги сделают люди. «...Эволюция как природы, так и общества протекает в пространстве, координатами которого служат две оси: одна “хаос – порядок”, другая “простота – сложность”» (Арманд, 2001, рис. 1).

Понятие сложность организации лежит, как мне кажется, в основе и «Системы трех веков» в редакции Ю. Томсена, и всех вариантов, предшествовавших ей, равно как и в основе типологического метода О. Монтелиуса и индустриальных законов В.А. Городцова (Городцов, 1927). Об этих законах, к сожалению, забыли, но, тем не менее, представления, которые они сформировали, бытуют и в наши дни. Сложность организации – основная идея теоретической геологии и теоретической биологии (Мейен, 2006; Заренков, 1988, с. 35–47; Веденов и др., 1972).

С.В. Мейен в этой же статье показал, что идея о разной сложности организации «объединяет в целое *рассмотрение процессов* (курсив мой. – Ю.Щ.) роста и минерального зерна и горных хребтов». Эта же идея заставляет признавать, что закономерности, которые управляют этими процессами, имеют разную сложность, которая, в свою очередь, возрастает по мере возрастания уровня сложности геологической организации. В исторический момент публикации статьи, содержание которой я коротко пересказываю, были не совсем ясны ни критерии для установления «уровня сложности», ни

самая целесообразность обращения к этому понятию и его использования (Мейен, 2006, с. 30).

В настоящий момент хорошо известно, что «сложность достигается скачком путем объединения устойчивых структур в системы следующего уровня. В пределах одного уровня сложности (одной ступени классификации) движение между этими подъемами – это все большее согласование элементов системы между собой и с окружающей средой». И далее: «... эволюционирующие системы стремятся достичь максимально возможной для данного уровня гармонии, когерентности». Более того, в настоящий момент Критерии установления «уровней сложности» доведены до математического обобщения: по А.Д. Арманду, увеличение эволюционной сложности иллюстрирует прогрессия: 10^2 , 10^4 , 10^8 , 10^{12} и 10^{14} . Публикация этой статьи в «Вестнике РАН» за 2001 г. – признак актуальности и новизны научной темы.

Теперь, по прошествии многих лет, представления о разных уровнях сложности организации распространены с минералов и хребтов на живые организмы, социальные структуры, техноценозы и, в частности, на первобытную технику. Уровни сложности техники изготовления каменных орудий, исследованные археологически, были выражены и качественно (номинативно), и количественно (через число «актов», через число ударов, необходимых для их изготовления). Это открытие очень быстро приобрело международную известность и признание (Семенов, 1957; 1970).

Это открытие первоначально было представлено как следствие, как вывод из практики. Новая идея как бы

вытекала из нее. Широкое использование идеи-вывода обеспечивало получение проверяемых и надежных результатов. На самом деле это была плодотворная и перспективная новая идея, главная мысль, а не частный исследовательский прием. В науке XX в. идеи и приемы различают строго. Любая мысль может стать идеей, если экспериментальная база и математическое обеспечение достаточны и надежны (Вайнберг Ст., 2008, с. 34–35).

Экспериментальная база и математическая составляющая нововведения С.А. Семенова, пусть небольшие, отвечают всем трем требованиям, которые современная наука считает достаточными для придания идее теоретического статуса. Нововведение С.А. Семенова не просто вывод, а впервые заявленная теория нарастающей сложности техники, создаваемой древнейшим человеком. Идея об уровнях сложности всей технологической структуры древнейшего материального производства естественно вытекает из этого открытия. Особенности результатов, которые получил С.А. Семенов, впервые стали основой теории. Рядом с постоянно получаемыми практическими результатами теоретическое содержание этого открытия не менее, если не более значительно. Самое важное, на мой взгляд, С.А. Семенов показал, что археологический источник, к разработке которого привлечены методы естественных наук, – прекрасный полигон для испытания идеи об уровне сложности в организации археологической эпохи.

Как ни далеки друг от друга археология и математика, но количественные характеристики, пригодные для обработки с помощью статистиче-

ских и иных математических методов, в археологии изобилуют. Среди них и метрика изделий, число и стратиграфическое распределение находок, хронология и периодизация и т.д.

Рассмотрим числовые характеристики древнейших изделий, взяв необходимые данные из классических работ, известных специалистам науку (Семенов, 1957; 1970; Морфология человека..., 1983).

Выделим и запишем в строку наиболее интересующие нас сведения о числе актов-ударов, использованных и необходимых каждый раз: 3 – 10 – 30 – 100 – 200 и более двухсот. В очевидно возрастающей технологической сложности заметны своего рода шаги и ступени, различающиеся на порядок: 3 → 30; 10 → 100. Желая сопоставить современные и древнейшие процессы (нарастания сложности), вслед за А.Д. Армандом и Б.И. Кудриным, выразим эти числа, возведя основание 10 в степень: 3 = 0,3·10¹; 10 = 10¹; 30 = 3·10¹; 100 = 10², 200 = 2·10². Число 100 = 10² соответствует первому рангу сложности, по А.Д. Арманду (см. выше). Числа менее 100 находятся вне его рангов. Положим, что такие числа обозначают технологическую сложность древнейшего техноценоза. Таким образом, сложность организации, устойчиво возрастающая и находящаяся в зависимости от течения времени, могла бы быть признана исторической категорией.

Специфика количественных характеристик и числовых данных позволяет обрабатывать их как отдельный сюжет. Последний уровень сложности информационных структур мира 10⁴, по А.Д. Арманду, объемлет прогнозируемое число видов современной материальной культуры. Их реальная

сложность, достигнутая к настоящему времени, соответствует 10¹². Выпишем отдельно степени возрастания сложности 2, 4, 8, (12), 14. Каждую степень сложности можно рассматривать, на мой взгляд, как некий ранг, и результат такого ранжирования можно записать следующим образом: 2 – 4 – 8 – 12.

Сложность изделий современного техноценоза, по Б.И. Кудрину, равна 10⁷. Число более крупных таксономических единиц, по его мнению, 10⁵. Степень сложности одной из составляющих современного техноценоза, по Б.И. Кудрину, соответствует второму (между 4 – 8) рангу сложности А.Д. Арманды, а не его последнему (число видов изделий), как следовало бы ожидать (Кудрин, 2006).

Под таким же углом зрения рассмотрим древнейший техноценоз. Благодаря открытиям С.А. Семенова, технологическую составляющую древнейшего техноценоза можно характеризовать количественно. С.А. Семенов был одним из первых, кто технологическую сложность древнейших изделий соотнес с числом актов, точнее, числом нанесенных ударов, необходимых для изготовления, правильнее говорить, изделий – не орудий, которые, по определению, являются специальным изделием (Щапова, 2011, с. 73–81). Напомню, что для получения шелльских изделий было достаточно 10 ударов, для ашельских, более сложных, – 30. Для изготовления основной массы мустьерских изделий и орудий требовалось около 100 ударов. Технологии изготовления наиболее сложных кремневых изделий разных видов, орудий в том числе, предполагали нанесение 200 и более актов – ударов, объединенных или разделенных на части

по их сходству – различию. Продолжая поиск данных о возрастании производственно-технологических возможностей от ашеля к мустье, заметим: число видов изделий за период от ашеля до мустье возросло на порядок, от 10 до 100, согласно наблюдениям Н.Б. Леоновой (Леонова, 2006).

Замеченное увеличение на порядок можно выразить через последовательность $1 - 10 - 100$ или через степень: $10 = 10^1$; $100 = 10^2$. Последняя степень сложности в этом списке соответствует первому рангу сложности мира, по А.Д. Арманду. Меньшая сложность 10^1 находится вне его рангов, и, можно сказать, противоречит его порядку. Согласно принципу «*contraria sunt complementariae*», оценим замеченное противоречие как дополнение к восстанавливаемой картине и будем считать, что обнаруженная археологически сложность древнейших и древних техноценозов и по существу, и по форме ниже самой низкой сложности ценозов современных. Из этого следует вывод, что и эволюционные процессы, в которые древние ценозы были вовлечены, следует относить к типу наиболее простых иерархических систем (их характеристика приведена выше).

Движение в направлении $3 \rightarrow 30$, может быть, было мало заметной древней параллелью линии $1 \rightarrow 10$, которую можно было бы называть основной. Дополнительная параллель могла бы свидетельствовать не только о материально-технологическом, но и о возможном общем усложнении организации жизни древних, коль скоро все другие перемены в ней не уловимы. Возрастающая сложность изделий и орудий – достаточное осно-

вание полагать, что сложность других составляющих древнего техноценоза (материалов, числа орудий и объема производственных отходов) возрастала поочередно, примерно в таком же темпе. Рассуждая далее, можно полагать, что сложность древнего техноценоза и других сторон жизни и деятельности (в археологическую эпоху) возрастала совокупно. Замеченное возрастание на порядок орудийного разнообразия (уровня сложности орудий – Леонова, 2006) можно считать одним из признаков усложнения организации археологической эпохи в пределах от ашеля до мустье. Если соглашаться с тем, что уровень сложности процессов от ашеля до мустье возрос на порядок, то его следующее возрастание можно и нужно было бы ожидать в верхнем палеолите. Возрастанию сложности на порядок ($1 - 10 - 100 - 1000$) соответствует увеличение показателя степени сложности (0, 1, 2, 3 и т.д.). Подобно повторяющиеся соответствия, на мой взгляд, позволяют приписывать им свойства признаков общих и даже всеобщих, можно сказать, эпохальных археологически, т.е. свойственных археологической эпохе. Процесс усложнения системы жизнеобеспечения, его уже заметное начало, действительно, можно относить к археологической эпохе. Что касается эпохальных его корней, то их можно уводить вглубь, до уровня высших приматов. Этот процесс можно продлевать и в направлении к нашему времени, связывая его продолжение с неолитом и металлоносными археологическими субэпохами.

Знания, которыми мы располагаем к настоящему моменту, достаточны, чтобы построить макроуровневую

модель процессов эволюции уровня сложности организации (мира, жизни) в археологическую эпоху.

Хронологию возрастания технологической сложности древнейшего техноценоза ранее других представил С.А. Семенов, правда, номинативно, по правилам своего времени: шелль, ашель, мустье... Порядок в таком перечислении соответствует движению от древности к современности в полном соответствии с представлением об усложнении технологии изготовления, морфологии и функций изделий с течением времени. Числовые характеристики технологической сложности древних изделий выделим и рассмотрим как некую отдельность. В качестве единицы измерения изделий примем один акт или удар. Напомню: для изготовления олдувайско-ашельско-мустьерских изделий, согласно эмпирическим наблюдениям, требовалось 3, 10, 30, 100 и 200 ударов. Обобщив имеющиеся данные, мы получили три последовательности: $1 \rightarrow 10 \rightarrow 100$, $2 \rightarrow 20 \rightarrow 200$ и $3 \rightarrow 30 \rightarrow 300$. Начальные условия технологической сложности олдувайско-ашельско-мустьерских изделий и ее продолжение во всех трех случаях различаются на порядок (одна сложность исчисляется в единицах, другая – в десятках и третья – сотнях). Следовательно, их технологическая сложность принадлежит трем масштабам.

Первую последовательность завершает число 100, или 10^2 . Оно соответствует известному в науке знанию: порядок чисел для наименования элементарных частиц равно 10^2 . Такое совпадение трудно не заметить и еще труднее отказаться от нескольких вопросов. Вопрос первый: не представляет ли число 10^2 в числовой после-

довательности 1 – 10 – 100 аналогию или параллель числу элементарных частиц, из которых состоит мир (Арманд, 2001, с. 804).

Вслед за этим возникает вопрос: не составляют ли такие элементарные технологические частицы основу всех древнейших технологий, которые, в свою очередь, порождали бы технологии более сложные. И далее еще два: во-первых, не являются ли элементарные технологические частицы общим числом 10^2 тем основанием, на котором могли бы развиваться родственные древние техноценозы конвергентно, т.е. независимо друг от друга и территориально и хронологически, и, во-вторых, не представляет ли уровень сложности 10^2 некий первоначальный уровень сложности того технологического потенциала, который мог бы (или должен?) лежать в основе всей последующей эволюции древних техноценозов.

Положительный ответ на этот вопрос мог бы объяснить многократно замеченное подобие историко-производственных процессов, развертывавшихся в разных районах ойкумены. Нехватка эмпирических оснований не мешает нам считать возможной такую связь, которая в настоящее время, являясь скорее виртуальной, оставляет, тем не менее, нам надежду на будущее, в котором, может быть, удастся обрести большую определенность. Следующие ранги уровней сложности явлений, по А.Д. Арманду, выражают числа, 10^4 , 10^8 и т. д. (см. выше).

Материальное производство в археологическую эпоху, как показало его изучение, родственно современному, несмотря на их почти полное несходство. Причин родственного несходства может быть много, но главным нужно

считать разные начальные условия и разную (включая уровни сложности) организационную структуру производства как исторического явления (Щапова, 2011). Последовательность операций, необходимых для такого заключения, описана и будет опубликована специально. В данной статье использован полученный результат.

Если трехчлен $10 - 100 - 1000$ записать иначе ($10 - 10^2 - 10^3$) и продлить его влево и вправо, он превратится в пятичлен ($1 - 10 - 10^2 - 10^3 - 10^4$) и будет описывать собою ряд родственных явлений с разным уровнем сложности их организации, способным возрастая до следующего уровня обобщения (Мейен, 2006, с. 30).

Переходить к археологической конкретности от математической абстракции трудно. Однако, руководствуясь «золотым сечением», которое управляет миром, можно упорядочить технологическую сложность древних изделий, разделив их на уровни. «Золотое сечение» можно выразить с помощью ряда, который называют

дискретой. Дискрета имеет следующий вид: 1, 2, 3, 5, 8, 13, 21, 34, 55, 89, 144, 233, 377, 610, 987 и т.д. (Уайльд, 1967). Простейший вариант деления (по принципу «золотого сечения») представляет пропорция $5 : 3 : 2$. Технологическую сложность древних изделий делим на три части: половина всех последовательностей имеет низкий уровень сложности (1 – 50%), треть (50 – 80%) – средний и пятая часть (80 – 100%) – высокий (табл. 1).

Приняв во внимание, что однозначные числа ряда описывают низкий уровень (технологической) сложности, двузначные числа – средний и трехзначные – высокий, можно произвести деление массива данных (табл. 2).

Каждый уровень сложности, согласно дискрете, имеет пять градаций. Суммарная сложность нижнего уровня ($1 + 2 + 3 + 5 + 8$) равна 19, среднего ($13 + 21 + 34 + 55 + 89$) = 212 и высокого – 2341. Числа 19, 212 и 2341 с небольшой, не более чем на 10%, погрешностью, можно считать различающимися на порядок. Окру-

Таблица 1.

Распределение массива данных по уровням сложности организации (расчетно-обобщенное ранжирование).

Уровень сложности	Показатель сложности		
	1 – 10	10^2	10^3
Низкий	$1 \leq 5$	$1 \leq 50$	$100 \leq 500$
Средний	$<5 \leq 8$	$<50 \leq 80$;	$<500 \leq 800$
Высокий	$<8 \leq 10$	$<80 \leq 100$	$<800 \leq 1000$

Таблица 2.

Распределение массива данных по уровням сложности организации («золотое сечение» по дискрете).

Уровень сложности	Показатель сложности					Итого
	1	2	3	5	8	
Низкий	1	2	3	5	8	19
Средний	13	21	34	55	89	212
Высокий	144	233	377	610	987	2341

Таблица 3.

Сложность организации археологической эпохи
(уровни, степень, хронология и содержание процессов)

№	Уровень и степени сложности			Даты	Содержание процессов				
	уровни	сумма мест	10^n		Антропогенез	Название Суб-эпохи	Техногенез	Археол. культуры	Инструмент информации
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1	0			6765	Hhab 1	Археолит			«Языки»
2	0			4181	Hhab 2		*		
3	0	0<	>1	2584	Hhabilis			Олдувай	
4	1		>10	1597	Archantr	Н. палеол.			*
5	2			987			Н. палеол.		
6	3			610				Ашель	
7	5		10^2	377	Н. palean.	С. палеол.			*
8	8	2×10		233			Ср. палеол.		
9	13			144				Мустье	
10	21		10^3	89	Н. sap. 1	В. палеол.			Речь
11	34			55			В. палеол.		
12	55			34				В. палеол.	
13	89	2×10^2	10^4	21	Н. sap. 2	Неолит	89		
14	144			13			Неолит	Мезолит	
15	233			8				Неолит	Письмо
16	377		10^5	5	Н. mod. 1	Бронзовый		Энеолит	
17	610			3			Бронзовый	РБВ	
18	987	2×10^3		2	Н. mod. 2	Железный		С и ПБВ	
19	1597			1			Железный	РЖВ	
20	2584			1	Н. mod. 3			С и ПЖВ	

глив 19 и 2341 до четных (20 и 2342), установим, что наименьшее общее кратное этих чисел равно 2, и ряд, полученный с его учетом, можно записать как 2 – 20 – 200 – 2000 и принять, что именно эта последовательность

описывает полный путь возрастания технологической сложности (изделий древнего техноценоза). Техноценоз наших дней описывают как 10^5 и 10^7 (Кудрин, 2006). А.Д. Арманд полагает, что 10^3 – это начальный уровень

степени сложности эволюции современных производств. Таким образом, наш расчет, фиксируя высшую сложность одного из этапов древнего техноценоза на уровне ≤ 2000 , превращает число $2 \cdot 10^3$ в своего рода рубеж. С одной стороны, этот рубеж мог бы завершить древнейший техноценоз, с другой – его можно представлять в качестве начального условия возникновения техноценоза следующего уровня сложности.

Проводимые рассуждения и математические операции можно рассматривать как обоснование утверждения: финал предыдущей ступени развития – начальные условия очередного (следующего). Взаимодействие археологии с математикой помогло уточнить это представление об интересующем нас процессе. Содержания самого процесса и его исторический аспект является главной целью археологического исследования. Соотнесение со шкалой времени придает достоверность исторической интерпретации сделанных наблюдений и открытий. Доктрина времени, как известно, придает историческое значение всему, на что ее можно распространить. В рамках настоящей статьи я могу привести лишь результат соотнесения расчетов уровней сложности с хронологией.

Устойчивое возрастание сложности процессов с течением времени очевидно настолько, что может считаться аксиомой. Эта сущностная и бесспорная связь и многократно подтверждена, и датирована. Правда, основная часть использованных данных датирована номинативно. Для наших целей номинативная шкала времени принципиально недостаточна, в большинстве случаев трудно исполь-

зовать и даты, записанные римскими цифрами. Даты (годы, столетия и т.д.) должны быть записаны арабскими цифрами, поскольку они делают возможными все операции с числами, что стало известно в европейской математике с открытием Фибоначчи (его настоящее имя Леонардо да Пиза – 1170 [1180] – 1228 [1240]). Математическая модель хронологии и периодизации АЭ¹ выражена в арабских цифрах и в данном случае может быть использована беспрепятственно. Математическая модель хронологии археологической эпохи приведена ниже как справка-напоминание с минимальными пояснениями, поскольку с подробными объяснениями я публиковала ее многократно и последний раз в 2011 г.

Обращу внимание на одно совпадение: возрастание уровней сложности техноценоза и разделение на периоды археологической хронологии эволюционировали, одинаково подчиняясь «золотому сечению». На мой взгляд, этого достаточно, чтобы совместить оба рода данных в одной модели (табл. 2 и 3).

Некоторый комментарий к таблице 3:

1. Возрастание уровней сложности организации начинается с 2584 тыс. л. вместе с появлением *Homo habilis*;

2. К 377 тыс. л. (к моменту возникновения палеантропа) сложность техноценоза достигает 102, т. е. числа элементарных частиц, из которых состоит мир. Этот факт трудно не заметить и еще труднее комментировать, и правильнее отказаться от каких-либо комментариев в настоящий момент;

3. На уровне 233 тыс. л. (следующий период АСЭ среднего палеолита, доминанта которого – становление

¹ АЭ – археологическая эпоха.

материального производства) суммарный уровень сложности эволюции археологической эпохи достигает рубежного значения 2×10 ;

4. Появлению каждой новой формы организации субъекта археологии (на уровнях 2584 и 1597, 377, 89, 21, и 5 тыс. до н. э.) соответствует новый уровень сложности техноценоза;

5. Критическая точка эволюции техноценоза 103 приходится на уровень 89 тыс. лет до н.э., коррелируя с появлением *Homo Sapiens* и членораздельной речи как средства коммуникации и трансляции информации;

6. Критическая точка в эволюции археологической эпохи в целом находится на уровне 21 тыс. л. до н.э. (строка № 13 заполнена целиком: субъект достигает уровня сложности *Homo Sapiens Sapiens*, уровень эволюции техноценоза, равный 104, который соответствует уровню про-

гнозируемого числа вариантов материальной культуры и на два порядка превосходит критический; «сумма мест», равная 2×10^2 , связана со всем комплексом событий, относящихся к 21 тыс. до н.э., единственный раз на протяжении всей археологической эпохи. Чтобы понять причину такого «стечения обстоятельств», нужно выходить за пределы модели археологической эпохи и темы настоящей статьи. На этом уровне кончается праистория человечества и начинается то, что называют протоисторией.

Другая модель (Щапова, 2011, табл. 13) показывает, что нужно только одно усилие, чтобы все человечество вступило в историческую эпоху. Может быть, не все сразу, возможно, что поочередно, тем не менее, выражаясь высоким стилем, нельзя не «час пробил»: человечество вступило на путь исторического развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арманд А.Д. Иерархия информационных структур мира // Вестник РАН. – 2001. – Т. 71.
2. Вайнберг Ст. Мечты об окончательной теории. Физика в поисках фундаментальных законов природы. – М., 2008.
3. Веденов М.Ф., Кремьянский В.И., Шаталов А.Т. Концепция структурных уровней в биологии // Развитие концепции структурных уровней в биологии. – М, 1972.
4. Городцов В.А. Типологический метод в археологии. – Рязань, 1927.
5. Заренков Н.А. Введение // Теоретическая биология. – М., 1988.
6. Кудрин Б.И. Классика технических ценозов // Общая и прикладная ценология. – Томск, 2006. – Вып. 31.
7. Леонова Н.Б. Каменный век // Археология. Учебник для вузов / под. ред. акад. В.Л. Янина. – М., 2006.
8. Мейен С.В. Принцип сочувствия. Размышления об этике и научном познании. – М., 2006.
9. Морфология человека: Учебное пособие / под ред. В.А. Никитюка и В.П. Чтецова. – М., 1983.
10. Семенов С.А. Первобытная техника. – М.; Л., 1957. (МИА. № 54).
11. Семенов С.А. Производство и функции каменных орудий // Каменный век на территории СССР. – М., 1970. (МИА. № 166).
12. Словарь русского языка. Т. I. – М., 1985.
13. Уайльд Д.Дж. Методы поиска экстремума. – М., 1967.
14. Щапова Ю.Л. Материальное производство в археологическую эпоху. СПб., 2011.

Информация об авторе:

Щапова Юлия Леонидовна, доктор исторических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова (г. Москва, Россия).

**«ORGANIZATION COMPLEXITY LEVEL» IS
A KNOWN IDEA IN THE BASIS OF A NEW SCIENTIFIC APPROACH****Yu. L. Shchapova**

A scientific concept based on the notion of hierarchical systems is analyzed in the article. Three types of hierarchical systems, which differ in terms of organization complexity and the nature of relationships and interactions between endogenous elements, are described. The notion of organization complexity is elucidated. On the basis of this theoretical framework, the author demonstrates the various ways the data of natural and mathematical sciences could be used in historical and archaeological research.

Keywords: hierarchical systems, organization complexity, structure, evolution, natural science and mathematical methods.

REFERENCES

1. Armand, A. D. 2001. In *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk (Bulletin of the Russian Academy of Sciences)* 71 (9), 797-805 (in Russian).
2. Weinberg, S. 2008. *Mechty ob okonchatel'noi teorii. Fizika v poiskakh fundamental'nykh zakonov prirody (Dreams of a Final Theory: The Scientist's Search for the Ultimate Laws of Nature)*. Moscow: "Editorial URSS" Publ. (in Russian).
3. Vedenov, M. F., Kremianskii, V. I., Shatalov, A. T. 1972. In *Razvitie kontseptsii strukturnykh urovnei v biologii (Evolution of the Concept of Structural Layers in Biology)*. Moscow: "Nauka" Publ., 7-70 (in Russian).
4. Gorodtsov, V. A. 1927. *Tipologicheskii metod v arkheologii (Typological Method in Archaeology)*. Ryazan: "Obshchestvo issledovatelei Ryazanskogo kraia" Publ. (in Russian).
5. Zarenkov, N. A. 1988. In *Teoreticheskaiia biologiiia (Theoretical Biology)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
6. Kudrin, B. I. 2006. *Klassika tekhnicheskikh tsenozov. Obshchaia i prikladnaia tsenologiiia (Classics of the Technical Cenoses. Common and Applied Cenology)*. Series: Tsenologicheskie issledovaniia (Cenological Studies) 31. Tomsk: Tomsk State University (in Russian).
7. Leonova, N. B. 2006. In *Arkheologiiia (Archaeology)*. Uchebnik dlia vuzov (High School Manual). Moscow: Moscow State University, 28—147 (in Russian).
8. Meien, S. V. 2006. *Printsip sochuvstviia. Razmyshleniia ob etike i nauchnom poznanii (Empathic Principle. Considerations on Ethics and Scientific Cognition)*. Moscow: "Geos" Publ. (in Russian).
9. Nikitiuk, V. A., Chtetsov V. P. (eds.). 1983. *Morfologiiia cheloveka (Morphology of Man)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
10. Semenov, S. A. 1957. *Pervobytnaia tekhnika. Opyt izucheniiia drevneishikh orudii i izdelii po sledam raboty (Primitive Techniques. Attempted Study of the Early Tools and Artefacts by Traces)*. Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 54. Moscow; Leningrad (in Russian).
11. Semenov, S. A. 1970. In *Kamennyi vek na territorii SSSR (Stone Age on the Territory of the USSR)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 166. Moscow, 7-18 (in Russian).
12. *Slovar' russkogo iazyka (Dictionary of Russian Language)*. 1985. Vol. I. Moscow: "Russkii iazyk" Publ. (in Russian).

13. Wilde, D. J. 1967. *Metody poiska ekstremuma (Optimum Seeking Methods)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

14. Shchapova, Yu. L. 2011. *Material'noe proizvodstvo v arkhelogicheskuiu epokhu (Material Production in Archaeological Epoch)*. Saint Petersburg: "Aleteiia" Publ. (in Russian).

About the Author:

Shchapova Yulia L. Doctor of Historical Sciences. M. V. Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Ave., 27-4, Moscow, 119991, Russian Federation.

**О ПРОБЛЕМАХ И ПРИНЦИПАХ КЛАССИФИКАЦИИ
КОСТЯНЫХ ИЗДЕЛИЙ АНАНЬИНСКОЙ ЭПОХИ
(НА ПРИМЕРЕ ОРУЖИЯ, ОХОТНИЧЬЕ-ПРОМЫСЛОВОГО
И КОНСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ)**

© 2012 г. В.А. Шаталов

Статья посвящена актуальным проблемам классификации и типологизации костяных изделий ананьинской культурно-исторической области. На основе анализа предметов вооружения, охотничьего снаряжения и конской упряжи предлагается новая схема классификации, основанная на формализованном описании изделий, с учетом возможного использования методов математической статистики. Учитывая многообразие ананьинских костяных изделий, данная классификационная схема включает девять ступеней. Изделия разделяются на категории по функциональному назначению (наконечники стрел, остроги и гарпуны, псалии, пряжки и др.), на секции по материалу (кость, рог), и по морфологическим признакам – на классы, группы, отделы, типы с подтипами и варианты с подвариантами. Такая схема позволяет, с одной стороны, учитывать индивидуальные особенности изделий, с другой – проводить широкие межрегиональные и межкультурные сравнения.

Ключевые слова: археология, Волго-Камский регион, поздний бронзовый век, ранний железный век, ананьинская культурно-историческая область, изделия из кости, система классификация, вооружение, охотничье-промысловое снаряжение, конское снаряжение.

Предметы вооружения, охотничье-промыслового и конского снаряжения занимают исключительное место среди археологических древностей ананьинской культурно-исторической области. Их изучение, безусловно, составляет важное направление современной российской археологической науки. Существующие на сегодняшний день системы классификации археологического материала не охватывают всего комплекса имеющихся в распоряжении исследователей изделий не только по категориям (или видам), но и ни по материалу, ни по памятникам, ни по эпохам. Так, если для археологического оружия (особенно металлического) или конского снаряжения уже существуют более или менее разработанные системы классификации (Смирнов, 1961; Ме-

люкова, 1964; Кузьминых, 1983; Эрлих, 1994; Вальчак, 2009; и др.), созданы формально-типологические схемы исследования, то для разных видов охотничье-промыслового снаряжения таких подходов пока не выработано. К тому же ввиду чрезвычайного разнообразия форм орудий и материала изготовления никак не анализируются и не сопоставляются разные категории орудий. Если в предшествующий период это было допустимо, то в современных условиях, когда уже накоплен богатейший археологический материал, такой подход представляется автору не вполне удовлетворяющим современному состоянию развития археологической науки.

Сегодня, несмотря на имеющиеся серьезные наработки, целый блок вопросов по разным причинам до сих

пор оказывается вне сферы внимания исследователей. Между тем, представляется очень важным именно обобщенное сопоставление разных категорий предметов в рамках одной эпохи или культуры. Это открывает возможности решения одной из главных задач археологического исследования – проведения сравнительного анализа коллекций для выявления характеристик, которые могли бы служить показателями этно-, культуро- и хронологической близости разных групп памятников или культур.

Ананьинская культурно-историческая область в этом смысле весьма интересна для изучения. Массовый археологический костяной материал позволяет апробировать единую концептуальную схему для типологизации костяных изделий, бытовавших у ананьинцев. Проблемам, существующим в этом направлении, и их решению и будет посвящена данная статья. Понимая, что в одной статье невозможно решить весь комплекс озвученных выше проблем, автор останавливается здесь на изложении системы типологических схем для группы костяных изделий, традиционно объединяющей предметы вооружения, охотничье-промыслового и конского снаряжения.

Известно, что основным методом археологического исследования считается метод классифицирования материала. Классификация является наиболее распространенным видом научного исследования. Однако среди методологов археологической науки нет единого мнения по вопросам классифицирования. Все исследователи соглашаются, что классификация – это метод, позволяющий на основе анализа многочисленного (массового)

материала не только упростить исследовательскую процедуру, но и благодаря ему, выйти на уровень более широких обобщений, исторических интерпретаций и в некоторой мере даже реконструкции. По мнению исследователей, «классификация должна предусматривать возможность распределения на классы культурно-исторического порядка» (Каменецкий и др., 1975, с. 44).

Следует отметить, что методологическим и методическим проблемам классификации посвящено значительное число научных трудов. В них поднимается проблема классификации как метода изучения массового археологического материала не только для упрощения исследовательской процедуры, но и для того, чтобы выйти на уровень исторических реконструкции (Грязнов, 1969; Деопик, 1961; Шер, 1970, с. 8–24; Каменецкий и др., 1975; Клейн, 1978; Клейн, 1987; Деревянко и др., 1989; Деревянко и др., 1994; Холушкин, 1998). По мнению С.С. Розовой «классификация, это и этап эмпирического исследования, и разработка средств описания, картографирования, терминологии; это и теория, на базе которой возможны развитие объекта и предсказание его еще не выявленных форм; это и форма теории, форма фиксации знаний; это и модель в ряде наук» (Розова, 1986, с. 73). Виды классификаций раскрываются в работах Л.С. Клейна (Клейн, 1979; Клейн, 1991), А.Д. Журавлевой (Журавлева, 1991, с.168), в коллективных исследованиях И.С. Каменецкого, Б.И. Маршака, Я.А. Шера (Каменецкий и др., 1975, с. 45), А.П. Деревянко, А.Ф. Феллингера, Ю.П. Холушкина (Деревянко и др., 1989, с. 10). Здесь же описаны принципы классификации. Приемам

и методике классифицирования посвящена монография Г.Ф. Никитиной (Никитина, 1995).

Классификация подразумевает формализацию описания археологического источника, использование формально типологического подхода к изучению массового археологического артефакта. Эти методы нашли свое отражение в работе «Анализ археологических источников» (Каменецкий и др., 1975), где предлагается формализовать процедуру классификации археологических объектов, поскольку «основой всякой классификации является сравнение объектов, в результате которого можно сказать, что объекты либо сходны, либо различны, для чего отмечаются их общие и различные признаки» (Каменецкий и др., 1975, с. 48). Большое внимание этой проблеме уделяют Г.А. Федоров-Давыдов в работе «Археологическая типология и процесс типобразования: на примере средневековых бус» (Федоров-Давыдов, 1981); Л.С. Клейн «Три процедуры археологического исследования», «Структура археологической теории», «Понятия типа в современной археологии» (Клейн, 1977; Клейн, 1979; Клейн, 1980); Я.А. Шер «Интуиция и логика в археологическом исследовании (к формализации типологического метода в археологии)» (Шер, 1987); Ю.С. Худяков «Вопросы методологии и методики оружейоведения» (Худяков, 1994).

В современной археологической литературе существует значительное число классификаций, построенных на разном в качественном и количественном отношении материале как с применением сложного математического аппарата, так и основанных на интуитивном уровне. Естественно,

что массовый материал порой очень трудно обрабатывать без применения математических методов. Каждый исследователь при наличии массового материала должен создавать классификации, которые позволяют представить все его многообразие в систематизированном виде. И выбор той или иной из них, конечно, будет зависеть от цели и задач исследования, потому что «классификация археологических объектов исследования может служить двум целям: а – первичному упорядочению массового материала по классам для удобства его изучения; б – распределению его по группам (типам), имевшим место в реальной действительности, для использования его в исторических реконструкциях. В первом случае классификация формальная, играющая роль чисто служебную, во втором – типологическая (или генетическая), представляющая собой систематику археологического материала, то есть разделение его по признакам сходства и различия в исторически-генетически связанные друг с другом группы» (Грязнов, 1969, с. 18). В предлагаемой типологической классификации также сделана попытка «...открыть и охарактеризовать существовавшие в реальной исторической действительности группы, то есть типы вещей и явлений, отличные от других типов той же категории вещей и явлений. Систематизировать изучаемые вещи и явления в соответствии с их исторической принадлежностью и обусловленностью» (Грязнов, 1969, с. 19).

Сразу следует оговорить имеющиеся на этом пути сложности. Основная проблема на пути выработки единой классификационной схемы для разных типов (пусть даже функциональ-

но близких) орудий состоит в самом материале, из которого они изготовлены. Органический материал (кость и рог) неудобен для тиражирования однотипных изделий. Несмотря на массовость материала, бывает весьма трудно найти два идентичных по всем параметрам экземпляра, так как в процессе обработки кости на форму и вид изделия оказывает влияние слишком большой круг факторов – от объективных (качество материала, способ и технологии обработки и др.) до субъективных (приложенные при обработке усилия, аккуратность изготовителя и др.).

Еще одним фактором, затрудняющим создание единой классификационной схемы костяных изделий, является значительное видовое разнообразие последних. Только в рассматриваемой нами группе изделий их насчитывается не менее восьми разновидностей (наконечники стрел, наконечники острог, гарпуны, свистульки-манки, псалии, пряжки и блоки из конской упряжи, детали оленьей и собачьей упряжек).

В целом трудность классификации изделий из кости и рога заключается в основном в отсутствии стандартов самих предметов. Разнообразие возможных схем описания вытекает из их очевидной интуитивности и в значительной степени искусственности. Как верно заметила В.Е. Флерова, далеко не всегда может быть правильно понята нами функция костяного предмета, поскольку основная их часть являлась всего лишь деталью более сложных конструкций, до нас не дошедших (Флерова, 2001, с. 34–35). Порою не оправдываются и расчеты на трассологический анализ изделий, поскольку интерпретация следов сра-

ботанности на предметах может быть истолкована неверно, без должного экспериментального обоснования (Алексашенко, 2006, с. 240). Кроме того, как мы уже отметили выше, в силу особенностей сырьевой базы не всегда четко определяется даже форма предмета.

Попытки классификации ананьинских орудий из кости предпринимались А.Х. Халиковым (Халиков, 1977), О.Н. Бадером (Бадер, 1951, с. 110–158), Г.А. Архиповым (Архипов, 1962, с. 188–265), Е.М. Черных (Черных и др., 2002), В.А. Ивановым (Иванов, 1984), В.А. Борзуновым (Борзунов, 1997, с. 197–210) и др. Однако эти попытки не охватывали всего комплекса имеющегося костяного материала, и затрагивали, как правило, либо отдельные орудия, как у В.А. Иванова и А.Х. Халикова, либо отдельные памятники, как у Г.А. Архипова, В.А. Борзунова и т.д. Значительный вклад в разработку классификации ананьинских костяных изделий на примере материала Вятских городищ внес ранее автор в своей кандидатской диссертации (Шаталов, 2006). Классификация, предложенная В.А. Шаталовым с коллегами А.И. Ашихминой и Е.М. Черных ранее для ананьинской кости бассейна р. Вятки (Ашихмина и др., 2006), с точки зрения генерализации всей ананьинской кости также являлась во многом предварительной. Авторы ставили перед собой цель изучения ананьинских костяных изделий бассейна р. Вятки, в их задачи на том этапе не входило проведение более масштабного исследования изделий из кости всего ареала ананьинской культурно-исторической области. Именно поэтому выработанная тогда система классификационных

признаков сегодня требует корректировки, позволяющей провести более широкие межрегиональные сравнения не только территории Вятской зоны распространения ананьинского материала, но и Марийского, Казанского, Ульяновского, Самарского Поволжья, Нижнего, Среднего и Верхнего Прикамья, а также бассейнов Ветлуги и Белой.

Основным способом анализа массового костяного материала, относящегося к тому же к разным географическим зонам, является создание формально-типологических построений. Суть этого метода – в определении набора признаков для разбиения всего массива на отдельные группы предметов, которые сходны по выдвигаемым признакам. Этот метод изучения археологических артефактов оправдал себя, поскольку позволяет исследователю предложить стройную систему с определенным набором признаков, открывая возможность сравнимости отдельных групп разнородных совокупностей.

Таким образом, формализованное описание морфометрических характеристик костяных ананьинских изделий для различных памятников и последующее их объективное классифицирование с целью сравнительного анализа коллекций между собой и выявления совокупностей характеристик, которые могли бы служить этно-культурно и хронологическими показателями, является актуальной задачей археологических исследований.

Часть материала, иногда значительная, имеет черты различных групп, поэтому отнесение этих предметов к той или иной группе вызывает затруднения. Чаще всего эти предметы выделяются в какой-либо вариант

одной из групп, к которой исследователь относит их волевым усилием. В связи с этим возможно выделение различного количества групп различными исследователями на одной и той же совокупности предметов.

Формализация процессов описания предметов и их последующей классификации дает возможность почти полного устранения приведенных выше неоднозначностей.

Степень формализации для различных этапов исследования может быть различной, но полная формализация археологии, как и вообще всякой науки, невозможна. Проблема заключается в том, чтобы определить те разделы исследования, те процедуры, которые могут быть формализованы (Каменецкий и др., 1975, с. 17).

Ниже делается попытка частичного решения проблемы формализации и классификации для костяных изделий ананьинского времени на основе использования формализованного описания изделий и с учетом возможного привлечения к анализу археологического материала методов математической статистики.

Прежде всего охарактеризуем избранную классификационную схему. Учитывая целесообразность максимально возможной генерализации костяных изделий для последующих обобщений всех известных костяных изделий ананьинской культурно-исторической области, предлагаем избрать для их описания и характеристики такой подход. Следует разделить всю имеющуюся кость на достаточно большие секции, большие классы, крупные группы, отделы (с возможными подотделами) и относительно менее представительные типы (с подтипами) и немногочисленные

варианты (с подвариантами). Таким образом, предлагаемая нами схема классификации в самом сложном случае будет включать девять шагов или ступеней учета. Однако в реальности далеко не все из этих ступеней учета будут актуальны для всех видов и типов костяных орудий.

Проведенный нами анализ вятской кости (Ашихмина и др., 2006), а также другого известного нам костного материала Казанского, Самарского Поволжья и Прикамья (Збруева, 1952; Халиков, 1977) позволил установить, что для описания данной категории орудий реально может быть использовано от одной до восьми классификационных ступеней. Максимально подробное описание в нашем случае оказалось применимо лишь к конскому снаряжению – костяным псалиям, далее по убывающей идут наконечники стрел, остроги и т.д.

Общим для всего вооружения, охотничье-промыслового и конского снаряжения является разделение на достаточно большие секции по использованному материалу. Для всей совокупности ананьинской кости может быть выделено пять таких секций – для изделий из рога, кости животного, рыбы, птицы и неопределенной (спорно определенной) кости. Именно материал изготовления и является, наряду с географическими зонами распространения, единым генерализующим признаком для всех костяных изделий. Далее же – в классах, типах и вариантах, начинается индивидуализация.

Приведем теперь полный список рассматриваемой группы костяных орудий с разложением на возможные секции, классы, группы, отделы, типы и варианты для ананьинской кости.

1. Категория – наконечники стрел (Крис, 1970, с. 145; Ашихмина и др., 2006, с. 26).

Секция выделяется по материалу: 1) не определено; 2) рог; 3) кость животного; 4) кость рыбы; 5) кость птицы.

Классы не выделены.

Группа выделяется по способу насада: 1) черешковые; 2) с глухой втулкой; 3) со сквозной втулкой; 4) бесчерешковые.

Отдел объединяет наконечники по характеру сечения пера: 1) трехгранные (с треугольным сечением пера); 2) четырехгранные (с квадратным, прямоугольным, ромбическим сечением пера); 3) четырехгранно-трехгранные (с сечением, образующим в верхней части пера четыре грани, а в нижней – три); 4) многогранные (с сечением пера, имеющим более четырех граней); 5) уплощенные (с овальным или плоским сечением пера); 6) дуговидные (с дугообразным сечением пера); 7) круглые (с сечением пера, приближающимся к кругу).

Тип выделяет наконечники стрел по форме пера: 1) треугольный; 2) листовидный; 3) ланцетовидный.

Подтипы выделяются по оформлению пера: 1) без выраженных шипов; 2) одношипные; 3) двушипные; 4) трехшипные.

Варианты перехода от пера к черешку: 1) переход отсутствует (черешок является прямым продолжением пера); 2) плавный переход к черешку; 3) с выраженным переходом к черешку; 4) с утолщением (муфтой) при переходе к черешку.

Подварианты по пропорции пера.

2. Категория – остроги и гарпуны.

Гарпунами являются специально оформленные наконечники, которые

отделяются от древка и имеют специально оформленный насад для крепления к нему. При отсутствии насада подобные наконечники относят к острогам.

2.1. Остроги (Ашихмина и др., 2006, с. 34–37; изменена структура классификации).

Секция выделяется по материалу: 1) не определено; 2) рог; 3) кость животного; 4) кость рыбы.

Классы не выделены.

Группы делятся на: 1) прямые; 2) изогнутые.

Следующий уровень классификации – **отдел** делит изделия на: 1) односторонние и 2) двусторонние.

Тип выделяет изделия по количеству зубцов: 1) однозубые, с гладким стержнем и коротким зубом на вершине; 2) многозубые.

Подтипы учитывают характер расположения зубцов: 1) сплошное и 2) разными группами (по две и более с 2–3 зубцами в группе).

Варианты выделяются по размерам зубцов: 1) мелкие (до 0,5 см) и 2) крупные (более 0,5 см).

2.2. Гарпуны (Ашихмина и др., 2006, с. 34–37; изменена структура классификации)

Секция выделяется по материалу: 1) не определено; 2) рог; 3) кость животного; 4) кость рыбы.

Классы не выделены.

Группы не выделены.

Следующий уровень классификации – **отдел** делит изделия на: 1) односторонние и 2) двусторонние.

Еще более частный уровень – **тип** выделяет изделия по количеству зубцов: 1) однозубые и 2) многозубые.

Подтипы – нет.

Варианты – нет.

3. Категория – манки (Ашихмина и др., 2006, с. 37–38).

Секция выделяется по материалу: 1) не определено; 2) рог; 3) кость животного; 4) кость рыбы.

Классы не выделены.

Группы не выделены.

Отделы не выделены.

Типы не выделены.

Подтипы не выделены.

Варианты не выделены.

4. Категория – упряжь. Псалии.

Секция выделяется по материалу: 1) не определено; 2) рог; 3) кость животного; 4) кость рыбы; 5) кость птицы.

Классы: 1) пластинчатые (тулово которых по высоте и ширине значительно превосходит ширину и толщину и имеет плоскую форму); стержневидные (тулово которых по высоте (длине) значительно превосходит ширину и толщину, и имеет овальные или округлые очертания); фигурные (объединяют псалии со сложным контуром внешних очертаний и различными прорезями в тулове).

Группы выделены по форме основы (стержня): 1) с прямым стержнем; 2) изогнутым, С-образным; 3) изогнутым, сигма-образным.

Следующий уровень классификации – **отдел** делит изделия по количеству элементов крепления: 1) трехдырчатые; 2) двухдырчатые.

Подотдел выделяет изделия по дополнительным элементам оформления стержня в месте расположения креплений: 1) с отверстиями без изменения сечения стержня основы (гладкий стержень); 2) с утолщениями в местах размещения креплений; 3) со скульптурным изображением в средней части стержня.

Тип определяется по форме концов и (или) завершений псалия: 1) овальной; 2) подчетыреугольной; 3) приостренной; 4) с завершением в виде «шишечки»; 5) зооморфной (а – лося, б – грифона и т.д.).

Подтипы – по взаиморасположению элементов крепления: 1) в одной плоскости на фронтальной части; 2) в одной плоскости с боковой части; 3) во взаимоперпендикулярных плоскостях.

Варианты выделяются по форме отверстий: 1) округлые; 2) подчетыреугольные.

Система описания разработана на основе работ С.Б. Вальчака, Л.И. Ашихминой и А.Х. Халикова (Вальчак, 2009, с. 52–55; Ашихмина и др., 2006, с. 38–40; Халиков, 1977, с. 222–227).

5. Категория – пряжки (Ашихмина и др., 2006, с. 40–41; изменена структура класификации).

Секция выделяется по материалу: 1) не определено; 2) рог; 3) кость животного; 4) кость рыбы.

Классы не выделены.

Группы не выделены.

Следующий уровень классификации – **отдел** делит изделия: 1) без язычка и 2) с язычком.

Еще более частный уровень – **тип** выделяет изделия по форме: 1) прямоугольные; 2) трапециевидные; 3) кольцевидные.

Подтипы – нет.

Варианты – с дополнительными выступами, не являющимися язычком, т.е. не функциональные, а для украшения.

6. Бляха с петлей на обороте (Ашихмина и др., 2006, с. 41).

Секция выделяется по материалу: 1) не определено; 2) рог; 3) кость животного; 4) кость рыбы.

Классы, группы, типы, варианты не выделены.

7. Категория – собачья упряжка (Ашихмина и др., с. 41–42).

Секция выделяется по материалу: 1) не определено; 2) рог; 3) кость животного; 4) кость рыбы.

Классы не выделены.

Группы не выделены.

Отдел делит изделия на: 1) малые (до 8 см); и 2) крупные (более 8 см).

Тип выделяет изделия по размещению отверстий: 1) в центральной части; 2) по краям.

Подтипы учитывают степень изогнутости стержня: 1) прямой и 2) изогнутый.

Варианты – не выделены.

Таким образом, предложенная выше схема классификации охватывает широкий круг костяных орудий ананьинского времени и поэтому в каждой учитываемой категории индивидуальна. Вместе с тем, положенный в основу классификации единый принцип деления на секции, классы, группы, отделы, типы и варианты не только позволяет сделать более широкие общие выводы при изучении ананьинской кости широкого географического ареала, но и существенно расширяет возможности межрегиональных сравнений как в рамках самой ананьинской культурно-исторической области, так и с костяными орудиями других археологических культур.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексашенко Н.А.* Костяные изделия Усть-Полюя: новые результаты изучения // II Северный археологический конгресс: тез. докл. – Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2006.
2. *Архипов А.Г.* Ананьинские городища на р. Вятке // Тр. МАЭ. – 1962 – Т. 2.
3. *Ашихмина Л.И., Черных Е.М., Шаталов В.А.* Вятский край на пороге железного века: костяной инвентарь ананьинской эпохи (I тысячелетие до н.э.). – Ижевск, 2006.
4. *Бадер О.Н.* Городища Ветлуги и Унжи // МИА. – 1951. – № 22.
5. *Борзунов В.А.* Новые материалы по раннему железному веку Прикамья (городище Алтен-Тау) // РА. – 1997. – № 2.
6. *Вальчак С.Б.* Конское снаряжение в первой трети I тыс. до н.э. на юге Восточной Европы. – М., 2009.
7. *Грязнов М.П.* Тип, культура, классификация // Теоретические основы советской археологии. – Л., 1969.
8. *Деопик В.Б.* Классификация бус юго-восточной Европы VI–IX вв. // СА. – 1961. – № 3.
9. *Деревянко А.П., Фелингер А.Ф., Холмошкін Ю.П.* Методы информатики в археологии каменного века. – Новосибирск, 1989.
10. *Деревянко А.П., и др.* Некоторые статистические подходы к оценке фациальности позднего палеолита Енисея // Методология и методика исторических реконструкций. – Новосибирск, 1994.
11. *Журавлева А.Д.* Методологические проблемы исследования древней керамики // Проблемы средневековой археологии Южной Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 1991.
12. *Збруева А.В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. – 1952. – № 30.
13. *Иванов В.А.* Вооружение и военное дело финно-угров Южного Приуралья в эпоху раннего железа. – М., 1984.
14. *Каменецкий И.С., Маршак Б.И., Шер Я.А.* Анализ археологических источников. – М., 1975.
15. *Клейн Л.С.* Три процедуры археологического исследования // Археологические исследования на Урале. – Свердловск, 1977.
16. *Клейн Л.С.* Археологические источники. – Л., 1978.
17. *Клейн Л.С.* Понятие типа в современной археологии // Типы в культуре. – Л., 1979.
18. *Клейн Л.С.* Структура археологической теории // Вопросы философии. – 1980. – № 3.
19. *Клейн Л.С.* Классификация и типология // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Ч. 1. – Омск, 1987.
20. *Клейн Л.С.* Археологическая типология. – Л., 1991.
21. *Крис Х.И.* Костяные и железные наконечники стрел Троицкого городища // Древнее поселение в Подмосковье. – МИА. – 1970. – № 156.
22. *Кузьминых С.В.* Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). – М., 1983.
23. *Мелюкова А.И.* Вооружение скифов // САИ. – 1964. – Д1-4.
24. *Никитина Г.Ф.* Анализ археологических источников могильника черняховской культуры у села Оселивка. – М., 1995.

25. Розова С.С. Классификационная проблема в современной науке. – Новосибирск, 1986.
26. Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов // МИА. – 1961. – № 101.
27. Федоров-Давыдов Г.А. Археологическая типология и процесс типобразования // Математические методы в социально-экономических и археологических исследованиях. – М., 1981.
28. Флерова Е.В. Резная кость юго-востока Европы IX–XII вв. – М, 2001.
29. Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). – М., 1977.
30. Холюшкин Ю.П. Системная классификация понятия «общая теоретическая археология» // Информационные технологии в гуманитарных науках. – Новосибирск, 1998.
31. Худяков Ю.С. Вопросы методологии и методики оружиеведения // Методология и методика археологических реконструкций. – Новосибирск, 1994.
32. Черных Е.М., Ванчиков В.В., Шаталов В.А. Аргыжское городище на р. Вятке – М., 2002.
33. Шаталов В.А. Костяные изделия населения Вятского края в ананьинскую эпоху: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. – Ижевск, 2006.
34. Шер Я.А. Интуиция и логика в археологическом исследовании (к формализации типологического метода в археологии) // Статистико-комбинаторные методы в археологии. – М., 1970.
35. Шер Я.А. Интуиция и логика в археологическом исследовании (к формализации типологического метода в археологии) // Статистико-комбинаторные методы в археологии. – М., 1987.
36. Эрлих В.Р. У истоков раннескифского комплекса. – М., 1994.

Информация об авторе:

Шаталов Василий Анатольевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт истории и культуры народов Приуралья Удмуртского государственного университета (г. Ижевск, Россия); shatalov.vasily@mail.ru

ABOUT PROBLEMS AND PRINCIPLES OF BONE GOODS CLASSIFICATION OF THE ANAN'INO ERA (BY WAY OF WEAPONS, HUNTING EQUIPMENT AND HARNESS EXAMPLE)

V.A. Shatalov

The article is devoted to topical problems related to classification and typology of bone products of the Ananyino cultural and historical area. The analysis of weapons, hunting outfit and horse harness has made it possible to propose a new classification scheme based on formalized descriptions of items, taking into account eventual application of mathematical statistics methods. Given the diversity of the Ananyino bone items, the classification scheme includes nine stages. The items are categorized by their functionality (arrowheads, spears and harpoons, psalia, buckles, etc.) into sections: depending on material (bone, horn) and morphology (classes, groups, divisions, types with subtypes, and options with sub-options). This scheme allows taking into account individual characteristics of the items, on the one hand, and drawing interregional and intercultural comparisons, on the other.

Keywords: archaeology, the Volga-Kama river region, the Later Bronze Age, the Early Iron Age, the Ananyino cultural and historical area, bone items, classification system, weapons, hunting outfit, horse harness.

REFERENCES

37. Aleksashenko, N. A. 2006. In *II Severnyi arkheologicheskii kongress (2nd Northern Archaeological Congress)*. Yekaterinburg; Khanty-Mansiysk: "IzdatNaukaServis" Publ., 239-240 (in Russian).
38. Arkhipov, A. G. 1962. In *Trudy Muzei antropologii i etnografii im. Petra Velikogo «Kunstkamera» Rossiiskoi Akademii Nauk (Proceedings of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences)* 2 (in Russian).
39. Ashikhmina, L. I., Chernykh, E. M., Shatalov, V. A. 2006. *Viatskii kraj na poroge zheznogo veka: kostiano i inventar' anan'insko i epokhi (I tysiacheletie do n. e.) (Vyatka Region on the Threshold of the Iron Age: Bone Tools of the Ananyino Era (I Millennium BC))*. Izhevsk: "IPK «Zvezda»" Publ. (in Russian).
40. Bader, O. N. 1951. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR of the USSR)* 22, 110–158 (in Russian).
41. Borzunov, V. A. 1997. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (2), 197–210 (in Russian).
42. Val'chak, S. B. 2009. *Konskoe snariazhenie v pervoi treti I tys. do n. e. na iuge Vostochnoi Evropy (Horse Garment in the First Third of the I Millennium BC in the South of Eastern Europe)*. Moscow: "Taus" Publ. (in Russian).
43. Gryaznov, M. P. 1969. In *Teoreticheskie osnovy sovetskoi arkheologii (Theoretical Bases of Soviet Archaeology)*. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, Institute for Archaeology, 18–22 (in Russian).
44. Deopik, V. B. 1961. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 218 (in Russian).
45. Derevianko, A. P., Felinger, A. F., Kholiushkin, Yu. P. 1989. *Metody informatiki v arkheologii kamennogo veka (Methods of Informatics in the Stone Age Archaeology)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
46. Derevianko, A. P. et al. 1994. In *Metodologiya i metodika istoricheskikh rekonstruktsii (Methodology and Procedures of Historical Reconstructions)*. Novosibirsk, 72–82, 186 (in Russian).
47. Zhuravleva, A. D. 1991. In *Problemy srednevekovoi arkheologii Iuzhnoi Sibiri i sopredel'nykh territorii (Issues of Medieval Archaeology of the Southern Siberia and Its Neighboring Territories)*. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 158–176 (in Russian).
48. Zbrueva, A. V. 1952. *Istoriia naseleniia Prikam'ia v anan'inskuiu epokhu (History of the Population of the Kama Basin in the Ananyino Epoch)*. Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 30 (in Russian).
49. Ivanov, V. A. 1984. *Vooruzhenie i voennoe delo finno-ugrov Priural'ia v epokhu rannego zheleza (Armament and Warfare of the Cis-Urals Finno-Ugrians in the Early Iron Age)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
50. Kamenetskii, I. S., Marshak, B. I., Sher, Ya. A. 1975. *Analiz arkheologicheskikh istochnikov (Analysis of Archaeological Sources)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
51. Klejn, L. S. 1977. In *Arkheologicheskie issledovaniia na Urale i Zapadnoi Sibiri (Archaeological Studies in Ural and Western Siberia)*. Sverdlovsk: "Ural'skii rabochii" Publ., 15–24. (in Russian).
52. Klejn, L. S. 1978. *Arkheologicheskie istochniki (Archaeological Sources)*. Leningrad: Leningrad State University (in Russian).
53. Klejn, L. S. 1979. In *Tipy v kul'ture (Types in Culture)*. Leningrad: Leningrad State University, 50–74 (in Russian).
54. Klejn, L. S. 1980. In *Voprosy filosofii (Issues of Philosophy)* (2), 99–115 (in Russian).
55. Klejn, L. S. 1987. In *Istoricheskie chteniia pamiati Mikhaila Petrovicha Gryaznova (Historical Readings to the Memory of Mikhail Petrovich Gryaznov)* 1. Omsk: Omsk State University, 33–34 (in Russian).
56. Klejn, L. S. 1991. *Arkheologicheskaya tipologiya (Archaeological Typology)*. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

57. Kris, Kh. I. 1970. In *Drevnee poselenie v Podmoskov'e (Ancient Settlement in the Moscow Region)*. Series: *Materialy i issledovaniia po arkhologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR)* 156. Moscow, 160–162 (in Russian).
58. Kuz'minykh, S. V. 1983. *Metallurgii Volgo-Kam'ia v rannem zheleznom veke (med' i bronza) (Metallurgy of Volga-Kama Region in the Early Iron Age: Copper and Bronze)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
59. Meliukova, A. I. 1964. *Vooruzhenie skifov (Scythian Armament)*. Series: *Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources)* D1-4. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
60. Nikitina, G. F. 1995. *Analiz arkheologicheskikh istochnikov mogil'nika cherniakhovskoi kul'tury u sela Oselivka (Analysis of Archaeological Sources from the Chernyakhov Culture Burial Ground near the Oselivka Village)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
61. Rozova, S. S. 1986. *Klassifikatsionnaia problema v sovremennoi nauke (Issue of Classification in Modern Science)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
62. Smirnov, K. F. 1961. *Vooruzhenie savromatov (The Armament of the Sauromatians)*. Series: *Materials and Studies in the Archaeology of the USSR* 101. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
63. Fedorov-Davydov, G. A. 1981. In Koval'chenko, I. D. (ed.). *Matematicheskie metody v sotsial'no-ekonomicheskikh i arkheologicheskikh issledovaniiax (Mathematical Methods in the Social-Economic and Archaeological Studies)*. Moscow, "Nauka" Publ., 267–317 (in Russian).
64. Flerova, E. V. 2001. *Reznaia kost' iugo-vostoka Evropy IX–XII vv. Iskusstvo i remeslo: (Po materialam Sarkela-Beloi Vezhi iz kolleksii Gosudarstvennogo Ermitazha) (South-East European Carved Bone in 9th – 12th Centuries. The Art and the Craft: (According to materials from Sarkel-Belaya Vezha from the collection of State Hermitage Museum))*. Saint Petersburg: "Aleteiia" Publ. (in Russian).
65. Khalikov, A. Kh. 1977. *Volgo-Kam'e v nachale epokhi rannego zheleza. VIII–VI vv. do n. e. (The Volga-Kama Region in the Beginning of the Early Iron Age (8th–6th Centuries BC))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
66. Kholiushkin, Yu. P. 1998. In *Informatsionnye tekhnologii v gumanitarnykh naukakh (Informational Technologies in Humanities)*. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 38–43 (in Russian).
67. Khudiakov, Yu. S. 1994. In *Metodologiya i metodika arkheologicheskikh rekonstruktsii (Methodology and Procedures of Archaeological Reconstructions)*. Novosibirsk: Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, 13–17 (in Russian).
68. Chernykh, E. M., Vanchikov, V. V., Shatalov, V. A. 2002. *Argyzhskoe gorodishche na reke Viatke (The Argyzh Hill-Fort on the River Vyatka)*. Moscow: "Reguliarnaia i khaoticheskaia dinamika" Publ. (in Russian).
69. Shatalov, V. A. 2006. *Kostiane izdeltiia naseleniia Viatskogo kraia v anan'inskuu epokhu (Bone Artifacts of the Vyatka Region Population in Ananyino Epoch)*. PhD Diss. Izhevsk (in Russian).
70. Sher, Ya. A. 1970. In *Statistiko-kombinatornye metody v arkhologii (Combinatory-Statistic Methods in Archaeology)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, Institute for Archaeology, 8–25 (in Russian).
71. Sher, Ya. A. 1987. In *Statistiko-kombinatornye metody v arkhologii (Combinatory-Statistic Methods in Archaeology)*. Moscow (in Russian).
72. Erlikh, V. R. 1994. *U istokov ranneskifskogo kompleksa (At the Origins of Early Scythian Complex)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

About the Author:

Shatalov Vasily A. Candidate of Historical Sciences. Udmurt State University, Institute of History and Culture of Cis-Urals Peoples. Universitetskaya St., 1, Izhevsk, 426034, Udmurt Republic, Russian Federation; shatalov.vasily@mail.ru

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГОРОДОВ В ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ И БУЛГАРСКОЙ ОБЛАСТИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ (ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ)

© 2012 г. К.А. Руденко

Рассматриваются особенности процесса становления городов и городской культуры в Волжской Булгарии на разных этапах исторического развития региона. В IX–X вв. процесс становления болгарских городов был вызван количественным ростом населения и возросшими потребностями общества в продуктах ремесленного производства, а также необходимостью обороны. Этому способствовали два явления: расширение торговых связей болгар и формирование системы отношений оседлого населения Булгарии и его соседей - кочевников. На следующем этапе болгарской урбанизации (XI–XII вв.) города приобретают преимущественно ремесленно-торговый характер; формируются поселенческие структуры вокруг городских центров; практикуется государственное планирование городского строительства; особую роль играют трансконтинентальные торговые и культурные связи. После монгольского завоевания, в XIII–XIV вв., города становятся открытыми, без укреплений. Усиливается роль государства в основании и строительстве городов. В Золотой Орде складывается новая иерархия отношений центра и периферии, и в новых условиях болгарские города стремительно становились провинциальными и почти аграрными.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, Волжская Булгария, Золотая Орда, средневековый город, городища, селища, урбанизация.

Волжская Булгария – государство, существовавшее в Волго-Камье в X – начале XIII в., была известна многочисленными городами. После монгольского нашествия она вошла в состав Золотой Орды, но традиции градостроительства здесь, в Булгарском улусе монгольского государства, не угасли, а приобрели новый ракурс и местное своеобразие.

Археология болгарских и болгаро-ордынских городов насчитывает более 150 лет, и по сей день они остаются приоритетными объектами исследований в болгароведении. Основные достижения в этой области отражены в трудах А.П. Смирнова, А.Х. Халикова, Ф.Ш. Хузина, Р.Г. Фахрутдинова и др. Но многие вопросы и сейчас остаются дискуссионными. Это каса-

ется, прежде всего, проблем генезиса болгарского города. В литературе урбанизационные процессы на Средней Волге, как и вообще в Восточной Европе, традиционно связываются с эпохой средневековья. Точнее, с процессами становления и развития классового общества, связанных с этим системы особых отношений экономического и внеэкономического подчинения и принуждения, а также института государства. Хронологически это период IX–XI вв.

Процессы поволжско-булгарской урбанизации рассматривались с разных позиций. Социальные причины этого явления (от племенных центров к феодальным городам) отмечали А.М. Ефимова и А.П. Смирнов. Экономические и социальные факторы,

а так же ислам, по мнению А.Х. Халикова, стали базисом для возникновения волжско-булгарских городов. Ф.Ш. Хузин, акцентирует внимание на булгарской торговле, которая, по его мнению, играла ведущую роль в этом процессе, замечая при этом, что возникновение каждого города явление уникальное и зависело от разных условий (Хузин, 2006, с. 127–128).

Нами высказана гипотеза о поливариантном возникновении булгарских городов с превалированием природного фактора, с одной стороны, этнокультурных традиций различных групп населения булгарской федерации – с другой, а также глобальной системы формирования дихотомии кочевого и оседлого мира в регионе и, как следствие этого, усиление урбанизационных процессов в раннебулгарском объединении (Руденко, 2012, с. 91–94). В последнем случае есть определенные точки соприкосновения с аналогичными явлениями, проходившими в средневековых городах Казахстана, где формирование городских центров проходило в условиях исторически сложившегося взаимодействия оседло-земледельческого и кочевого населения (Байпаков, Григорьев, 1999, с. 50).

Для изучения этого вопроса к началу XXI в. был накоплен достаточно обширный материал, что стало основой концепции генезиса булгарского города, разработанной Ф.Ш. Хузиным в 1990 – начале 2000-х годов (Хузин, 2006, с. 113–186). Сейчас она является практически единственной гипотезой, в которой обобщены результаты археологических исследований на булгарских городищах в XX в.

Перспективы изучения булгарских городов, в том числе и их возникно-

вения, были определены еще в начале 90-х годов XX в. (Хузин, 1993, с. 20–22), но так и осталась в большинстве своем не реализованными. Причины этого (кроме сложной ситуации с самими археологическими работами в постсоветское время) были связаны с пересмотром концептуальных положений в российских исторических штудиях и смещением исследовательских акцентов в археологических полевых исследованиях казанских археологов в более поздние эпохи, приоритетной среди которых стала Золотая Орда. Ситуация в этой области сбалансировалась в начале 2000-х годов. Но при этом заметного продвижения и развития концепции не получилось. Причины этого мы видим в следующем.

В первую очередь, это небольшое количество введенных в научный оборот в последние десятилетия материалов раскопок, как городищ, так и селищ, без которых изучение процесса урбанизации вообще невозможно. Во-вторых, это отсутствие углубленных источниковедческих исследований уже опубликованных материалов. В третьих, методологические и методические основания изучения булгарской урбанизации пока на сегодняшний день не разработаны. Одной из основных проблем в данном случае является определение археологических признаков булгарского города в контексте четко сформулированного исторического понятия средневековый город (с учетом региональной специфики). При этом необходимо разграничивать археологическую периодизацию (устоявшееся археологическое деление на раннебулгарский и домонгольский периоды), иначе говоря, археологическое источниковеде-

ние с присущими ему методами, базирующееся на конкретных артефактах, и исторические реконструкции о характере болгарского общества, которые строятся на иных постулатах.

Существует и еще одна проблема. Это касается давно установленных и даже аксиоматичных фактов, которые нередко оказываются неучтенными в недавних публикациях по данной теме. Среди них перечислим следующие: 1) до X в. стационарных болгарских поселений с культурным слоем в Казанском Поволжье не выявлено; 2) основными археологическими памятниками волжских болгар VIII–IX вв. являются могильники, где единственным погребальным обрядом был языческий; 3) в погребальном инвентаре раннеболгарских могильников находки сельскохозяйственных орудий единичны, что явно свидетельствует о неземледельческом характере их основной деятельности; 4) мусульманские захоронения на раннеболгарских могильниках появляются только в X в., и длительное время совершались одновременно с языческими; 5) самое раннее волжско-болгарское поселение, имеющее и культурный слой с объектами, датированными монетами и керамикой, аналогичной погребальной из языческих раннеболгарских захоронений, датируется первой – второй четвертью X в.

Появившиеся в 1980–1990-х годах новые материалы, особенно на Самарской Луке, относящиеся к раннехазарскому времени (VII – первой половине VIII в.) отождествляются рядом исследователей с ранними булгарами Волго-Камья. Однако такая характеристика памятников новинковского типа некорректна, что уже отмечалось

в литературе (Е.П. Казаков), поскольку особенности погребального обряда курганно-грунтовых могильников Самарской Луки, как и их погребальный инвентарь, исключительны и отличаются от тех, что определяют археологическую суть раннеболгарских памятников Казанского Поволжья. Очевидна и даже предполагаема их общность в изделиях салтово-маяцкого круга, что впрочем, не дает оснований рассматривать новинковские памятники и могильники Казанского Поволжья как хронологические стадии материальной культуры ранних болгар и генетическую связь между ними. По этой причине остается открытым и вопрос с новинковскими поселениями и их связь с населением именьковской культуры.

Естественно, что конструировать единую с четко очерченными границами и переходами схему раннего болгарского этногенеза было бы ошибкой. Пришедшие на Среднюю Волгу болгары не были чистыми кочевниками и единым этносом, а конфедерацией полиэтнических групп населения со своими этнонимами и особенностями материальной культуры и хозяйства (Руденко, 2009, с. 26–35). Как и большинство кочевников, они пользовались сезонными становищами, о чем явно свидетельствуют находки отдельных сосудов и вещей (см.: Плетнева, 1967, с. 181), а также единичных захоронений на ряде памятников, преимущественно в Ульяновском Поволжье и севере Самарской области.

Мне представляется недоказанной болгарская принадлежность ряда городищ XI–XIII вв. в Пермском Приуралье и Посурье, которые в этом качестве фигурируют в публикациях.

По крайней мере, опубликованные материалы раскопок пензенских и пермских ученых однозначно это не подтверждают. Не проведен сравнительный анализ материалов ранних слоев крупнейших болгарских городищ – Биляра, Болгара, Суvara, Джу-кетау, что не позволяет утверждать об их идентичности и привлекать в качестве аргумента.

Используя имеющиеся доступные материалы, а также результаты новых исследований и публикаций, выделим следующие моменты.

Можно предположить, что основы городской традиции в Волго-Камском регионе сложились раньше IX–X в. Это относится не только к самим болгарским племенам и тому периоду их истории, когда они жили, точнее в большинстве своем кочевали, в Приазовье. Зарождение урбанизационных процессов в Волго-Камье, по нашему мнению, относится к предбулгарскому времени – VI–VII вв. н.э. В это время здесь проживало население, оставившее памятники археологической именьковской культуры. Вопрос о характере укрепленных именьковских поселений и их трактовке как города или протогорода, не прост и требует дополнительного исследования.

Возникновение укрепленных поселений с торгово-ремесленными и какими-то административными функциями, вероятно, было стадийным явлением, характерным для позднепотестарной социально-политической структуры общества в целом (Куббель, 1988, с. 126–127) и в Волго-Камье, в частности. В любом случае, в Прикамье известны достаточно крупные городища VII–IX вв., где было развито ремесленное производство, а также имеются находки (изделия из стекла,

драгоценных металлов, керамика и т.п.) свидетельствующие об активных торговых контактах с отдаленными территориями (Голдина, 1999, с. 382; Останина, Иванов, Иванова, 2007, с. 244).

Стоит учитывать и тот факт, что и сами болгары-болгары были знакомы с городской культурой. В этом контексте можно отметить и выявленные тенденции к развитию городов в кочевых обществах Центральной Азии I тыс. н.э. (Данилов, 2004). Таким образом, само по себе формирование у переселившихся в IX–X вв. на Среднюю Волгу болгар системы стационарных поселений и протогородов (торгово-ремесленных центров) вполне закономерно. Проблематичным было только возведение сложных фортификаций, способных выдержать не кратковременный набег, а длительную осаду сильного противника. Об этом косвенно свидетельствует обращение болгарского эльтебера Алмуша к багдадскому халифу в 921 г. с просьбой о присылке ему опытных строителей крепостей.

Впрочем, крепости (выполнявшие в то время роль укрепленной ставки, с административными функциями) у болгар к тому времени уже были. Восточным географам X в. они известны как Булгар и Сувар с постоянно проживающим там населением. Правда, не стоит преувеличивать ни их размер, ни численность жителей. 10 000 воинов, которые якобы могли быть выставлены населением каждого из них, скорее всего, относятся не к городским жителям, а чаще всего к населению округа (территории) с идентичным названием. Более того, сведения восточных авторов, относимые к волжским булгарам, нередко

смешаны с сообщениями о болгарях в Малой Азии, в Приазовье и Подунавье более раннего времени.

Перерастание болгарской укрепленной ставки в городское поселение археологически проследить пока не удалось, как собственно и ясно ответить на вопрос: что представляли из себя ранние болгарские крепости-города? В поисках решения этого вопроса ключевым могут стать выявленные по материалам раннеболгарских могильников этнокультурные компоненты ранних болгар, в том числе и прикамский. Он присутствует в Танкеевском и Тетюшском могильниках IX–X вв.; следы его зафиксированы и в более поздних материалах, но только уже в антропологических. Это касается населения центральных районов Булгарского государства, в первую очередь, столицы домонгольской Волжской Булгарии – Биляра (Ефимова, 1976, с. 175–177).

Модель генезиса раннего болгарского города¹ можно представить в следующем виде. Первым шагом к формированию болгарского укрепленного поселения было функционирование неукрепленного селища (зимника), располагавшегося поблизости от реки или ее притока (старницы) в месте постоянного кочевания. Выбирались высокие площадки в глубоких оврагах и близлежащие участки на краях коренных террас.

Следующим этапом было появление небольшого по площади, укрепленного мысового городища, с одним или несколькими селищами, примыкавшими к его укреплениям или располагавшимися поблизости от них. Судя по материалам Малоиерусалим-

ского поселения (предшественника Болгара X в.), исследованного в конце XX в. П.Н. Старостиным, возникали такие центры в местах, удаленных от крупных водных артерий (Болгарское городище находится более чем в 40 км от основного русла Волги). Ранний город Болгар, по исследованиям А.П. Смирнова и Т.А. Хлебниковой занимал узкий мыс коренной террасы и имел укрепления в виде рва и вала, с деревянным частоколом. Могли использоваться и городища предшествующего именьковского периода.

Истоки такого рода несложного укрепления, вероятно, уходят в Прикамье, где мысовые городища сооружались с эпохи раннего железного века (в этот период они возводились и в Казанском Поволжье и Прикамье, но в дальнейшем эту традицию после хиатуса V в. до н.э. – II в. н.э. трудно проследить), где они характерны для местного населения, а в болгарской конфедерации они связаны с финно-угорским компонентом. Правда, городища такой планировки вряд ли можно однозначно интерпретировать в увязке с какой-то этнокультурной традицией – настолько они распространены как территориально, так и хронологически. Отметим, что городища, подчиненные рельефу местности (по П.А. Раппопорту), мысовой планировки, существовали на протяжении всего домонгольского периода, а также в эпоху Золотой Орды.

Жилища, которые были исследованы П.Н. Старостиным на Малоиерусалимском поселении, по планировке и конструктивным элементам практически идентичны жилищам неволинской культуры (Черных, 2008, рис. 51).

Специфика болгарской урбанизации в X в. сопряжена с еще одним

¹ За исключением государственного городского строительства.

фактором – это возникновение и функционирование в середине – второй половине X в. открытых торгово-ремесленных поселений в приустьевой части Камы и Ульяновском течении Волги (Семеновское и Измерское селища, исследовавшиеся Е.П. Казаковым в Татарстане, Головкинское селище в Ульяновской области и т.п., см: Казаков, 2000, с. 87–99). Аналоги им имеются в Древней Руси и Скандинавии. На территории Древней Руси в большинстве своем они расположены на Волжском торговом пути (напр., селище в Гнездове близ Смоленска).

Городище «Девичий городок», отличавшееся необычной фортификацией, располагалось в одном километре от них. Оно было защищено солидными бастионами с использованием камня (Старостин, 1985, с. 34–41). Судя по подъемному материалу, оно синхронно этим поселениям. К сожалению, памятник был полностью разрушен Куйбышевским водохранилищем и получить представление об особенностях его планировки и укреплений уже невозможно.

Парадоксально, но в Булгарии, в отличие от Руси, эти торгово-ремесленные селища так и не стали центрами крупных городов, а постепенно превратились в земледельческие поселения. Маловероятно, что единственной причиной этого были какие-либо военные события второй половины X в., как считает Е.П. Казаков. Скорее всего, эти селения стали основой экономической стабилизации булгарской экономики и общества в целом и в период активного становления земледельческой системы хозяйствования и, выполнив это предназначение, отошли на второй план, передав пальму первенства новым городским центрам.

Не позднее XI в. у булгар стали распространяться городища с кольцевой планировкой, нередко с использованием эскарпа и эскарпированных склонов оврагов или невысоких речных террас. Не касаясь социально-экономической интерпретации этих памятников, отметим, что топографически они тяготеют к двум ландшафтам – низким пойменным низинам притоков Волги, Малого Черемшана и овражно-балочной системе бассейна Камы, Свияги, Волги с ее притоками (Руденко, 2007, рис. 4; 14: 4; 15; 16: 1; 19: 4; 23; 24). Надо сказать, что первый вариант поселений с кольцевой планировки характеризуется крупными размерами и солидной системой фортификации. Во втором случае размеры их небольшие и занимают они чаще всего узкие мысы в оврагах, где им эскарпированием и «отсечением» небольшим валом и рвом острия мыса придавалась условно-круглая форма (напр., Староромашкинское, Малополянское городища и др.). Не исключено, что булгарские городища такой планировки – это алано-болгарская и огузо-печенежская традиция (Моргунов, 2003, с. 174–175). Второй вариант встречается и у поволжских финнов – мордвы, в частности, в Притешье, чаще всего в контактных зонах с кочевым населением – огузами и половцами.

Малая исследованность этих памятников не позволяет детализировать эти тезисы. Мы можем предполагать, что укрепленные поселения кольцевой планировки, часть из которых затем превратилась в города, возникли на протяжении X в. Это могло происходить в первой половине столетия в период гегемонии династии Джаффаридов, связанных семейно-родственными узам с огузами. Или в

конце 80-х годов X в., когда отношения булгар с огузами, вступавшими несколько десятилетий против суварских правителей, в том числе и в союзе с киевским князем Владимиром I (напр., в его походе на булгар в 985 г.), были восстановлены.

На следующем этапе болгарской урбанизации в XI–XII вв. поселенческая структура, в которой города выступали как узловое элементы, формировалась по-разному. Она была достаточно разнообразной, включая агломерации разного порядка и типа (Руденко, 2007, с. 16–17). Стоит отметить несколько моментов.

Первое – это государственное планирование и строительство городов. Начало этому было положено еще в X в, примером чему является Билярское городище.

Второе – ремесленно-торговый характер болгарского домонгольского города. Это вовсе не значит, что сельское хозяйство было совершенно исключено из занятий жителей города. Однако роль его была подчиненной. Ремесленники формировали особый слой горожан, о чем свидетельствует серийная продукция городских ремесленников: ювелиров, гончаров, косторезов и др.

Третье – особая роль трансконтинентальной торговли и этнокультурных связей. Отмеченное И.Л. Кызласовым значение пути из Поволжья в Южную Сибирь и далее в I – первой половине II тыс. н.э. (Кызласов, 2007, с. 64) имеет вполне четкие археологические признаки в болгарских материалах. Одним из основных из них можно считать распространение в XI в. на территории Болгарии и в ближайшем для булгар зарубежье, аскизских изделий и их болгарских реплик.

Оригинальные аскизские изделия встречаются чаще всего на негородских поселениях, расположенных на притоках Камы и Волги – напр., Остолоповском, Измерском, Лаишевском (Чакма). Есть они и на селищах XI в. в бассейне Шешмы – на восточной границе болгарских земель. Достаточно разнообразны, хотя и немногочисленны, такие находки и на Билярском городище. Они отложились преимущественно в XI в. Такого комплекса находок нет на Болгарском городище, хотя местные подражания аскизским изделиям, датирующиеся XII в., здесь встречаются. Распространение аскизских и аскизско-болгарских находок совпадает с началом активного строительства в Болгарии укрепленных поселений и целых укрепленных районов, в том числе и таких внушительных, как Кашан I и II, Городок, Красноключинское, Балынгузское-Горкинское и II Николаев-Баранское городища.

Отметим, что в средневековую эпоху город был не только материальным явлением, но и духовным. Особенно в мусульманской философии и идеологии. В этом плане философско-культурное осмысление урбанизации в рамках официальной религии волжских булгар – Ислама была важным фактором, стимулировавшим эту сторону развития болгарского государства.

Развитие городской культуры Волжской Болгарии существенно изменилось после монгольского завоевания. Новая политико-экономическая система Улуса Джучи привела к нескольким важным изменениям в урбанизационных процессах на болгарских землях. Кроме исчезновения многих болгарских городов, разорен-

ных в период нашествия, происходит провинциализация оставшихся и продолживших свое развитие городов, определившая их практически одинаковый статус в государстве.

В отличие от нижеволжских золотоордынских городов, возникших в подавляющем большинстве случаев на новом месте (Федоров-Давыдов, 1997, с. 89), болгарские города имели практически всегда домонгольскую основу. Ярким примером этого является Иски-Казань, исследованная Р.Г. Фахрутдиновым, развивавшаяся в монгольское время на основе обширного поселения городского типа (Руденко, 2011, с. 32–151). Даже в том случае, когда город строился на новом месте, все равно рядом находилось поселение предшествующего времени.

Разумеется, что процессы градообразования не остановились в золотоордынский период и были не только восстановлением былого потенциала. Рост экономики Булгарского Улуса в XIV в. привел к созданию новых городских центров и без привязки к предшествующим историческим поселениям. Они известны нам на их первой стадии – возникновения укрепленных поселений – крепостей и формирования посада (селища-спутника), как, например, Сюкеевское городище. Однако этот процесс прервался в 1360–1370-х гг. в результате государственного кризиса Золотоордынской империи и в рамках этого государства уже не возобновился.

Главным признаком новой эпохи стал город открытого типа, не имевший укреплений или приобретший их в поздний период – начала кри-

зиса империи, т.е. во второй половине XIV в. (Руденко, 2011, с. 32–151). Ощущается и тенденция к превращению даже крупных болгарских городов в полуаграрные (Руденко, 2011б, с. 333–340).

Таким образом, становление городов и городской культуры в Булгарии на этапах исторического развития региона было разнонаправленным. Главным условием этого процесса были внутренние запросы болгарского общества и развитие поселенческой структуры. В IX–X вв. проходил естественный процесс урбанизации, сопровождавший численный рост населения, возросшие потребности общества в продуктах ремесленного производства, активно стимулированный двумя явлениями – болгарской торговой экспансии и формированием системы отношений оседлого (не позднее конца X в.) населения Булгарии и ее кочевыми соседями. Международные связи были не менее важны в городском болгарском строительстве на протяжении всего домонгольского периода.

Золотоордынский период в истории волжских болгар весьма своеобразен. То, что до нашествия было явлением исключительным, как например, государственное основание и строительство городов, стало практически правилом. Вместе с тем, возникла и иерархия отношений центра и периферии – города Булгарского Улуса стремительно провинциализировались и в новых условиях становились полуаграрными (Руденко, 2011, с. 32–151).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Байпаков К.М., Григорьев Ф.П.* О топографии городища Тараз // Проблемы древней и средневековой истории Казахстана. Материалы II Международных чтений по творчеству Мухаммеда Хайдара Дулати. – Алматы, 1999.
2. *Голдина Р.Д.* Древняя и средневековая история удмуртского народа. – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1999.
3. *Данилов С.В.* Города в кочевых обществах Центральной Азии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004.
4. *Ефимова С.Г.* Антропологические материалы из Билярских некрополей // Исследования Великого города. – М.: Наука, 1976.
5. *Казаков Е.П.* Измери – главный торговый пункт Волжской Болгарии (конец X – XI вв.) // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. Док. Международ. науч. симпозиума по вопросам археологии и истории. – СПб., 2000.
6. *Кызласов И.Л.* Великий Сибирский путь в судьбе России // Средневековая археология Евразийских степей. Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Том II. – Казань, 2007.
7. *Куббель Л.Е.* Очерки потестарно-политической этнографии. – М., 1988.
8. *Моргунов Ю.Ю.* Сампсониев Остров: Пограничная крепость на посульской окраине Южной Руси в XI–XIII вв. – М.: Наука, 2003.
9. *Останина Т.И., Иванов А.Г., Иванова М.Г.* Древнеудмуртское население в эпоху Средневековья // История Удмуртии: с древнейших времен до XV в. – Ижевск, 2007.
10. *Плетнева С.А.* От кочевий к городам: салтово-маяцкая культура. – М.: Наука, 1967.
11. *Руденко К.А.* Волжская Булгария в XI – начале XIII в.: поселения и материальная культура. – Казань: «Школа», 2007.
12. *Руденко К.А.* Этнотерриториальные группы булгар в XI–XIII вв.: постановка проблемы // Финно-угры – славяне – турки: опыт взаимодействия (традиции и новации). – Ижевск, 2009.
13. *Руденко К.А.* Города и села Булгарского Улуса Золотой Орды (особенности материальной культуры) // ТА. – 2011. – № 1–2 (20–21).
14. *Руденко К.А.* Булгарский Улус Золотой Орды: к постановке проблемы // Вопросы истории и археологии средневековых кочевников и Золотой Орды. – Астрахань, 2011а.
15. *Руденко К.А.* Развитие городской культуры булгарской области Золотой Орды в XIII–XIV вв. (по данным археологии) // Золотоордынское наследие. Вып. 2. – Казань, 2011б.
16. *Руденко К.А.* Тюркский мир и Волго-Камье в VIII–XIV вв.: проблемы этнокультурных контактов на основе археологических материалов // История и культура средневековых народов степной Евразии: материалы II Международ. конгресса средневековой археологии Евразийских степей. – Барнаул, 2012.
17. *Старостин П.Н.* Об остатках башен «Девичьего городка» // Военно-оборонительное дело домонгольской Волжской Булгарии. – Казань, 1985.
18. *Хузин Ф.Ш.* Итоги и перспективы изучения булгарского домонгольского города // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения. – Казань, 1993.
19. *Хузин Ф.Ш.* Ранние булгары и Волжская Булгария (VIII – начало XIII в.). – Казань, 2006.
20. *Федоров-Давыдов Г.А.* Некоторые итоги изучения городов Золотой Орды на Нижней Волге // ТА. – 1997. – № 1.
21. *Черных Е.М.* Жилища Прикамья (эпоха железа). – Ижевск, 2008.

Информация об авторе:

Руденко Константин Александрович, доктор исторических наук, профессор, Казанский государственный университет культуры и искусств (г. Казань, Россия); murziha@mail.ru

**OCCURRENCE OF CITIES VOLGA BULGARIA
AND BULGARS AREAS OF THE GOLDEN HORDE
(ACCORDING TO ARCHAEOLOGY)**

К.А. Rudenko

Specific features of the process of cities and urban culture formation in Volga Bulgaria at different stages of historical development of the region are discussed in the article. In the 9th to 10th centuries, the process of Bulgar cities formation was stimulated by the population numerical growth and a growing social need in handicraft products, as well as by considerations of defense. This process was facilitated by two phenomena: the expansion of the Bulgar trade and the formation of a system of relations between the settled population of Bulgaria and its nomadic neighbors. At the next stage of Bulgar urbanization (11th–12th c.) the cities acquired a predominantly craft and trade character; settlement structures around urban centers were under formation; state urban development planning was practiced; a special role was played by transcontinental trade and cultural ties. Following the Mongol conquest, in the 13th–14th centuries the cities became open, or unfortified. The role of the state in the foundation and construction of cities was growing. The Golden Horde formed a new hierarchy of relations between the center and the periphery, and in the new conditions Bulgar cities were rapidly turning provincial and nearly agrarian.

Keywords: archaeology, the Middle Volga river region, Volga Bulgaria, the Golden Horde, medieval city, fortified settlements, unfortified settlements, urbanization.

REFERENCES

1. Baipakov, K. M., Grigor'ev, F. P. 1999. In *Problemy drevnei i srednevekovoi istorii Kazakhstana (Issues of Early and Medieval History of Kazakhstan)*. Almaty: "Daik-Press" Publ., 50–67 (in Russian).
2. Goldina, R. D. 1999. *Drevniaia i srednevekovaiia istoriia udmurtskogo naroda (Antique and Medieval History of the Udmurt People)*. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).
3. Danilov, S. V. 2004. *Goroda v kochevykh obshchestvakh Tsentral'noi Azii (Towns in Nomadic Societies of Central Asia)*. Ulan-Ude: Buryatia Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
4. Efimova, S. G. 1976. In *Issledovaniia Velikogo goroda (Studies of the Great City)*. Moscow: "Nauka" Publ., 169–186 (in Russian).
5. Kazakov, E. P. 2000. In Kirpichnikov, A. N., Nosov, E. N., Saksa, A. I. (eds.). *Slaviane, finno-ugry, skandinavyy, volzhskie bulgary (The Slavs, Finno-Ugrians, Scandinavians, Volga Bulgars)*. Saint Petersburg: "Vesti" Publ., 87–99 (in Russian).
6. Kyzlasov, I. L. 2007. In *Srednevekovaiia arkheologiia Evraziiskikh stepei (Medieval Archaeology of the Eurasian Steppes) II*. Kazan: Institute for History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 63–70 (in Russian).
7. Kubbel', L. E. 1988. *Ocherki potestarno-politicheskoi etnografii (Essays on Potestary and Political Ethnography)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
8. Morgunov, Yu. Yu. 2003. *Sampsoniev Ostrov: pogranichnaia krepost' na posul'skoi okraine Iuzhnoi Rusi v XI–XIII vv. (Sampsoniyev Ostrov: a Frontier Fortress on the Sula*

River Borderland of Southern Rus in the 11th–13th Centuries). Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

9. Ostanina, T. I., Ivanov, A. G., Ivanova, M. G. 2007. In Ivanova, M. G. (ed.). *Istoriia Udmurtii: S drevneishikh vremen do XV v. (History of Udmurtia: from the Earliest Times to 15th Century AD)*. Izhevsk: Russian Academy of Sciences, Ural Branch, Udmurt Institute for History, Language and Literature, 185–225 (in Russian).

10. Pletneva, S. A. 1967. *Ot kochevii k gorodam. Saltovomaiatskaia kul'tura (From Camps to Towns. SaltovoMayaki Culture)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

11. Rudenko, K. A. 2007. *Volzhskaia Bulgariia v XI – nachale XIII v.: poseleniia i material'naia kul'tura (Volga Bulgaria in the 11th – Early 13th Century: Settlements and Material Culture)*. Kazan: «Shkola» Publ. (in Russian).

12. Rudenko, K. A. 2009. In *Finno-ugry – slaviane – tiurki: opyt vzaimodeistviia (traditsii i novatsii) (Finno-Ugrians, Slavs, Turkic Peoples: Experience of Interaction (Traditions and Innovations))*. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

13. Rudenko, K. A. 2011. In *Tatarskaia arkheologiia (Tatar Archaeology)* (1–2) (in Russian).

14. Rudenko, K. A. 2011. In Vasil'ev, D. V. (ed.). *Voprosy istorii i arkheologii srednevekovykh kochevnikov i Zolotoi Ordy (Issues of History and Archaeology of Medieval Nomads and Golden Horde)*. Astrakhan: Astrakhan State University (in Russian).

15. Rudenko, K. A. 2011. In *Zolotoordynskoe nasledie (Golden Horde Heritage)* 2. Kazan: “Foliant” Publ.; Institute for History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 333–339 (in Russian).

16. Rudenko, K. A. 2012. In Tishkin, A. A. (ed.). *Istoriia i kul'tura srednevekovykh narodov stepnoi Evrazii (History and Culture of Medieval Peoples of Steppe Eurasia)*. Barnaul: Altai State University, 91–93 (in Russian).

17. Starostin, P. N. 1985. In *Voенно-oboronitel'noe delo domongol'skoi Volzhskoi Bulgarii (Military and Defence Systems in pre-Mongol Volga Bulgaria)*. Kazan: G. Ibragimov Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 34–41 (in Russian).

18. Khuzin, F. Sh. 1993. In *Arkheologiia Volzhskoi Bulgarii: problemy, poiski, resheniia (Archaeology of the Volga Bulgaria: Problems, Research, Answers)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History, 5–32 (in Russian).

19. Khuzin, F. Sh. 2006. *Rannie bulgary i Volzhskaia Bulgariia (VIII – nachalo XIII v.) (Early Bulgars and Volga Bulgaria (8th – Early 13th Centuries))*. Kazan: “Foliant” Publ. (in Russian).

20. Fedorov-Davydov, G. A. 1997. In *Tatarskaia arkheologiia (Tatar Archaeology)*, 88–100 (1) (in Russian).

21. Chernykh, E. M. 2008. *Zhilishcha Prikam'ia (epokha zheleza) (Dwellings in the Kama Region (The Iron Age))*. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

About the Author:

Rudenko Konstantin A. Doctor of Historical Sciences, Professor. Kazan State University of Culture and Arts. Orenburgsky Trakt St., 3, Kazan, 420059, Russian Federation; murziha@mail.ru

АЛЬБАРЕЛЛО НИЖНЕВОЛЖСКИХ СТОЛИЦ УЛУСА ДЖУЧИ

© 2012 г. С.А. Куручкина

В статье приводится типологический анализ альбарелло как одной из форм поливной красноглиняной керамики, производившейся в золотоордынских городах Нижнего Поволжья. Сосуды альбарелло предназначались для медикаментов и ароматических веществ, но также могли использоваться в качестве чернильниц. Рассматриваются находки из жилых и хозяйственных построек, датированных 1330/1340–1360 гг., из городов Сарай-ал-Махруса и Сарай-ал-Джедид. Среди них выделяются две группы: местного (нижеволжского) производства и импортные (из Юго-Восточного Крыма), различающиеся по размерам и форме. Типология обеих групп приводится на основании технологических признаков, таких как цвет поливы и способы нанесения орнамента.

Ключевые слова: археология, Нижнее Поволжье, Крым, Золотая Орда, альбарелло, керамический комплекс, поливная красноглиняная керамика, типология.

В керамическом комплексе нижеволжских столиц Улуса Джучи присутствуют изделия своеобразной формы – альбарелло. Альбарелло – сосуды, предназначавшиеся для лекарственных препаратов, парфюмерной продукции и других ценных жидкостей (масел, настоек и т.п.) (Коваль, 2010, с. 262).

Ранее Н.М. Булатов и Г.А. Федоров-Давыдов, характеризуя комплекс красноглиняной поливной керамики золотоордынских городов, выделяли альбарелло в керамике с зеленой поливой по ангобной подгрунтовке и керамике с гравировкой под прозрачной зеленой поливой (Булатов, 1976, с. 83–89; Fyodorov-Davydov, 1984, p. 73). Все рассмотренные альбарелло они отнесли к местной продукции, которые, возможно, служили предметом экспорта из Нового Сарая в другие золотоордынские города (Булатов, 1976, с. 89).

К настоящему времени получены новые материалы, которые позволяют уточнить данные об этой форме изделий золотоордынских мастеров.

Рассматривая керамический комплекс городов Сарай ал-Махруса и

Сарай ал-Джедид, видно, что альбарелло присутствуют среди кашинной керамики, местной красноглиняной поливной керамики и привозной (импортной) керамики. Но в целом находки этой, очень своеобразной и характерной формы, немногочисленны.

В данной статье мы рассматриваем только поливные красноглиняные альбарелло, которые при визуальном рассмотрении «распадаются» на две группы¹:

1 – небольшие (миниатюрные), зауженные или расширенные ко дну, с ножкой-поддоном – это местное

¹ В данном случае деление на группы дается условно, чтобы разделить альбарелло на местные и привозные (импортные). По традиции, устоявшейся в специальной литературе, под импортной керамикой подразумевается тот материал, который был произведен в других золотоордынских центрах (в Азаке, Маджаре, Старом Орхее, Отраре, Хорезме) или за пределами Золотой Орды (напр., в Китае) и появился в золотоордынских столицах в результате каких-либо перемещений населения.

(в данном случае, нижневолжское) производство.

2 – высокие, на кольцевом поддоне – это привозные (импортные) изделия из Юго-Восточного Крыма.

В работе были использованы материалы из раскопок с Селитренного (Сарай ал-Махруса) и Царевского (Сарай ал-Джедид) городищ, которые хранятся в Астраханском государственном историко-архитектурном музее-заповеднике, в Волгоградском краеведческом музее или опубликованы в научных изданиях. Некоторые альбарелло на сегодняшний день не сохранились, но их описание и зарисовка остались в отчетах Поволжской археологической экспедиции, хранящихся в архиве Института археологии РАН. Часть коллекции из сборов А.В. Терещенко в 1843–1851 гг. сохранилась в фондах Государственного Эрмитажа (СПб.). Небольшая часть коллекции из сборов Ф.В. Баллода в 1922 г. находится в Национальном музее Республики Татарстан (Казань). В целом в работе приводятся 27 археологически целых форм, 10 из которых публикуются впервые.

Для характеристики «местных» (нижневолжских) альбарелло мы используем классификационную схему, разработанную для красноглиняной керамики Сарая ал-Джедид (Зеленеев, Курочкина, 2009, с. 181–184, табл. 33).

Часть найденных в городах Сарай ал-Махруса и Сарай ал-Джедид альбарелло обладают признаками второй местной группы керамики, поэтому можно говорить об их местном происхождении.

В качестве исходного сырья использовалась ожелезненная, незапеченная, пластичная глина, в которой фиксируется естественная примесь

песка. Обжиг изделий равномерный, сплошной, цвет кирпично-красный. Все сосуды изготовлены на этапе РФК-7 с использованием донно-емкостного начина и срезаны с круга нитью.

В общих чертах альбарелло повторяют одну форму. Тулово стройное, цилиндрическое с небольшим прогибом на середине своей высоты, из-за которого в месте перехода тулова в плечико и придонную часть образуется ребро. В большинстве случаев плечико и придонная часть приобретают вид округлого ребра. Здесь же находится максимальный диаметр тулова. Горло может быть цилиндрическим или раструбным с разными вариантами венчика. Высота горла составляет 1/4–1/5 от общей высоты сосуда. В придонной части тулово может заужаться ко дну или расширяться, образуя высокую ножку. Диаметры горла, середины тулова, дна равны. Декор простой: сделанные по горлу горизонтальные врезные линии, наклепные валики, горло может быть волнообразным.

Все альбарелло поливные, цвет поливы – зеленый и желтый по белой ангобной подгрунтовке.

Поливой покрывали всю внешнюю поверхность (до уровня расширения в придонной части). Внутренняя поверхность покрывалась поливой частично, но всегда без ангобной подгрунтовки: могли покрыть только горло, поверхность до середины высоты тулова или до дна. В ряде случаев горло срезано, причем иногда, чуть ниже линии среза горловины, сделаны две просверленные дырочки, друг против друга.

По морфологическим особенностям и размерам выделяется несколько вариантов данного вида изделий (табл. 1).

Таблица 1.

Параметры поливных красноглиняных альбарелло (местных).

Параметры (в см)	П/о1	П/о2					П/о3	П/о4
	В1	В1	В2	В3	В4	В5	В1	В1
Диаметр по венчику	5	6,2	3,8	5	4	–	5,8	–
Диаметр по основанию горла	4,5	5,2	3,9	4,5	3	–	5	4
Диаметр ребра (максимальный диаметр)	6	7	5,8	6	4,5–5	4,3–5,6	8	5,4
Диаметр dna-ножки	4,8	4,4	5,1	–	3–3,5	3,2–3,6	5	4,6
Высота горла	3	3,5	1,5	2	1,5	–	2	–
Высота ножки	1,5	0,5	1,5	–	0,5–1	0,5	0,5	1,5
Общая высота сосуда	13	17	13,5	–	9–10	>6	12,5	>11
Количество сосудов данного варианта	1	2	1	1	3	2	1	1
Общее количество сосудов данного вида	12							

Поливные красноглиняные альбарелло относятся к отделу II – поливная красноглиняная керамика. Внутри отдела, в зависимости от цвета поливы и технике нанесения орнамента, выделяются 4 подотдела:

1) с зеленой поливой без ангобной подгрунтовки;

2) с зеленой поливой по ангобной подгрунтовке;

3) с зеленой поливой с гравировкой и резервом;

4) с желтой поливой по ангобной подгрунтовке.

Подотдел 1. С зеленой поливой без ангобной подгрунтовки

Вариант 1 (рис. 1: 1). Тулово с округлым плечиком; на высокой ножке. Горло высокое, цилиндрическое, с волнообразными стенками; венчик горизонтальный, отогнут наружу (Г-образный в профиле).

Подобная техника нанесения поливы встречается редко, так как без ангобного покрытия прозрачная зеленая полива выглядит как темно-коричневая. Хотя подобный прием был

хорошо известен во многих средневековых керамических центрах еще с X–XI вв. (Булатов, 1976, с. 78; Сайко, 1963, с. 9).

Подотдел 2. С зеленой поливой по ангобной подгрунтовке.

Вариант 1 (рис. 1: 2–3). Тулово с округлым плечиком; на невысокой ножке. Горло высокое, цилиндрическое, с рифлением; венчик горизонтальный, приостренный, отогнут наружу (Г-образный в профиле).

Вариант 2 (рис. 1: 4). Тулово, расширяющееся к низу, с острым плечиком, на высокой ножке. Горло невысокое, с небольшим валиком на середине своей высоты; венчик невыделенный, горизонтальный.

Вариант 3 (рис. 1: 5). Тулово с округлым плечиком. Горло раструбное, по его основанию проходит валик; слегка приостренный венчик имеет утолщения с внутренней и внешней стороны.

Вариант 4 (рис. 1: 6–8). Тулово, зауженное к дну, с округлым плечиком; на невысокой «кривой» ножке. Горло

раструбное, с налепными валиками под венчиком и у основания шейки; венчик невыделен, скруглен по верху.

Вариант 5 (рис. 1: 9–10). Тулово, расширяющееся к низу, на низкой ножке.

Подотдел 3. С зеленой поливой с гравировкой

Вариант 1 (рис. 1: 11). Тулово, расширяющееся к низу, с округлым плечиком; на низкой ножке. Горло раструбное; венчик невыделенный, горизонтальный. С одной стороны на тулово нанесен врезной линией рисунок: это изображение знака Рюриковичей и крины. Принято считать, что сосуд изготовлен по заказу русского князя или его приближенного (Полубояринова, 1972, с. 170).

Подотдел 4. С желтой поливой по ангобной подгрунтовке.

Вариант 1 (рис. 1: 12). Тулово, расширяющееся к низу, с острым «раздвоенным» плечиком; на высокой ножке.

Итак, все выше рассмотренные 12 альбарелло относятся ко II местной группе, но они различаются цветом поливы, техникой нанесения орнамента и рядом морфологических особенностей.

Набор сосудов аналогичной формы встречается в поливной керамике ряда золотоордынских городов. Это не случайно, так как, скорее всего, в некоторых золотоордынских городах существовало их производство согласно определенным стандартам (форма, размер), но с «местными» особенностями. И.Р. Тихомолова и З.Х. Попандопуло предполагают, что в ряде торгово-ремесленных пунктов Золотой Орды было налажено производство альбарелло, предназначенных для транспортировки и хранения

товаров и обслуживающее торговлю (Тихомолова, Попандопуло, 2005, с. 192). Но впервые, еще в 1947 г., точку зрения о местном золотоордынском производстве альбарелло высказал Э.К. Кверфельдт (1947, с. 90), а затем к нему присоединился Н.М. Булатов (1976, с. 83).

В настоящее время, исходя из опубликованных материалов, можно сделать предположение, что на территории Улуса Джучи существовало несколько ремесленных центров, где для местных нужд было налажено производство небольших (миниатюрных), зауженных или расширенных ко дну, с ножкой-поддоном, красноглиняных поливных альбарелло. Это, кроме нижеволжских столичных центров, Большие Кучугуры, Азак, Отрар, Сарайчик, но, возможно, их было больше.

Один из таких центров находился в Нижнем Поднепровье, на городище Большие Кучугуры, где обнаружены фрагменты от 10 альбарелло (рис. 1: 13–14). По мнению И.Р. Тихомоловой и З.Х. Попандопуло кучугурские альбарелло обнаруживают устойчивое сочетание характерных технологических и морфологических признаков, что позволяет предположить их местное производство (Тихомолова, Попандопуло, 2005, с. 192).

Кучугурские альбарелло изготовлены из глины с редкой примесью мелкого шамота и включений известняка. Обжиг изделий равномерный, цвет кирпично-красный, срезаны с круга нитью. Изделия покрыты зеленой поливой разных оттенков по белой и желтовато-белой ангобной подгрунтовке. С внешней стороны сосуды покрывали поливой на 1/2–2/3 его высоты. Внутренняя поверхность

Рис. 1. Альбарелло красноглиняные: 1 – с зеленой поливой без ангобной подгрунтовки; 2–10, 13–15, 18 – с зеленой поливой по ангобной подгрунтовке; 11 – с зеленой поливой с гравировкой; 12, 17 – с желтой поливой по ангобной подгрунтовке; 16 – с желтой поливой с гравировкой и резервом (1 – ЦГ, Сар. 400; 2 – ЦГ, 5639; 3, 8 – СГ, Р XXI/1995–2000; 4 – ЦГ, Сар. 401; 5 – ЦГ, РI/2000; 6 – ЦГ, Сар. 404; 7 – ЦГ, Сар. 407; 9 – ЦГ, Р/1960; 10 – СГ, Р42/2007; 11 – ЦГ, Сар. 396; 12 – ЦГ, Сар. 403; 13–14 – Большие Кучугуры; 15–16 – Азак; 17 – Отрар; 18 – Сарайчик); (1, 4, 6, 7, 11, 12 – из раскопок А.В. Терещенко, ГЭ; 2 – из раскопок В.Ф. Баллода, НМ РТ; 3, 8 – по Э.Д. Зиливинской, 2008; 13–14 – по И.Р. Тихомоловой, З.Х. Попандопуло, 2005; 15–16 – по А.Н. Масловскому, 2006; 17 – ЦГ, РI/1994–1998, Отрар; 18 – по З. Самашеву, О. Кузнецовой, В. Шахову, 2008).

вся покрывалась поливой, но ангобной подгрунтовкой покрыты только венчик и плечико. Кучугурские альбарелло повторяют следующую форму. Невысокое горло имеет массивный, Г-образный венчик с плоским краем. Узкие плечики переходят в тулово подцилиндрической формы с небольшим прогибом посередине. Плечики могут быть округлыми или крутыми. Придонный выступ образует округлое ребро при переходе к невысокой ножке-поддону. Декор простой: сделанные по основанию горла 2–3 горизонтальные врезные линии или «елочка». Размеры изделий: диаметр по венчику – 6,9–8,3 см, диаметр тулова – 7,1–8 см, диаметр дна – 5,6–6 см, высота не менее – 18–26 см (Тихомолова, Попандопуло, 2005, с. 190–191, рис. 1: 1–8). Кучугурские альбарелло по форме подобны нижневолжским варианта 1 подотдела 2, но они несколько массивнее и крупнее.

А.Н. Масловский, характеризуя керамический комплекс золотоордынского Азака, в поливной керамике II местной группы выделяет альбарелло, отмечая, что находки их крайне редки (Масловский, 2006, с. 348).

Азакские альбарелло изготовлены из глины с естественной примесью мелкого песка и известковых включений. Обжиг изделий сквозной, цвет красно-коричневый. Преобладающий цвет поливы – темно-зеленый. Изготовлены на этапе РФК-6-7; срезаны с круга нитью (Масловский, 2006, с. 340, 345).

Местные азакские альбарелло «распадаются» на два варианта:

1 вариант – тулово стройное, цилиндрическое с небольшим прогибом на середине своей высоты; плечико и придонная часть имеют вид

округлого ребра; невысокая ножка-поддон. Поливой покрыта вся внешняя поверхность до уровня расширения в придонной части. Вероятно, горло срезано. Размеры: диаметр по основанию горла – 2,7 см, диаметр ребра – 4 см, диаметр дна – 3,3 см, высота ножки – 0,5 см, высота сосуда – более 10 см. По форме подобны нижневолжским альбарелло варианта 3 подотдела 2 (рис. 1: 15);

2 вариант – цилиндрическое тулово с небольшим прогибом в придонной части, на кольцевом поддоне. В месте перехода тулова в плечико – подпрямоугольное ребро, в придонной части – ребро округлое. Горло высокое, цилиндрическое с отогнутым наружу, Г-образным венчиком. На внешней поверхности, под поливой, нанесен орнамент в технике гравировки и резерва, в общих чертах повторяющий крымские образцы. Размеры: диаметр по венчику – 6 см, диаметр по основанию горла – 5,1 см, диаметр ребра – 6,6 см, диаметр поддона – 5,1 см, высота поддона – 1 см, высота сосуда – 17 см (рис. 1: 16).

Вероятно, в Азаке, в отличие от других золотоордынских центров, существовало производство местных альбарелло двух вариантов: 1 вариант в общих чертах повторяет форму золотоордынских миниатюрных альбарелло, 2 вариант повторяет форму крымских альбарелло на кольцевом поддоне.

В материалах с Царевского городища есть находка небольшого альбарелло, происходящего, скорее всего, из района Отгара (рис. 1: 17). Сосуд изготовлен на этапе РФК-7 с использованием донно-емкостного начина, срезан с круга нитью. Формовочная масса с примесью маленьких

чешуек слюды, незапесочена. Обжиг сквозной. Цвет черепка палево-коричневый. Тулово стройное, цилиндрическое с небольшим прогибом на середине своей высоты; в этом месте сделано валикообразное расширение («дутый валик»). Плечико и придонная часть имеют вид округлого ребра. Здесь находится максимальный диаметр тулова. Диаметр горла и середины тулова равны. Так же равны диаметр по венчику, диаметр ребра и диаметр дна. Горло цилиндрическое с отогнутым наружу, скругленным венчиком. Высота горла составляет 1/4 от общей высоты сосуда. Тулово расширяется к дну, образуя высокую ножку, на которой срезана фаска. Зеленой поливой по ангобной подгрунтовке покрыта вся внешняя поверхность. На внутренней поверхности полива без ангобной подгрунтовки. Размеры: диаметр по венчику – 4,2 см, диаметр по основанию горла – 3,2 см, диаметр ребра – 4,4 см, диаметр дна – 4,3 см, высота горла – 3 см, высота ножки – 1,2 см, высота сосуда – 13,7 см.

По форме альбарелло из Отрара подобно нижеволжским варианта 2 подотдела 2, но у него есть отличие – «дутый валик» на тулове.

Вероятно, в Отраре существовала своя керамическая школа, здесь было налажено производство поливной и неполивной посуды (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1987, с. 7–10, 158). К.М. Байпаков пишет о мастерской квартала керамистов конца XIII – начала XIV вв., специализировавшейся на выпуске поливной керамики. В ней, в частности, изготавливались чаши с зеленой поливой на кольцевом поддоне, где также срезана фаска (Байпаков, 1990, с. 122–131). В Отраре в слоях XIV – начала XV в. встречаются

ся альбарелло с черной росписью под бирюзовой поливой (Керамика, 1991, с. 139). Хотя, по мнению Г.А. Федорова-Давыдова, в Средней Азии сосуды типа альбарелло встречаются реже, чем в Закавказье, Крыму, на Ближнем Востоке (Федоров-Давыдов, 1994, с. 135–136).

Также один из центров мог находиться в Сарайчике, в керамическом комплексе которого среди красноглиняной поливной и кашинной керамики присутствует данный вид изделий (Самашев, Кузнецова, Плахов, 2008, с. 15, 58). Возможно, сарайчикские альбарелло были одной формы: с цилиндрическим туловом, сужающимся к низу, с округлым плечиком; на низкой ножке. Внешняя поверхность до уровня расширения в придонной части покрыта зеленой поливой по ангобной подгрунтовке (рис. 1: 18). Альбарелло подобной формы есть среди кашинной керамики с бирюзовой поливой (Самашев, Кузнецова, Плахов, 2008, с. 207).

По форме альбарелло из Сарайчика подобно нижеволжским варианта 1 подотдела 3.

Таковы основные центры, где могли производиться миниатюрные красноглиняные альбарелло для местных нужд, но не для продажи в другие золотоордынские центры.

Для характеристики привозных (импортных) альбарелло (Юго-Восточный Крым) мы используем схему, разработанную И.В. Волковым и А.Н. Масловским для керамического комплекса золотоордынского Азака, в котором они выделяют группу Юго-Восточного Крыма (Волков, 1992, с. 8–10; Масловский, 2006, с. 355–373].

Найденные в нижеволжских столицах Улуса Джучи «крымские» альбарелло обладают признаками, ко-

торые исследователи отметили для данной группы керамики.

В качестве исходного сырья для сосудов использовалась ожелезненная, незапесоченная, пластичная глина. В формовочной массе фиксируется примесь известковых включений размером от 0,3 до 0,6 см. В качестве искусственно введенной примеси присутствует дробленый шамот разного размера и разной концентрации. Обжиг изделий равномерный, сплошной, цвет колеблется от светло-коричневого до оранжево-коричневого.

«Крымские» альбарелло, найденные при раскопках нижневолжских столиц, – на кольцевом поддоне. Течение формовочной массы в изломах днищ позволяет выделить донно-емкостный начин. Альбарелло с кольцевыми поддонами вытянуты из одного куска глины, но их поддоны по способу изготовления делятся на наклепленные и вырезанные. В первом случае поддон делался отдельно, в форме кольца или диска с выступающим бортиком; затем тулово и кольцевой поддон были соединены в одно целое. На внешней стороне придонной части, в месте соединения дна и поддона, может проходить трещина, валик или след от примазывания рукой поддона к дну. Во втором случае делали сосуд с массивным, плоским дном, в котором затем ножом вырезали полость поддона. На поверхности поддона могут остаться тонкие бороздки. Оба способа изготовления сосудов соответствуют уровню РФК-6-7 (Бобринский, 1978, с. 27). Все «крымские» альбарелло поливные – с желтой или зеленой поливой, по ангобной подгрунтовке: ангоб белый или светло-кремовый. По тулову сосудов сделана орнаментальная композиция в техни-

ке гравировки широкими и тонкими линиями по ангобу.

В общих чертах сосуды повторяют одну форму. Это высокие, стройные сосуды с цилиндрическим, слегка стянутым посередине туловом, на кольцевом поддоне. В месте перехода тулова в плечико и придонную часть образуется ребро. Горло может быть цилиндрическим или раструбным с разными вариантами венчика. В придонной части тулово заужено или слегка расширено. Внешняя поверхность (до уровня расширения в придонной части) всегда покрыта поливой по ангобной подгрунтовке. На внутренней поверхности в большинстве случаев ангоб доходит до нижнего ребра, а поливой покрыты только венчик или горло до середины его высоты.

Практически все крымские альбарелло богато орнаментированы по горлу и плечику, а также поверхность тулова между плечиком («верхнее» ребро) и придонной частью («нижнее» ребро).

В зависимости от цвета поливы и техники нанесения орнамента, пока можно выделить 3 подотдела:

- 1) с зеленой поливой по ангобной подгрунтовке;
- 2) с зеленой поливой с гравировкой и резервом;
- 3) с желтой поливой с гравировкой и резервом.

По морфологическим особенностям и размерам выделяется несколько вариантов данного вида изделий (табл. 2).

Подотдел 1. С зеленой поливой по ангобной подгрунтовке.

Вариант 1 (рис. 2: 1). Цилиндрическое, с небольшим перехватом по середине, тулово с округлым плечиком. Горло цилиндрическое, с профи-

Таблица 2.

Параметры поливных красноглиняных альбарелло Юго-Восточного Крыма.

Параметры (в см)	П/о1	П/о2				П/о3			
	В1	В1	В2	В3	В4	В1	В2	В3	В4
Диаметр по венчику	7,7	7,2	7,2	7,3–8,3	–	7,7	7,6–8,8	–	7
Диаметр по основанию горла	5	5,5	5,7	5,3–6	5,5	6	5,5–6	4,5	6,5
Диаметр «верхнего» ребра (плечико)	9	8,1	7,5	7,8–9	7,4	8,5	7,9–9,2	6	9,5
Диаметр «нижнего» ребра (придонная часть)	9,9	5,5	6,1	6,2–7,3	6,4	6	7–8,5	6	7
Диаметр тулова (в месте перехвата)	7–8	6,3	6	5,7–6,5	5,4	7	6–9	4,7	6,5
Диаметр поддона	6,4	5,7	5,3	5,8–6,2	5,1	5,6	5,6–6,5	4,5	5,5
Высота горла	3,5	3	3,3	2,8–3	3	3	2,5–3	2–3	3
Высота поддона	1,2	1,2	1,4	1,2–1,1	1,2	1,3	1–1,2	1,2	1,2
Общая высота сосуда	>10	21	17,8	19,5–21,4	18–19	19,5	21,4–23,8	17–18	17,5
Количество сосудов данного варианта	2	2	1	3	1	1	2	2	1
Общее количество сосудов данного вида	15								

лированным, скошенным внутрь венчиком. По основанию горла и по плечико могут проходить врезные линии. К этому подотделу мы относим придонную часть альбарелло с наклепленным поддоном (рис. 2: 2).

Изделия данного подотдела встречаются редко, хотя в материалах из Азака есть альбарелло весьма необычной формы – с округлыми, покатыми плечиками, на небольшом дисковидном поддоне (рис. 2: 18).

Подотдел 2. С зеленой поливой с гравировкой и резервом.

Вариант 1 (рис. 2: 3). Цилиндрическое тулово с округлым плечиком, резко сужающееся к дну. Горло раструбное с наклепными валиками под

венчиком и по основанию горла. Венчик горизонтальный по верхнему краю, отогнут наружу. Поддон наклепленный, расширяющийся, с выступом внутри, с плоским краем.

Между валиками, по середине горла, сделан поясок-«елочка». По плечико, под наклепным валиком, проходит полоса из S-образных фигур. На тулове – 10 чередующихся вертикальных полос: 5 – заштрихованных и 5 – с пересекающимися линиями (стилизованное изображение ветки растения).

Возможно, к данному варианту относится альбарелло, от которого сохранилась только верхняя часть (рис. 2: 8). На горло и плечико сосуда нанесены небрежно сделанные врезные

линии. На тулове расположены удлиненные миндалевидные листья со штриховкой внутри.

Вариант 2 (рис. 2: 5). Цилиндрическое тулово с покатым плечиком (в профиле подпрямоугольное), сужающееся к дну (нижнее ребро округлое, слабо выраженное). Горло раструбное с наlepным валиком под венчиком. Горло раструбное, с профилированным, горизонтальным по верхнему краю венчиком. Поддон наlepленный, расширяющийся, с валиком, с выступом внутри, с плоским краем. Под венчиком, между врезными линиями, проходит полоса растительного орнамента (виноградная лоза). По плечу, между двумя врезными линиями, проходит полоса из S-образных фигур. На тулове расположены 4 остроугольные фигуры остриями вниз, внутри которых удлиненный треугольник (стилизованное изображение листа). Между остриями фигур сделаны растительные завитки (виноградная лоза).

Вариант 3 (рис. 2: 7, 9). Цилиндрическое, с небольшим перехватом на середине или чуть ниже, тулово с приостренным плечиком (верхнее ребро шире нижнего). Горло раструбное, с широким Г-образным в профиле венчиком. Поддон вырезанный, расширяющийся, конусовидный внутри, с плоским краем. Орнамент в деталях может различаться, но в его композиции просматривается сходство. По горлу между врезными линиями проходит полоса из квадратов или стилизованная виноградная лоза. На плечико нанесено 4 узкие и 1 широкая горизонтальные врезные линии.

На тулове одного альбарелло в два ряда расположены по 5 остроугольных фигур остриями вверх и вниз (стилизованные листья), которые со-

единены тонкими линиями. Между остриями листьев – «уголки» из прочерченных тонких линий, внутри которых завитки-спирали. На тулове второго альбарелло в 5 рядов, в шахматном порядке, расположены ромбовидные фигуры (ромбическая сетка может символизировать «бутоны»), внутри которых находится завиток-спираль с палочкой, направленной вниз (изображение стебля). Между ромбами нижнего ряда свободное пространство заполнено уголками из прочерченных тонких линий, внутри которых сделан завиток. Возможно, к этому же варианту относится придонная часть альбарелло, на тулово которого нанесены удлиненные листья со штриховкой внутри. Между остриями фигур, у нижнего ребра, сделаны завитки-спирали (рис. 2: 6).

Вариант 4 (рис. 2: 4). Цилиндрическое, с перехватом на середине, тулово с округлым плечиком (диаметр верхнего и нижнего ребра практически одинаков). Горло, скорее всего, раструбное. Поддон наlepленный, расширяющийся, трапециевидный внутри, с плоским краем.

По плечу, между двумя широкими врезными полосами, проходит полоса из овальных фигур с волнистыми краями. По тулову, между верхним и нижним плечиками, нанесено 8 вертикальных полос из S-образных фигур, между которыми проходит широкая врезная полоса.

Подотдел 3. С желтой поливой с гравировкой и резервом.

Вариант 1 (рис. 2: 14). По форме и орнаментальной композиции (по горлу и плечу) аналогичен альбарелло варианта 1 подотдела 2 (рис. 2: 3). Единственное различие – в орнаментации тулова, так как там повторяется

Рис. 2. Альбарелло красноглиняные (Юго-Восточный Крым):

- 1-2 – с зеленой поливой по ангобной подгрунтовке; 3-9, 21 – с зеленой поливой с гравировкой и резервом; 10-17 – с желтой поливой с гравировкой и резервом (1, 4, 6, 8 – СГ, Р ХХІ/1995–2000; 2 – СГ, п/м; 3 – ЦГ, Сар. 287; 5 – ЦГ, Сар. 295; 7 – ЦГ, 5638; 9 – ЦГ, 5898-2; 10 – ЦТ, Р1/1994–1998; 11-12 – СГ, б/ш; 13 – ЦГ, Сар. 284; 14 – ЦГ, Сар. 285; 15 – ЦГ, Сар. 296; 16-18 – Азак; 19-20 – Укек; 21 – Сарайчик);
 (1, 4, 6, 8 – по Э.Д. Зиливинской, 2008; 3, 5, 13-15 – из раскопок А.В. Терещенко, ГЭ; 7, 9 – из раскопок Ф.В. Баллода, НМ РТ; 11-12 – по Г.А. Федорову-Давыдову, 1984; 16-18 – по А.Н. Масловскому, 2006; 19-20 – по А.Ф. Недашковскому, 2000; 21 – по З. Самашеву, О. Кузнецовой, В. Плахову, 2008).

мотив, который присутствует на альбарелло варианта 2 подотдела 2 (рис. 2: 5) с небольшой разницей в прорисовке полос с завитками.

Вариант 2 (рис. 2: 13, 15). По форме и композиции орнамента аналогичен альбарелло варианта 3 подотдела 2. Орнамент в деталях может различаться, но в его композиции просматривается сходство. По горлу, между врезными линиями, проходит полоса из квадратов или П-образных фигур. По плечу проходят широкие врезные полосы или полоса-«елочка».

По тулову одного альбарелло (рис. 2: 13) нанесено 12 чередующихся вертикальных полос, на которых в шахматном порядке располагаются пустые и с заштрихованной сеткой прямоугольники. Между вертикальными полосами – узкие врезные полосы. На тулове второго альбарелло (рис. 2: 15) повторяется мотив, который присутствует на альбарелло варианта 3 подотдела 2 (рис. 2: 9) с небольшой разницей в прорисовке завитков-спиралей с палочкой.

Вариант 3 (рис. 2: 11–12). По форме аналогичен альбарелло варианта 4 подотдела 2 (рис. 2: 4).

По тулову одного альбарелло (рис. 2: 11) проходят 4 вертикальные полосы с S-образными фигурами, между которыми – две параллельные врезные полосы. По тулову второго альбарелло (рис. 2: 12) нанесено 4 чередующихся вертикальных полос: 2 полосы с косою сеткой (внутри ячеек-ромбов – удлиненный треугольник) и 2 полосы с S-образными фигурами.

Вариант 4 (рис. 2: 10). Цилиндрическое, с небольшим перехватом чуть ниже середины, тулово с подпрямоугольным плечиком. Горло цилиндрическое, с T-образным в профиле вен-

чиком. Поддон наклепленный, чуть расширяющийся, с валиком, трапециевидный внутри, с плоским краем. По середине горла и по плечу, между широкими врезными полосами, проходит полоса из наклонных врезных линий. На тулове нанесено 12 чередующихся вертикальных полос: 6 заштрихованных и 6 – с заштрихованной сеткой, между которыми располагаются широкие врезные полосы. В общих чертах орнамент аналогичен орнаменту альбарелло варианта 1 подотдела 2 (рис. 2: 3).

Итак, все выше рассмотренные 15 альбарелло относятся к привозным (импортным) изделиям из Юго-Восточного Крыма, но они различаются цветом поливы, рядом морфологических особенностей и орнаментальными мотивами.

Альбарелло аналогичной формы и с подобными орнаментальными мотивами или с отдельными элементами декора встречаются в поливной керамике ряда золотоордынских городов.

А.Н. Масловский, рассматривая поливную керамику Юго-Восточного Крыма, относит альбарелло к торговой таре, перевозившейся со своим содержимым на большие расстояния (Масловский, 2006, с. 371). Оба сосуда покрыты желтой поливой. Причем форма и орнаментальная композиция одного аналогична альбарелло варианта 3 подотдела 3 из нижневолжских центров (рис. 2: 16), а второго – варианту 2 подотдела 2 (рис. 2: 17). Но у обоих альбарелло из Азака форма кольцевого поддона отличается от нижневолжских.

Л.Ф. Недашковский, характеризуя керамический комплекс Уека, приводит два крымских альбарелло, покрытых светло-зеленой поливой (Не-

дашковский, 2000, с. 105). Первое по форме тулова и некоторым элементам декора аналогично альбарелло варианта 2 подотдела 2 из нижеволжских центров (рис. 2: 19). Подобное альбарелло, но с темно-желтой поливой, известное в научной литературе как «ваза из Ани», было найдено Н.Я. Марром в 1893 г. (Якобсон, 1950, с. 217, рис. 125). Причем у обоих экземпляров форма поддона как в азербайджанских материалах. Второе альбарелло из Укека по форме тулова и поддона, элементам декора аналогично альбарелло варианта 2 подотдела 3 из нижеволжских центров (рис. 2: 20).

А.А. Кравченко, рассматривая керамический комплекс Белгорода на Днестре конца XIII – XIV вв., среди поливной керамики выделяет альбарелло с бесцветной поливой (скорее всего, это светло-желтая полива, см.: Кравченко, 1986, с. 77–78, рис. 30: 7). Среди сохранившихся фрагментов есть придонная часть, которая по форме тулова, поддона и орнаменту аналогична нижеволжскому варианту 2 подотдела 3 (рис. 26 15).

Крымские альбарелло известны и в материалах из Старого Орхя (Рябой, 1988, с. 114–116, рис. 1: 3).

В материалах из Сарайчика есть альбарелло с зеленой поливой, по форме тулова подобное альбарелло варианта 4 подотдела 2 из нижеволжских центров (Самашев, Кузнецова, Плахов, 2008, с. 176; рис. 2: 21). Причем его орнамент практически повторяет орнамент альбарелло с Царевского городища (рис. 2: 14).

В целом же все «крымские» альбарелло показывают форму, несущественно расходящуюся в деталях. Орнаментом покрыты горло, плечико и поверхность тулова между плечиком

и придонной частью. Орнаментальная композиция сделана в технике гравировки широкими и тонкими линиями по светлому ангобу.

Орнамент на тулове сосудов имеет вертикальную композицию двух видов: 1) поверхность делится прямыми гравированными линиями на четное количество секторов, каждый из которых украшается одним или двумя рисунками, повторяющимися через сектор; 2) поверхность украшена рисунком, элементы которого расположены в шахматном порядке.

Среди основных элементов орнамента можно отметить следующие: полоса с S-образными фигурами; полоса-«елочка»; полоса из квадратов; заштрихованные полосы и сетки; завитки-спирали; палочка со спиралью; кружочки со стрелками, направленными вниз; удлиненные миндалевидные листья со штриховкой внутри; стилизованная виноградная лоза; ромбообразные фигуры (ромбическая сетка); пустые и с заштрихованной сеткой прямоугольники.

Эти элементы орнамента, а также деление поверхности сосуда на вертикальные сектора встречаются на поливных кувшинах и блюдах из Херсонеса XIII–XIV вв., Орен-Калы X–XIII вв. По мнению А.Л. Якобсона, элемент «елочка», широко распространенный в византийской керамике XII в., это стилизация дерева с расходящимися ветками. Также мотив елочки по краю присутствует в армянской поливной керамике XII–XIII вв. Заштрихованная полоса – это стилизованное изображение ветки растения. Сетчатая штриховка, обычная в персидских изделиях IX–X вв., имитирует гравировку по металлу. Позднее, в XII–XIII вв., она часто наблюдается

в керамике г. Двина, а затем и в Херсонесе. Мотив кружочка со стрелкой вниз (стебель) характерен для персидского искусства. Орнамента в виде шахмат имела повсеместное распространение (Якобсон, 1950, с. 173–192; табл. 6: 31, 33; 9: 41; 12: 51; 13: 52; 14: 53–55; 16: 60, 61; 20: 74б, 75, 77; 21: 79, 80; 22: 81а; 23: 89а, б; 32: 130; он же, 1959, с. 256).

Все это свидетельствует о том, что в юго-восточных крымских городах было налажено производство альбарелло согласно определенным стандартам (форма, размер, набор орнаментальных элементов). Причем данная продукция предназначалась для вывоза в другие золотоордынские центры как тара специального назначения.

И.В. Волков отмечает, что альбарелло, относящиеся к группе Восточного Крыма, имеют особенность: внутренняя поверхность у них всегда покрыта поливой, так как мастера стремились предельно сократить возможность впитывания содержимого в керамику. Это позволяет предполагать, что альбарелло предназначались для лекарств и жидкостей, относящихся к врачеванию (Волков, 2004, с. 304).

Итак, все выше рассмотренные 27 сосудов относятся к одному виду изделий – альбарелло. Они обладают рядом устойчивых признаков: стандартная форма и размер; поливой покрывались их внешняя и внутренняя поверхности.

Н.М. Булатов предположил, что в этих сосудах, герметически закрытых, хранились дорогие благовония и лекарства, возможно, легко испаряющиеся. Доступ к ним был возможен только путем среза части горловины. Действительно, у некоторых миниатюрных альбарелло верхняя часть гор-

лышка с венчиком срезаны острым инструментом (рис. 1: 7, 12, 15). Причем, срез произведен после того, как сосуд уже был покрыт поливой – на срезе четко видны внутренний и внешний слой поливы, а между ними – глиняный черепок (Булатов, 1969, с. 34, 40). Иногда у обрезанного края сделано по два небольших отверстия. Возможно, наличие дырочек у верхнего края миниатюрных сосудов свидетельствует о том, что они употреблялись в качестве чернильниц. Это свидетельствует о вторичности использования альбарелло, например, в качестве чернильницы (Булатов, 1969, с. 39).

Известно, что альбарелло были широко распространены в средневековых мусульманских странах еще в домонгольское время.

По мнению И.В. Волкова, слово «альбарелло» распространилось в Европе из итальянского языка, в который оно попало от испанских морисков. Само слово по происхождению арабское, одного корня с названием меры нефти – баррель (Волков, 2004, с. 297).

А.Н. Кубе отмечает, что уже с середины XIV в. изготовление аптечной посуды играет в истории итальянского майоличного производства важную роль. Во второй половине XIV в., после эпидемии чумы, при больших монастырях в Италии стали создаваться госпитали с аптеками. Для убранства этих аптек требовалось огромное количество аптечной посуды. Стены торгового зала аптеки занимали полки, на которых размещались специальные сосуды с аптечным сырьем, для которого стала изготавливаться специальная керамическая посуда. Особое значение приобрели так называемые альбарелли (albarelli) – ци-

линдрические сосуды на ножке со слегка стянутым посередине туловом, покатыми плечиками и низким горлом с легким утолщением по краю. Вогнутость стенок имела цель предупредить выskalзывание сосуда из рук. Альбарелли не имели крышек, а прикрывались кружками бумаги или пергамента, стянутыми под утолщенным краем горла веревочкой. На лицевой стороне итальянских альбареллей обычно изображалась развернутая бандероль с надписью, содержащей названия различных лекарств и косметических средств (Кубе, 1976, с. 10).

По мнению А.Н. Кубе, итальянские мастера эту форму заимствовали из Испании, откуда в Италию в большом количестве ввозились валенсийские альбарелли. Итальянские мастера покрывали сосуды подобной формы белой оловянной глазурью (итал. albarello от лат. albius – «белый», albarius – «беленый») и расписывали растительным орнаментом. Баночки для лекарств в Италии затем стали называть альбарелли или альбарелло (от арабского «маленькое деревце» – см.: Кубе, 1923, с. 51).

Также считают, что название альбарелло могло произойти от названия серебристого тополя, цвет и рисунок коры которого напоминал итальянскую керамику (Кубе, 1976, с. 10).

Полагают, что форма этих сосудов была заимствована с Востока, где она подражала отдельным сочленениям крупного тростника и бамбука. В похожих деревянных сосудах или керамических, украшенных темно-синей глазурью и росписью, восточные купцы ввозили в Европу ароматические вещества, сушеные пряности и специи (Кубе, 1923, с. 51).

Данную форму – испано-мавританских и итальянских – повторяют альбарелло, изготовленные в городах Юго-Восточного Крыма, но они более изящных, стройных пропорций.

Если говорить о миниатюрных золотоордынских альбарелло, то они по своей форме близки к кашинным альбарелло. Н.М. Булатов считает, что форма миниатюрных альбарелло могла быть заимствована в поливной керамике Закавказья, где подобные сосуды с фиолетовой поливой и гравировкой известны уже в XII–XIII вв. Золотоордынские миниатюрные альбарелло стали результатом дальнейшего развития и усовершенствования данной формы (Булатов, 1976, с. 89).

Все альбарелло, рассмотренные в данной работе, были найдены в жилых или хозяйственных постройках, время бытования которых, судя по монетному материалу, определяется 1330/1340 – 1360-ми годами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар в XIII–XV вв. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1987. – 256 с.
2. Байпаков К.М. По следам древних городов Казахстана (Отрарский оазис). – Алма-Ата: Наука КазССР, 1990. – 207 с.
3. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения. – М.: Наука, 1978. – 278 с.
4. Булатов Н.М. Кашинные миниатюрные сосуды из Нового Сарая // Древности Восточной Европы. – М., 1969. – С. 32–40.
5. Булатов Н.М. Классификация красноглиняной поливной керамики золотоордынских городов // Средневековые памятники Поволжья. М.: Наука, 1976. – С. 73–107.

6. *Волков И.В.* Керамика Азова XIV–XVIII вв. (Классификация и датировка): Автореф. дис... канд. ист. наук. – М, 1992. – 24 с.
7. *Волков И.В.* Историографические курьезы // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2002 г. – Азов, 2004. – Вып. 21. – С. 291–335.
8. *Зеленев Ю.А., Курочкина С.А.* Золотоордынский город Сарай ал-Джедид (результаты археологических исследований на Царевском городище в 1994–2000 гг.). – Йошкар-Ола, 2009. – 264 с.
9. *Кверфельдт Э.Д.* Керамика Ближнего Востока. Руководство к распознаванию и определению керамических изделий. – Л.: Тип. ГЭ, 1947. – 144 с.
10. Керамика средневекового Отрара. – Алма-Ата: Изд-во «Онер», 1991. – 211 с.
11. *Коваль В.Ю.* Керамика Востока на Руси. IX–XVII вв. – М.: Наука, 2010. – 269 с.
12. *Кравченко А.А.* Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII – XIV вв.). – Киев: Наукова думка, 1986. – 128 с.
13. *Кубе А.Н.* История фаянса. – Берлин, 1923.
14. *Кубе А.Н.* Итальянская майолика XV–XVIII вв. Собрание Гос. Эрмитажа. – М., 1976.
15. *Масловский А.Н.* Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. – Азов, 2006. – Вып. 21. – С. 308–473.
16. *Недашковский Л.Ф.* Золотоордынский город Укек и его округа. – М.: Восточная литература, 2000. – 224 с.
17. Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв.: Сб. науч. трудов. – К.: ИД «Стилос», 2005. – Т. I. – С. 190–194.
18. *Полубояринова М.Д.* Русские вещи на территории Золотой Орды // СА. – 1972. – № 2. – С. 164–187.
19. *Рябой Т.Ф.* К вопросу о «больших» домах из старого Орхья // Средневековые памятники Днестровско-Прутского междуречья. – Кишинев, 1988. – С. 112–121.
20. *Сайко Э.В.* История технологии керамического ремесла Средней Азии VIII–XII вв. – Душанбе, 1963. – 208 с.
21. *Самашев З., Кузнецова О., Плахов В.* Керамика Сарайчика. – Алматы, 2008. – 264 с.
22. *Тихомолова И.Р., Попандопуло З.Х.* Альбарелло городища Большие Кучугуры // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья в X–XVIII вв. Киев: Стилос, 2005. С. 190–194.
23. *Федоров-Давыдов Г.А.* Золотоордынские города Поволжья. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 228 с.
24. *Якобсон А.Л.* Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.) // МИА. – 1950. – № 17. – 256 с.
25. *Якобсон А.Л.* Художественная керамика Байлакана (Орен-Кала) // Тр. Азербайджанской (Орен-Калинской) экспедиции. Т. I. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – С. 229–280. (МИА, № 67).
26. *Fyodorov-Davydov G.A.* The Culture of the Golden Horde Cities / Transl. from the Russian by H. Bartlett Wells. British Archaeological Reports. International Series 198. – Oxf., 1984. – 278 p.

Информация об авторе:

Курочкина Светлана Александровна, кандидат исторических наук, доцент. Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола, Россия); kurochkina-sveta@bk.ru

ALBARELLO OF THE LOWER VOLGA REGION CAPITALS OF DZHUCHI ULUS

S.A. Kurochkina

A typological analysis of the albarello as a form of glazed red clay ceramics, which was produced in the Golden Horde cities of the Lower Volga river region, is provided in the article. The albarelli were intended for medicines and aromatic substances, but they could also be used as inkpots. The findings discussed have been made on the sites of residential and household structures located in the cities of Sarai-al-Maqrus and Sarai-al-Jadid and dated back to the 1330/1340s–1360s. The items are grouped along the lines of their origin into those of local (Lower Volga) manufacture and those imported from Southeastern Crimea, both groups differing in size and shape. The typology of the two groups is offered on the basis of technological characteristics, such as glaze color and ornamentation mode.

Keywords: archaeology, the Lower Volga river region, the Crimea, the Golden Horde, albarello, ceramic complex, glazed red clay pottery, typology.

REFERENCES

1. Akishev, K. A., Baipakov, K. M., Erzakovich, L. B. 1987. *Otrar v XIII–XV vv. (Otrar in 13th – 15th Centuries)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ. (in Russian).
2. Baipakov, K. M. 1990. *Po sledam drevnikh gorodov Kazakhstana (Otrarskii oazis) (Tracing Ancient Towns of Kazakhstan: Otrar Oasis)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ. (in Russian).
3. Bobrinsky, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniia (Pottery-making of Eastern Europe. Sources and Methods of Study)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
4. Bulatov, N. M. 1969. In Evtyukhova, L. A. (ed.). *Drevnosti Vostochnoi Evropy (K 70-letiiu A. P. Smirnova) (Antiquities of Eastern Europe (to the Anniversary of 70 Years from the Birth of A.P. Smirnov))*. Series: Materials and Studies in the Archaeology of the USSR 169. Moscow: “Nauka” Publ., 32–40. (in Russian).
5. Bulatov, N. M. 1976. In Smirnov, A. P., Fyodorov-Davydov, G. A. (eds.). *Srednevekovye pamiatniki Povolzh'ia (Medieval Sites from the Volga Region)*. Moscow: “Nauka” Publ., 73–107 (in Russian).
6. Volkov, I. V. 1992. *Keramika Azova XIV–XVIII vv. (klassifikatsiia i datirovka) (Pottery of Azov in 14th–18th Centuries (Classification and Dating))*. PhD Thesis. Moscow (in Russian).
7. Volkov, I. V. 2004. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2002 g. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2002)* 21. Azov: Azov Museum of Local Lore, 291–335 (in Russian).
8. Zeleneev, Yu. A., Kurochkina, S. A. 2009. *Zolotoordynskii gorod Sarai al-Dzhedid (rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniia na Tsarevskom gorodishche v 1994–2000 gg.) (The Golden Horde City of Sarai al-Jadid: Results of the Archaeological Studies on the Tsarev Hillfort in 1994–2000)*. Yoshkar-Ola (in Russian).
9. Kverfel'dt, E. D. 1947. *Keramika Blizhnego Vostoka. Rukovodstvo k raspoznaniiu i opredeleniiu keramicheskikh izdelii (Western Asian Pottery: a Guidebook for Identification and Definition of Ceramic Wares)*. Leningrad: State Hermitage Museum (in Russian).
10. *Keramika srednevekovogo Otrara (Ceramics of Medieval Otrar)*. 1991. Alma-Ata: “Oner” Publ. (in Russian).
11. Koval', V. Yu. 2010. *Keramika Vostoka na Rusi. IX–XVII veka (Oriental Ceramics in Rus' in 9th–17th Centuries)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

12. Kravchenko, A. A. 1986. *Srednevekovi Belgorod na Dnestre (konets XIII–XIV vv.) (Medieval Belgorod on Dniester (late 13th – 14th Centuries))*. Kiev: “Naukova dumka” Publ. (in Russian).
13. Kube, A. N. 1923. *Istoriia faiansa (History of Faience)*. Berlin (in Russian).
14. Kube, A. N. 1976. *Ital’ianskaia maiolika XV–XVIII vv. Sobranie Gosudarstvennogo Ermitazha (Italian Majolica of 15th – 18th Centuries: Collection of the State Hermitage Museum)*. Moscow (in Russian).
15. Maslovskii, A. N. 2006. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2004 g. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2004)*. 21. Azov: Azov Museum of Local Lore, 308–473. (in Russian).
16. Nedashkovskii, L. F. 2000. *Zolotoordynskii gorod Ukek i ego okruga (The Golden Horde City of Ukek and its Region)*. Moscow: “Vostochnaia Literatura” Publ. (in Russian).
17. Bocharov, S. G., Mytz, V. L. (eds.). 2005. *Polivnaia keramika Sredizemnomor’ia i Prichernomor’ia. X–XVIII vv. (Glazed Pottery of the Mediterranean and Pontic Regions in the 10th–18th Centuries)* I. Kiev: “Stilos” Publ., 190–194 (in Russian).
18. Poluboiarinova, M. D. 1972. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 164–187 (in Russian).
19. Riaboi, T. F. 1988. In *Srednevekove pamiatniki Dnestrovsko-Prutskogo mezhdurech’ia (Medieval Sites of the Dniester-Prut Interfluve)*. Kishinev: “Știința” Publ., 112–121 (in Russian).
20. Saiko, E. V. 1963. *Istoriia tekhnologii keramicheskogo remesla Srednei Azii VIII–XII vv. (History of Technology of the Central Asian Ceramic Craft)*. Dushanbe (in Russian).
21. Samashev Z., Kuznetsova O., Plakhov V. 2008. *Keramika Saraichika (Saraychik Pottery)*. Almaty: “ZURadvertising” Publ. (in Russian).
22. Tikhomolova, I. R., Popandopulo, Z. Kh. 2005. In Bocharov, S. G., Mytz, V. L. (eds.). *Polivnaia keramika Sredizemnomor’ia i Prichernomor’ia. X–XVIII vv. (Glazed Pottery of the Mediterranean and Pontic Regions in the 10th–18th Centuries)*. Kiev: “Stilos” Publ., 190–194 (in Russian).
23. Fedorov-Davydov, G. A. 1994. *Zolotoordynskie goroda Povolzh’ia (Golden Horde Towns in the Volga Area)*. Moscow: M. V. Lomonosov Moscow State University (in Russian).
24. Jakobson, A. L. 1950. *Srednevekovi Khersones (XII–XIV vv.) (The Medieval Chersonese (12th–14th Centuries))*. Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 17 (in Russian).
25. Jakobson, A. L. 1959. In *Trudy Azerbaidzhanskoi (Oren-Kalinskoi) ekspeditsii (Proceedings of the Azerbaijani (Oren-Kala) Expedition)* I. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 67. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 229–280.
26. Fyodorov-Davydov, G. A. 1984. *The Culture of the Golden Horde Cities*. Transl. from the Russian by H. Bartlett Wells. BAR IS 198. Oxford.

About the Author:

Kurochkina Svetlana A. Candidate of Historical Sciences. Mari State University. Lenin Square, 1, Yoshkar-Ola, 424000, Russian Federation; kurochkina-sveta@bk.ru

Публикации

ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ НА ОСТРОВЕ ДУБОВАЯ ГРИВА В 2009–2010 гг.

© 2012 г. А.А. Чижевский, А.В. Лыганов, В.В. Морозов

В статье представлены материалы археологических разведок и раскопок 2009–2010 гг. на острове Дубовая Грива в пределах Нижнекамского водохранилища. В результате была обнаружена и исследована ранее не известная многослойная стоянка Дубовая Грива VI. Здесь найдены артефакты различных археологических периодов: эпохи неолита (камская культура), бронзового и раннего железного века (ананьинская культура) и раннего средневековья (бахмутинская культура). На территории стоянки найден Дубовогривский клад кремневого оружия эпохи энеолита, состоявший из четырех кремневых кинжалов. Были проведены также дополнительные охранно-спасательные исследования стоянки Дубовая Грива II, где были найдены материалы культур бронзового века (жилище с керамикой типа Заосиново, керамика срубной и ананьинской культурно-исторической общности). Подъемный материал Дубовой Гривы II включает фрагменты керамики эпохи неолита (камская культура) и маклашеевской культуры позднего бронзового века.

Ключевые слова: археология, Волго-Камский регион, Нижнекамское водохранилище, неолит, энеолит, эпоха поздней бронзы, ранний железный век, раннее средневековье, клад, жилище.

Тукаевский район РТ – один из самых освоенных в промышленном и сельскохозяйственном отношении регионов Восточного Предкамья, лишь пойма р. Кама и острова сохраняют участки неосвоенных современным человеком территорий. Именно здесь, на о. Дубовая Грива, в 1964 г. и был обнаружен ряд древних стоянок и местонахождений, существовавших на этой территории от эпохи неолита до средневековья (Старостин, 1964).

Остров Дубовая Грива образовался после заполнения в 1979 г. ложа Нижнекамского водохранилища. До затопления водохранилищем эта территория относилась к правому берегу р. Ик и здесь размещалась д. Дубовая Грива.

В 1969 г. П.Н. Старостиным и Р.С. Габяшевым были произведены полевые исследования на Дубовогривской II стоянке. На памятнике было заложено пять раскопов общей площадью 748 кв.м. и вскрыто пять жилищ. Жилища были отнесены к эпохе поздней бронзы, кроме того, на стоянке была найдена керамика эпохи неолита, энеолита и ананьинской культурно-исторической области (Габяшев, Старостин, 1978, с. 109–120).

Впоследствии остров осматривался экспедициями по мониторингу Нижнекамского водохранилища в 1985 г. (Р.С. Габяшевым и В.Н. Марковым), в 1995 г. (Р.С. Габяшевым, В.Н. Марковым, А.А. Чижевским и Н.М. Капленко), в 2009–2010 гг.

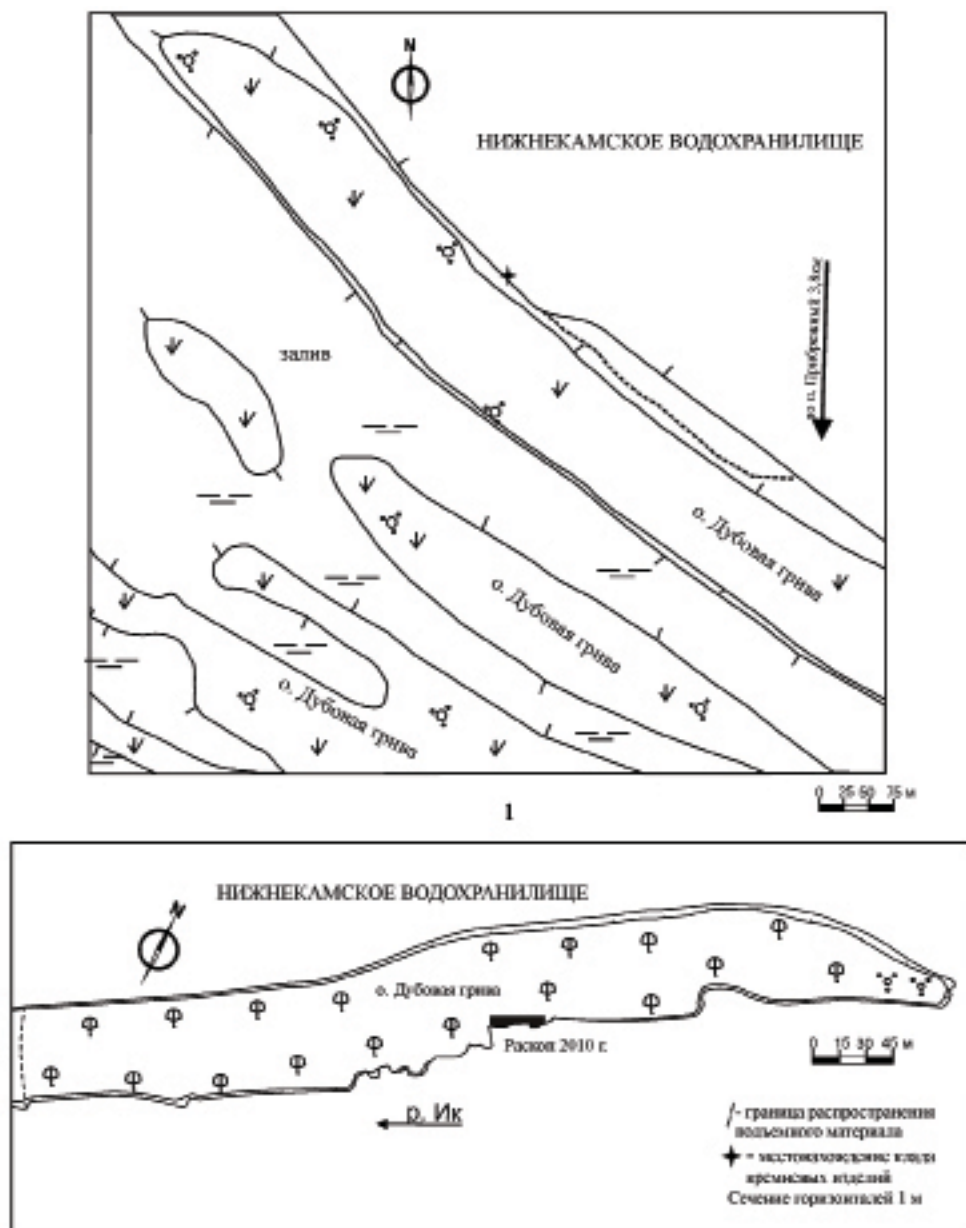

Рис. 1. 1 – план Дубовогривской VI стоянки; 2 – план Дубовогривской II стоянки.

(А.А. Чижевским, А.В. Лыгановым и В.В. Морозовым).

Результаты мониторинга 2009 г. и археологических раскопок 2010 г. представлены в данной статье. Итогом разведочных работ стало открытие неизвестного ранее памятника –

Дубовогривской VI стоянки, а также клада кремневых изделий.

Дубовогривская VI стоянка

Стоянка расположена в северо-западной части острова в 3,8 км от дачного поселка «Прибрежный». Памятник

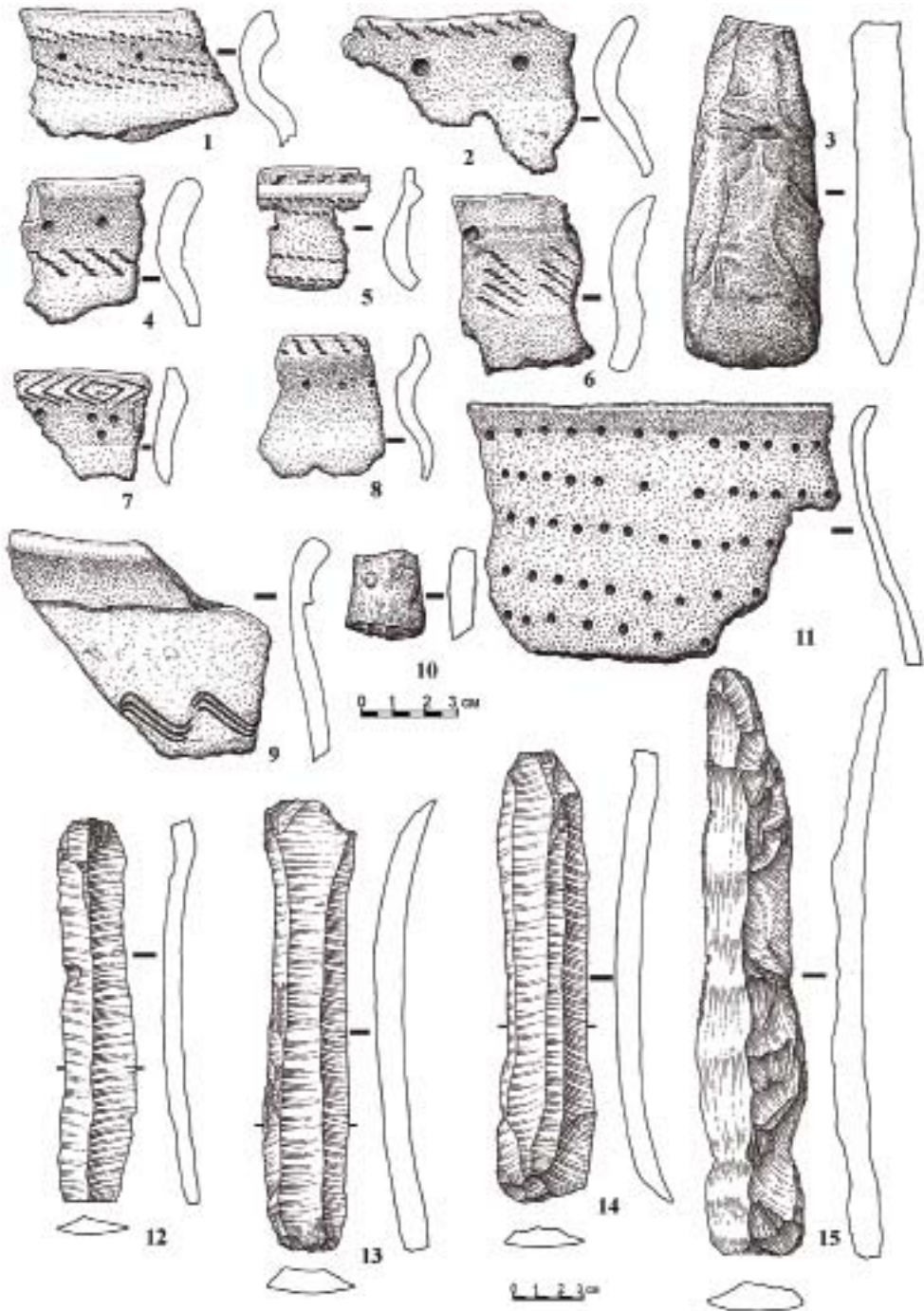

Рис. 2. Дубовогривская VI стоянка, подъемный материал.
1-2, 4-8, 11 – лепная керамика; 3 – тесло; 9 – гончарная керамика;
10 – концевой скребок на отщепе; 12-15 – клад кремневых изделий.
(3, 10, 12-15 – кремнь, 1-2, 4-9, 11 – глина).

ник находится на невысоком, около 1,5 м останце пойменного дюнного всхолмления, сильно разрушенного водохранилищем (рис. 1: 1). Границы памятника определены по распространению подъемного материала, простирающегося по берегу на протяжении 200 м. Подъемный материал представлен фрагментами лепных глиняных сосудов (31 экз.), преимущественно без орнамента, культурную принадлежность которых выявить сложно. Исключение составляют две стенки керамики эпохи неолита (камская культура), крупный венчик лепного сосуда, имеющий аналогии в керамике бахмутинской культуры (рис. 2: 11), серия фрагментов от сосудов ананьинской культуры шнуровой керамики (АКШК) (рис. 2: 1, 2, 4–8) и фрагмент венчика средневекового сосуда (рис. 2: 9), по аналогиям атрибутированного как тип «Джукетау».

Среди подъемного материала встречаются кремневые изделия (13 экз), представленные в основном заготовками кремневых орудий. Среди них кремневый отщеп, два фрагмента скола, фрагмент кремневой конкреции подтреугольной формы – заготовка торцевого нуклеуса, заготовка мелкого призматического (вторичного) нуклеуса на массивном сколе, концевой скребок на отщепе (первичном) со слабо выпуклым лезвием (рис. 2: 10), заготовка мелкого (вторичного) нуклеуса на осколке кремня, концевой скребок на отщепе окремнелого известняка, заготовка мелкого (вторичного) нуклеуса на фрагменте более крупного нуклеуса (проксимальный фрагмент скола оббит и окатан), сечение ножевидной пластины с микроретушью утилизации по краю, проксимальный фрагмент ножевидной пластины, а

также тесло из окремнелого известняка (рис. 2: 3)¹. Судя по подъемному материалу, памятник можно отнести к категории многослойных и датировать временем от неолита до средневековья.

Дубовогривский клад кремневых изделий

На территории Дубовогривской VI стоянки в ее крайней западной части, на мелководье, в иле, на глубине 20 см был обнаружен клад кремневых изделий, состоящий из четырех макропластин, лежащих стопкой друг на друге (рис. 2: 12–14). Предметы в стопке располагались по размеру – самое крупное изделие лежало внизу, самое маленькое вверх.

1. Кремневый кинжал двухлезвийный на макропластине длиной 25,4 см (рис. 2: 15). По определению М.Ш. Галимовой, в проксимальной части пластины на краях и гранях спинки зафиксированы следы рукояти, кончик скруглен (вероятно, использовался как скребок по коже, либо находился в кожаных ножнах). Вероятно, кинжал использовался для разрезания мяса, кости, шкуры.

2. Нож двухлезвийный на макропластине (рис. 2: 14). Судя по данным трассологического анализа, на ноже отмечены следы рукояти. Длина ножа 19,2 см. Использовался для разрезания (местами для пиления) мяса, кости, шкуры. Округлый дистальный конец – скобель или нож для подрезания.

3. Нож двухлезвийный на макропластине (рис. 2: 13). На проксималь-

¹ Авторы выражают благодарность М.Ш. Галимовой, которая провела трассологический анализ кремневых орудий из стоянки и клада.

ной части отмечены следы рукояти. Длина ножа 18,6 см. Использовался для разрезания мяса, шкуры, местами кости. Округлый дистальный конец – скобель и нож для подрезания.

4. Кинжал (?) нож двухлезвийный на макропластине (рис. 2, 12). Так же, как и на других пластинах, на данном кинжале отмечены следы рукояти. Кончик сломлен. Длина изделия 16,4 см. Использовался для разрезания, местами – скобления или строгания мяса, кости, может быть, рыбы.

Ближайшие аналогии клад находит в кремневых изделиях этапа В1-В2 могильников мариупольского типа и среднестоговской культуры и относится к эпохе энеолита (Телегин, 1973, рис. 56: 12; 57: 1–8; 1991, рис. 24: 11, 12; 33: 8; 35: 14–16). Абсолютная датировка могильников мариупольского типа укладывается в пределах первой-второй четверти IV тыс. до н.э. (Телегин, 1991, с. 30–32), а среднестоговской культуры – второй половины IV–III тыс. до н.э. (Телегин, 1973, с. 124–130). Находки подобных предметов встречаются в основном на могильниках, вероятно, и в данном случае перед нами остатки размытого погребения, кости в котором не сохранились.

Дубовогривская II стоянка

После наполнения Нижнекамского водохранилища раскопы П.Н. Старостина и Р.С. Габяшева 1969 г. не были затоплены, но в 2000 г. уровень водохранилища был поднят на 1 м, и они оказались под водой. Сейчас место, где располагались раскопы, находится в 20 м от современной береговой полосы о. Дубовая Грива.

В настоящее время территория Дубовогривской II стоянки покрыта

дерном, кустарником и дубовым лесом. Памятник располагается на северо-восточной оконечности острова Дубовая Грива в 2750 м к северу – северо-востоку от дачного поселка Прибрежный Тукаевского района Республики Татарстан. Высота дюны составляет 1,5–2 м, до затопления водохранилищем она была 4–5 м над уровнем поймы. Судя по распространению подъемного материала, площадь поселения составляет 510'60–18 м, однако значительная часть территории памятника была разрушена при заполнении ложа Нижнекамского водохранилища.

В 2010 г. в связи с усилившимися абразионными процессами на Дубовогривской II стоянке были проведены охранно-спасательные работы под руководством А.А. Чижевского (рис. 1: 2).

Раскоп площадью 148 кв. м был заложен в центральной части стоянки. Длина раскопа – 30 м, ширина 3,5–6 м.

Стратиграфия раскопа следующая: дерн – 6–10 см, под ним слой темно-серой, гумусированной супеси мощностью 40–65 см. Данный слой на всем протяжении раскопа имеет дискретный характер, он встречен в виде отдельных пятен в западинах или внутри трещин и кротовин. Как правило, все находки сосредоточены в нижней части этого слоя. Ниже располагается темно-серая супесь (мощность 5–40 см), подстилающая почти весь раскоп. Еще ниже располагается материк – белый песок. Находки, имеющие археологическую ценность, содержатся в слое темно-серой гумусированной супеси и единично в слое серой супеси.

В результате работ 2010 г. было вскрыто одно сооружение, остатки очага и три ямы.

Сооружение 1 (рис. 3: 1–4) располагалось в центральной части раскопа на уч. А7-А12, Б5-Б12, В5-В11. Пятно темно-серой супеси в виде неправильного овала (1298'302–375 см), расширяющегося в юго-западной части, вытянутое по оси северо-восток – юго-запад, было выявлено на глубине 92–106 см от нулевой отметки. Стенки сооружения скошены к центру. Дно (гл. -140–180 см от нуля) было уплощенным, с углублением к центру сооружения, кроме того, внутри сооружения 1 были отмечены западины (уч. Б6, Б7, В6, В7, Б9) и ямы (№ 1–3), углубленные в пол.

Заполнение сооружения состоит из темно-серой гумусированной супеси с включениями угольков, лепной керамики (всего 226 экз.) и костей животных. Атрибутированные фрагменты керамики (53 фр.), обнаруженные в сооружении 1, распределяются следующим образом:

1 пласт – один фр. срубной (рис. 7: 10), четыре луговской (рис. 7: 1, 3, 7, 8) и два заосиновской керамики (рис. 7: 2, 4);

2 пласт – 10 фр. срубной (рис. 7: 9, 11, 13), 10 луговской (рис. 7: 5), пять фр. и развал сосуда заосиновского типа керамики (рис. 7: 6, 12, 17);

3 пласт – семь фр. (рис. 7: 15, 16, 18, 19) и развал сосуда луговской (рис. 7: 23), четыре фр. заосиновской керамики (рис. 7: 14);

4 пласт – один фр. луговской (рис. 7: 21) и восемь заосиновской керамики (рис. 7: 20, 22);

5 пласт – два фр. неорнаментированной пористой керамики с примесью раковины, вероятно, заосиновской.

В восточной части заполнения сооружения отмечен ряд кремневых из-

делий: скобяще-режущее орудие (уч. Б6, гл. -131 см; рис. 8: 2), кремневый наконечник стрелы с усеченным основанием (уч. В8, гл. -153 см; рис. 8, 8).

В западной части сооружения 1 были выявлены: ножевидная пластина из кремня (уч. Б11, гл. -126 см; рис. 8, 7) и фрагмент нуклеуса из кварцита (уч. Б11, гл. -50 см; рис. 8: 6).

Вероятно, к данному сооружению относится также кремневая ребристая пластина (уч. Б12, гл. -100 см; рис. 8: 12), зафиксированная несколько ниже западного угла сооружения 1.

Аналогии наконечнику стрелы с усеченным основанием отмечены на памятниках эпохи энеолита Деревка (Телегин, 1973, рис. 39, 2–5, 7), Бор I (Наговицын, 1987, рис. 9: 5) и поздней бронзы, таких, как Коренец (Бадер, 1987, рис. 67: 1–3), Займищенская III и Карташихинская I стоянки, но наибольшее сходство обнаруживается с наконечниками из погр. 2 Новомордовского VI могильника, который относится к кругу памятников займищенского типа (Халиков, 1980, табл. 6; 34: 2, 3; 34: 5).

Очаг № 1 (рис. 3: 1, 5). Уч. Б3. Очаг выявлен в виде пятна прокаленной супеси оранжево-красного цвета округлой в плане формы (55'42 см). Судя по профилю, он был размещен непосредственно на материке и в процессе эксплуатации оказался на небольшой возвышенности вследствие повреждения грунта ногами поддерживающих огонь людей. В самом провале и под ним находок керамики и других предметов сделано не было.

Яма № 1 (рис. 3: 1, 7). Уч. Б12. Зафиксирована в пределах очертаний сооружения 1. Пятно овальной в плане формы (56'86 см) было выявлено на глубине 100 см от нулевой отмет-

ки, на глубине 103 см яма уменьшается в размерах (56'71 см), сохраняя очертания овальной формы. Дно ямы чашевидной формы зафиксировано на глубине 167 см. Заполнение ямы состоит из темно-серой гумусированной супеси с включениями угольков, мелких фрагментов керамики и костей животных.

Яма № 2 (рис. 3: 1, 4). Уч. Б6-Б8. Пятно грибообразной в плане формы (62'290 см) было выявлено на глубине 174–176 см от нуля. Дно ямы (гл. -180–188 см) приостренное, покатые стенки сильно скошены к центру ямы. Заполнение ямы состоит из темно-серой гумусированной супеси с включениями мелких фрагментов керамики заосиновского типа, а также костей животных.

Яма № 3 (рис. 3: 1, 3). Уч. Б11. Зафиксирована в пределах очертаний сооружения 1, вероятно, представляет собой остатки какой-то столбовой конструкции. Пятно округлой в плане формы диаметром 28 см было выявлено на глубине 171 см. Дно ямы (гл. -192 см) было чашевидным, покатые стенки скошены к центру ямы. Сама яма размещалась несколько вбок от центральной оси, как будто была отпечатком бревна, вбитого в землю под углом. Заполнение ямы состоит из темно-серой гумусированной супеси.

Вещевой комплекс раскопа вне сооружений. Вещевой комплекс раскопа был представлен глиняной посудой с примесями раковины и шамота в глине (1473 экз.), кремневыми (12 экз.) и кварцевыми изделиями (3 экз.), а также девятью гальками. Общее количество находок на раскопе составляет 1501 экз.

Всего удалось атрибутировать 191 фрагмент керамики, которые относят-

ся: к камской (5 экз.) и волосовской (1 экз.) культурам, заосиновской типу керамики (22 экз.), срубной культурно-исторической общности (КИО) (89 экз.), луговской культуре (63 экз.), атабаевскому этапу маклашевской культуры (3 экз.) и ананьинской культуре шнуровой керамики (8 экз.).

В слое серой гумусированной супеси встречено 22 фр. – 12% от всей атрибутированной керамики раскопа. 12 фр. (55% от всей керамики слоя) принадлежит к керамике срубной КИО, 8 фр. (36%) относится к луговской культуре, по одному фрагменту и соответственно по 4,5% относится к камской и заосиновской керамике.

В слое темно-серой гумусированной супеси встречено 169 фр. – 88% от всей атрибутированной керамики раскопа. 77 фр. (46% от всей керамики слоя) принадлежит срубной КИО (рис. 4: 3, 4, 6, 7, 21–23, 26–31; 5; 7: 9–11, 13, 21); 55 фр. (32,5%), относится к луговской культуре (рис. 4: 2, 5, 8, 9, 11–14, 24, 25; 6: 6–17; 7: 3, 5, 7, 8, 15–19); 21 фр. керамики (12%) соотносится с заосиновским типом керамики (рис. 6: 4, 5); восемь фр. (5%) принадлежит ананьинской культуре шнуровой керамики (рис. 4: 18–20; 6: 20, 21); четыре (2,2%) относится к керамике камской культуры (рис. 4: 1, 10; 6: 1, 2), три (1,8%) – к атабаевскому этапу маклашевской культуры (рис. 2: 15, 18, 19); кроме того выявлен один экз. (0,5%) керамики волосовской культуры (рис. 6: 3).

При раскладке атрибутированных фрагментов керамики по пластам наблюдается следующая картина:

1 пласт – атрибутированная керамика отсутствует;

2 пласт – один фр. камской (рис. 4, 1), восемь срубной (рис. 4, 3,

4, 6, 7) и шесть луговской керамики (рис. 4, 2);

3 пласт – один фр. камской керамики (рис. 4: 10), 26 срубной (рис. 4: 21–23, 25–31), 21 луговской (рис. 4: 5, 8, 9, 11–15), 6 ананьинской культуры шнуровой керамики (рис. 4: 18–20);

4 пласт – два фр. камской керамики (рис. 6: 1, 2), один волосовской (рис. 6: 3), 21 заосиновской (рис. 6: 4, 5); 43 срубной керамики (рис. 5: 1–19), 28 луговской (рис. 6: 6–14, 16–17), три – атабаевской (рис. 6: 15, 18, 19), два фр. ананьинской культуры шнуровой керамики (рис. 6: 20, 21).

Керамический комплекс Дубовогривской II стоянки очень неоднороден, поэтому целесообразно более подробно представить характеристику керамики поселения. Малочисленные серии, такие как керамика камской и волосовской культур, а также атабаевского этапа маклашеевской культуры отдельному анализу не подвергались.

Заосиновская керамика характеризуется пористой структурой и

примесью раковины к глине. Судя по развалу из сооружения 1, керамика имела горшковидную форму (рис. 7: 17). Все фрагменты сосудов орнаментированы, орнамент располагается в верхней половине сосуда. Вся выявленная керамика имела на шейке поясok из небольших ямок круглой и подтреугольной формы. Основным элементом орнамента был гребенчатый штамп, как разреженный, так и слитный, присутствует также гладкий штамп (табл. 1). Наиболее часто встречающейся композицией орнамента являются наклонные и горизонтальные линии, реже отмечен горизонтальный зигзаг.

Данная керамика имеет аналогии на поселениях Пермского и Удмуртского Прикамья, таких как Заосиновское VII, Непряхинская V и Симонихинская I стоянки (Денисов, Мельничук, 1991, с. 107) и может рассматриваться в рамках заосиновского типа керамики, который сформировался в Среднем и Нижнем Прикамье в начале позднего бронзового века.

Таблица 1

Дубовогривская II стоянка. Распределение элементов орнамента и композиции по культурам

АК	Элементы орнамента								Композиция орнамента									
	Штамп				Иные элементы													
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
Заосиновская	10	11	12	–	–	6	–	–	12	8	–	2	–	–	–	–	–	–
Срубная	64	5	5	–	33	–	–	–	30	18	1	28	–	–	1	6	–	–
Луговская	9	35	15	–	16	–	1	9	13	16	–	23	3	–	10	3	5	–
Ананьинская	–	–	–	8	–	3	–	–	1	3	–	1	–	1	–	–	–	1
Итого	83	51	32	8	55	3	1	9	56	45	1	54	3	1	11	9	5	1

1. Примечание: 1 – разреженный, 2 – сплошной, 3 – гладкий, 4 – шнуровой, 5 – вдавление, 6 – ямка, 7 – кружок, 8 – каннелюры, 9 – наклонные линии, 10 – горизонтальные линии, 11 – вертикальные линии, 12 – горизонтальный зигзаг, 13 – горизонтальная рамка, 14 – крестовый, 15 – треугольник, 16 – ромб, 17 – решетка, 18 – полукруг.

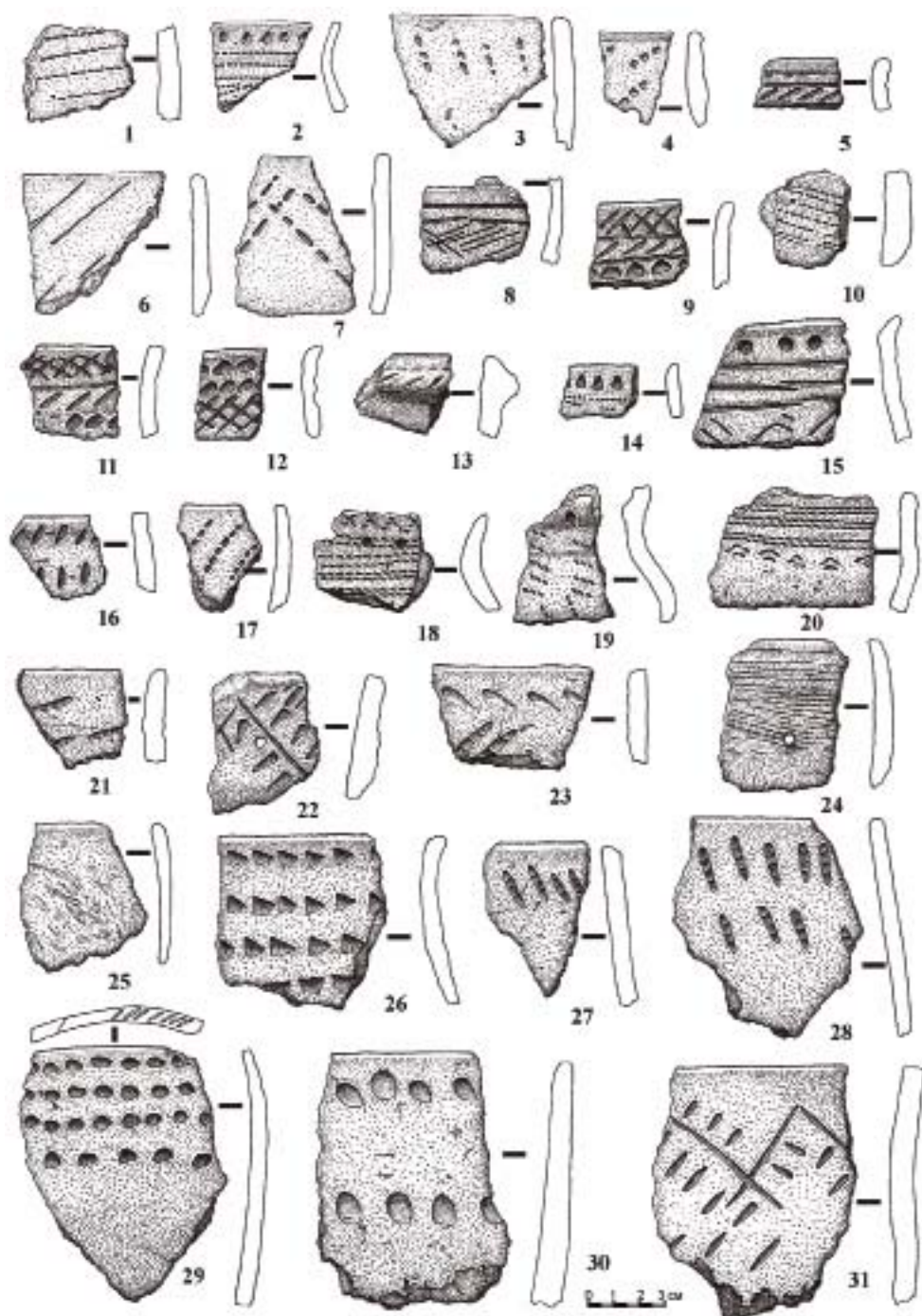

Рис. 4. Дубовогривская II стоянка.
1-4, 6, 7 – керамика второго пласта; 5, 8-31 – керамика третьего пласта.

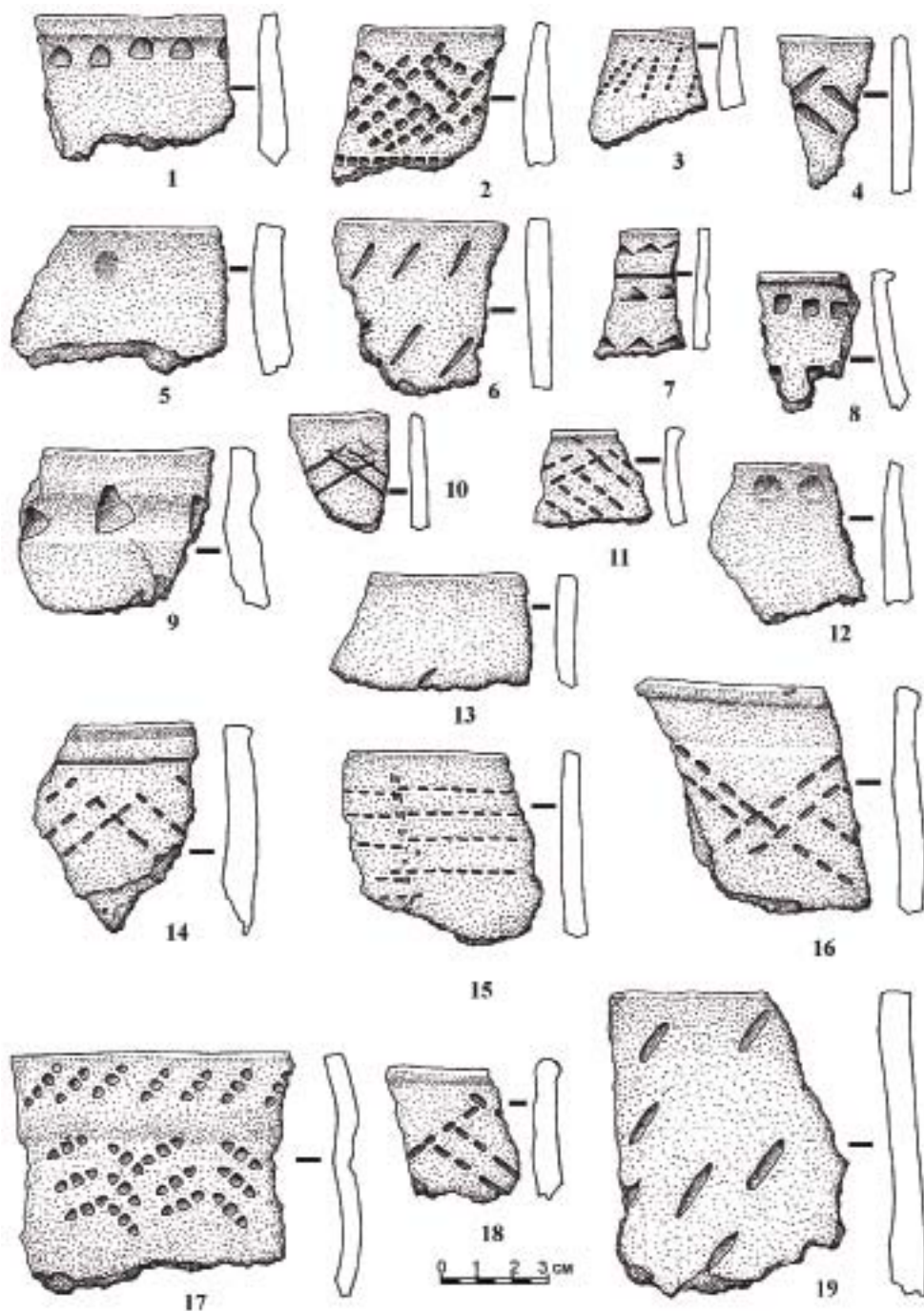

Рис. 5. Дубовогриевская II стоянка. 1-19 – керамика четвертого пласта.

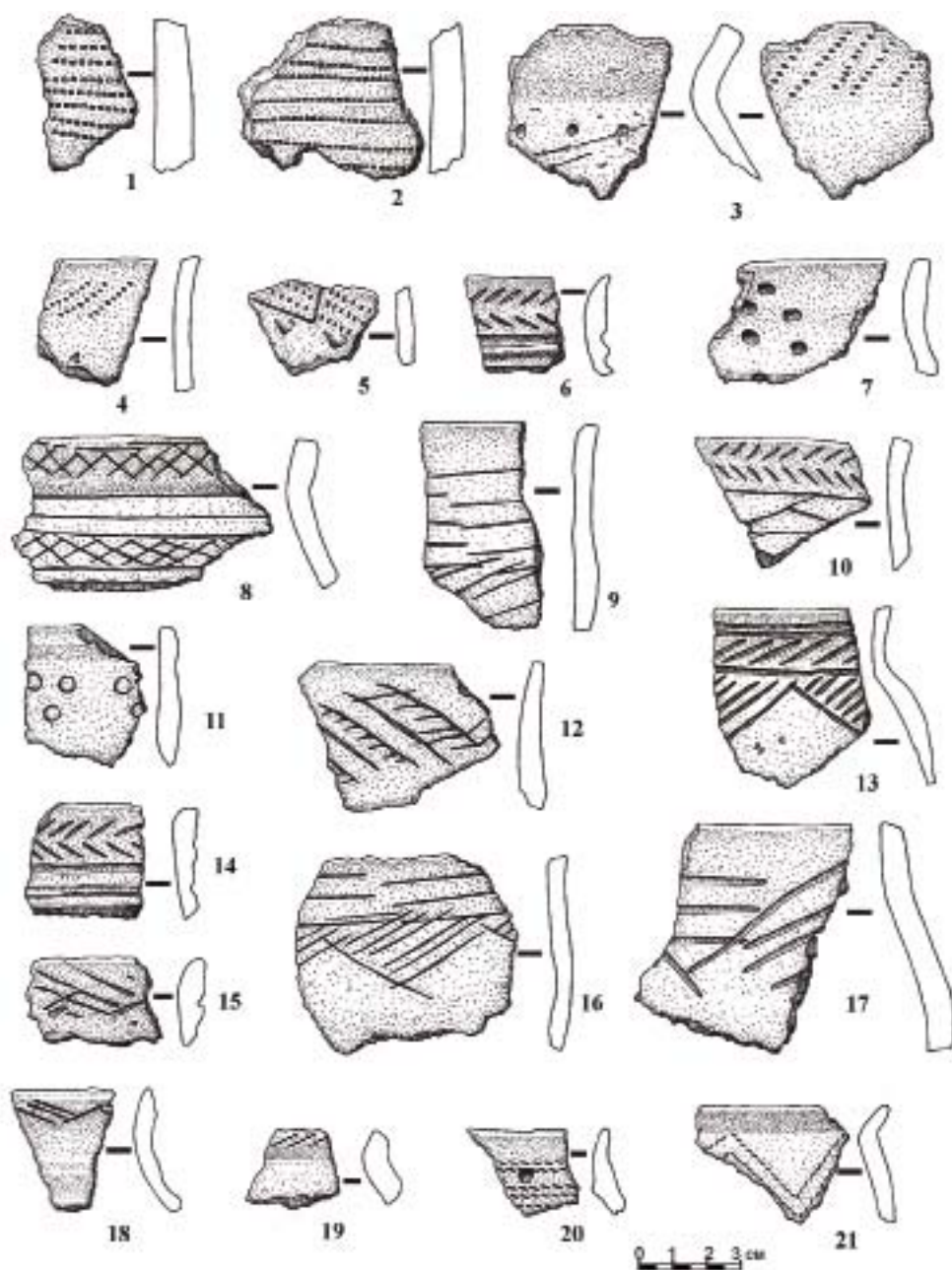

Рис. 6. Дубовогривская II стоянка. 1-21 – керамика четвертого пласта (продолжение).

Кроме того, отмечены отдельные аналогии с керамикой коптяковского типа Западной Сибири (Косарев, 1987, с. 268, рис. 95: 3).

Керамика срубной КИО имеет небрежно заглаженную, неровную поверхность. В качестве основной примеси к глиняному тесту использовался шамот. Выделяются сосуды как горшковидной, так и баночной формы. Основными способами нанесения орнамента были оттиски среднегребенчатого разреженного штампа, реже сплошного и гладкого (табл. 1). Вдавления в различных конфигурациях зафиксированы на 30 фрагментах.

В выборке срубной керамики Дубовогривской II стоянки выявлено пять орнаментальных композиций. По степени частоты встречаемости наиболее распространены наклонные линии, горизонтальный зигзаг, горизонтальные линии, реже встречены заштрихованные ромбы, единичны заштрихованные треугольники и вертикальные линии (табл. 1). Подобная керамика широко известна на памятниках срубной КИО Нижнего Прикамья и Среднего Поволжья, таких как могильники Набережно-Челнинский, «Девичий Городок» III, Кураловский II (Казаков, 1972, рис. 2: 3–8, 10–14; 1975, с. 194–200; 1992, с. 45–56), Маклашеевский III (Збруева, 1948, рис. 9: 3–10) и др.

Луговской комплекс характеризуется керамикой с хорошо заглаженной поверхностью. Основными примесями в тесте были раковина и органика. Абсолютно преобладают горшковидные сосуды, баночные единичны. Значительная часть сосудов луговской культуры орнаментирована оттисками сплошного штампа, реже гладкого и разреженного, кроме того использу-

ются вдавления и узкие каннелюры, в единственном числе представлен сосуд с кружковым орнаментом (табл. 1). Композиция орнамента представлена как простыми композициями, такими как горизонтальный зигзаг, наклонные и горизонтальные линии; так и сложными, такими как треугольники, расположенные вершинами вверх, и решетка, реже заштрихованные ромбы и горизонтальная рамка, выступающая в качестве разделителей орнаментальных зон (табл. 1).

Луговской тип керамики был выделен и впервые описан А.В. Збруевой (1952, с. 204) после раскопок группы стоянок у п. Луговой. Термин луговская культура стал использоваться с 40-х годов XX в. А.П. Смирновым (1949, с. 51–63), А.В. Збруевой (1957, с. 29), В.П. Денисовым (1967, с. 30), но свое обоснование получил в работах Л.И. Ашихминой (1984, с. 45–87), а позднее М.Ф. Обыденнова (1998, с. 21–42). Наиболее близкие параллели луговской керамике Дубовогривской II стоянки обнаруживаются в материалах нижнекамских памятников: могильника Такталачук (Казаков, 1978, с. 67–108), эпонимных Луговской I и II (Збруева, 1960, с. 12–29), Уразаевской II (Старостин, Багаутдинов, 1981, рис. 13: 1–10), Биксентаевской II и Деуковской стоянок (Казаков, 1979, рис. 8: 1, 4–6), а также других памятников луговской культуры (Обыденнов, 1998).

Необычен сосуд (рис. 7: 23), выявленный на глубине третьего пласта сооружения 1. В отличие от луговской керамики он орнаментирован по всей поверхности, орнаментальная композиция очень сложная: на шейке отмечен пояс из вписанных друг в друга двойных ромбов, причем центральное

пустое поле, внутри них, заполнено четырьмя небольшими вдавлениями, ромбы окаймлены многорядной горизонтальной рамкой. В средней части сосуда отмечены сложные треугольные композиции из шести сомкнутых вписанных ромбов, аналогичных ромбам, размещенным на шейке. Эту композицию отделяет от нижней части сосуда горизонтальный зигзаг, под которым разместились равнобедренные и косые треугольники вершинами вверх и вниз, которые находятся как бы в подвешенном состоянии. Еще ниже, у самого дна, отмечен ряд, состоящий из косых треугольников, а под ним – поясок из многорядных горизонтальных линий. Подобный сосуд, но с более бедной орнаментацией, был найден на Такталучукском могильнике в погр. 271 (Казаков, 1978, рис. 21: 5).

Аналогии данному орнаменту ведут на Южный Урал, в Западную Сибирь и Казахстан, где на керамике встречаются сложные орнаментальные композиции из сомкнутых геометрических фигур, а также подвешенные треугольники, равнобедренные и косые (Сальников, 1967, рис. 45: 3, 6; 46: 1, 9, 10; Косарев, 1987, рис. 105: 14, 16, 17; Кузьмина, 2008, с. 160–249; Корочкова, 2010, рис. 33: 11). Все они относятся к федоровской культуре, датировка которой определена по разным оценкам в пределах XV–XII вв. до н.э. (Сальников, 1967, с. 309) и XVIII–XIV вв. до н.э. (Максименков, 1978, с. 91, 106–108; Кузьмина, 2008, с. 236).

Комплекс ананьинской культуры шнуровой керамики представляет собой одну из малочисленных групп в керамической коллекции Дубовогривской II стоянки. Это лепная, довольно рыхлая керамика вследствие

выщелачивания раковинной примеси. Посуда сильно фрагментирована, поэтому довольно проблематично определить форму сосудов. Однако можно утверждать, что большинство фрагментов принадлежат круглодонным сосудам чашевидной и горшковидной формы. Основным элементом орнамента были однонаправленный шнур и ямка (табл. 1). Ямки располагались на шейке сосуда в один ряд, шнур размещался как на шейке, так и на плечике, иногда опускаясь ниже наибольшего расширения горшка. В орнаментальной композиции преобладали длинные горизонтальные линии, которые сопровождались короткими линиями: наклонными, крестовыми и полукруглыми (подковообразными).

Орнаментальные композиции, выполненные коротким шнуром, почти не встречаются на усть-камских и средневожских памятниках (исключением здесь является Сорочье-горское городище) и фиксируются в основном в Нижнем и Среднем Прикамье на городищах Верхнее-Мошкарское, Зуево-Ключевское I, Каменный Лог, Черепашье, Тра-Тау, а также неукрепленных поселениях Икском I и Быргындинской стоянке (Ашихмина, 1984, рис. 47, 2–4; 70: 3–5, 9; 77: 2, 3; 80: 2, 3), которые соотносятся с ананьинской культурой шнуровой керамики (Марков, 2007, с. 49, рис. 6: 1; 9: 3, 4; 20: 5; 47: 5, 6). Керамический комплекс ананьинского времени Дубовогривской II стоянки относится к каракулинской и каменноложской стадиям развития глиняной посуды Нижнего и Среднего Прикамья (Ашихмина, 1985, с. 11).

Вне сооружения 1 кроме керамики были зафиксированы кремневые изделия, представленные отщепами

Рис. 7. Дубовогривская II стоянка. Керамика из заполнения сооружения №1.
 1-4, 7, 8, 10 – выборка первого пласта; 5, 6, 9, 11-13 – выборка второго пласта;
 14-16, 18, 19 – выборка третьего пласта; 17 – выборка второго пласта, развал сосуда
 уч.Б6, В6; 20-22 – выборка четвертого пласта; 23 – выборка, переход от третьего
 к четвертому пласту, развал сосуда (уч.Б7, Б6).

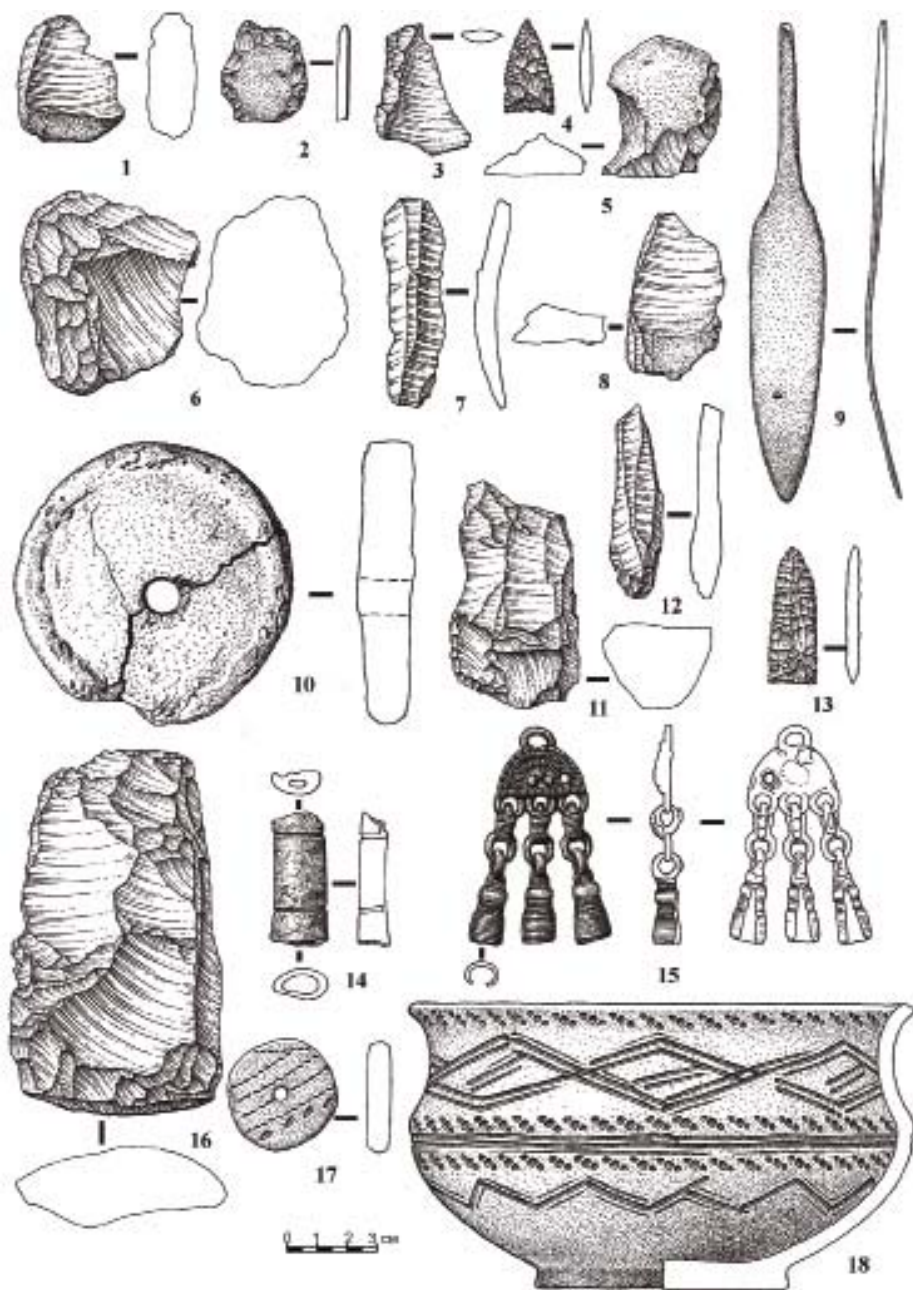

Рис. 8. Дубовогривская II стоянка. Индивидуальные находки. 1 – отщеп, кремь, уч.Б12, 75 см; 2 – скобляще-режущее орудие, соор.№1, уч.Б6, гл.131 см; 3 – отщеп, кремь, соор.№1, уч.Б11, 125 см; 4 – наконечник стрелы, кремь, соор.№1 уч.В8, гл.153 см; 5 – отщеп, опока, уч.А15, гл. 92 см; 6 – фрагмент нуклеуса, кварцит, соор. №1, уч.Б11, гл.50 см; 7 – ножевидная пластина с ретушью, кремь, соор.№1, уч.Б11, гл.126 см; 8 – отщеп, кремь, уч.В15, гл.63 см; 9 – нож, бронза, уч.Б2, гл.104 см; 10 – грузило от ткацкого станка(?) глиняное, уч.В14, гл.74 см; 11 – заготовка тесла, кремь, п.м.; 12 – ребристая пластина, кремь, соор.№1, уч.Б12, гл. 100 см; 13 – наконечник стрелы, кремь, п.м.; 14 – кость со следами стачивания, п.м.; 15 – шумящая подвеска, свинец-олово, п.м.; 16 – заготовка тесла, опока, п.м.; 17 – напряслице, керамика, п.м.; 18 – сосуд, глина, п.м.

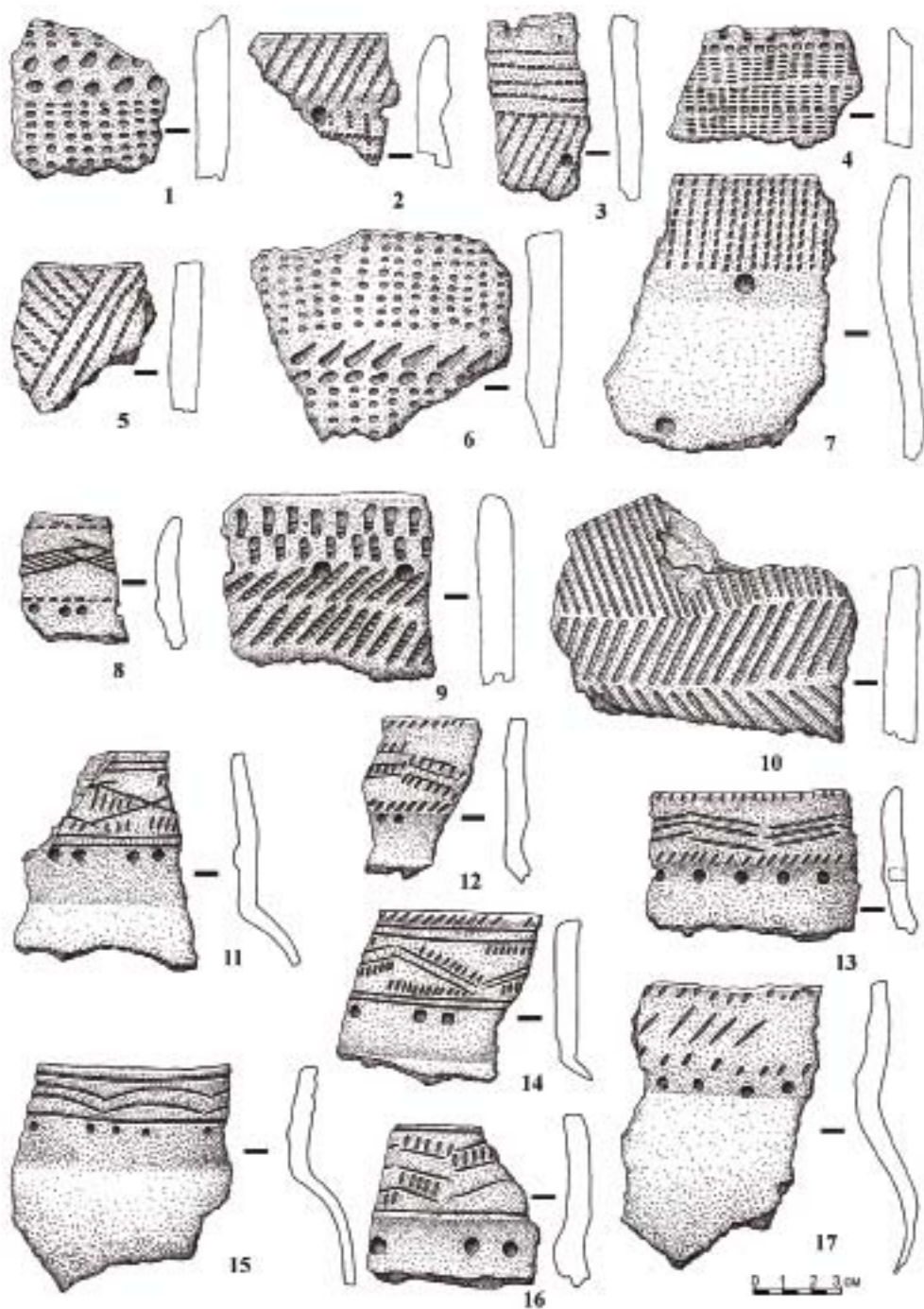

Рис. 9. Дубовогривская II стоянка. Подъемный материал, керамика.

(рис. 8: 1, 5, 8). Помимо этого, неподалеку от очага № 1 (уч. Б2, гл. -104 см) был выявлен двулезвийный медный нож с длинной тонкой рукоятью (рис. 8: 9), обложенной деревом, а также глиняный диск с отверстием в центральной части (уч. В14, гл. -74 см; рис. 8: 10). Вероятно, это было грузило от ткацкого станка, так как использовать его в качестве напярсла неудобно вследствие его больших размеров (диаметр 96 мм).

Ближайшие аналогии двулезвийному ножу Дубовогривской II стоянки происходят из памятников Южного Урала, таких как стоянка Инзелга, пос. Тавлыкаевское, Лебяжье островное, Волостниковское (Обыденнов, Шорин, 1995 рис. 53: 1–13). Это ножи с длинными узкими рукоятками и плоским пластинчатым лезвием.

Вещевой комплекс из сборов на размытой части стоянки. В размытой береговой полосе была собрана коллекция керамики, относящаяся к неолиту (рис. 9: 1–10) и эпохе поздней бронзы (срубная КИО, луговская и маклашеевская культуры, см. рис. 9: 11–17). Ниже дана характеристика неолитической и маклашеевской керамики, не получившей освещения в основной части.

Неолитическая керамика (94 стенки и 9 венчиков: рис. 9, 1–10) была найдена в основном в 120–150 м к западу от раскопа 2010 г. На трех экземплярах под срезом венчика проходит ряд ямочно-жемчужных вдавлений. Основными орнаментальными элементами были прочерченные линии, наколы, гребенка и насечка. Преобладает гребенчатый штамп – 71 фр. (68,9%), далее по распространенности следуют насечки, нанесенные, скорее всего ракушкой – 14 фр. (13,5%),

овальные наколы – 13 фр. (12,6%), прочерченные линии – два экз. (1,9%) и наколы треугольной палочки – один фр. (0,9%).

В композиции орнамента использовалось чередование вертикальной длинной гребенки и наклонных рядов зубчатого штампа, горизонтальные ряды ногтевидных насечек, вертикальный зигзаг, плетенка, чередование прочерченных линий и наколов треугольной палочки.

При раскопках 1969 г. основная часть неолитической керамики была представлена примерно тем же комплексом – гребенчатой посудой камского (волго-камского) типа (75%) и накольчатой посудой (9%) (Габяшев, 2003, с. 64). Гребенчатая посуда памятника находит аналогии как на Средней Каме, так и в ее устье. А.Х. Халиков гребенчатые и накольчатые комплексы объединял в волго-камскую культуру (Халиков, 1969), однако в настоящее время исследователи неолита Прикамья и Среднего Поволжья все более склоняются к мнению О.Н. Бадера о выделении гребенчатых комплексов Прикамья в камскую культуру (Бадер, 1951, с. 7–14), а накольчатых и накольчато-прочерченных – в средневожскую (Выборнов, 2008, с. 87).

Сочетание гребенчатых и накольчатых элементов орнамента является характерной особенностью неолитических поселений Нижней Белой, такая керамика выявлена на стоянках Кюнь II, Старо-Буртюково, Сауз I–II (Выборнов, 2008, с. 146, 148–149). Памятники этого типа А.В. Выборнов выделил в икско-бельский вариант камской культуры (Выборнов, 2008, с. 155).

На шести венчиках Дубовогривской II стоянки присутствует «ворот-

ничок» (рис. 9, 2, 7). Воротничковая керамика стоянки относится к керамике русско-азибейского типа, выделенного Р.С. Габяшевым (1978, с. 74–76). Одни специалисты относят эти комплексы к локальному варианту камской культуры на ее левшинском этапе (Васильев, Габяшев, 1982), другие связывают появление воротничковой керамики с миграцией населения лесостепного Поволжья, которая и привела к образованию керамики русско-азибейского типа в середине IV тыс. до н.э. (Выборнов, 2008, с. 179–180). Р.С. Габяшев отмечал, что накольчатая керамика Дубовогривской II стоянки занимает переходное положение между усть-камской и татарско-азибейской и относится к позднеолитическому времени (Габяшев, 2003, с. 83).

Керамика маклашеевской культуры выявлена исключительно среди подъемного материала (рис. 9: 11–17). Всего собрано 24 экз. венчиков от сосудов характерной цилиндрической формы с примесью раковины в глине. Орнамент располагался на шейке, основным элементом орнамента были ямки, сгруппированные по три, двойной зигзаг и бахромка. Аналогии данной керамики присутствуют на многочисленных маклашеевских памятниках Казанского Поволжья и Нижнего Прикамья, и комплекс Дубовогривской II стоянки выглядит на этом фоне достаточно стандартно (Кузьминых, Чижевский, 2009, рис. 5, 1–14; 6: 1, 8, 9).

Индивидуальные находки представлены кремневым наконечником стрелы иволлистной формы с усеченным основанием (рис. 8: 13), фрагментом ребра животного с двумя пропиленными поперечными бороздами (рис. 8: 14), напряслицем из стенки

сосуда (рис. 8: 17); заготовками двух тесел (рис. 8: 11, 16). У юго-западной границы распространения подъемного материала была обнаружена шумящая подвеска из белого сплава на основе олова с тремя подвесками-бубенчиками и арочным щитком, украшенная богатым шнуровым орнаментом (рис. 8: 15). Подобные подвески встречаются в материалах поселений Прикамья, начиная со времени существования ломоватовской культуры (Розенфельдт, 1987, с. 152, табл. LXIII, 29, 30), широко известны они в родановских древностях (Розенфельдт, 1987, с. 157, табл. LXV, 8) и в болгарских поселениях (Белорыбкин, 2001, рис. 29: 33), где атрибутируются как финно-пермские украшения. Наибольшее распространение шумящих подвесок с арочным щитком приходится на X–XIV вв. (Розенфельдт, 1987, с. 157).

Полученные в ходе археологических работ 2010 г. материалы позволяют выделить среди находок Дубовогривской II стоянки керамику, соотносимую с несколькими археологическими эпохами и, соответственно, с разными этапами существования памятника.

Начало существования Дубовогривской II стоянки связано с неолитом и энеолитом, однако немногочисленность керамики камской и более поздней волосовской культур свидетельствует о слабой эксплуатации данного участка поселения в эпоху камня, вероятно, обитаемые участки находились несколько в стороне от места расположения раскопа.

Нижние слои поселения и строительство сооружения 1 связаны с керамикой заосиновского типа. Время бытования этой керамики определено

в рамках XVI–XV вв. до н.э. (Денисов, Мельничук, 1991, с. 102–113).

Следующий этап существования Дубовогривской II стоянки связан со срубной культурно-исторической общностью, которая датируется в Поволжье XVII–XV вв. до н.э. (Черных и др., 2002, с. 127). Основная часть керамики раскопа принадлежит именно к срубной КИО.

Почти так же интенсивно эксплуатировался данный участок поселения на следующем этапе, когда на Дубовогривской II стоянке появляются носители луговской культуры, датируемой XV–XIV – XIII–XII вв. до н.э. (Колев, 2000, с. 250; Обыденнов, 1998, с. 42; Чижевский, 2007, с. 173–176).

Находки атабаевского этапа маклашевской культуры крайне немногочисленны и попали сюда, вероятно, случайно. Керамика данного типа датируется XIV – XIII–XII вв. до н.э. (Чижевский, 2007, с. 173–176; Кузьминых, Чижевский, 2009, с. 32).

В раннем железном веке интенсивность жизни на месте расположения раскопа 2010 г. падает, что выразилось в находках незначительного количества керамики ананьинской культуры шнуровой керамики, которая отражает заключительный этап существования памятника. Судя по керамике, он датируется VII–V вв. до н.э. (Ашихмина, 1985, с. 10, 11).

ЛИТЕРАТУРА

1. Ашихмина Л.И. Генезис ананьинской культуры в Среднем и Нижнем Прикамье: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. – Сыктывкар, 1984.
2. Ашихмина Л.И. Генезис ананьинской культуры Среднего Прикамья // Серия препринтов «Научные доклады» Коми филиала АН СССР. – 1985. – Вып. 119.
3. Бадер О.Н. Стоянки Нижнеадищевская и Боровое озеро I на р. Чусовой // МИА. – 1951. – № 23.
4. Бадер О.Н. Поздняковская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М.: Наука, 1987. (Археология СССР).
5. Белорыбкин Г.Н. Золотаревское поселение. – СПб., 2001.
6. Васильев И.Б., Габяшев Р.С. Взаимоотношение энеолитических культур степного, лесостепного и лесного Поволжья и Прикамья // Волго-Уральская лесостепь в эпоху раннего металла. – Куйбышев, 1982.
7. Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья. – Самара: Изд-во СГПУ, 2008.
8. Денисов В.П., Мельничук А.Ф. Заосиновское VII поселение и проблемы формирования культуры эпохи бронзы в Среднем Прикамье // АЭМК. Вып. 19. Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы европейской части СССР. – Йошкар-Ола, 1994.
9. Габяшев Р.С., Старостин П.Н. Жилища эпохи поздней бронзы второй Дубовогривской стоянки // Древности Иско-Бельского междуречья // ОНАЭ. 1978. Вып. 2.
10. Габяшев Р.С. Хронология неолита Нижнего Прикамья // КСИА. 1978. Вып. 153.
11. Габяшев Р.С. Население Нижнего Прикамья в V–III тыс. до н.э. – Казань, 2003.
12. Збруева А.В. Маклашевские могильники // КСИИМК. – 1948. – Вып. XXIII.
13. Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. – 1952. – № 30.
14. Збруева А.В. Культуры эпохи поздней бронзы в Прикамье в связи с вопросом о сложении ананьинской культуры // СА. – 1957. – № 2.

15. Збруева А.В. Памятники эпохи поздней бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье // МИА. – 1960. – № 80.
16. Казаков Е.П. Набережно-Челнинский могильник // ОНАЭ. – 1972. – Вып. 1.
17. Казаков Е.П. Погребения эпохи бронзы могильника Такталачук // Древности Иско-Бельского междуречья (ОНАЭ. Вып. 2). – Казань, 1978.
18. Казаков Е.П. Памятники черкаскульской культуры в восточных районах Татарии // СА. – 1979. – № 1.
19. Колев Ю.И. Заключительный этап эпохи бронзы в Поволжье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. – Самара, 2000.
20. Корочкова О.Н. Взаимодействие культур в эпоху бронзы (андроноидные древности Тоболо-Иртышья). – Екатеринбург, 2010.
21. Косарев М.Ф. Первый период развития бронзового века Западной Сибири (самусьско-сейминская эпоха) // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М.: Наука, 1987. (Археология СССР).
22. Косарев М.Ф. Второй период развития бронзового века Западной Сибири (андроновская эпоха) // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: – Наука, 1987. (Археология СССР).
23. Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. – Актобе: ПринтА, 2008.
24. Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Ананьинский мир: взгляд на современное состояние проблемы // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника). – Елабуга, 2009. (АЕС. Вып. 8).
25. Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. – Л., 1978.
26. Марков В.Н. Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (об этнокультурных компонентах ананьинской общности) // АЕС. – 2007. – Вып. 4.
27. Наговицин Л.А. Новоильинская, гарино-борская и юртиковская культуры // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М.: Наука, 1987. (Археология СССР).
28. Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф. Археологические культуры позднего бронзового века древних уральцев (черкаскульская и межовская культуры). – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1995.
29. Обыденнов М.Ф. Археологические культуры конца бронзового века Прикамья. – Уфа, 1998.
30. Розенфельдт Р.Л. Харино-ломоватовская культура // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1987. (Археология СССР).
31. Розенфельдт Р.Л. Коми-пермяцкие племена в IX–XIV вв. Родановская культура // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1987. (Археология СССР).
32. Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. – М.: Наука, 1967.
33. Старостин П.Н. Отчет об археологической разведке в зоне затопления Нижнекамской ГЭС, проведенной летом 1964 г. // Архив МА РТ. 1965.
34. Смирнов А.П. Археологические памятники на территории Марийской АССР и их место в материальной культуре Поволжья. – Козьмодемьянск, 1949.
35. Старостин П.Н., Багаутдинов Р.Н. Иманлейская и Уразаевская стоянки эпохи бронзы // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. – Казань, 1981.
36. Телегин Д.Я. Средньостогівська культура епохи міді. – Київ: Наукова думка, 1973.
37. Телегин Д.Я. Неолитические могильники мариупольского типа. – Киев: Наукова Думка, 1991.
38. Черных Е.Н., Лебедева Е.Ю., Журбин И.В., Лонес-Саец Х.А., Лонес-Гарсия П., Мартинес-Наваррете М.И.Н. Каргалы. Том II: Горный – поселение эпохи поздней

бронзы: Топография, литология, стратиграфия. Производственно-бытовые и сакральные сооружения: относительная и абсолютная хронология. – М., 2002.

39. Чижевский А.А. Финал бронзового века на территории Нижнего Прикамья: некоторые аспекты проблемы // XVII УАС. Материалы науч. конф. – Екатеринбург; Сургут, 2007.

40. Чижевский А.А. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках: предананьинская и ананьинская культурно-исторические области // АЕС. – 2008. – Вып. 5.

41. Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. – М.: Наука, 1969.

42. Халиков А.Х. Приказанская культура // САИ. – 1980. – Вып. В1-24.

Информация об авторах:

Чижевский Андрей Алексеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань, Россия); chijevski@mail.ru

Лыганов Антон Валентинович, аспирант, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань, Россия); ligaant@ Rambler.ru

Морозов Виктор Владимирович, студент, Институт социально-педагогических технологий и ресурсов (г. Набережные Челны, Россия); vikromolot@mail.ru

ON THE INVESTIGATION OF ARCHAEOLOGICAL SITES IN THE ISLAND OF DUBOVAYA GRIVA IN 2009–2010

A.A. Chizhevsky, A.V. Lyganov, V.V. Morozov

The materials of the 2009-2010 archaeological survey and excavations on the island of Dubovaya Griva located within the bounds of the Nizhnekamsk water reservoir are presented in the article. As a result of the study, a previously unknown multi-layered site, Dubovaya Griva VI, was discovered. The artifacts of different archaeological periods have been found here, referring to the Neolithic (the Kama culture), the Bronze and Early Iron Age (the Ananyino culture) and the Early Middle Ages (the Bakhmutino culture). The site also yielded a hoard of the Chalcolithic flint weapons, consisting of four flint daggers. Additional salvage and conservation studies on the Dubovaya Griva II site have also been conducted, with materials of the Bronze Age cultures (a dwelling with Zaosinovo type pottery, ceramics of the Srubnaya and the Ananyino cultural-historical community) discovered. The surface finds from the Dubovaya Griva II site include fragments of the Neolithic (the Kama culture) and the Later Bronze Age (the Maklashevka culture) ceramics.

Keywords: archaeology, the Volga-Kama river region, the Nizhnekamsk water reservoir, the Neolithic, the Chalcolithic, the Later Bronze Age, the Early Iron Age, the Early Middle Ages, hoard, dwelling.

REFERENCES

1. Ashikhmina, L. I. 1984. *Genesis anan'inskoj kul'tury v Srednem i Nizhnem Prikam'e (Genesis of the Ananyino Culture in the Middle Kama Region)*. PhD Thesis: 07.00.06. Syktyvkar.
2. Ashikhmina, L. I. 1985. *Genesis anan'inskoj kul'tury Srednego Prikam'ia (Genesis of the Ananyino Culture in the Middle Kama Area)*. Series of preprints: Academic Papers of the Academy of Sciences of the USSR, Komi Branch 119 (in Russian).
3. Bader, O. N. 1951. *Stoianki Nizhneadishchevskaja i Borovoe ozero I na r. Chusovoi (Nizhneadishchevskaya and Borovoe Ozero I Stations on the Chusovaya River)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 23 (in Russian).

4. Bader, O. N., Popova, T. B. 1987. In Bader, O. N., Krainov, D. A., Kosarev, M. F. (eds.). *Epokha bronzы lesnoi polosy SSSR (Bronze Age of the Forest Zone of the USSR)*. Series: Arkheologiya SSSR (Archaeology of the USSR) 8. Moscow: "Nauka" Publ., 131-136 (in Russian).
5. Belorybkin, G. N. 2001. *Zolotarevskoe poselenie (Zolotarevskoe Settlement)*. Saint Petersburg; Penza: Penza State Pedagogical University (in Russian).
6. Vasil'ev, I. B., Gabiashev, P. C. 1982. In *Volgo-Ural'skaia lesostep' v epokhu rannego metalla (Volga and Ural Forest-Steppe in the Early Metal Age)*. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 3–23 (in Russian).
7. Vybornov, A. A. 2008. *Neolit Volgo-Kam'ia (The Neolithic Age of the Volga-Kama Region)*. Samara: Samara State Pedagogical University (in Russian).
8. Denisov, V. P., Mel'nichuk, A. F. 1994. In *Pozdnii eneolit i kul'tury rannei bronzы lesnoi polosy evropeiskoi chasti SSSR (Late Eneolithic and the Early Bronze Age Cultures in the Forest Belt of the European Part of the USSR)*. Series: Arkheologiya i etnografiya Mariiskogo kraia (Archeology and Ethnography of Mari Land) 19. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Institute for Language, Literature, History and Ethnography, 102–113 (in Russian).
9. Gabiashev, R. S., Starostin, P. N. 1978. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Drevnosti Iksko-Bel'skogo mezhdurech'ia (Antiquities of the Ik and Belaya Interfluves Area)*. Series: Reports of Lower Kama Archaeological expedition of the USSR Academy of Sciences. Issue 2, Fieldworks of Tatarian Team. Kazan: Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 109–120 (in Russian).
10. Gabiashev, R. S. 1978. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 153, 74–76 (in Russian).
11. Gabiashev, R. S. 2003. *Naselenie Nizhnego Prikam'ia v V–III tysiacheletiiakh do n.e. (Population of the Lower Kama during the V–III Millennium BC)*. Kazan: Institute for History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences; "Fän" Publ. (in Russian).
12. Zbrueva, A. V. 1948. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Concise Bulletins of the Institute for the History of Material Culture)* XXIII, 22–30 (in Russian).
13. Zbrueva, A. V. 1952. *Istoriia naseleniia Prikam'ia v anan'inskuu epokhu (History of the Population of the Kama Basin in the Ananyino Time)*. Series: Materials and Studies in the Archaeology of the USSR 30 = Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals Area V. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
14. Zbrueva, A. V. 1957. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 26–46 (in Russian).
15. Zbrueva, A. V. 1960. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition)* 3. Series: Materials and Studies in the Archaeology of the USSR 80. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 10–95 (in Russian).
16. Kazakov, E. P. 1972. In *Otchety Nizhnekamskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Reports of the Lower Kama Archaeological Expedition)* 1. Moscow: "Znanie" Publ. (in Russian).
17. Kazakov, E. P. 1978. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Drevnosti Iksko-Bel'skogo mezhdurech'ia (Antiquities of the Ik and Belaya Interfluves Area)*. Series: Reports of Lower Kama Archaeological expedition of the USSR Academy of Sciences. Issue 2, Fieldworks of Tatarian Team. Kazan: G. Ibragimov Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 67–108 (in Russian).
18. Kazakov, E. P. 1979. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 145–159 (in Russian).
19. Kolev, Yu. I. 2000. In Kabytov, I. S. (ed.). *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Bronzovyi vek (History of the Samara Volga Region from the Most Ancient to Modern Times. The Bronze Age)*. Samara: Russian Academy of Sciences, Samara Scientific Center, 242–301 (in Russian).
20. Korochkova, O. N. 2010. *Vzaimodeistvie kul'tur v epokhu bronzы (andronoidnye drevnosti Tobolo-Irtysh'ia) (Cultural Interrelations in the Bronze Age: Andronovo Type Antiquities of the Tobol – Irtysh Area)*. Yekaterinburg (in Russian).

21. Kosarev, M. F. 1987. In Bader, O. N., Krainov, D. A., Kosarev, M. F. (eds.). *Epokha bronzy lesnoi polosy SSSR (Bronze Age of the Forest Zone of the USSR)*. Arkheologiia SSSR (Archaeology of the USSR) 8. Moscow: "Nauka" Publ., 268–277 (in Russian).
22. Kosarev, M. F. In Bader, O. N., Krainov, D. A., Kosarev, M. F. (eds.). *Epokha bronzy lesnoi polosy SSSR (Bronze Age of the Forest Zone of the USSR)*. Arkheologiia SSSR (Archaeology of the USSR) 8. Moscow: "Nauka" Publ., 276–289 (in Russian).
23. Kuz'mina, E. E. 2008. *Klassifikatsiia i periodizatsiia pamiatnikov andronovskoi kul'turnoi obshchnosti (Classification and Periodisation of the Andronovo Cultural Community)*. Aktobe: "PrintA" Publ. (in Russian).
24. Kuz'minykh, S. V., Chizhevskii, A. A. 2009. In Kuz'minykh, S. V., Chizhevskii, A. A. (eds.). *U istokov arkheologii Volgo-Kam'ia (k 150-letiiu otkrytiia Anan'inskogo mogil'nika) (At the Origins of Archaeology of Volga-Kama Region (on the 150th Anniversary of Discovery of the Ananyino Burial Ground))*. Series: Archaeology of the Eurasian Steppes 8. Yelabuga: Yelabuga State Museum-Reserve; "Andersen" Publ., 29–55 (in Russian).
25. Maksimenkov, G. A. 1978. *Andronovskaia kul'tura na Enisee (Andronovo Culture on the Yenisei River)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
26. Markov, V. N. 2007. *Nizhnee Prikam'e v anan'inskuiu epokhu (ob etnokul'turnykh komponentakh anan'inskoii obshchnosti) (The Lower Kama Region in the Ananyino Time (On Ethno-Cultural Components of the Ananyino Community))*. Series: Archaeology of Eurasian Steppes 4. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).
27. Nagovitsin, L. A. 1987. In Bader, O. N., Krainov, D. A., Kosarev, M. F. (eds.). *Epokha bronzy lesnoi polosy SSSR (Bronze Age of the Forest Zone of the USSR)*. Arkheologiia SSSR (Archaeology of the USSR) 8. Moscow: "Nauka" Publ., 28–34 (in Russian).
28. Obydenov, M. F., Shorin, A. F. 1995. *Arkheologicheskie kul'tury pozdnego bronzovogo veka drevnikh ural'tsev (chirkaskul'skaia i mezhovskaia kul'tury) (Archaeological Cultures of the Late Bronze Age of Ural (Cherkaskul and Mezhovka Cultures))*. Yekaterinburg: Ural State University (in Russian).
29. Obydenov, M. F. 1998. *Arkheologicheskie kul'tury kontsa bronzovogo veka Prikam'ia (Late Bronze Age Archaeological Cultures of Kama Region)*. Ufa: "BEK" Publ. (in Russian).
30. Rozenfel'dt, R. L. 1987. In Sedov, V. V. (ed.). *Finno-ugry i balty v epokhu Srednevekov'ia (The Finno-Ugrians and Balts in the Middle Ages)*. Series: Archaeology of the USSR 17. Moscow: "Nauka" Publ., 144–153 (in Russian).
31. Rozenfel'dt, R. L. 1987. In Sedov, V. V. (ed.). *Finno-ugry i balty v epokhu Srednevekov'ia (The Finno-Ugrians and Balts in the Middle Ages)*. Series: Archaeology of the USSR 17. Moscow: "Nauka" Publ., 153–162 (in Russian).
32. Sal'nikov, K. V. 1967. *Ocherki drevnei istorii Iuzhnogo Urala (Essays on the Ancient History of Southern Urals)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
33. Starostin, P. N. 1965. *Otchet ob arkheologicheskoi razvedke v zone zatopleniia Nizhnekamskoi GES, provedennoi letom 1964 g. (Report on the Archaeological Survey in the Flood Zone of the Lower Kama Hydro-Electric Power Station in Summer 1964)*. Scientific Archive of the Museum for Archaeology of the Republic of Tatarstan (in Russian).
34. Smirnov, A. P. 1949. *Arkheologicheskie pamiatniki na territorii Mariiskoi ASSR i ikh mesto v material'noi kul'ture Povolzh'ia (Archaeological Sites on the Territory of the Mari Autonomous Republic and Its Place in the Material Culture of the Volga Basin)*. Kozmodemyansk: "Gorno-mariiskii filial Mariiskogo gosudarstvennogo izdatel'stva" Publ. (in Russian).
35. Starostin, P. N., Bagautdinov, R. N. 1981. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Ob istoricheskikh pamiatnikakh po dolinam Kamy i Beloi (On the Historical Sites in Kama and Belaya River Valleys)*. Kazan: Kazan Branch of the Academy of Sciences of the USSR, Language, Literature and History Institute, 25–40 (in Russian).
36. Telegin, D. Ya. 1973. *Sredn'ostohiv'ska kul'tura epokhy midi (Sredniy Stog Culture of the Copper Age)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Ukrainian).

37. Telegin, D. Ya. 1991. *Neoliticheskie mogil'niki mariupol'skogo tipa (The Neolithic Necropolises of the Mariupol Type)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
38. Chernykh, E. N., Lebedeva, E. Yu., Zhurbin, I. V., López-García, P., López-Sáez, J. A., Martínez-Navarrete, M. N. 2002. *Kargaly II. Gornyy – poselenie epokhi pozdnei bronzy: Topografiia, litologiya, stratigrafiia. Proizvodstvenno-bytovye i sakral'nye sooruzheniia: otноситel'naia i absolutnaia khronologiia (Kargaly II. Gornyy – the Late Bronze Age Settlement: Topography, lithology, stratigraphy: Household, manufacturing and sacral structures: Relative and absolute chronology)*. Moscow: "Iazyki slavianskoi kul'tury" Publ. (in Russian).
39. Chizhevskii, A. A. 2007. In Trufanov, A. Ya. (ed.). *XVII Ural'skoe arkhelogicheskoe soveshchanie (17th Ural Archaeological Session)*. Yekaterinburg; Surgut: "Magellan" Publ., 173–176 (in Russian).
40. Chizhevskii, A. A. 2008. *Pogrebal'nye pamiatniki naseleniia Volgo-Kam'ia v finale bronzovogo – rannem zheleznom vekakh: Predanan'inskaia i anan'inskaia kul'turno-istoricheskie oblasti (Funerary Sites of the Volga-Kama Population in the Finale of the Bronze – Early Iron Age: Pre-Ananyino and Ananyino Cultural-Historical Areas)*. Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 5. Kazan: "Shkola" Publ. (in Russian).
41. Khalikov, A. Kh. 1969. *Drevniaia istoriia Srednego Povolzh'ia (Ancient History of the Middle Volga Region)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
42. Khalikov, A. Kh. 1980. *Prikazanskaia kul'tura (The Prikazanskaya Culture)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) VI–24. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

About the Authors:

Chizhevsky Andrei A. Candidate of Historical Sciences. Institute of History named after Sh. Marjani of Tatarstan Academy of Sciences. Kremlin, 5 entrance, Kazan, 420014, Republic of Tatarstan, Russian Federation; chijevski@mail.ru

Lyganov Anton V Institute of History named after Sh. Marjani of Tatarstan Academy of Sciences. Kremlin, 5 entrance, Kazan, 420014, Republic of Tatarstan, Russian Federation; ligaant@rambler.ru

Morozov V. V. Institute of Social and Pedagogical Technologies and Ressources. Nizametdinov St., 28, Naberezhnye Chelny, Republic of Tatarstan, Russian Federation; vikromolot@mail.ru

Заметки

ЛИТЕЙНАЯ ФОРМА С МУРАНСКОГО СЕЛИЩА НА РЕКЕ УСЕ

© 2012 г. Д.А. Сташенков

Публикуется новая находка с Муранского селища – одного из крупнейших памятников золотоордынской эпохи в Среднем Поволжье. Это каменная двусторонняя литейная форма, предназначенная для отливки ювелирных украшений. Каждая сторона формы служила для отливки различных предметов: женских головных украшений и украшений костюма. К головным украшениям относятся два височных кольца и серьга в виде знака вопроса. Еще одно украшение – фигурка птички, которая могла быть либо частью какого-то сложного убора, либо самостоятельным изделием. Другая сторона формы служила для отливки двух предметов: ременной пряжки и подвески. Форма отличается высоким качеством изготовления. Точные аналогии данной редкой находке пока не известны.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, золотоордынское поселение, литейная форма, украшения, ювелирное дело/

Муранское селище, расположенное у с. Муранка Шигонского района Самарской области в среднем течении р. Усы – один из крупнейших археологических памятников Среднего Поволжья золотоордынской эпохи.

Специалистам известны материалы Муранского могильника, открытого еще в 1889 г. при земляных работах близ с. Муранки Сенгилеевского уезда. Тогда при работах «было найдено несколько различных изделий из серебра и меди; изделия продавались нашедшими их рабочими в г. Сызрани ...» (Зубова, 2005, с. 6).

На протяжении 11 сезонов (в 1890–1894, 1897, 1898, 1900, 1902–1904 гг.) раскопки могильника производил Владимир Николаевич Поливанов, вскрывший около 500 преимущественно мордовских захоронений XIV в. Материалы раскопок частично были опубликованы (Поливанов, 1893; 1896). Основная коллекция из дореволюционных раскопок хранится в

Государственном Эрмитаже (СПб.), отдельные комплексы – в музеях Москвы, Ульяновска, Сызрани, Парижа.

Раскопками В.Н. Поливанова была изучена только часть могильника, по приблизительным подсчетам, насчитывавшего не менее 5000 захоронений.

В 1950 г. во время работы Куйбышевской археологической экспедиции в зоне затопления Куйбышевской ГЭС А.Е. Алихова заложила несколько раскопов на селище и на могильнике (Алихова, 1954). Было установлено, что в южной части памятника расположен мусульманский некрополь, отделенный от языческого значительным пространством.

А.Е. Алихова составила топографический план Муранского комплекса, на который были нанесены примерные границы поселения и могильника и отмечены места раскопов. Площадь Муранского селища определялась в 2 кв. км, Муранского могильника – в 1,7 га.

После сооружения Волжской ГЭС им. В.И. Ленина основная территория селища оказалась затопленной водами Куйбышевского водохранилища и была недоступна для исследований.

В 2009–2010 гг. из-за падения уровня воды в Куйбышевском водохранилище территория селища вновь оказалась на поверхности и подверглась массовому разграблению со стороны черных копателей.

Осенью 2010 г. памятник осматривался археологической экспедицией СОИКМ им. П.В. Алабина. На момент обследования основная территория памятника представляла собой цепочку островов, которые по мере падения уровня воды в Куйбышевском водохранилище соединялись между собой, образуя единый массив. На правом и левом берегу р. Усы отмечены участки с ненарушенным культурным слоем.

На поверхности островов зафиксированы остатки погребений, сохранившиеся участки культурного слоя, в котором выделялись многочисленные скопления керамики, каменные и железные изделия, кости животных, относящиеся к разным периодам – к бронзовому веку и эпохе Золотой Орды. Большое количество железных шлаков, скоплений чугуного лома и крупных фрагментов чугунных котлов в подъемном материале свидетельствуют о существовании высокоразвитого металлургического производства на поселении.

Предварительный анализ имеющихся данных, в том числе нумизматических, позволяет утверждать, что наивысшего развития Муранское поселение достигло в 1320–1350-х годах а прекращение его существования

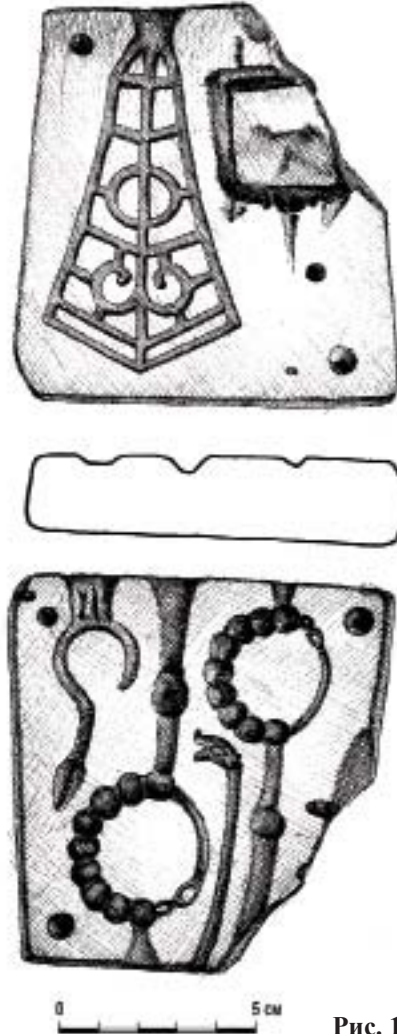

Рис. 1.

связано с периодом Великой замятни в Орде в 1360-х годах.

Недалеко от места предполагаемой металлургической мастерской были найдены фрагменты двух каменных литейных формочек. Это первая находка подобного рода, происходящая с золотоордынских памятников Самарского Поволжья. Отдельного описания заслуживает находка формочки для отливки ювелирных украшений.

Двусторонняя литейная форма изготовлена из мелкопористого извест-

няка и имеет прямоугольную форму размерами 10,0 x 9,5 x 2,1 см (рис. 1). Один угол плитки обломан. На торцовых сторонах формы имеются насечки для совмещения с прилегающими частями, с которыми она соединялась посредством штифтов.

Каждая сторона формы была предназначена для отливки предметов различного назначения: женских головных украшений и украшений костюма.

К головным украшениям относятся два височных кольца и серьга в виде знака вопроса.

Отливавшиеся в формочке височные кольца однотипные, имитирующие составное украшение с девятью напускными круглыми бусинами, разделенными проволочными колечками. Имитация проволочных колечек имеется и на кольце украшений. Соединялись концы подвески с помощью проволочных петелек.

Размеры височных колец 3,7 x 3,4 см и 3,4 x 3,1 см, диаметр бусин – соответственно 0,7 см и 0,6 см.

Серьга в виде знака вопроса в общих чертах повторяет известную в золотоордынских древностях форму, представляя собой изогнутый проволочный стержень с имитацией проволочной обмотки в нижней части и с заостренным концом. От известных украшений из памятников золотоордынской эпохи серьга отличается отсутствием граненной напускной бусины, обычно завершающий стержень привески. Размеры серьги – 4,8 x 2,0 см, толщина стержня 0,25 см.

Еще одно украшение представляло собой фигурку птички размерами 1,3 x 0,5 см. Длинный (4,9 см) и тонкий литниковый канал дает возможность предположить, что отлившийся в

формочке предмет мог служить как отдельной частью какого-то сложного декоративного украшения, так и самостоятельным изделием – булавкой.

Другая сторона формочки служила для отливки двух предметов. Один из них – ременная пряжка с рамкой прямоугольной формы с выступающими губками, второй – подвеска неправильно ромбической формы. Размеры пряжки 3,7 x 3,1 см, подвески – 8,5 x 4,8 см.

Находка рассматриваемой литейной формы, сама по себе редкая среди поволжских древностей, ставит перед исследователями ряд вопросов.

Во-первых, высокое качество изготовления формочки не оставляет сомнений в квалификации вырезавшего ее мастера. Формочка использовалась неоднократно, и можно ожидать находок изготовленных в ней изделий среди археологических материалов. Однако точных аналогий литейной форме или ее элементам в опубликованных материалах золотоордынских памятников Поволжья, Руси и других сопредельных территорий найти пока не удалось. Имеющиеся аналогии, в частности, литейная форма для отливки трехбусинного височного кольца из Серенска (Зайцева, Сарачева, 2011, рис. 144: 19), формы для отливки височных подвесок с напускной бусиной (Полякова, 1996, рис. 58: 1) и ременных пряжек из г. Болгар (Полякова, 1996, рис. 58: 7) типологически, а подчас и хронологически довольно далеко отстоят от муранского образца. Более того, пока не найдены прямые аналогии и отливавшимся в ней украшениям. Немногочисленные отдаленные аналогии височным кольцам имеются только в северо-русских комплексах (Седова, 1981, рис. 2: 10).

Можно только предполагать, что мастер Муранского поселения работал для многоэтничного населения региона Среднего Поволжья, часть которого составляли русские.

Сложным является вопрос о районе сбыта продукции, изготавливавшейся мастером с Муранского поселения. Среди опубликованных материалов Муранского могильника и селища предметы, аналогичные описанным выше, отсутствуют. Возможно, он ориентировался не на местное мордовское население, а на население поселений бассейна рек Волги и Усы, расположенных сравнительно недалеко от Муранской округи.

Материал формы – мягкий известняк – может свидетельствовать о том, что для отливки украшений мастер использовал свинцово-оловянистые сплавы, которые, в отличие от спла-

вов на медной основе, не разрушают известняковую форму при многочисленных отливках. Однако применение подобных сплавов неизбежно ограничивало спрос на производимые украшения и, вероятно, создавало препятствия при их реализации за пределы небольшого района.

Возможно, при проведении дальнейших исследований на территории Муранского селища и в его округе удастся выделить украшения, изготавливавшиеся мастером-ювелиром, которому и принадлежала рассмотренная нами литейная форма.

Проведение масштабных археологических раскопок на Муранском селище, где смыта только верхняя часть культурного слоя, при благоприятных условиях представляется необходимым и перспективным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аликсова А.Е. Муранский могильник и селище // МИА. –1954. – № 42. (Тр. Куйбышев. археол. эксп. Т. I).
2. Зайцева И.Е., Сарачева Т.Г. Ювелирное дело «земли вятичей» во второй половине XI – XIII вв. – М., 2011.
3. Зубова О.В. Архивная находка. История открытия и исследования Муранского могильника в XIX–XX вв. // Краеведческие записки. Вып. XII. – Самара, 2005.
4. Поливанов В.Н. Муранский могильник. Археологический очерк. – Симбирск, 1893.
5. Поливанов В.Н. Муранский могильник. – М., 1896.
6. Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. – Казань, 1996.
7. Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). – М., 1981.

Информация об авторе:

Сташенков Дмитрий Алексеевич, кандидат исторических наук, Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина (Самара, Россия); archo@list.ru

CASTING FORM FROM MURANSKY SELISHCHE (SETTLEMENT)
ON THE USA RIVER

D.A. Stashenkov

A new find from Muranka unfortified settlement, one of major Golden Horde period sites in the Middle Volga river region is published. It is a double-sided stone mould intended for casting jewelry. Each side of the form was used for casting individual jewelry items: women's hair, head and costume decorations. The head ornaments include two temple rings and earrings shaped as question marks. One more decorative element, styled as a bird's figure could be either part of some complex piece or an individual product. The other side of the form was used for casting two product varieties: belt buckles and pendants. The mould is of high-quality workmanship. The exact analogy of this rare find is not yet known.

Keywords: archaeology, the Middle Volga river region, Golden Horde settlement, casting mould, ornamentation, jewelry.

REFERENCES

8. Alikhova, A. E. 1954. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition)* I. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 42. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 259–301 (in Russian).
9. Zaitseva, I. E., Saracheva, T. G. 2011. *Iuvelirnoe delo «zemli viatichei» vo vtoroi polovine XI–XIII vv. (Jewelry of the “Vyatichi Land” in the Second Half of 11th – 13th Centuries)*. Moscow: “Indrik” Publ. (in Russian).
10. Zubova, O. V. 2005. In *Kraevedcheskie zapiski (Notes on Local History)* XII. Samara: Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin, 6–14 (in Russian).
11. Polivanov, V. N. 1893. *Muranskii mogil'nik. Arkheologicheskii ocherk (Muranka Burial Ground: Archaeological Sketch)*. Simbirsk: “O.V. Murakhovskaia” Publ. (in Russian).
12. Polivanov, V. N. 1896. *Muranskii mogil'nik (Muranka Burial Ground)*. Moscow (in Russian).
13. Poliakova, G. F. 1996. In Fyodorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (Town of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Language, Literature and History Institute, Academy of Sciences of Tatarstan, 154-268 (in Russian).
14. Sedova, M. V. 1981. *Iuvelirnye izdeliia drevnego Novgoroda (X–XV vv.) (Jewelry of Old Novgorod (10th–15th Centuries))*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

About the Author:

Stashenkov Dmitry A. Candidate of Historical Sciences. Samara Museum for History and Regional Studies named after P.V. Alabin. Leninskaya St., 142, Samara, 443041, Russian Federation; archo@list.ru

РЕДКИЙ ТИП ЭНКОЛПИОНА С СЕЛИТРЕННОГО ГОРОДИЩА

© 2012 г. Е.М. Пигарёв

Публикуется находка фрагмента бронзового литого креста-энколпиона, обнаруженного в 2011 г. на территории золотоордынского Селитренного городища. Изделие представляет собой правый медальон створки четырехконечного креста-энколпиона с прямоугольным средокрестием и крестовидными медальонами на окончаниях ветвей. В правом концевом медальоне помещено схематичное изображение поясной фигуры Богоматери и неразборчивая монограмма. Аналоги ему известны по находкам в различных регионах Руси. Кресты подобного типа были распространены в XIII–XV вв. Крест-энколпион с Селитренного городища, вероятнее всего, относится к XIV в. и, возможно, принадлежал представителю русской общины города.

Ключевые слова: археология, Нижнее Поволжье, золотоордынское время, Селитренное городище, крест-энколпион, русское население..

В 2011 г. исполнилось 750 лет со времени образования в столице Золотой Орды города Сарай (Сарай ал-Махруса) Сарайской епархии Русской православной церкви. Сарайская епархия была учреждена в 1261 году митрополитом Киевским Кириллом по ходатайству великого князя Александра Невского с разрешения хана Золотой Орды Берке.

Имеется солидный корпус письменных источников, рассказывающих о присутствии русского населения в Улусе Джучи. На ряде памятников золотоордынской эпохи периодически происходят находки отдельных предметов православного культа, хотя общее количество их невелико (Недашковский, 2000, с. 106; Кубанкин, 2011, с. 211; Скисов, 2010, с. 96; Пигарёв, 1994, с. 77; Лапшин, Мыськов, 2011, с. 41, 80; Обухов, 2009, с. 402; Кочкина, 2005, с. 107).

В 1978 г. вышла в свет работа М.Д. Полубояриновой «Русские люди в Золотой Орде», где были рассмотрены все имеющиеся на тот период источники, касающиеся данной темы (Полубояринова, 1978).

На момент написания книги, на Селитренном городище было известно всего три предмета христианского культа. За последующие годы исследований подобных изделий обнаружено не было. Поэтому появление каждого нового артефакта имеет несомненную научную цен-

Рис. 1. Селитренное городище. Фрагмент креста-энколпиона.

ность и помогает нам пролить свет на проблему этнического состава населения золотоордынской столицы, в частности, археологически подтвердить проживание русского населения.

В полевом сезоне 2011 г. на территории Селитренного городища был найден обломок бронзового литого предмета, который после очистки оказался фрагментом креста-энколпиона. Он был обнаружен случайно на грунтовой дороге между буграми Больничный и Кучугуры.

Описываемая находка представляет собой правый медальон створки четырехконечного креста-энколпиона с прямоугольным средокрестием и крестовидными медальонами на окончаниях ветвей, образующими двенадцатиконечный крест, у которого 12 концов символизируют 12 апостолов. Размер фрагмента: 28 x 22 x 5 мм (рис. 1). В правом концевом медальоне изображение поясной фигуры Богоматери в трехчетвертном повороте к центру и неразборчивая монограмма. Изображение схематично, а отливка низкого качества.

Кресты-энколпионы подобного типа появляются на территории Северо-Западной Руси в домонгольское время (первая треть XIII в.) и относятся к новгородской школе мелкой пластики. Единичность подобных находок объясняется, видимо, тем, что энколпионы крайне редко встречаются в курганах и захоронениях простых людей, очевидно, их носили лица знатных родов (Гнутава, 1993, с. 7–20). Впоследствии, в XIV–XV вв., реплики этих изделий распространились по всей территории Руси и землям, входящим в состав Золотой Орды.

Аналоги найденному нами предмету известны по находкам в Киевской губернии (Ханенко, 1899, VI № 77; VIII № 101/102, 105), где они датируются XIII в., Твери, Новгороде и Московской области (Станюкович, № 1.22, 1.23), где время их бытования относится к XIV–XV вв.

Крест-энколпион, обнаруженный на Селитренном городище, вероятнее всего, относится к XIV в. Возможно, он был утерян представителем русской общины золотоордынской столицы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гнутава С.В. Медная мелкая пластика Древней Руси (типология и бытование). – М., 1993.
2. Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А. Находки предметов религиозных культов на памятниках Самарской Луки // Краеведческие записки. Вып. III. – Самара, 2005.
3. Кубанкин Д.А. Христианское население Золотоордынского города Укек // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы V Международ. конф., посвящ. памяти Г.А. Федорова-Давыдова. – Казань; Астрахань, 2011.
4. Лашин А.С., Мыськов Е.П. Исследования на Водянском городище в 2009–2010 гг. – Волгоград, 2011.
5. Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. – М., 2000.
6. Обухов Ю.Д. Иконка с изображением Богоматери с Маджарского городища // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы IV Международ. конф., посвящ. памяти Г.А. Федорова-Давыдова. – Азов, 2009.
7. Писарев Е.М. Погребение с крестом из средневекового могильника Маячный бугор I // Древности Волго-Донских степей. Вып. 4. – Волгоград, 1994.
8. Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. – М., 1978.

9. Скисов С.Ю., Маркова О.А. Средневековые энколпионы, найденные в окрестностях Астрахани // Астраханские краеведческие чтения. Вып. II. – Астрахань, 2010.
10. Станюкович А.К. Тысячелетие креста. Произведения русской христианской металлопластики X–XX веков из частных собраний. – М., 2003.
11. Ханенко Б.И., Ханенко В.Н. Древности Русские. Кресты и образки. – Киев, 1899.

Информация об авторе:

Пигарев Евгений Михайлович, кандидат исторических наук, Историко-культурный центр «Сарай-Бату», с. Селитренное, Астраханская обл. pigarev1967@mail.ru

RARE TYPE OF PANAGIA FROM SELITRENNY SETTLEMENT

E.M. Pigarev

A fragment of the bronze-cast enkolpion cross discovered in 2011 in the territory of the Golden Horde Selitrennoye fortified site is made public. The item is the right-hand medallion of the four-fold enkolpion cross with a rectangular crypt and cross-shaped medallions at the ends of the branches. The right-hand branch medallion contains a schematic half-length image of the virgin and an illegible monogram. Similar images are known from findings made in various regions of Russia. Crosses of the type were common in the 13th–15th centuries. The enkolpion cross from the Selitrennoye fortified site most likely refers to the 14th century; it probably belonged to a representative of the Russian community of the city.

Keywords: archaeology, the Lower Volga river region, the Golden Horde period, the Selitrennoye fortified settlement site, enkolpion cross, Russian population.

REFERENCES

1. Gnutova, S. V. 1993. In Gnutova, S. V. (ed.). *Russkoe mednoe lit'e (Russian Copper Casting)* 1. Moscow: "Sol Sistem" Publ., 7–21 (in Russian).
2. Kochkina, A. F., Stashenkov, D. A. 2005. In *Kraevedcheskie zapiski (Notes on Local History)* III. Samara: Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin, 107–116 (in Russian).
3. Kubankin, D. A. 2011. In Vasilev, D. V., Zelenev, Yu. A., Sitdikov, A. G. (eds.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na evraziiskom prostranstve (Dialogue of Urban and Steppe Cultures on Eurasian Territory)*. Kazan; Astrakhan: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 211–215 (in Russian).
4. Lapshin, A. S., Mys'kov, E. P. 2011. *Issledovaniia na Vodianskom gorodishche v 2009–2010 gg. (Studies on Vodyanskoe Fortified Settlement in 2009–2010)*. Volgograd: Volgograd State Pedagogical University; "Peremena" Publ. (in Russian).
5. Nedashkovskii, L. F. 2000. *Zolotoordynskii gorod Ukek i ego okruga (The Golden Horde City of Ukek and its Region)*. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ. (in Russian).
6. Obukhov, Yu. D. 2009. In Gorbenko, A. A. (ed.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na evraziiskom prostranstve (Dialogue of Urban and Steppe Cultures on Eurasian Territory)*. Series: Antiquities of the Don 10. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve, 400–406 (in Russian).
7. Pigarev, E. M. 1994. In *Drevnosti Volgo-Don'skikh stepei (Antiquities of Volga-Don Steppes)* 4. Volgograd: "Peremena" Publ. (in Russian).
8. Poluboiarinova, M. D. 1978. *Russkie liudi v Zolotoi Orde (Russian People in the Golden Horde)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
9. Skisov, S. Yu., Markova, O. A. 2010. In Kurapov A. A. (ed.). *Astrakhanskii kraevedcheskie chteniia (Astrakhan Readings of Local History)* II. Astrakhan: "R. V. Sorokin" Publ. (in Russian).

10. Staniukovich, A. K., Osipov, I. N., Solov'ev, N. M. 2003. *Tysiacheletie kresta. Proizvedeniia russkoi khristianskoi metalloplastiki X–XX vekov iz chastnykh sobranii (Millennium of the Cross: Articles of the Russian Christian Metal Plastic Art of 10th–20th Centuries from Private Collections)*. Moscow: s. ed. (in Russian).

11. Khanenko, B. I., Khanenko, V. N. 1899. *Drevnosti Russkie. Kresty i obrazki (Russian Antiquities: Crosses and Holy Pictures)*. Kiev: “Kiev” Publ. (in Russian).

About the Author:

Pigarev Evgeniy M. Candidate of Historical Sciences. Municipal State Cultural Institution “Sarai-Batu Historical and Cultural Center”. Sovetskaya St., 53, Selitrennoye, Harabali district, Astrakhan oblast, 416022, Russian Federation; pigarev1967@mail.ru

К юбилею Марины Дмитриевны Полубояриновой

МНОГОГРАННЫЙ ТАЛАНТ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

© 2012 г. Ю.А. Зеленев

Статья посвящена известной исследовательнице археологии и истории средневековой Руси, Волжской Болгарии и Золотой Орды Марине Дмитриевне Полубояриновой. Освещаются основные этапы ее жизни и научной деятельности. Основные научные интересы М. Д. Полубояриновой связаны с археологией средневековых русских городов. Она участвовала в раскопках Новгорода, Турова, Серенска и многих других значительных памятников. В Поволжье в сотрудничестве с Германом Алексеевичем Федоровым-Давыдовым М. Д. Полубояринова исследовала Тигашевское, Царевское и Водянское городища, а в 1976–1990 годах была начальником Болгарского отряда Поволжской археологической экспедиции. Ее основные работы - «Русские люди в Золотой Орде» (1978), «Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды» (1993), «Русь и Волжская Болгария в X-XV вв.» (1993) сохраняют актуальность до настоящего времени.

Ключевые слова: археология, Русь, Поволжье, Волжская Булгария, Золотая Орда, М. Д. Полубояринова, археологические исследования

Марина Дмитриевна Полубояринова родилась 4 ноября 1932 года в Москве.

Отец Марины Дмитриевны – Полубояринов Дмитрий Дмитриевич (1897–1954) родился в Берне, в Швейцарии, где его мать Елена Дмитриевна Полубояринова (бабушка Марины Дмитриевны) обучалась в университете. Около 1910 года они вернулись в Россию, где он закончил в 1916 году с золотой медалью 1-ю Рязанскую гимназию. Затем поступил на математический факультет Московского университета. Участвовал в конце Первой мировой войны в боевых действиях в качестве вольноопределяющегося. Затем учился в Институте инженеров путей сообщения. Впоследствии работал инженером-строителем.

Мать, урожденная Зейслер Анна Карловна, родилась в семье фарма-

цевта – выходца из Эстонии, который женился и осел в Каргополе.

В Москве семья жила на Страстном бульваре в коммунальной квартире. В 1941 году эвакуировались на Урал, сначала в Свердловск, а затем в Челябинск. В Москву возвратились в 1943 году.

В 1950 году, не пройдя по конкурсу на исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, Марина Дмитриевна поступила в педагогический институт, но уже на следующий год смогла перевестись в университет.

В школьные и университетские годы Марина Дмитриевна на серьезном уровне занималась спортом и была чемпионкой СССР по академической гребле среди девушек. Герман Алексеевич впоследствии любил подчеркнуть спортивные достижения Марины Дмитриевны, в определенной

мере их преувеличивая. Но даже мне, тогда 18-летнему, было заметно, как ему приятно, что его жена не только умница и красавица, но и имела высокие спортивные достижения. Марине Дмитриевне это только добавляло уважения. Я, например, сам в молодости занимавшийся спортом, в 1972 году после гордого заявления Германа Алексеевича, что Марина Дмитриевна была чемпионкой Союза, смотрел на нее только широко раскрытыми глазами, ибо по моему тогдашнему, в общем-то, справедливому убеждению, чемпионами Союза простые смертные быть не могли.

В 1952 году Марина Дмитриевна проходит учебную практику, обязательную для студентов-историков МГУ, в Новгородской археологической экспедиции. По существу, с этого времени начинают сбываться ее мечты об археологии. Далее специализация по кафедре археологии. Подготовка и защита в 1955 году дипломной работы «Стеклянные браслеты Новгорода» под руководством А.В. Арциховского. Впоследствии все время, работая в Институте археологии, Марина Дмитриевна сохранила самые теплые чувства к университету, кафедре и Новгородской археологической экспедиции, считая их своими, родными, а А.В. Арциховского – Учителем.

В 1956 году Марина Дмитриевна была принята на работу в Институт археологии АН СССР. Сначала, в 1956–1968 годах, она работала лаборантом и старшим лаборантом, затем, в 1968–1984 годах, младшим научным сотрудником и научным сотрудником. С 1984 года и по настоящее время она является старшим научным сотрудником Отдела славяно-русской археологии Института археологии, теперь уже Российской академии наук. В 1971–1977 годах она была ученым секретарем

рем тогда еще Сектора славяно-русской археологии, выполняя многообразную работу, в том числе и в обобщении материалов о работе Сектора (Полубояринова, 1974; Полубояринова, 1975). В 1989–2005 годах Марина Дмитриевна входила в состав Отдела полевых исследований ИА РАН.

В 1974 году Марина Дмитриевна защитила кандидатскую диссертацию «Русские люди в Золотой Орде», значительная часть которой была опубликована как монография в 1978 году.

Полевые археологические работы Марины Дмитриевны первоначально были связаны с Новгородской археологической экспедицией. Впоследствии их география расширяется. Но сохраняется интерес к изучению древнерусского города. Она участвует в раскопках Смоленска, Друцка, Серенска. В 1961 году руководит Туровским отрядом ИА АН СССР.

В 1959 году происходит изменение направления в полевой работе Марины Дмитриевны. С этого года она начинает работать с Германом Алексеевичем Федоровым-Давыдовым, сначала в Среднем Поволжье – на Тигашевском городище, а затем в Нижнем Поволжье – на Царевском и Водянском городищах. В 1976–1990 годах она была начальником Болгарского отряда Поволжской археологической экспедиции.

Полевые работы Марины Дмитриевны говорят о ее высокой квалификации археолога-полевого. Они всегда проводились с большой тщательностью и были очень результативны.

В 1960 году она совместно с А.В. Арциховским являлась руководителем работ Новгородской археологической экспедиции при раскопках церкви Саввы Освященного 1418 г.

На Туровском городище X–XIII вв. (г. Туров, Житковический р-н, Гомель-

М.Д. Полубояринова с друзьями, коллегами и любимой собакой...

ская обл., Белорусская ССР) в 1961 году ею было вскрыто 240 кв. м. и раскопано шесть срубов и хозяйственные ямы (Полубояринова, 1961).

При раскопках в Орловской области в 1963 году в составе Верхне-Окской археологической экспедиции ИА АН СССР и Орловского областного краеведческого музея были произведены раскопки на городищах Титово-Мотыка, Мерцаловском, Гать, Городище (Коморовское), на курганном могильнике Лебедевка, относящихся к X–XV вв. (Никольская, Полубояринова, 1963).

В Нижнем Поволжье она руководит исследованием нескольких раскопов на Водянском городище (Егоров, Полубояринова, 1974).

С 1976 года начались ее работы в Болгарах (Аксенова, Полубояринова, Полякова, Хлебникова, 1977). Здесь под ее руководством исследовались раскоп LV в 1976 году, раскоп LVII в 1977 году, раскоп LXIV в 1978 году, раскоп LXII в 1979 году, раскоп LXXIII в 1980 году, раскоп LXXXIV в 1982 году, раскоп LXXXV в 1983 году (Хлебникова, 1987), а также другие раскопы (Аксенова, Кавеев, Полубояринова, Старостин, Хлебникова, Шарифуллин, 1988).

Имеет большое значение исследование укреплений XII – начала XIII века (раскопы LV, LVII, LXXIII), которые находились на окраине домонгольского города. В золотоордынский период это были уже центральные районы городища (Аксенова, Крамаровский, Полубояринова, Полякова, Хлебникова, 1978, с. 153). На раскопе LXIII был найден клад из 123 серебряных монет XIII в. и костяная печать с изображением барса (Аксенова, Полубояринова, Полякова, Хлебникова, Шарифуллин, 1981, с. 122–123).

Раскопом LXII изучались ремесленные кварталы XIV в. в юго-западной части городища со следами меднолитейного ремесла (Полякова, Полубояринова, Старостин, Хлебникова, 1980, с. 169).

На раскопе LXXXIV в 1982 году Мариной Дмитриевной был изучен сырцовый дом позднезолотоордынского времени, принадлежавший состоятельному жителю города Болгара. В нижних слоях этого раскопа зафиксированы погребения могильника раннезолотоордынского времени (Аксенова, Полубояринова, Хлебникова, Шарифуллин, 1984, с. 140–141).

Раскопом LXXXV продолжалось изучение окраин домонгольского Болгара, а также его золотоордынских слоев (Аксенова, Беляев, Шарифуллин, Полубояринова, Савченкова, Хлебникова, 1985, с. 135–136).

Именно при многолетних исследованиях такого сложного и значимого объекта археологического наследия, как Болгарское городище, полностью раскрылся талант Марины Дмитриевны как археолога-полевого. Аккуратность и тщательность при раскопках, научность и взвешенность выводов при составлении отчетов отличали ее и ранее, но особенно это проявилось при работах в Болгаре. Добротное качество этих исследований во многом определили приглашение Марины Дмитриевны в число экспертов Отдела полевых исследований ИА РАН.

Первоначальные научные интересы Марины Дмитриевны были связаны с новгородской тематикой. Обзору археологических раскопок в этом городе посвящена ее первая печатная работа (Полубояринова, 1959). Затем после доработки была частично опубликована ее дипломная работа о стеклянных браслетах Новгорода

(Полубояринова, 1963). Также были опубликованы результаты раскопок новгородского храма XV в., которые она осуществила под руководством А.В. Арциховского (Полубояринова, 1965). В сборнике, посвященном 70-летию А.В. Арциховского, ею были помещены материалы раскопок 1965 года на Рюриковом городище (Полубояринова, 1972).

Полевые работы в других русских городах приводили к расширению и углублению спектра научных изысканий Марины Дмитриевны. Интерес к изучению стеклянных изделий Новгорода помог в исследовании этой категории изделий и других русских городов. Так, ею были опубликованы материалы по стеклянной посуде Турова (Полубояринова, 1963а). Была опубликована и общая информация о раскопках в Турове (Полубояринова, 1963б).

Были введены в научный оборот и материалы раскопок древнерусских городищ в Орловской области (Никольская, Полубояринова, 1967). Отдельной статьей была дана уникальная находка – костяная печать из Серенска (Полубояринова, 1971).

Участие Марины Дмитриевны в полевых работах на территории Среднего и Нижнего Поволжья приводит к появлению у нее интереса к изучению археологии и истории данных регионов. И здесь ей пригодились те знания и опыт археолога-русиста, которые были накоплены при работах в Новгороде и на других средневековых русских памятниках. Надо отметить, что к 60-м годам XX в. были известны многочисленные находки русских вещей из средневековых памятников Поволжья. Создавалось впечатление, что русское население присутствовало здесь и в золотоордынский период, и до прихода монголов. Но вопрос был не изучен, и

утверждения о наличии русских в Поволжье очень часто вызывали сомнения у историков и археологов.

В решении этого вопроса очень пригодилось знание Мариной Дмитриевной русских материалов. Она выделяет русскую керамику на Водянском городище (Полубояринова, 1972а). Впервые обобщает данные по русским вещам на территории Золотой Орды (Полубояринова, 1972 б).

Фундаментальным исследованием по русским в Золотой Орде стала сначала кандидатская диссертация Марины Дмитриевны, а затем монография, посвященная этой проблеме (Полубояринова, 1978). Переоценить значение данной книги трудно. Она и сейчас, по истечении почти четверти века, представляет не только историографический интерес. Хотя после нее вышло достаточное количество книг и статей, продолживших рассмотрение данной проблемы.

Раскопки в Болгарах привели Марину Дмитриевну к необходимости изучения и осмысления материалов этого уникального памятника. Но и здесь сказались ее изначальная любовь к русской медиевистике. Поэтому болгарские материалы она рассматривала через призму взаимоотношений Волжской Болгарии и Руси, а также изучения русских материалов из Булгара. Тем более что данная тематика также по существу ждала своего исследователя.

Кроме многочисленных статей по данной теме Мариной Дмитриевной была опубликована монография, которая, как и книга о русских в Золотой Орде, ввела в научный оборот многочисленные данные о русских в Волжской Болгарии, о болгарских вещах в русских городах. Она указывает на то, что связи между Русью и Волжской Болгарией были устойчивыми, что

подтверждается и вполне благополучным положением русских в Булгаре (Полубояринова, 1993).

Еще одним важным направлением работы Марины Дмитриевны стала публикация некоторых категорий археологических находок из Булгара и раскопанных на городище объектов. Наиболее полным таким сводом стало издание находок изделий из цветных камней Булгара и Золотой Орды (Полубояринова, 1993а). Из опубликованных объектов хотелось бы отметить стеклодельную мастерскую Болгара (Полубояринова, 2006).

Исследовательская деятельность Марины Дмитриевны создала ей прочный авторитет эрудированного, оригинально мыслящего ученого. При этом нужно учесть, что ее одинаково уважают специалисты по русской средневековой, болгарской и золотоордынской археологии. Она как бы связала своими работами три области Поволжья в единое целое.

Для нас же, учеников Германа Алексеевича Федорова-Давыдова, да и для всех, кто так или иначе причастен к Поволжской археологической экспедиции, Марина Дмитриевна не только археолог, но, прежде всего, хороший человек. Ее человеческие качества всегда привлекали к ней людей самых разных взглядов. Она всегда могла найти нужный тон для общения и с маститыми учеными, и со студентами-практикантами. При этом с корифеями она могла спокойно и с достоинством отстаивать свои взгляды, не обижая их недоверием к их собственным убеждениям, а молодым людям также доброжелательно, не обижая их, объяснять их ошибки и заблуждения.

Именно такое впечатление о Марине Дмитриевне сложилось и у меня с

самого начала знакомства с ней. Вспоминаю раскопки Водянского городища в 1972 году, где Марина Дмитриевна была начальником раскопа, на котором я тогда работал, всегда думаю, каким же терпением и тактом нужно было ей обладать, чтобы хотя бы выслушивать ту чепуху, которую я тогда нес в течение рабочего дня. А ведь такой на раскопе я был не один. А она не только, посмеиваясь, слушала наши «умности», но и пыталась как-то направить нашу энергию в нужное русло. Я только позднее стал понимать, какое влияние оказывала на меня вся обстановка в Поволжской археологической экспедиции и Марина Дмитриевна – мягкая, добрая и справедливая.

Время проходит быстро. Мы повзрослели, если не сказать большего. Но окончательно я осознал роль Марины Дмитриевны и в своей жизни, и в жизни многих своих друзей, и коллег после ухода Германа Алексеевича. Сначала была некоторая растерянность – был человек, который направлял наши дела, и вот его нет – с кем посоветоваться по самым, как иногда кажется, важным вопросам. И как-то незаметно и я, и многие из друзей и коллег потянулись со своими проблемами к Марине Дмитриевне. И она стала тем центром, вокруг которого объединяются и нынешние, и бывшие сотрудники Поволжской археологической экспедиции.

Марина Дмитриевна нужна своим родным и коллегам. Она востребована и как ученый, и как человек. Все мы желаем ей всего самого лучшего, самое главное – здоровья, и надеемся, что она как всегда будет с нами строгой, но доброжелательной – такой, какой она была всегда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксенова Н.Д., Беляев Л.А., Шарифуллин Р.Ф., Полубояринова М.Д., Савченкова Л.Л., Хлебникова Т.А. Раскопки в Болгаре // АО 1983 года. – М., 1985.
2. Аксенова Н.Д., Кавеев М.М., Полубояринова М.Д., Старостин П.Н., Хлебникова Т.А., Шарифуллин Р.Ф. Исследования Болгара // АО 1986 года. – М., 1988.
3. Аксенова Н.Д., Крамаровский М.Г., Полубояринова М.Д., Полякова Г.Ф., Хлебникова Т.А. Работы в Болгарах // АО 1977 года. – М., 1978.
4. Аксенова Н.Д., Полубояринова М.Д., Полякова Г.Ф., Хлебникова Т.А. Работы в Болгарах // АО 1976 года. – М., 1977.
5. Аксенова Н.Д., Полубояринова М.Д., Полякова Г.Ф., Хлебникова Т.А., Шарифуллин Р.Ф. Исследования города Болгара // АО 1980 года. – М., 1981.
6. Аксенова Н.Д., Полубояринова М.Д., Хлебникова Т.А., Шарифуллин Р.Ф. Раскопки в Болгарах // АО 1982 года. – М., 1984.
7. Егоров В.Л., Полубояринова М.Д. Археологические исследования Водянского городища в 1967–1971 гг. // Города Поволжья в средние века. – М., 1974.
8. Никольская Т.Н., Полубояринова М.Д. Отчет о раскопках в Орловской области летом 1963 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 2702-2702а.
9. Никольская Т.Н., Полубояринова М.Д. Раскопки древнерусских городищ Орловской области // КСИА. – 1967. – Вып. 110.
10. Полубояринова М.Д. Археологические работы в Новгороде // Новгород. Историко-экономический очерк. – Новгород, 1959.
11. Полубояринова М.Д. Костяная печать из Серенска // КСИА. – 1971. – Вып. 125.
12. Полубояринова М.Д. Отчет о раскопках 1961 г. в Турове // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 2632-2632а.
13. Полубояринова М.Д. Работа сектора славяно-русской археологии ИА АН СССР в 1973 г. // КСИА. – 1975. – Вып. 144.
14. Полубояринова М.Д. Раскопки древнего Турова (1961 г.) // КСИА. – 1963б. – Вып. 96.
15. Полубояринова М.Д. Раскопки на Рюриковом городище в 1965 г. // Новое в археологии. – М., 1972.
16. Полубояринова М.Д. Раскопки церкви Саввы Освященного в Новгороде // СА. 1965. № 1.
17. Полубояринова М.Д. Русская керамика с Водянского городища // КСИА. – 1972а. – Вып. 129.
18. Полубояринова М.Д. Русские вещи на территории Золотой Орды // СА. – 1972б. – № 3.
19. Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. – М., 1978.
20. Полубояринова М.Д. Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. – М., 1993.
21. Полубояринова М.Д. Сектор славяно-русской археологии ИА АН СССР в 1972 г. // КСИА. – 1974. – Вып. 139.
22. Полубояринова М.Д. Стеклопосуда древнего Турова // СА. – 1963а. – № 4.
23. Полубояринова М.Д. Стеклопосуда древнего Новгорода // МИА. – 1963б. – № 117.
24. Полубояринова М.Д. Стеклопосуда мастерская 16 в. в городе Болгаре // РА. – 2006. – № 4.
25. Полубояринова М.Д. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. – М., 1993а.
26. Полякова Г.Ф., Полубояринова М.Д., Старостин П.Н., Хлебникова Т.А. Раскопки в Болгаре // АО 1979 года. – М., 1980.

27. Хлебникова Т.А. История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия. Топография // Город Болгар: очерки истории и культуры. – М., 1987.

Информация об авторе:

Зеленев Юрий Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола, Россия); y_zelenev@mail.ru

MULTI-SIDED TALENT OF RESEARCHER

Yu. A. Zeleneyev

The article is devoted to Marina Dmitrievna Poluboyarinova, a renowned scholar, specialized in the archeology and history of medieval Russia, Volga Bulgaria and the Golden Horde. The principal stages of her life and scientific activity are highlighted. M. D. Poluboyarinova's research interests are mainly associated with the archaeology of medieval Russian cities. She participated in the excavations on the Novgorod, Turov, Serensk and many other significant sites. In the Volga region, M. D. Poluboyarinova conducted joint studies with German Alekseyevich Fyodorov-Davydov on the Tigashevo, Tsarev and Vodyanskoye (Dubovka) fortified sites, and in 1976–1990, she headed the Bulgar detachment of the Volga region Archaeological Expedition. The major works authored by M. D. Poluboyarinova, such as “Russian People in the Golden Horde” (1978), “Jewelry with semi-precious stones from Bolgar and the Golden Horde” (1993), “Rus and Volga Bulgaria in the 10th–15th centuries” (1993) retain their actuality to the present.

Keywords: archaeology, Ancient Rus, the Volga river region, Volga Bulgaria, the Golden Horde, M. D. Poluboyarinova, archaeological research.

REFERENCES

1. Aksenova, N. D., Beliaev, L. A., Sharifullin, R. F., Poluboiarinova, M. D., Savchenkova, L. L., Khlebnikova, T. A. 1985. In *Arkheologicheskie otkrytiia 1983 goda (Archaeological Discoveries in 1983)*. Moscow, 135–136 (in Russian).
2. Aksenova, N. D., Kaveev, M. M., Poluboiarinova, M. D., Starostin, P. N., Khlebnikova, T. A., Sharifullin, R. F. 1988. In *Arkheologicheskie otkrytiia 1986 goda (Archaeological Discoveries in 1986)*. Moscow, 147–148 (in Russian).
3. Aksenova, N. D., Kramarovskii, M. G., Poluboiarinova, M. D., Poliakova, G. F., Khlebnikova, T. A. 1978. In *Arkheologicheskie otkrytiia 1977 goda (Archaeological Discoveries in 1977)*. Moscow, 152–153 (in Russian).
4. Aksenova, N. D., Poluboiarinova, M. D., Poliakova, G. F., Khlebnikova, T. A. 1977. In *Arkheologicheskie otkrytiia 1976 goda (Archaeological Discoveries in 1976)*. Moscow, 126–127 (in Russian).
5. Aksenova, N. D., Poluboiarinova, M. D., Poliakova, G. F., Khlebnikova, T. A., Sharifullin, R. F. 1981. In *Arkheologicheskie otkrytiia 1980 goda (Archaeological Discoveries in 1980)*. Moscow, 122–123 (in Russian).
6. Aksenova, N. D., Poluboiarinova, M. D., Khlebnikova, T. A., Sharifullin, R. F. 1984. In *Arkheologicheskie otkrytiia 1982 goda (Archaeological Discoveries in 1982)*. Moscow, 135–136 (in Russian).
7. Egorov, V. L., Poluboiarinova, M. D. 1974. In Smirnov, A. P., Fyodorov-Davydov, G. A. (eds.). *Goroda Povolzh'ia v srednie veka (Towns from the Volga Region in the Middle Ages)*. Moscow: “Nauka” Publ., 39–79 (in Russian).
8. Nikol'skaia, T. N., Poluboiarinova, M. D. 1963. *Otchet o raskopkakh v Orlovskoi oblasti letom 1963 g. (Report on Excavations in the Orel Oblast in Summer 1963)*. Archive of the Institute for Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. R-1, number 2702-2702 (in Russian).

9. Nikol'skaia, T. N., Poluboiarinova, M. D. 1967. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 110, 63–72 (in Russian).
10. Poluboiarinova, M. D. 1959. In Tiutiaev, B. A. (ed.). *Novgorod. Istoriko-ekonomicheskii ocherk (Novgorod: Historical and Economic Essay)*. Novgorod: “Novgorodskaiia Pravda” Publ. (in Russian).
11. Poluboiarinova, M. D. 1971. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 125, 95–97 (in Russian).
12. Poluboiarinova, M. D. 1961. *Otchet o raskopkakh 1961 g. v Turove (Report on Excavations of 1961 in Turov)*. Archive of the Institute for Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. R-1, no. 2632-2632 (in Russian).
13. Poluboiarinova, M. D. 1975. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 144, 109–111 (in Russian).
14. Poluboiarinova, M. D. 1963. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 96, 44–47. (in Russian).
15. Poluboiarinova, M. D. 1972. In Yanin, V. L. (ed.). *Novoe v arkheologii. Sbornik statei, posviashchennyi 70-letiiu A. V. Artsikhovskogo (New Archaeological Discoveries. Collected Papers to the 70th Birth Anniversary of A. V. Artsikhovskii)*. Moscow: Moscow State University, 217–223 (in Russian).
16. Poluboiarinova, M. D. 1965. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 297–302 (in Russian).
17. Poluboiarinova, M. D. 1972. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 129, 90–95. (in Russian).
18. Poluboiarinova, M. D. 1972. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 164–187 (in Russian).
19. Poluboiarinova, M. D. 1978. *Russkie liudi v Zolotoi Orde (Russian People in the Golden Horde)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
20. Poluboiarinova, M. D. 1993. *Rus' i Volzhskaia Bolgariia v X–XV vv. (Rus' and Volga Bulgaria in 10th–15th Centuries)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
21. Poluboiarinova, M. D. 1974. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 139, 127–130 (in Russian).
22. Poluboiarinova, M. D. 1963. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 233–238 (in Russian).
23. Poluboiarinova, M. D. 1963. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR)* 117, 164–199. (in Russian).
24. Poluboiarinova, M. D. 2006. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (4). 152–158 (in Russian).
25. Poluboiarinova, M. D. 1993. *Ukrasheniia iz tsvetnykh kamnei Bolgara i Zolotoi Ordy (Jewelry of Gemstones found in Bulgar and the Golden Horde)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, Institute of Archaeology (in Russian).
26. Poliakova, G. F., Poluboiarinova, M. D., Starostin, P. N., Khlebnikova, T. A. 1980. In *Arkheologicheskie otkrytiia 1979 goda (Archaeological Discoveries in 1979)*. Moscow, 169-170 (in Russian).
27. Khlebnikova, T. A. 1987. In Fyodorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki istorii i kul'tury (Town of Bolgar. Essays on History and Culture)*. Moscow: “Nauka” Publ., 32–88 (in Russian).

About the Author:

Zelenev Yuriy A. Candidate of Historical Sciences. Mari State University. Lenin Square St., 1, Yoshkar-Ola 424000, the Mari El Republic, Russian Federation; y_zelenev@mail.ru

ЗНАКИ РЕМЕСЛЕННИКОВ НА БУЛГАРСКИХ ЛИТЕЙНЫХ ФОРМАХ

© 2012 г. Н.А. Кокорина

В статье исследуются знаки, обнаруженные на литейных формах, найденных в Болгаре и Биляре. При визуальном осмотре они выглядят простыми (линии, кресты, «гусиная лапка»), но с помощью увеличительных приборов выявляются нанесенные тонким резцом сложные композиции, которые могут быть трактованы как «дерево», «весы», «палатка с флагом» и др. Такие знаки хорошо известны в знаковой системе Волжской Болгарии и Золотой Орды. Они могут рассматриваться как вариации тамг. Этим знакам вероятно, наносились с целью защитной магии. Некоторые из них могли символизировать похороны, жертвоприношения и использовались, возможно, в молитвенных действиях.

Ключевые слова: археология, Поволжье, Волжская Болгария, Золотая Орда, тюрко-монгольские народы, литейные формы, знаки, семантика, охранно-магическая и погребальная символика.

Тема данной статьи напрямую связана с одним из исследовательских направлений, разрабатываемых М.Д. Полубояриновой, а именно: клейма и граффити на золотоордынской керамике. Труд Марины Дмитриевны, вышедший более тридцати лет тому назад (Полубояринова, 1980), стал не только базовым для изучения этнического состава населения Улуса Джучи, но и придал импульс, в том числе и автору этих строк, для изучения знаков на болгарской керамике. Посвящая Вам, Марина Дмитриевна, данную статью, с благодарностью вспоминаю Ваши советы и помощь в разработке этой темы. Столь же памятливы для меня и годы совместной работы в Болгаре – городе, который притягивает к себе и во снах, и наяву, и о котором мы вспоминаем с любовью.

* * *

Знаки ремесленников Волжской Болгарии к настоящему времени известны на разных изделиях, выполненных из различных материалов. Это керамическая и металлическая посуда, сфероконусы, кирпичи, пряслица, закладные и межевые камни, надгробия, каменные литейные формы, детали конской упряжи, наременная гарнитура, оружие, замки, бронзовые украшения, костяные астрагалы, кольца для стрельбы из лука, рукояти различных инструментов, «гадательные» лопатки, музыкальные инструменты и др. (Кокорина, 2009).

В данной статье впервые рассматриваются знаки на болгарских литейных формах. Они долгое время оставались вне внимания исследователей, хотя сами формы, хорошо представленные в больших археологических собраниях болгарских древностей, явились одним из важнейших источников при изучении технологии бронзолитейного ремесла волжских болгар (Хлебникова, 1963; Кузьминых, 1985; Кузьминых, Семькин, 2005; Полякова, 1996).

Мне не удалось познакомиться со всеми литейными формами, хранящи-

мися в основном в музеях Татарстана (ГОМРТ, БГИАМЗ), ГИМе и в Музейном ведомстве Финляндии (коллекция В.И. Заусайлова)¹. В этой связи значительный объем информации о знаках на литейных формах остался вне настоящего исследования. Тема эта, безусловно, требует специального, более подробного изучения. И чтобы привлечь внимание исследователей к болгарским литейным формам, а точнее – к знакам на них, здесь я рассмотрю лишь ряд выразительных экземпляров, передающих, на мой взгляд, основные свойства этого источника.

Выявленные мною знаки наносились на каменную (известняк, сланец) литейную форму, как в ее рабочем состоянии, так и после выхода из использования. Знаки наносились разными по форме резцами и на различную глубину. Иногда они имеют вид очень тонких «волосяных» линий, которые нередко не читаются невооруженным глазом. Использование бинокулярной лупы позволило выявить следующие особенности, связанные с техникой нанесения знаков и прочтением их символики, а также с пониманием их использования. Среди них: 1) использование различных по форме резцов, в том числе в одном знаке; 2) варьирование в одном знаке глубины линий; 3) знаки наносились на обе створки литейных форм, а именно: на рабочие поверхности (в створ) и на боковые, включая торцевые с литниками и рукавами для выплеска металла, а также отверстиями для крепления; 4) знаки были простыми, единичными, и слож-

ными (из нескольких знаков); 5) они наносились на рабочие матрицы и уже отслужившие; 6) выявлено вторичное использование – следы зачеркивания и стирания первоначальных знаков; 7) встречаются намеренно скрытые от невооруженного глаза изображения знаков, нанесенных, вероятно, с помощью увеличительного стекла.

Первой была визуально изучена и опубликована литейная форма из Болгарга (Кокорина, 2001; БГИАМЗ, № 583–313/251). Обе створки (88 x 38 x 15 мм) предназначалась для отливки височных колец. Они найдены в позднезолотоордынском слое (р. СХVII, 1993 г., уч. 10, шт. 3) в объекте, относящемся к ювелирной мастерской, где для массовых украшений делались вставки из стекла, пасты, янтаря и других материалов (Кокорина, 2005).

В отличие от биллярских форм для подобных украшений (Кузьминых, 1985, табл. XXXIV, 10), болгарские – больших размеров. На двух плоскостях матриц вырезаны литейные гнезда для отливки височных трехбусинных колец; с другой стороны второй матрицы расположены гнездо височного кольца с прорезями в виде шайб, а в противоположном конце еще одно гнездо – для отливки креста с прямыми концами (рис. 1).

При визуальном рассмотрении «читается» только знак на поверхности с негативом для височного кольца с шаровидными бусинами. Он нанесен слева от длинного литникового канала и близ самой верхней бусины кольца (рис. 1: 2) и по форме напоминает широко распространенный знак – «гусиную лапку» (Кокорина, 1994, с. 27–29; 2002, с. 168–170). Знак (как правило, в виде граффити на сфероконусах) чаще встречался в Болгаре, в

¹ Благодарю сотрудников археологического отдела Музейного ведомства Финляндии, а также К. Карпелана и С.В. Кузьминых за помощь и содействие при работе с материалами этой коллекции.

раскопах центральной части (раскопки 1960–70-х гг. Т.А. Хлебниковой, Г.Ф. Поляковой, М.М. Кавеева и др.). Этот же знак под названием «птичья лапка» М.Д. Полубояринова (1980) отмечает на Царевском (9 экз.), Болгарском (7 экз.), Селитренном и Водянском (по 1 экз.) городищах. В ее труде приведены аналогии данному знаку у тюркоязычных народов, в том числе у туркменского рода (племени) Салгур, согласно сведениям Махмуда Кашгарского XI в.

Другая важная особенность знака на болгарской форме – поверх него слева направо другим инструментом грубо проведена черта, как бы зачеркивавшая первоначальный знак (рис. 1: 1).

При изучении с помощью бинокля знаков на литейных формах из коллекции В.И. Заусайлова были обнаружены знаки, не видимые невооруженным глазом, и это заставило вновь вернуться к находке из Болгара. И действительно, рассмотренный знак оказался не единственным и не полным. Он дополнялся тонко нанесенными циркульными знаками в виде двух кругов, соединившихся у основания треугольника (так называемой «птичьей лапки») с помощью миниатюрной прямоугольной фигуры (рис. 2: 4). Весь этот сложный графический рисунок изображал, вероятно, повозку кочевника с юртой (треугольник) на ней.

На обратной стороне этой створки также выявился подобный знак у гнезда с кольцом. «Повозка» здесь имела четыре как бы распластанных «полуколеса» и была заключена в овал (рис. 2: 5). Интерпретировать изображение трудно. Возможно, четыре распластанных колеса символизировали по-

гребение – уход в мир иной. Над этой комбинированной графической фигурой тонко прорезан знак в виде дуги-полумесяца, направленный выпуклой стороной вниз.

Таким образом, знак «птичья лапка» (а точнее, «гусиная лапка») мог являться видимой частью сложного знака, тайный смысл которого был понятен изобразившему его владельцу предмета. Несомненно, владеть дорогостоящими литейными формами мог только владелец ювелирной мастерской, а не ремесленник.

Как отмечалось выше, знаки в виде «гусиной лапки» и их вариации преобладали на сфероконусах и тарных сосудах. В сфероконусах перевозились ингредиенты для плавки цветных металлов. В мастерских, где изготавливались ювелирные изделия, украшения, детали конской упряжи, замки, зеркала, металлическая и керамическая посуда и другие изделия, – это характерная находка. Возможно, знак «гусиная лапка» означал предка-покровителя, патрона и являлся оберегом для данных ремесел.

Следующая форма – из коллекции В.И. Заусайлова – происходит также из Болгара (Tallgren, 1918, pl. XI, 7). Две створки (известняк), являвшиеся матрицами (122 x 38 x 6 мм), предназначались для отливки украшения – шпильки-навершия (вероятно, для женского головного убора) в виде дерева жизни (рис. 3; 4). На первой створке вырезано литейное гнездо для отливки «дерева» с девятью ветками с одним листом на каждой. Углубления для листов проработаны тонкой искусной резьбой. На их сетчатом фоне полуовальными линиями выделены Х-образные фигуры. На второй створке вырезан симметричный негатив

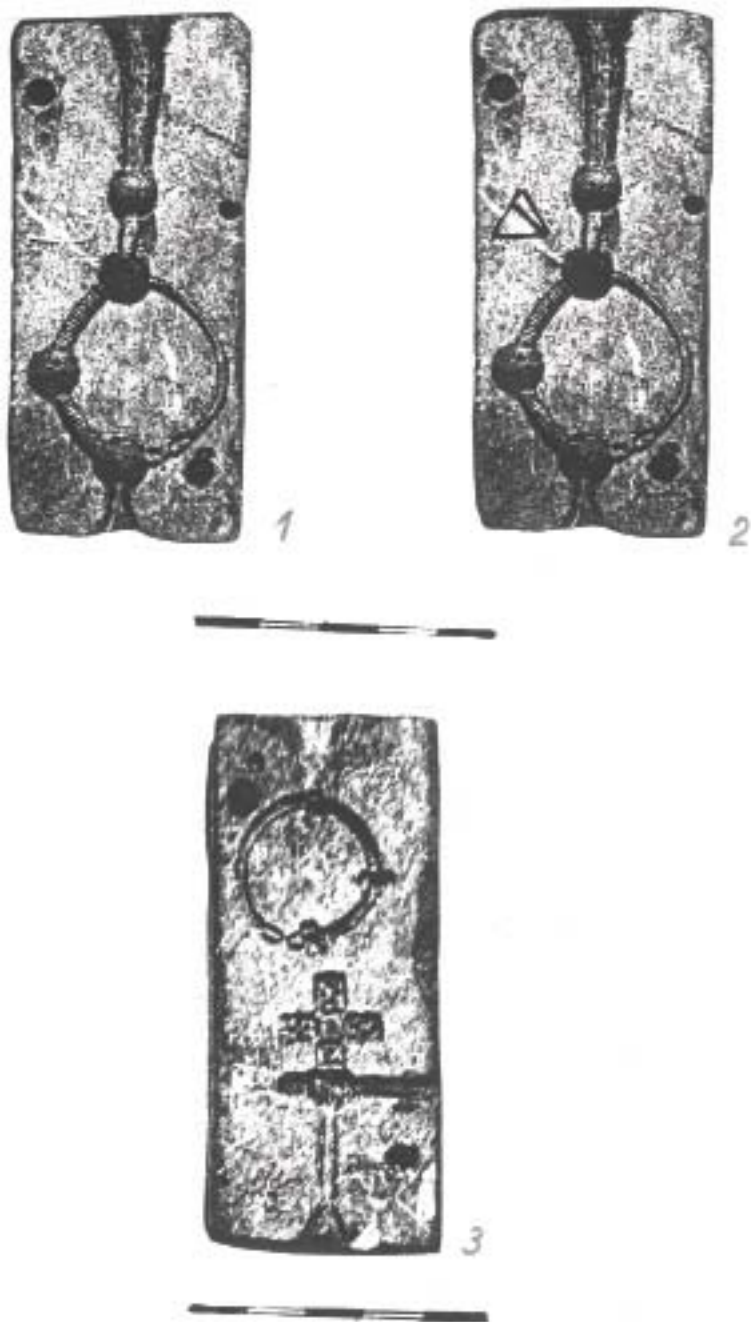

Рис. 1. Литейная форма для височных колец и креста.
Болгарское городище, р. СХVII 1993 г. БГИАМЗ.

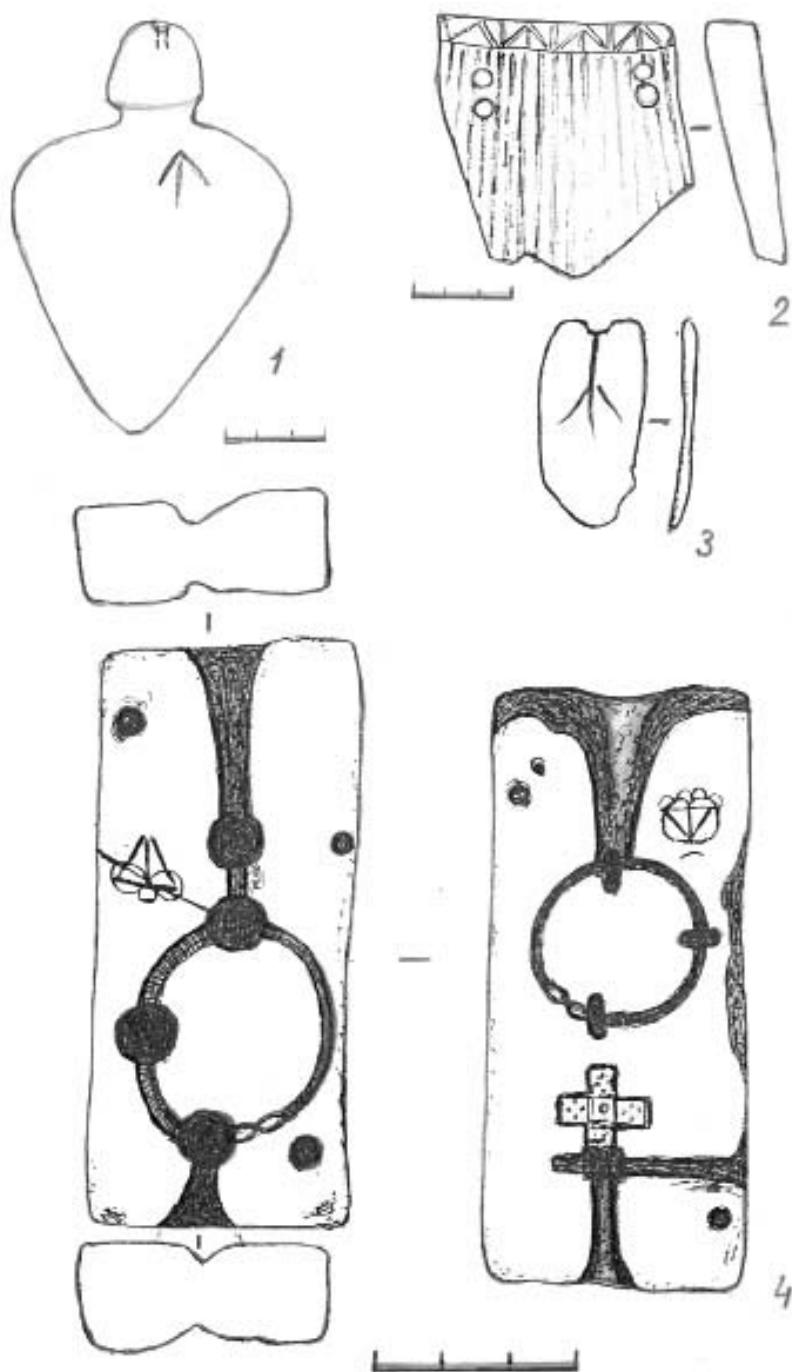

Рис. 2. Предметы со знаком «гусиная лапка». Болгарское городище.
 1 – сфероконус (р. ХСV, 24-6); 2 – фрагмент котла из сланца (р. ХСV, 21-6);
 3 – наконечник ремня (р. СХVІІІ 2000 г., яма 27); 4 – литейная форма с
 увеличенным изображением знака (р. СХVІІІ 1993 г. 10-3). БГИАМЗ.

Рис. 3. Литейная форма для отливки шпильки. Болгар. Коллекция В.И. Заусайлова. Фото К. Карпелана.

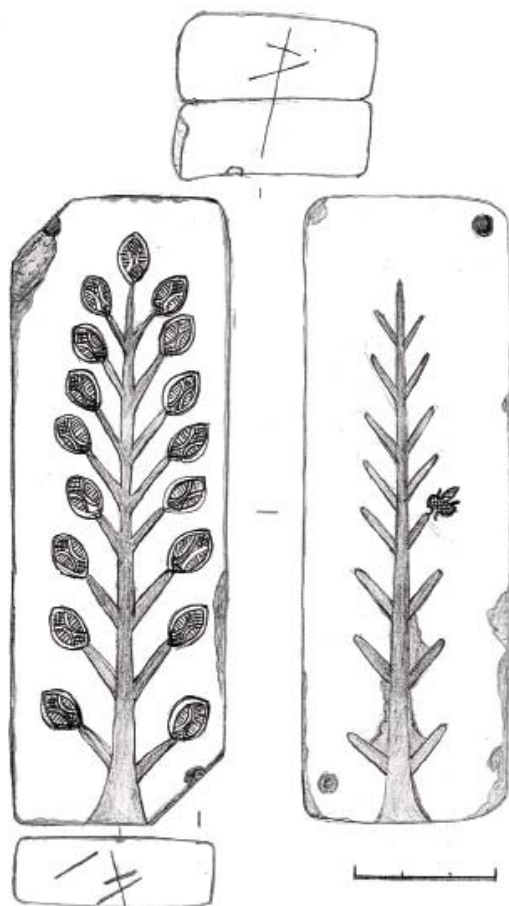

Рис. 4. Литейная форма для отливки шпильки. Болгар. Коллекция В.И. Заусайлова.

Рис. 5. Крышка литейной формы с четырьмя знаками. Болгар. Коллекция В.И. Заусайлова. Фото К. Карпелана.

Рис. 6. Литейная форма для отливки деталей точных весов. Болгар. Коллекция В.И. Заусайлова. Фото К. Карпелана.

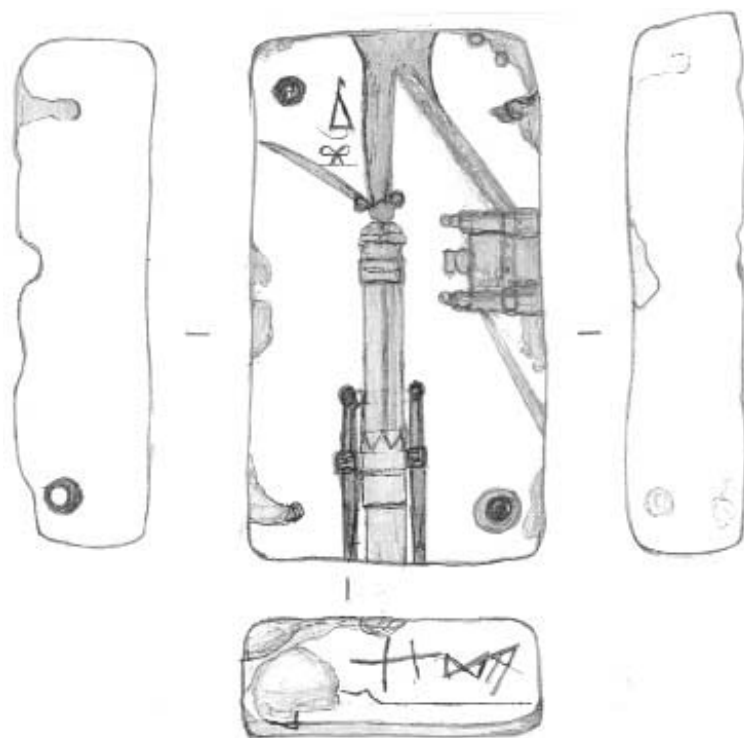

Рис. 7. Литейная форма для отливки деталей точных весов. Болгар. Коллекция В.И. Заусайлова.

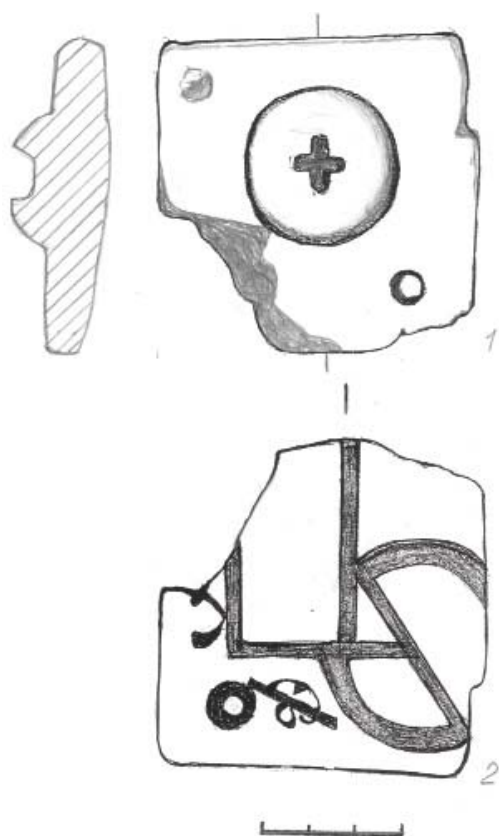

Рис. 8. Литейная форма для отливки пуговиц и пряжек. Болгар. Коллекция В.И. Заусайлова.

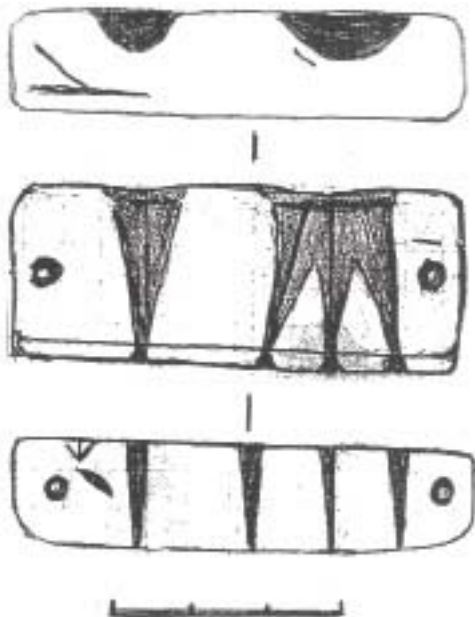

Рис. 9. Литейная форма для отливки шипов. Биляр. Коллекция В.И. Заусайлова.

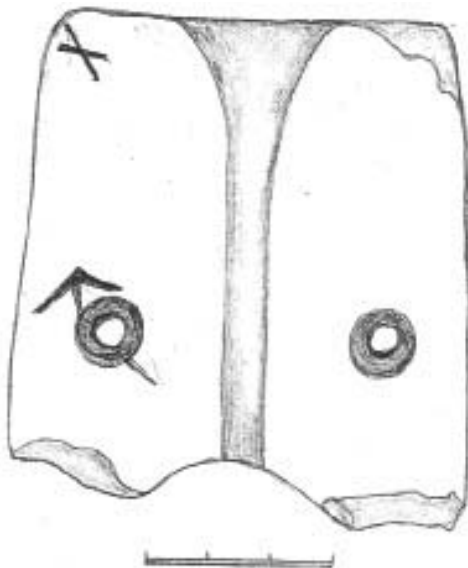

Рис.10. Половинка литейной формы. Болгарское городище, р. ХCV 1985 г. БГИАМЗ.

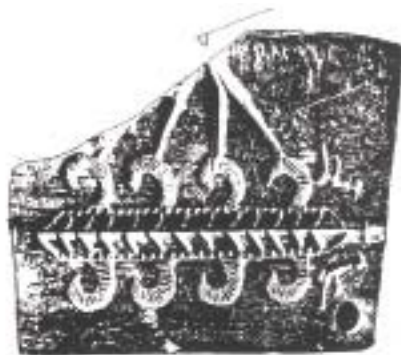

Рис. 11. Литейная форма для отливки шпильки и наконечных подвесок. Болгарское городище, р. СХV, подъемный материал. БГИАМЗ.

того же дерева, но без листьев. Справа, рядом с четвертой веткой, тонкой гравировкой изображен знак (?), напоминающий по форме плод граната.

На торцевой стороне первой створки – с устьем литника – прорезаны два знака: «черта» и «дерево» (рис. 4). На противоположном конце этой матрицы глубокой линией прочерчен знак также в виде дерева, но с косой нижней перекладиной. Знак переходил на торец второй створки, подтверждая, что это единая форма.

В коллекции Заусайлова есть заготовка или крышка литейной формы, также из известняка. Крышкой могла быть гладкая широкая плоскость этой створки. На ее внешней стороне, оббитой по углам, как бы нарочито попорченной, со сколами по углам (как и у вышеописанной), нанесены посередине, на не испорченной поверхности, два горизонтальных ряда из нескольких знаков (рис. 5). В левом ряду расположены: знак «дерево», лежащий горизонтально, который переходит в знак «песочные часы», затем идет знак «угол» с «косым крестом» внутри, напоминающий знак А или его вариант (Кокорина, 2002, рис. 106: 34). Все три знака (далее на это следует смотреть как на идеограмму – по горизонтали) внизу заканчивались знаком в виде длинной черты с согнутым под небольшим углом одним концом. Последний знак напоминает графику арабского письма.

По мнению Е.Ю. Гончарова, эти четыре знака надо воспринимать как молитвенную формулу, где последний знак играет роль ее завершения¹. Воз-

¹ Благодарю сотрудника Института востоковедения РАН Е.Ю. Гончарова за

можно, он прав. Но три первых знака «дерево» «песочные часы» и вариант знака А встречаются Болгаре и других золотоордынских городах на керамике (Полубояринова, 1980, рис. 4, 6; Кокорина, 2002, рис. 106: 34). Следует отметить, что они отличаются в деталях, что можно рассматривать как вариации тамг. Наиболее полно вариации двух первых знаков представлены среди находок из святилища на Ага-Базаре (Смирнов, 1958, рис. 3: 4). К.А. Смирнов рассматривал знаки на ручках кувшинов из жертвенника как принадлежавших владельцам этой посуды.

Близкое сочетание знаков присутствует еще на одной форме из коллекции В.И. Заусайлова (МВФ, № 5385-1273) для отливки деталей точных весов (рис. 6, 7), вырезанной из плотного темно-зеленого сланца (94 x 53 x 21–23 мм). На матрице вырезаны два негатива весов; литниковые каналы от них выведены на торец к одному устью. По всем четырем углам створки сохранились углубления для штифтов, указывающие на способ ее соединения со второй, не сохранившейся матрицей.

Под бинокляром на торцах матрицы выявлены следующие знаки. Слева от устья литника тонко нанесен знак в виде треугольника с острым верхним углом, напоминающим палатку с поднятым флагом; под ним – знак в виде ножниц или клещей ювелира с чертой над ним (рис. 7). На противоположном от устья литника торце прослежены четыре четко начерченных знака: 1) «дерево», 2) «весы», 3) в виде угла, лежащего на боку, с Т-образным зна-

обсуждение «прочтения» знаков.

ком внутри, 4) знак арабского письма, завершающий молитву. Последние знаки аналогичны тем, что описаны выше на предыдущей форме из коллекции В.И. Заусайлова.

Знаки на данной форме также соединены в одну линию и выполнены, вероятно, одним резчиком. Несколько иначе изображен здесь третий знак – вариация знака А. Близкие аналогии известны ему в домонгольских материалах Биляра – типы 3, 6, 39 (Кокорина, 2002, с. 150).

Символика этой надписи имеет молитвенно-охранное значение. Такое же значение имеет изображение граффити «палатка с флагом». Оно символизирует погребальную палатку с покойным, вероятно, ювелиром. Символика – понятная тюркоязычному населению Волжской Булгарии (Ибн-Фадлан, 1939, с. 77).

Литейная форма из зеленоватого хлоритового сланца (МВФ, № 5385-6320) числится в коллекции В.И. Заусайлова как найденная в Чистопольском уезде. Она могла быть связана с летописным городом Жукотин или Биляром. Сохранилась часть прямоугольной створки (65 x 67 x 21 мм) с оббитыми углами. Одна из сторон¹ – с позитивом, т.е. с выпуклой частью предмета, и углублением для штифта – являлась крышкой и предназначалась для отливки пуговиц; крестовидное гнездо на ее вершине служило для вставки небольшого сердечника для формовки ушка (рис. 8: 1). Обратная сторона створки была матрицей, с негативом для отливки рамчатых пряжек (?) (рис. 8: 2). На этой стороне четко вырезаны два необычных знака:

один, напоминающий букву арабского письма, второй – трилистник (?), перечеркнутый глубокой прямой линией или знаком «черта».

Еще одна форма из коллекции В.И. Заусайлова (МВФ, № 5385-6317) – из красно-розового шифера (59 x 22 x 14 мм) – происходит из Биляра (Tallgren, 1918, pl. XI, 11; Кузьминых, 1985, табл. XXXV, 9). Предназначалась, вероятно, для отливки шипов: трехзубого и однозубого (Кузьминых, 1995, с. 97). На поверхности матрицы правее большего литейного гнезда нанесен знак «черта»; на торце (с устьями литников) – два знака: «черта» у левого и «ветка» с одним отростком у правого (рис. 9). На противоположном торце (со штифтами) – еще один знак, напоминающий «черту», но нанесенный иначе. Вероятно, этот знак был меткой. Разницы в нанесении знаков «черта» и «ветка» не заметно.

Знак «ветка» встречен в Биляре на плитках начала X в. (Хузин, 1991, рис. 2:1), на керамике (Кокорина, 1983, рис. 5; Кочкина, 1983, рис. 3). Подобный же знак известен в Болгаре на т.н. гадательной лопатке (Закирова, 1988, рис. 103: 17).

Последние две формы свидетельствуют о том, что знаки есть и на формах из других памятников и встречаются как в домонгольский, так и в золотоордынский периоды. Но все-таки билярские отличаются от литейных форм из Болгара. Последние крупнее, выполнены с более тщательной проработкой деталей, искусно передают мельчайшие детали и орнамент. Они снабжены знаками гораздо чаще. Некоторые из них, вероятно, были связаны с охранно-молитвенными ритуалами, которые совершались, как правило, после трагических событий.

¹ Фото именно этой стороны изображено в книге А.М. Тальгрена (Tallgren, 1918, pl. XI, 9).

Интересен знак на сломанной сланцевой створке из Болгара (р. ХСV, 1985 г., М.Д. Полубояринова¹) (рис. 10). Знак «косой крест» расположен левее устья литника, в углу створки. Другой знак – в виде стрелы с тупым изогнутым концом – прочерчен через левое углубление для штифта. Оба знака графически аналогичны, нанесены одним инструментом, судя по всему, после использования формы. Вряд ли это производственные метки. Скорее всего, символика знаков, особенно второго, – охранно-магическая.

Обращает на себя внимание специфический состав находок из объектов IV позднего слоя данного раскопа (сооружение 58). Это пять фрагментов ручек и стенок от кувшинов с крестообразным знаком (прямой, косой крест), наряду с тиглями, инструментом и ювелирными изделиями.

Из этого же раскопа у центральной бани Болгара из подъемного материала происходит створка литейной формы из темно-зеленого плотного сланца, выделяющаяся в болгарской серии своими большими размерами (100 x 90 x 28 мм) (рис. 11). Возможно, она относится к эпохе Казанского ханства и может рассматриваться как пример реликтового использования литейных форм со знаками в более позднее время.

Это двусторонняя подпрямоугольная матрица, с отбитым углом, углублениями для штифтов и утраченными при сломе частями негативов. С одной стороны вырезаны два гнезда для отливки монетовидных наконечников подвесок, к каждому из которых под-

веден свой литник (рис. 11: 2). В центре каждой подвески – изображение четырехугольника в картуше с имитацией куфического (?) шрифта. Аналогичная имитация надписи нанесена и по бордюру монетовидной подвески. Правее углубления для формовки петли у левого литейного гнезда процарапаны знак А (с дополнительной чертой у основания А-образного знака) и пересекающий его знак «ветка» (?).

Оборотная сторона створки служила для отливки шпилек к головному убору тюрко-монгольского типа (рис. рис. 11: 1) в виде «древа жизни» из четырнадцати веток и верхней, пятнадцатой, с трехлистным цветком-бутоном. С обеих сторон от дерева отходили по четыре бараньих рога. Со сломанной стороны створки к ним была подведена литниковая система – четыре канала с общим устьем на торце. На вершине дерева, на «рогах», сидела пара птиц клювами друг к другу. Слева от вершины дерева тонко процарапан треугольный знак «флажок» с опущенным в сторону литника древком.

Шпильки с птичками известны среди вещей Карашамского клада, датированного концом XIV – началом XV в. (Калинин, Халиков, 1954, рис. 37).

Данный предмет – шпилька для головной женского убора – своим сюжетом связан с символами плодородия и создания семьи и распространен в искусстве тюрко-монгольских народов. Сюжет древа жизни с парой птиц на вершине известен в тюркской сасанидского Ирана (Тревер, Луконин, 1987, илл. 113). На блюде VII–VIII вв. изображены дерево с плодами и парой «хищных птиц» (гусей – *Н.К.*), которые на лету их клюют. Вторая пара птиц кормится рыбой из реки. У них на шее оперение в виде рыбьей че-

¹ Приношу глубокую благодарность М.Д. Полубояриновой за возможность ознакомиться и использовать в своей работе материалы по знакам из ее раскопок.

шуи и перевязи. У основания дерева – «львица, кормящая двух детенышей». Форма круглых ушей и мягких лап, скорее всего, выдает в этих животных другую группу семейства кошачьих – самку барса, но не львицу. Особенности изображения животных и птиц позволяют видеть в сюжете данного блюда генеалогическую легенду тюрко-иранского происхождения.

Скорее всего, это связано с событиями конца XIV в., когда после походов Тамерлана и русских князей ремесло в Болгаре приходит в упадок, так как многие ремесленники были уведены в плен, а владельцы мастерских погибли. Литейные формы со знаками связаны с актами погребальной символики. Во время жертвенных молений после этих событий (а, возможно, и в более позднее время) они могли попасть в развалины мастерской у центральной бани Болгара.

Символика знаков на болгарских литейных формах восходит к алтайско-ленским образцам наскального искусства. Это изображения гусей, в том числе с царственной символикой (Окладников, Запорожская, 1959, табл. I, II, 987, 993, 1000; XXIII, 582, 586; XLIII, 874–876; L, 974) и знака «гусятинная лапка» (Окладников, Запорожская, 1959, табл. XIX, 518; XL, 817, 818). Есть на ленских писаницах и аналоги изображения древа жизни (Окладников, Запорожская, 1959, табл. XLV, 915), знаков «черта», «ветка» (Окладников, Запорожская, 1959, табл. XLV, 916). На одной из них изображена, как я полагаю, и повозка с флагами в траурной процессии к месту захоронения (Окладников, Запорожская, 1959, рис. 63, 65; табл. IX, 321; XXVII, 627; XXXV, 753). Подоб-

ные погребального характера сцены известны также на писаницах Монголии с аналогичными изображениями погребальных повозок (Novgorodova, 1980, S. 82, 84, 85, 258 Abb. 47, 56).

Подведем некоторые итоги.

Большая часть рассмотренных литейных форм из собраний Болгарского музея-заповедника и Музейного ведомства Финляндии уникальна и не имеет аналогов в других опубликованных коллекциях (Хлебникова, 1963, табл. XIII–XVIII; Кузьминых, 1985, с. 84–101; Полякова, 1996, с. 154–162). Безусловно, она нуждается в специальном изучении в технологическом аспекте.

Впервые на болгарских литейных формах выявлены знаки. Использование бинокулярной лупы позволило увидеть недоступные невооруженному глазу элементы графики и характерные особенности изображения и понять их символику. Удалось выявить «двуслойность» и «многослойность» графики знаков, нанесенных разными инструментами, а также первичность и вторичность их нанесения.

Выявленные знаки (черты, кресты) известны в знаковой болгарской системе и системе знаков Золотой Орды, большая часть которых связывается исследователями с тамгами владельцев.

Идеограммы из тамгообразных знаков на литейных формах использовались, как я думаю, в жертвенных молениях: они имели значение охранной магии. Знаки охранной магии присутствовали на всех рассмотренных формах. Литейные формы со знаками охранной магии и погребальной символики использовались, вероятно, в актах молений. Этим, скорее всего, объясняется скрытая от постороннего

глаза графика и смысловая символика знаков.

Литейные формы с погребальной символикой (разобранная повозка кочевника, палатка с флагом, флаг с опущенным вниз древком, поверженный вниз вершиной знак А – «крыша дома») являлись жертвой, как и фрагменты сосудов с тамгами владельцев, в актах молений того времени.

Охранно-производственную магию знаков трудно отличить от погреб-

альной символики на вещах-жертвах. Для них характерны намеренная порча форм, нанесение знаков-тамг, погребальная символика, выбрасывание или намеренное захоронение на месте гибели мастерской.

Изучение графики знаков на литейных формах свидетельствует, помимо ее символики, о сложности и богатстве традиций работы с камнем болгарских резчиков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Закирова И.А.* Косторезное дело Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. – М., 1988.
2. *Ибн-Фадлан.* Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / Пер. и комм. под ред. акад. И.Ю. Крачковского. – М.; Л., 1939.
3. *Калинин Н.Ф., Халиков А.Х.* Итоги археологических работ за 1945–1952 гг. – Казань, 1954.
4. *Кокорина Н.А.* Гончарные горны Билярского городища // Средневековые археологические памятники Татарии. – Казань, 1983.
5. *Кокорина Н.А.* О знаке «гусиная лапка» на болгарской керамике // Город Болгар и его округа. – Болгар, 1994.
6. *Кокорина Н.А.* Литейная форма с тамгой из Болгара // Средневековые древности евразийских степей (Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 15). Воронеж, 2001.
7. *Кокорина Н.А.* Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV вв. (К проблеме преемственности болгарской и болгаро-татарской культуры). – Казань, 2002.
8. *Кокорина Н.А.* Ювелирная мастерская из Болгара // Древности Поволжья: эпоха средневековья (исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды). Материалы II Всерос. конф. «Поволжье в средние века». – Казань, 2005.
9. *Кокорина Н.А.* Знаки и тамги Волжской Булгарии. – М., 2009 (рукопись плановой темы).
10. *Кочкина А.Ф.* Гончарные клейма Билярского городища // Средневековые археологические памятники Татарии. – Казань, 1983.
11. *Кузьминых С.В.* Инструментарий билярских ювелиров и меднолитейщиков // Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. – М., 1985.
12. *Кузьминых С.В., Семькин Ю.А.* Цветная металлообработка Волжской Булгарии // История татар. Т. 2. Волжская Булгария и Великая степь. – Казань, 2005.
13. *Окладников А.П., Запорожская В.Д.* Ленские писаницы. Наскальные рисунки у деревни Шишкино. – М.; Л., 1959.
14. *Полубояринова М.Д.* Знаки на золотоордынской керамике // Средневековые древности евразийских степей. – М., 1980.
15. *Полякова Г.Ф.* Изделия из цветных и благородных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. – Казань, 1996.
16. *Смирнов К.А.* Святилище в урочище Ага-Базар // МИА. – 1958. – № 61.

17. Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. Художественная культура Ирана III–VII вв. – М., 1987.

18. Хлебникова Т.А. Основные производства волжских болгар периода X – начала XIII вв. Дисс. ... канд. ист. наук. // Архив ИА РАН. Фонд Р-2. № 1918. М., 1963

19. Хузин Ф.Ш. Ислам и урбанизм в Волжской Булгарии // Биляр – столица домонгольской Булгарии. – Казань, 1991.

20. Novgorodova Eleonora. Alte Kunst der Mongolei. – Leipzig, 1980.

21. Tallgren A.M. Collection Zaussailov au Musée National de Finlande a Helsingfors. II. Monographie de la section de l'âge du fer et l'époque dite de Bolgary. – Helsingfors, 1918.

Информация об авторе:

Кокорина Нина Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); kuzminykhsv@yandex.ru

SIGNS OF ARTISANS ON BULGAR CASTING FORMS

N.A. Kokorina

The marks discovered on the casting moulds found in Bulgar and Bilyar are examined in the article. For a naked eye, they look simple (lines, crosses, those styled as “goose feet”), but magnifying devices reveal complex compositions made with a thin cutter, which can be interpreted as “tree,” “scales,” “tent with a flag,” etc. Signs of the kind are well known in the system of symbols adopted in Volga Bulgaria and the Golden Horde. They can be regarded as tamga varieties and were probably marked with protective magic purposes. Some of the signs could symbolize funerals and funerary sacrifices, and were probably used in praying actions.

Keywords: archaeology, the Volga river region, Volga Bulgaria, the Golden Horde, Turkic-Mongol peoples, casting moulds, signs, semantics, protective magic and funerary symbolism.

REFERENCES

1. Zakirova, I. A. 1988. In Fyodorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (Town of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: “Nauka” Publ., 220–244 (in Russian).

2. Krachkovskii, I. Yu. (ed.). 1939. *Puteshestvie Ibn-Fadlana na Volgu (Ibn-Fadlan's Journey to the Volga)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

3. Kalinin, N. F., Khalikov, A. Kh. 1954. *Itogi arkheologicheskikh rabot za 1945–1952 gg. (Results of Archaeological Works in 1945–1952)*. Kazan: “Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).

4. Kokorina, N. A. 1983. In Khalikov, A. Kh., Starostin, P. N. (eds.). *Srednevekoveye arkheologicheskie pamiatniki Tatarii (Medieval Archeological Sites of Tataria)*. Kazan: Institute for Language, Literature, and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 50–69 (in Russian).

5. Kokorina, N. A. 1994. In Mukhametshin, D. G. (ed.). *Gorod Bolgar i ego okruza (Town of Bolgar and Its Environs)*. Bolgar: Bolgar State Historical and Architectural Museum and Preservation Area (in Russian).

6. Kokorina, N. A. 2001. In *Srednevekoveye drevnosti evraziiskikh stepei (Medieval Antiquities from the Eurasian Steppes)*. Series: Archaeology of the East-European Forest-Steppe Zone 15. Voronezh: Voronezh State University, 210–213 (in Russian).

7. Kokorina, N. A. 2002. *Keramika Volzhskoi Bulgarii vtoroi poloviny XI – nachala XV vv.: K probleme preemstvennosti bulgarskoi i bulgaro-tatarskoi kul'tur (Ceramic Ware in Volga Bulgaria during the Second Half of the 11th – Beginning of the 15th Centuries (on the Issue on Succession of the Bulgar and Bulgar-Tatar Cultures))*. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of

Sciences of the Republic of Tatarstan; Institute for Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

8. Kokorina, N. A. 2005. In Rudenko, K. A. (ed.). *Drevnosti Povolzh'ia: epokha srednevekov'ia (Issledovaniia kul'turnogo naslediiia Volzhskoi Bulgarii i Zolotoi Ordy (Antiquities of Volga Region: the Middle Ages (Research of the Cultural Heritage of Volga Bulgaria and Golden Horde))*. Kazan: "Shkola" Publ., 109–132 (in Russian).

9. Kokorina, N. A. 2009. *Znaki i tamgi Volzhskoi Bulgarii (Signs and Tamgas of Volga Bulgaria)*. Moscow (manuscript) (in Russian).

10. Kochkina, A. F. 1983. In Khalikov, A. Kh., Starostin, P. N. (eds.). *Srednevekovye arkhеologicheskie pamiatniki Tatarii (Medieval Archeological Sites of Tataria)*. Kazan: Institute for Language, Literature, and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 69–92 (in Russian).

11. Kuz'minykh, S. V. 1985. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Kul'tura Biliara. Bulgarskie orudiia truda i oruzhie X – XIII vv. (Bilyar Culture. Bulgar Tools and Weapons in 10th – 13th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ., 84–103 (in Russian).

12. Kuz'minykh, S. V., Semykin, Yu. A. 2005. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v 7-mi tt. (Tatar History Since the Ancient Times. In Seven Volumes) II. Volzhskaia Bulgariia i Velikaia Step' (Volga Bulgaria and Great Steppe)*. Kazan: "RukhIL" Publ., 258–272 (in Russian).

13. Okladnikov, A. P., Zaporozhskaia, V. D. 1959. *Lenskie pisanitsy. Naskal'nye risunki u derevni Shishkino (Lena River "Pisanitsa": Sets of Petroglyphs near the Shishkino Village)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

14. Poluboiarinova, M. D. 1980. In Pletneva, S. A. (ed.). *Srednevekovye drevnosti evraziiskikh stepei (Medieval Antiquities from the Eurasian Steppes)*. Moscow, 165–212 (in Russian).

15. Poliakova, G. F. 1996. In Fyodorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (Town of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Language, Literature and History Institute, Academy of Sciences of Tatarstan, 223–239 (in Russian).

16. Smirnov, K. A. 1958. In *Materialy i issledovaniia po arkhеologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR)* 61, 451–458 (in Russian).

17. Trever, K. V., Lukonin, V. G. 1987. *Sasanidskoe srebro. Khudozhestvennaia kul'tura Irana III–VII vv. (Sassanid Silver: Artistic Culture of Iran in 3rd–7th Centuries)*. Moscow: "Iskusstvo" Publ. (in Russian).

18. Khlebnikova, T. A. 1963. *Osnovnye proizvodstva volzhskikh bolgar perioda X – nachala XIII vv. (Main Industries of Volga Bulgarians in 10th – Early 13th Centuries)*. PhD Diss. Archive of the Institute for Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund R-2, no. 1918 (in Russian).

19. Khalikov, A. Kh. 1991. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Biliar – stolitsa domongol'skoi Bulgarii (Bilyar; a Capital of Pre-Mongolian Bulgaria)*. Kazan: Language, Literature and History Institute, Kazan Scientific Center, Academy of Sciences of the USSR, 47–60 (in Russian).

20. Novgorodova, E. 1980. *Alte Kunst der Mongolei*. Leipzig: E.A. Seemann.

21. Tallgren, A. M. 1918. *Collection Zaussailov au Musée National de Finlande a Helsingfors. II. Monographie de la section de l'âge du fer et l'époque dite de Bolgary*. Helsingfors.

About the Author:

Kokorina Nina A. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; kuzminykhsv@yandex.ru

ЧАРА ВЛАДИМИРА ДАВЫДОВИЧА КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ

© 2012 г. А.А. Медынцева

Темой статьи является уникальная находка – серебряная чара черниговского князя Владимира Давыдовича (1139–1151), найденная на Царёвском городище (Сарай ал-Джадид) при раскопках 1843 года. Чара отличается большими размерами (8 литров) и особенно замечательна благодаря задравной надписи, отчеканенной по ее верхнему краю. Этой находке посвящена обширная литература. В данной статье чара рассматривается как свидетельство культурных связей между Русью и Степью. Диалектные особенности надписи указывают на южнорусское происхождение мастера. По мнению автора, чара была изготовлена в 1139 году, когда Владимир Давыдович занял черниговский престол. После гибели князя его вдова стала женой половецкого хана, и через половцев чара могла попасть в ордынскую столицу. Из раскопок на Царёвском городище известны изделия, изготовленные на месте, прототипом которых явно послужила рассматриваемая чара.

Ключевые слова: археология, Древняя Русь, Черниговское княжество, половцы, Золотая Орда, Царёвское городище (Сарай ал-Джадид), чара Владимира Давыдовича, палеография, диалекты древнерусского языка, культурные связи.

Среди трудов М.Д. Полубояриновой книга «Русские люди в Золотой Орде» занимает особое место. В ней успешно соединены и обобщены многочисленные письменные свидетельства и предметы материальной культуры, касающиеся пребывания русских людей на территории Золотой Орды, создав убедительную картину их жизни (Полубояринова, 1978). После Батыева нашествия в течение долгих столетий продолжались контакты Руси и завоевателей. Помимо письменных источников, свидетельством тому является целая серия предметов прикладного искусства, среди которых и вещи, попавшие в Орду в результате погрома, и целая серия произведений, объединяющих черты древнерусского и восточного ремесла, сделанных уже в городах Орды. Как правило, это рядовые предметы, но среди них, встречаются и уникальные, такие, как чара Владимира Давы-

довича и ковш Дмитрия Круждовича (находка, сделанная уже после издания монографии М.Д. Полубояриновой). Обе находки уникальны как по материалу, так и по наличию на них древнерусских именных задравных надписей. На эти подписные артефакты хотелось бы еще раз обратить внимание, так как до сих пор нет единого мнения ни о датировке, ни об их отношении друг к другу.

Серебряная чара черниговского князя Владимира Давыдовича принадлежит к числу замечательных произведений древнерусского художественного ремесла. Она была найдена при раскопках Царевского городища (интерпретируемого как одна из столиц Золотой Орды – Сарай-Берке) в 1843 г. Первоначально она находилась в Эрмитаже, откуда поступила в 1853 г. в Оружейную палату Московского Кремля. В настоящее время чара находится в ее экспозиции (№ 2106). Это

большая серебряная с позолотой плоская чаша, выкованная из цельного листа серебра. Ее диаметр 32–34 см, высота – 11 см, объем около 8 литров. По верхнему краю вычеканена двойным контуром заздравная надпись, фон обработан канфарением. В научный оборот она была введена в 1851 г. А.Ф. Бычковым (1851, с. 157–159). Он дал подробное описание чары, а также чтение и палеографический анализ надписи. Надпись, по мнению А.Ф. Бычкова, почти полностью находит палеографические аналогии в письменных памятниках XI в. и, преимущественно, XII в. В летописях известен только один князь Владимир Давыдович, бывший черниговским князем с 1139 и убитый в 1151 гг., поэтому первоиздатель связал чашу с его именем. С тех пор чара Владимира Давыдовича прочно вошла в фонд самых известных подписанных произведений русского прикладного искусства и имеет весьма солидную библиографию (Орлов, 1952, № 20, с. 30–31, 220–221; Рыбаков, 1964, № 24, с. 28; Бочаров, 1984, с. 101–103; Медынцова, 1991, с. 26–39; 2000, с. 104–114; Турилов, 2009, с. 393–399).

Как уже говорилось, чаша выкована из целого листа серебра, на вертикальном, слегка отогнутом ободе двойным контуром вычеканена заздравная надпись:

Надпись разделена на четыре части орнаментальными «процветшими» крестами. Многие исследователи, на-

чиная с А.Ф. Бычкова, отмечали русские особенности надписи, ее «чеканный» стиль, напоминающий «Слово о полку Игореве» (Ржига, 1929, с. 53).

Но до сих пор в этой хрестоматийной надписи, в ее переводе и датировке много неясностей. На неясности в переводе, вернее, на его отсутствие в переводе, впервые обратил внимание А. Исаченко (1977, с. 229–233), который отметил, что в четырех случаях имеются отклонения от ожидаемой орфографии. «Кня» вместо «князя», «давыдовча» вместо «давыдовича», «пъ» вместо «пъеть». Пропущен союз «и», в остальных случаях пропуск букв не соответствует общим правилам сокращений. Далее автор комментирует выражение «а хваля бога». Так как случаи побудительного союза /а/ с причастием неизвестны, он предполагает, что «хваля» – усеченная форма от «хваляте» (аналогично «пъ» от «пъеть»), таким образом, перевод конца надписи: «да хваля/ть/ бога /и/ своего /г/осподаря великого кня/зя/». С предложенным переводом можно согласиться. Но указанными отклонениями отнюдь не исчерпываются особенности надписи. К ним можно добавить первые элементы вязи: наличие лигатур, выносных букв, причем разноформатных; использование редких начертаний: к ним относятся начертание в виде цифры четыре, – в виде палочки с расщепом – формы, которая в других письменных памятниках встречается для XII в. как исключение. Так же не характерна для XII в. квадратная петля в \, хотя она известна в некоторых граффити конца XI в. из Софии Киевской (Высоцкий, 1966, № 10, с. 45–47). Кроме того, впервые в письменном памятнике использован титул «великого князя».

М.Д. Приселков считал, что в качестве титула в летописи он начинает использоваться с конца XII в. (с 1186 г.) (Приселков, 1940, с. 81). Но, возможно, он появился и раньше, так как «великий князь» киевский упоминается еще в русско-византийских договорах 911 г. (ПСРЛ, 1962. Стлб. 33, 46). В.Л. Янин сомневается в том, что титулатура в это время отражала возникновение новых форм великокняжеской власти и считает, что в XI–XII вв. различия в терминах «князь» и «великий князь» имели гораздо меньшее значение, чем в позднейшей феодальной титулатуре (Янин, 1970, с. 21–22). Не вызывает удивления отсутствие слабых редуцированных (князь, кто), так как они окончательно исчезают на протяжении первой половины XII в., но обращает внимание отсутствие слабого редуцированного *ъ*, проявившееся в написаниях «здоровье, пь[е]», вместо «здоровие, пи[е]». Обычно они сохраняются в рукописях до конца XII в. (Борковский, Кузнецов, 1963, с. 101–102), хотя его утрата наблюдается уже в некоторых памятниках XI в. (Колесов, 1980, с. 124).

Таким образом, можно отметить, что надпись демонстрирует целый ряд особенностей в графике, фонетике и лексике, которые становятся типичными не в XII в., а позднее. Если вспомним, что чара происходит из Сарая-Берке (столицы Орды), то естественно будет предположить, что она датируется несколько более поздним временем и принадлежит другому князю. На этих особенностях, неоднократно указанных исследователями, строит свою гипотезу о принадлежности чаши неизвестному великому князю Владимиру Давыдовичу второй половины XIII – первой половины

XIV вв. А.А. Турилов. Кроме того, им подчеркиваются такие особенности, как применение вязи, хотя он справедливо отмечает, что она довольно специфическая, без лигатур. Но уже отмечалось, что этот прием оправдан неумением или нежеланием мастера рассчитать места для слов, а вязь появляется за счет малоформатных букв к концу фраз, размеченных заранее изображениями крестов. Вязь эта весьма своеобразна, и аналогии ей имеются в ранних памятниках, таких как Стерженский крест 1133 г. (имеющий, к счастью, дату в тексте), а соподчиненные буквы нередки в надписях при изображении святых на произведениях прикладного искусства домонгольского времени. Важное место в статье А.А. Турилова занимает критика палеографических аргументов А.Ф. Бычкова, высказанных в середине XIX в. с позиций современного уровня палеографии и лингвистики, что вполне закономерно. Кроме того, он приводит аналогии необычным начертаниям таких букв как *ъ*-образное *ъ*, с перекладиной, ОМЕГИ с разведенными петлями. По аргументированному мнению А.А. Турилова, эти начертания, как и другие – с вертикальной спинкой, *ъ* с хвостом в виде плоской дуги, *ъ* с квадратной петлей, отмечаемые исследователями и ранее, более характерны для памятников XIII–XIV вв., хотя отдельные примеры подобных начертаний встречаются и в более раннее время. Он замечает, что «подобная концентрация разнородных новаций была бы оправдана, если бы речь шла о переломном периоде в истории русской письменности...» (Турилов, 2009, с. 393). Но и сама надпись на чаше необычна – она до сих пор является одной из самых

обширных (90 букв) орнаментальных надписей светского содержания, свободных от канонических стереотипов, связанных с устным поэтическим творчеством.

Вероятно, особенности надписи объясняются ее назначением. Прежде чем остановиться на этом обстоятельстве подробнее, нужно отметить еще одну особенность: наличие первоначальной черновой разметки надписи. Уже неоднократно было замечено, что при внимательном рассмотрении чеканной надписи можно увидеть еще одну – процарапанную. Она видна на открытых частях букв основной надписи, не тронутых чеканом, что позволяет сделать вывод о том, что она была процарапана до чеканки основной надписи. На фоне, покрытом канфарением, процарапанная надпись почти не сохранилась, за исключением некоторых наиболее глубоких черт, видных и после канфарения. Однако, несмотря на фрагментарность и отсутствие некоторых слов, можно почти полностью восстановить первоначальный вид надписи:

Н ».

Таким образом, процарапанная надпись по содержанию представляет первоначальный вариант, своего рода черновик основной надписи. Однако расположение надписей на чаре и их тексты не везде совпадают между собой.

Чеканная надпись в своих первых словах («а се чара») совпадает с процарапанной, но к концу фразы далеко выходит за пределы последней. Аналогичная картина наблюдается и

в следующей фразе «кто из нее пь». Первые буквы обеих надписей совпадают, затем происходит некоторое смещение их.

Видимо, мастер перед чеканкой первой фразы процарапал ее на чаре. Однако чеканная фраза заняла гораздо больше места. То же самое случилось и со следующими фразами. В результате этого вся надпись заняла несколько больше места, чем предполагал мастер. Возможно, именно поэтому в конце надписи появились лигатуры, отсутствующие в ее начале.

Судя по расположению, процарапанная надпись не была строгой разметкой чеканной надписи, а представляла собой лишь ее приблизительный вариант. Так, между основной и процарапанной надписью есть некоторые отличия: вместо чеканного по всей вероятности было процарапано , вместо **н н** – , отчество в процарапанной надписи дано подтитлом: **н[]**.

Кроме того, в процарапанной надписи отчества после написано , пропущенное при чеканке. Однако, несмотря на различия чеканной и процарапанной надписей, они, вероятно, были сделаны одной и той же рукой, о чем говорят ошибки в написании буквы – в обеих надписях она написана наоборот. Все это говорит о том, что эти надписи были сделаны в одно и то же время. Но текст их совпадал лишь приблизительно. Так, в черновом варианте отсутствовала усеченная форма (пить), но сохранилась . Кроме того, если судить по сохранившимся элементам букв, не совпадали последние слова надписей: в чеканной надписи **и []** , в черновом по остаткам букв читаем слово **н** , но вместо ожидаемо-

го **н** или читаются следующие буквы «...». Следовательно, окончание фразы было иным. По сохранившимся частям букв можно попытаться его прочесть. После отчетливо читаемого и остатков верхней черты от (окончание предшествующего слова ...), следует канфаренный промежуток и отчетливо читаемое..., легко предположить, что это остатки частицы... Затем следует промежуток канфаренного фона и остатки верхней части буквы..., остатки вертикальной мачты какой-то буквы и снова полностью сохранившееся... Возможно, это последнее слово следует читать:..., или вернее, ..., так как в древнерусских источниках это слово встречается в такой форме (Срезневский, 1903, стлб. 1238).

Таким образом, смысл надписи меняется: «кто из нее пье/ть/, тому на здоровье..., а хваля бога /и/ своего господаря великого не упе/тся/. Этот текст полностью отвечает морально-этическим представлениям того времени, отраженным в таких произведениях, как, например, «Изборник 1076 г.», служивший практическим руководством по различным жизненным вопросам для высших слоев древнерусской феодальной знати. В этом «Изборнике», написанном для деда Владимира Давыдовича – Святослава, содержится ряд высказываний о воздержании и вреде пьянства, например, высказывания, приписываемые святому Нилу: «Пий вино помалу, елико бо скудно пиется, толико благо твори пиющим» (Изборник, 1965, л. 236).

Предложенная реконструкция говорит о том, что в процессе исполнения изменен не только текст, но и пер-

воначальный замысел надписи. Это обстоятельство заставляет по-новому взглянуть на лакуны и в середине черновой записи, а именно, на вторую фразу. В окончательном, чеканном, варианте она звучит так: «...и []...». Черновая надпись совпадает с ней в первых двух словах, следующее слово **н** читается в обеих, но при этом чеканная занимает несколько больше места, поэтому первая буква следующего слова отчетливо читается на широком поле буквы чеканной. Затем следует лакуна из нескольких чеканных букв с остатками черновой разметки и снова совпадают две последние буквы в слове... Все, что первоначально находилось между этими словами, неясно, но бросается в глаза несоразмерно большое пространство, отведенное для написания отсутствующих пяти букв, даже если считать, что слово написано полностью. Возможно, что мастер дважды повторил это слово, или написал его очень широко в расчете на чеканную надпись, Но в других местах черновой разметки такой прием отсутствует. Поэтому не исключено, что первоначально здесь должно было быть добавочное слово. Судя по остаткам буквы это могло быть слово «...» – мало, немного (Срезневский, 1900. Стлб. 106). Таким образом, первоначальный текст-замысел надписи такой: «се чара Володолова Давыдовча. Кто из нее пье[ть] помале, тому на здоровье, а хваля бога [и] своего [г]осподаря великого не упе[тся]». При этом нужно иметь в виду, что восстановление последнего слова подтверждено сохранившимися остатками букв, а слово «помале» восстанавливается лишь по наличию лакуны, остатку одной буквы и по смыслу. Но и отсутствие этого

Рис. 1. Чара Владимира Давыдовича (фото).

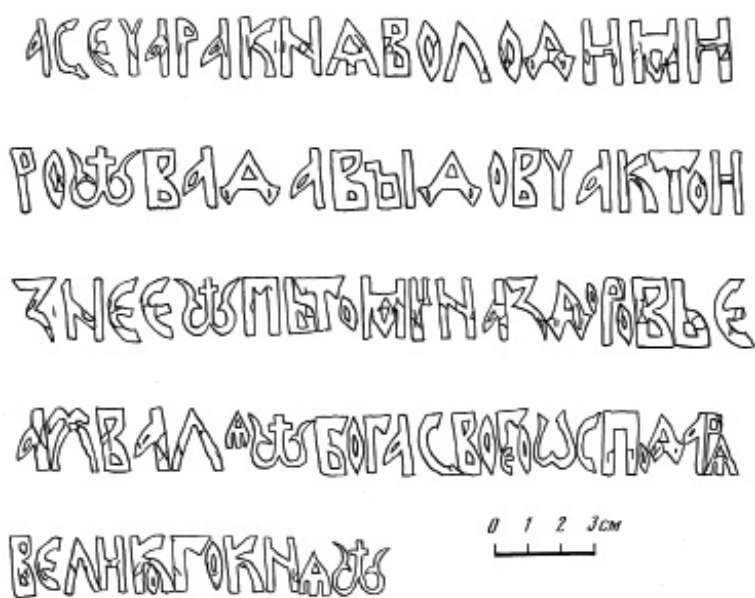

Рис. 2. Прорись надписей на чаре Владимира Давыдовича.

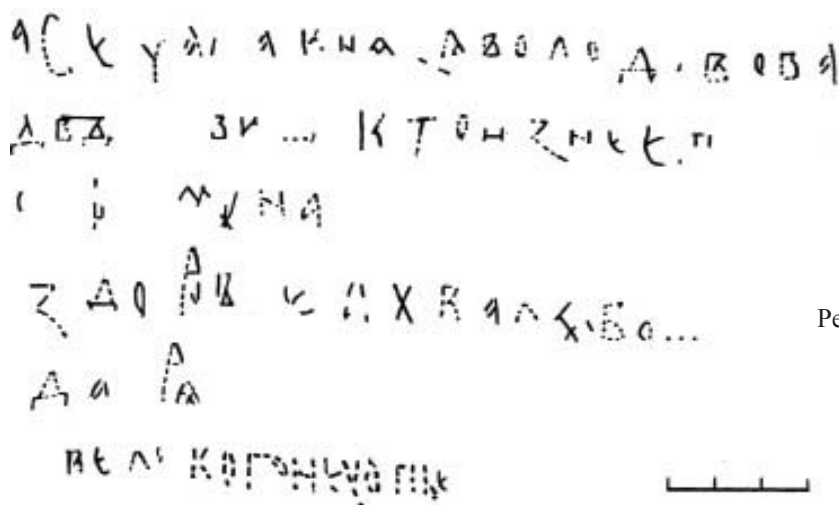

Рис. 3. Реконструкция черновой разметки надписи.

слова не слишком меняет смысл заздравной надписи: пить на здоровье, во хвалу князю, но не «упиваться».

Большая емкость чары, около 8 литров, на первый взгляд, противоречит такому пониманию надписи. Но если учесть, что серебряная чара была парадной, предназначенной для званных пиров посудой, из которой князь пил с многочисленными гостями «вкруговую», то размеры чары перестанут удивлять. Призыв заздравной надписи пить «помале» находилось в полном соответствии с другими нравоучительными изречениями «Изборника»: «пите мерное сыть наполняет и веселит, безмерное же бешенство есть» (Изборник 1076, л. 237).

Не только княжеские Изборники, но и эпическая поэзия осуждает чрезмерное питье. Существовал особый строгий обряд, согласно которому до каждого гостя должна была дойти круговая чара, ходившая по кругу «рядом», по определенному порядку. В известных былинах об Алеше Поповиче и Тугарине Змеевиче подчеркивается невоспитанность Тугарина, который выпивает «чару» в полпята ведра ... одитным духом досуха», в то время как Алеша Попович соблюдая пиришественный этикет «потихоньку пьет» (Липец, 1969, с. 202).

Сравнение двух надписей – черновой и чеканной, позволяет заглянуть и в творческий процесс мастера, объясняет многие особенности окончательного варианта.

Очевидно, сначала мастер разметил обод, предназначенный для надписи четырьмя декоративными крестами на четыре равные части. Об этом говорит совпадение (в двух случаях) черновой наметки и чеканных изображений крестов. Но разделение обода на четыре части не соответство-

вало трем фразам надписи, поэтому уже первая фраза находит на предварительную наметку креста. Далее снова совпадает начало второй фразы, вероятно, написанной мастером после того, как он кончил чеканить первую фразу, затем более или менее совпадая, обе надписи идут синхронно, за исключением окончания. Создается впечатление, что процарапанная запись будущего «торжественного» текста – не предварительная разметка, а лишь приблизительная запись. При исполнении орнаментальной надписи мастер менял и написание слов, и их расположение, и форму букв и даже смысловую нагрузку надписи. Это обстоятельство полностью опровергает слепое копирование, неизбежное при неграмотности самого мастера, хотя некоторые исследователи не исключают и такое объяснение появления надписей на произведениях ремесла (Кузаков, 1978, с. 21–22).

Обычно употребление лигатур в заздравной объясняет неверным расчетом и торопливостью исполнения. Действительно, к концу заздравной надписи буквы становятся теснее, а лигатуры и разноформатные буквы – чаще. Но уже в черновой надписи мастер использует разноформатные буквы. Отсутствие точной разметки в данном случае свидетельствует о владении мастера письмом, его вольное обращение с самим заздравным текстом.

Графические различия надписей представляют большой интерес так как показывают разницу между двумя стилями письма. Буквы чеканной надписи близки к современным им книжным заставкам, к начертаниям букв орнаментальных надписей на камнях и произведениях прикладного искусства. Процарапанная надпись сделана быстрым, неровным почерком, мастер

упростили начертания букв, написаны они более небрежно, больше вариантов одной и той же буквы.

А.А. Турилов производит сравнение черновой надписи с начертаниями букв на бересте, по таблицам, изданным А.А. Зализняком (2000, с. 152–217) и приходит к выводу, который до него делали и его предшественники: черновую надпись отличает та же особенность, что и чеканную, а именно – обилие форм, ставших типичными позднее, в XIII–XIV вв., а в памятниках XII в. встречающихся как исключение. Какую-то часть из них (например, « » с косой перекалиной наряду с « » с горизонтальной перекалиной) можно объяснить небрежностью письма черновой надписи и трудностью прочерчивания линий по твердому материалу, но, вероятно, большинство имеет другое объяснение. Первое, что приходит в голову, это что чаша относится к более позднему времени и принадлежит другому князю, и с аргументами А.А. Турилова можно было бы согласиться, так как такого количества инноваций не знает, пожалуй, ни один памятник эпиграфики XII в., хотя в качестве исключения отдельные «сомнительные» начертания можно встретить и в XI–XII вв. Но сочетание имени и сравнительно редкого отчества, титул «великого князя» не дают оснований видеть во владельце чары какое-либо иное лицо. В.Н. Татищев упоминает еще одного черниговского князя Владимира Давыдовича, умершего в 1201 г. (Татищев, 1964, с. 287). Казалось бы, время жизни этого князя больше соответствует хронологическим особенностям надписи на чаре. Но историки давно уже выяснили, что упомянутый Татищевым князь – лицо нереальное (Зотов, 1892, с. 284). А.А. Турилов признает, что наиболее слабым звеном

предложенной им передатировки является отсутствие в источниках XIII–XIV вв. упоминания князя с подобным сочетанием имени и отчества. Между тем, это чрезвычайно редкое сочетание (отсутствующее во всех синодиках и справочниках этого времени – ссылаюсь на любезную консультацию О.В. Кучкина), особенно странное для великого князя, сама форма чаши, находящая аналогии в керамической посуде XII – начала XIII в., и, наконец, расточительное расходование серебра (чаша объемом 8 л выкована из целого листа серебра), трудно объяснимое для послемонгольского времени, когда Русь испытывала дефицит этого металла в связи с выплатой дани; все эти обстоятельства отнюдь не объясняются новой датировкой. Инновации могли быть полностью объяснены упоминанием в источниках XIII–XIV вв. великого князя Владимира Давыдовича. Но пока такой князь не известен, единственным предполагаемым владельцем чаши остается черниговский князь Владимир Давыдович, а особенности палеографии и фонетики надписи проще объяснить ее светским назначением, чем новой датировкой. Кроме того, наряду с относительно поздними формами, в графике отражены и достаточно архаичные черты: « » с маленькой остроугольной головкой, – с треугольной петлей, **Н** – с горизонтальной перекалиной, расположенной посередине буквы, **В** – с почти равновеликими петлями. Вероятно, на первом месте должно быть бытовое предназначение и орнаментальный стиль надписи. В орнаментальном письме, как в рукописном, так и лапидарном, многие формы возникают гораздо раньше, чем в обычном (Медынцева, 1979. С. 40), точно так же, как «вязь металлической посуды» опережает вязь рукописную

(Щепкин, 1967, с. 41). Надпись на чаре – один из самых ранних образцов последовательного применения элементов вязи, но не единственный. Другой – уже упоминавшаяся надпись на кресте Иванки Павловича (1133 г.), где тоже имеются лигатуры и пропущенные буквы, хотя и в меньшем количестве. По общему облику надпись обнаруживает сходство с евхаристической надписью на мозаике Михайловского монастыря в Киеве (1108 г.): там встречаются близкие формы букв и (Лазарев, 1966. Табл. 4). Таким образом, в какой-то мере это наблюдение может относиться и к черновой разметке (например, форма – с длинным хвостом и др.), но очевидно, декоративность также не может объяснить всех особенностей надписей.

Обе надписи полностью свободны от церковнославянизмов, более того, в них проявляются и диалектные явления в языке. Русское полногласие проявилось в написаниях «Волододова» (черновая), Володимерова (чеканная), здоровье (в обеих); вместо старославянского « и » и правильного русского свидетельствует еще и о каких-то изменениях в произношении . В данном случае он заменен на . Примеры смешения и наблюдаются уже в древнейших памятниках письменности, в том числе и в окончаниях (вместо и), причем в разных диалектных зонах (Филин, 1972, с. 165–166, 169–170). Трудно в данном случае говорить о каком-то конкретном диалекте, тем более о черниговском, как это представляется А.А. Турилову, так как хорошо известно, что в средневековье мастера часто мигрировали и мастер не обязательно был уроженцем черниговской языковой зоны. Более определенные указания, возможно, дает наличие

усеченной формы глаголов (3 л. наст. вр.), повторенное дважды (пъ, хваля) в чеканной надписи. Исследователи отмечают, что формы без «т» представлены в большей степени на русском северо-западе и на юге (Филин, 1972, с. 439). Можно отметить и наличие в надписи сочинительной конструкции с союзом «а», выражающим причинно-следственное отношение, где сказуемое первого предложения выражается глаголом изъявительного наклонения, а сказуемое второе – глаголом повелительного наклонения (в данном случае – изъявительного наклонения в побудительном значении). Такой тип сочинительной конструкции не был общераспространенным явлением и представлял собой диалектное явление, ограниченное территорией юго-западной Руси (Филин, 1972, с. 503–504). Вероятно, именно таким образом следует понимать конструкцию: «се чара Владимира Давыдовича ... а хваля [те] бога [и] своего осподаря...» в чеканном окончательном варианте (Эта чара Владимира Давыдовича... да хвалите бога и своего осподаря!). Но в первоначальном варианте, насколько можно судить по сохранившимся словам, была использована другая конструкция: «Это чара Владимира Давыдовича, кто из нее пьет тому на здоровье, а хваля бога [и] своего государя... не упьется», т.е. «хваля» в данном случае не усеченная форма глагола, а причастие.

На возможность такого варианта заздравной надписи указывают тексты, сохранившиеся на более поздних (XVI–XVII вв.) братинах. Наряду с такими надписями, как «пити из нея на здравие всякому», на одной из них находится надпись, текстологически близкая надписи на чаре Владимира Давыдовича: «пити из нея за здравие всякому доброхотному человеку, бла-

годаря бога и моля за государя» (Никольский, 1925, с. 74–75).

Таким образом, мастер, сокращая надпись, воспользовался совпадением причастия и диалектной формы и изменил редакцию первоначального текста.

Если понимание этой конструкции верно, то мы получаем указание на происхождение диалектизмов надписи. А они не исчерпываются вышеуказанными. К ним относится и форма «осподаря» отражающая диалектный пропуск «г» (Ү или h). По поводу объяснения подобных написаний среди лингвистов нет единого мнения. Одни исследователи считают его наследием древнекиевского произношения (Шахматов, 1941, с. 91–92), другие, учитывая наличие подобных написаний в берестяных грамотах, связывают их происхождение с общерусскими процессами (Селищев, 1941, с. 183; Аванесов, 1955, с. 98–99; Борковский, 1958, с. 106–107). Ф.П. Филин считает, что восточнославянская языковая область по произношению «g» очень рано разделилась на две диалектные зоны: южную и северную, при этом взрывной звук сохранился в произношении словен и кривичей, а в остальных племенных диалектах он изменился в фрикативный (Филин, 1972, с. 244–255).

В данном случае, учитывая происхождение чары (владелец – черниговский князь) и наличие южного, возможно, юго-западного диалектизма (см. выше), это написание может отражать южное произношение.

К диалектизму, возможно, следует отнести имя «Волод» в черновой записи, измененное на правильное «Володимир» в чеканной. Хотя такая форма имени на русской почве могла появиться в любой области, в летописи имена «Володша», «Володарь», из-

вестны, в основном, среди галицких и полоцко-минских князей.

Таким образом, обе надписи (и чеканная, и черновая разметка) на сравнительно небольшом материале демонстрируют диалектизмы мастера, как мы можем предполагать, южнорусского или юго-западно-русского происхождения. Заздравная надпись на чаре, величающая князя и его гостей, конечно, находилась в тесной связи с устной поэзией и поэтому совершенно свободна от традиционной книжной лексики и правописания. Именно поэтому в ней ярко отразились и диалектное произношение, и новые явления в истории языка, так своеобразна графика, сочетающая элементы нового и старого. Княжеский ремесленник, свободно владеющий не только своим ремеслом, но и письмом, в процессе работы менял и смысловой акцент, и слова, и графику надписи. Тексты обеих надписей позволяют не только сравнивать графику «делового» и «торжественного» стиля, но свидетельствуют, что многие явления в истории языка гораздо раньше отражаются в памятниках так называемой «бытовой», а не канонической, традиционной письменности. Это явление отмечено для новгородских берестяных грамот, материал которых позволил выявить целый ряд особенностей древненовгородского диалекта, почти не нашедших отражения в книжной письменности (Зализняк, 1984, с. 36–153).

Нет единого мнения о художественных достоинствах чары. Некоторые исследователи считают ее скромно оформленной, торопливой работой, связанной с внезапностью вокняжения Владимира Давыдовича в Чернигове в 1139 г. (Рыбаков, 1964, с. 28). Но все же чара впечатляет как размерами, так и красиво оформлен-

ной надписью, украшенной изящными крестами. Г.Н. Бочаров отмечает пластичность обработки, контрастирующей с декоративным венчиком, справедливо оценивая чашу как редкий образец светского искусства, подражающий привычным формам деревянной и, добавим, керамической посуды (Бочаров, 1984, с. 103).

Заказчик чары, Владимир Давыдович, был внуком Святослава черниговского и вместе с братом Изяславом активно участвовал в междоусобных войнах Всеволода II Олеговича с Юрием Долгоруким. В 1139 г., когда Всеволод становится киевским князем, он неожиданно, в обход ближайших родственников, сажает Владимира Давыдовича на черниговский стол. Именно с этим моментом – мартом 1139 г. связывают обычно изготовление задравной чары, где Владимир Давыдович называет себя «великим» князем (Рыбаков, 1964, с. 28). Усобицы, поощряемые политикой Всеволода II, не прекращаются и даже обостряются после его смерти, когда киевским князем становится Изяслав Мстиславич. Черниговские Давыдовичи выступают то на стороне великого князя, то Юрия Долгорукого, пока, наконец, не сталкиваются в качестве противников в битве на Руте 5 мая 1151 г. Здесь Владимир Давыдович сражается вместе с половцами на стороне Юрия Долгорукого, а его брат Изяслав Давыдович – на стороне киевского Изяслава. Битва кончилась поражением Юрия, а Владимир Давыдович был убит. На поле брани его тело находит брат Изяслав, отвозит в Чернигов, чтобы похоронить в Спасском соборе, а сам становится черниговским князем (Рыбаков, 1971, с. 106–110).

Так заканчивается недолгая, полная интриг, походов и сражений жизнь «великого князя» Владимира Давыдо-

вича. Но его величальной чаре, изготовленной по случаю вокняжения, была суждена долгая и самостоятельная история. Как уже упоминалось, она была найдена в 1843 г. при раскопках на Царевском городище (Полубояринова, 1978, с. 55). Поэтому предполагали, что она попала в столицу Золотой Орды после взятия татарами Чернигова в 1239 г. Такой путь, конечно, вероятен. Но, возможно, она попала в Сарай при других обстоятельствах. В.Ф. Ржига предположил, что чара попала в Золотую Орду не военным путем, так как в летописях сохранилось «любопытное известие», что вдова Владимира Давыдовича бежала в половецкую землю и вышла замуж за хана Башкорда (Ржига, 1929, с. 53). Если учесть дальнейшую судьбу Давыдовичей и Черниговского стола после смерти Владимира, это предположение будет выглядеть еще вероятнее.

Первоначально жизнь нового черниговского князя (Изяслава) складывалась удачно, ему даже на короткое время удалось стать великим киевским князем после неожиданной смерти Юрия Долгорукого, а его племянник, сын Владимира Давыдовича Святослав становится князем черниговским. Но Изяслав Давыдович задумал поход на Галич и в результате «превратился из великого князя киевского в бездомного изгоя, довольствовавшегося городком Вырем, сложил свою голову под саблей в лесу близ Белгорода», а его племянник еще раньше уступил Чернигов Святославу Ольговичу. После смерти своего дяди и сюзерена Святослав Владимирович отсиживается в глухих брянских лесах в качестве Вщижского князя (Рыбаков, 1971, с. 114–116). На этом князе кончается династия Давыдовичей, после его смерти в 1166 г. его стол, как выморочный, достается сыну чернигов-

ского Святослава Ольговича (Зайцев, 1975, с. 85, 98).

При таких обстоятельствах трудно представить, что величальная чара, называвшая великим князем Владимира Давыдовича, находилась в сокровищнице черниговских князей, а не была перелита по обычаям того времени. Поэтому более вероятен другой путь, через половцев. Известие о побеге вдовы Владимира Давыдовича «в половцы» помещено в летописи под 1159 г., когда ее второй муж Башкорд с 20 тысячами половцев приходит к Белгороду на помощь Изяславу Давыдовичу. Летописец поясняет, что Башкорд «вотчим Святослави Владимирича, бе бо мати его бежала в Половцы и шла за нь...» (ПСРЛ, 1949, с. 65).

Вероятно, побег матери Святослава состоялся после смерти мужа (1151 г.), когда ее малолетний сын получает в удел третьестепенный Вщиж, а черниговский стол переходит из рук в руки. Надо думать, этот «побег» был чисто символическим, так как впоследствии сохраняются связи с бывшими родственниками. Среди приданного новой половецкой княгини могла оказаться серебряная чара ее первого мужа, и уже впоследствии, через половецкие степи, чара могла попасть к татаро-монголам. При отсутствии прямых наследников в русской среде сохранение величальной чары более вероятно именно таким путем.

Как бы то ни было, чара русского князя оказывается в столице Золотой Орды и находится там почти 150 лет, пока Новый Сарай не был разрушен в конце XIV в. Тимуром. Русские вещи в Золотой Орде – явление широко распространенное, но, как правило, это рядовые ремесленные изделия, массовая продукция, причем нужно отметить, что многие русские вещи имеют дату более раннюю, чем слой, в котором они были найдены (Полубояри-

нова, 1978, с. 55, 129). Чара Владимира Давыдовича представляет собой исключение по ценности и мастерству оформления, но с золотоордынской территории происходит еще одна драгоценная находка, снова напоминающая о чаре черниговского князя. При раскопках кургана под Краснодаром Н.В. Анфимовым найден русский серебряный ковш, круглый в плане, с чеканным изображением орла на пелюсти. На дне – круглая мишень с арабским эпиграфическим орнаментом. Этот ковш, своеобразно сочетающий русскую форму и восточный орнамент, как предполагала Т.В. Николаева, может иметь золотоордынское происхождение (Николаева, 1976, с. 208, 210–211, рис.74, 75).

Это вполне правомерное предположение, так как известны произведения мелкой пластики русских мастеров, работавших в Золотой Орде, находившихся отчасти под влиянием восточного искусства (Рындина, 1972, с. 227; Полубояринова, 1978, с. 124–125). О чаре Владимира Давыдовича напоминает русская надпись по краю ковша: **Н**

Т.В. Николаева датировала надпись первой половиной XIV в.

Обращает внимание совпадение надписи с формулой заздравной надписи на чаре Владимира Давыдовича, вернее, с ее первой половиной. Но, возможно, обе надписи воспроизводят широко известную формулу? Вспомним хотя бы надписи на более поздних русских братинах. Убеждает в том, что черниговская братина была отдаленным прототипом ковша, помимо самого текста, его оформление, техника исполнения надписи. Как и на чаре Владимира Давыдовича, буквы выполнены резцом двойным

контуром, а фон покрыт канфарением, при этом выбитые точки, как и на чаре, образуют вертикальные неровные линии, в то время как на русских произведениях искусства этого времени фон покрывается косой насечкой. Так же, как и на чаре, надпись разделена изображением креста, но более грубым и лишенным орнаментальных украшений.

Использование одной и той же заздравной формулы, оформление надписи, вероятное использование ковша в золотоордынской среде, делают возможным сопоставление этих двух вещей. Но бросается в глаза более грубое исполнение ковша и надписи с неумелым использованием лигатур, грубым канфарением, примитивным изображением креста. Совершенно иная палеография надписи, ярко отражающей особенности письма XIII

– первой половины XIV вв., подробно рассмотрена Т.В. Николаевой. Вероятно, чара Владимира Давыдовича была известна среди русского населения Нового Сарая и надпись ее послужила в качестве прототипа как по тексту, так и по технике исполнения какому-то мастеру, изготовившему ковш для неизвестного Дмитрия Круждовича, христианина, а может быть, и русского по происхождению, хотя такое отчество по русским источникам не известно.

Кончая очерк о черниговской чаре, нужно еще раз подчеркнуть ее значительную ценность не только как «любопытного факта» русской истории, но и как произведения русского прикладного искусства, письма, отражающего длительные контакты между Русью и степной зоной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борковский В.И. Лингвистические данные новгородских грамот на бересте // Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1953–1954 гг.). – М., 1958.
2. Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. – М., 1963.
3. Бочаров Г.Н. Художественный металл Древней Руси. – М., 1984.
4. Бычков А.Ф. О серебряной чаре XII в., принадлежавшей черниговскому князю Владимиру Давыдовичу // Записки археологического общества, служащие дополнением Записок Санкт-Петербургского Нумизматического общества. Т. III. – СПб., 1851.
5. Зайцев А.К. Черниговское княжество // Древнерусские княжества X–XIII вв. – М., 1975.
6. Зализняк А.К. Наблюдения над берестяными грамотами // История русского языка в древнейший период. – М., 1984.
7. Зотов Р.В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. – СПб., 1892.
8. Изборник 1076 г. – М., 1965.
9. Исаченко А. Как читать надпись на чаре Владимира Давыдовича (до 1151 г.)? // Russian linguistics. International Journal for the Study of the Russian Language. – 1977. – Vol. 3. – № 3/4.
10. Кузаков В.К. Очерки развития естественнонаучных и технических представлений на Руси в X–XVII вв. – М., 1976.
11. Лазарев В.Н. Михайловские мозаики. – М., 1966.
12. Литец Р.С. Эпос и Древняя Русь. – М., 1969.
13. Медынцева А.А. Тмутараканский камень. – М., 1979.

14. *Медынцева А.А.* Подписные шедевры древнерусского ремесла. – М., 1991.
15. *Медынцева А.А.* Грамотность в Древней Руси. – М., 2000.
16. *Николаева Т.В.* Прикладное искусство Московской Руси. – М., 1976.
17. *Никольский В.* К вопросу о формах и происхождении древнерусской братины // Сборник Оружейной палаты. – М., 1925.
18. *Орлов А.С.* Библиография русских надписей XI–XV вв. – М.; Л., 1936.
19. *Орлов А.С.* Библиография русских надписей XI–XV вв. – М., 1952.
20. *Полубояринова М.Д.* Русские люди в Золотой Орде. – М., 1978.
21. *Приселков М.Д.* История русского летописания. – Л., 1940.
22. Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская и Суздальская летопись по академическому списку. – М., 1962.
23. Полное собрание русских летописей. Т. XXV – М.; Л., 1949.
24. *Ржигза В.Ф.* Очерки из истории быта домонгольской Руси // Тр. ГИМ. Вып. 5. – М., 1929.
25. *Рыбаков Б.А.* Русские датированные надписи XI–XV вв. // САИ. – 1964. – Вып. Е1-44.
26. *Рындина А.В.* Суздальский змеевик // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. – М., 1972.
27. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. – СПб., 1895. Т. II.
28. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. III. – СПб., 1903.
29. *Татищев В.Н.* История Государства Российского. Т. III–IV. – М.; Л., 1964.
30. *Турилов А.А.* Чара великого князя Владимира Давыдовича – памятник русской культуры XIV столетия // Московский Кремль XIV столетия. Древние святыни и исторические памятники. – М., 2009.
31. *Филин Ф.П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. – Л., 1972.
32. *Шахматов А.А.* Очерк современного русского литературного языка. – М., 1941.
33. *Щепкин В.Н.* Русская палеография. – М. 1967.
34. *Янин В.Л.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. I. – М., 1970.

Информация об авторе:

Медынцева Альбина Александровна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия)

CUP OF VLADIMIR DAVYDOVICH AS PROOF OF INTERCULTURAL CONTACTS

A.A. Medyntseva

The article is devoted to a unique find, a silver cup of the Chernigov Prince Vladimir Davydovich (1139–1151), found on the Tsarev (Sarai al-Jadid) city site during the 1843 excavations. The cup is notable for its size (8 liters) and especially remarkable for the toast inscription engraved on its upper edge. This discovery is widely discussed in a wide range of publications. In this article, the cup is treated as an evidence of cultural ties between Ancient Rus and the Steppe. The dialectal features of the inscription point to the Southern Russian origin of the craftsman. According to the author, the cup was made in 1139, when Vladimir Davydovich occupied the Chernigov throne. After the death of the Prince, his widow married

the Polovtsian Khan, and it is owing to the Polovtsians that the cup could reach the Golden Horde capital. From The excavations on the Tsarev (Sarai al-Jadid) city site have produced items of local origin, for which the cup under consideration could evidently serve as prototype

Keywords: archaeology, Ancient Rus, Chernigov Principality, the Polovtsians, the Golden Horde, Tsarev (Sarai al-Jadid) city site, the cup of Vladimir Davydovich, paleography, ancient Russian dialects, cultural ties.

REFERENCES

1. Artsikhovskii, A. V., Borkovskii, V. I. 1958. *Novgorodskie gramoty na bereste. (Iz raskopok 1953–1954 gg.) (Novgorod Letters on Birch Bark (from Excavations of 1953–1954))*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
2. Borkovskii, V. I., Kuznetsov, P. S. 1963. *Istoricheskaia grammatika russkogo iazyka (Historical Grammar of Russian Language)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
3. Bocharov, G. N. 1984. *Khudozhestvennyi metall Drevnei Rusi (Ancient Russian Artistic Metal)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
4. Bychkov, A. F. 1851. In *Zapiski arkheologicheskogo obshchestva, sluzhashchie dopolnieniem Zapisok Sankt-Peterburgskogo Numizmaticheskogo obshchestva (Notes of the Archaeological Society as Addition to Notes of Saint Petersburg Numismatic Society)* III. Saint Petersburg (in Russian).
5. Zaitsev, A. K. 1975. In Beskrovnyi, L. G. (ed.). *Drevnerusskie kniazhestva X–XIII vv. (Ancient Russian Principalities of 10th–13th Centuries)*. Moscow: “Nauka” Publ., 57–117 (in Russian).
6. Zalizniak, A. K. 1984. In *Istoriia russkogo iazyka v drevneishii period (History of Russian Language in the Earliest Period)*. Series: Voprosy istoricheskogo iazykoznanii (Issues of Historical Linguistics) 5. Moscow: Moscow State University, 36–153 (in Russian).
7. Zotov, R. V. 1892. *O chernigovskikh kniaz'iax po Liubetskomu sinodiku i o Chernigovskom kniazhestve v tatarskoe vremia (On Chernigov Princes by the Lyubech Synodikon, and on the Principality of Chernigov in the Tatar Time)*. Saint Petersburg: Panteleev Brothers' Typography (in Russian).
8. Kotkov S. I. (red.). 1965. *Izbornik 1076 g. (Anthology of 1076)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
9. Isachenko A. 1977. In *Russian linguistics. International Journal for the Study of the Russian Language*. Vol. 3, no. 3/4, 229–233.
10. Kuzakov, V. K. 1976. *Ocherki razvitiia estestvennonauchnykh i tekhnicheskikh predstavlenii na Rusi v X–XVII vv. (Essays on Development of Natural Scientific and Technical Knowledge in Russia in 10th–17th Centuries)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
11. Lazarev, V. N. 1966. *Mikhailovskie mozaiki (Mosaics of St. Michail Cloister in Kiev)*. Moscow: “Iskusstvo” Publ. (in Russian).
12. Lipets, R. S. 1969. *Epos i Drevniaia Rus' (The Epics and the Ancient Rus)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
13. Medyntseva, A. A. 1979. *Tmutarakanskii kamen' (Stone of Tmutarakan)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
14. Medyntseva, A. A. 1991. *Podpisnye shedevry drevnerusskogo remesla: ocherki epigrafiki XI–XIII vv. (Masterpieces of Ancient Russian Art with Inscriptions: Essays on Epigraphy of 11th–13th Centuries)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
15. Medyntseva, A. A. 2000. *Gramotnost' v Drevnei Rusi: Po pamiatnikam epigrafiki X – pervoi poloviny XIII v. (Literacy in Ancient Rus: on the Epigraphic Monuments of 10th – First Half of 13th Centuries)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
16. Nikolaeva, T. V. 1976. *Prikladnoe iskusstvo Moskovskoi Rusi (Applied Art of Muscovy)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
17. Nikol'skii, V. 1925. In *Sbornik Oruzheinoi palaty (The Kremlin Armory)*. Moscow (in Russian).

18. Orlov, A. S. 1936. *Bibliografiia russkikh nadpisei XI–XV vv. (Bibliography of Russian Inscriptions of 11th–15th Centuries)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
19. Orlov, A. S. 1952. *Bibliografiia russkikh nadpisei XI–XV vv. (Bibliography of Russian Inscriptions of 11th–15th Centuries)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
20. Poluboiarinova, M. D. 1978. *Russkie liudi v Zolotoi Orde (Russian People in the Golden Horde)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
21. Priselkov, M. D. 1940. *Istoriia russkogo letopisaniia (History of the Russian Chronicles)*. Leningrad: Leningrad State University (in Russian).
22. *Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. I. Lavrent’evskaia letopis’ i Suzdal’skaia letopis’ po akademicheskomu spisku (Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. I. Laurentian Codex and Suzdal Codex by Academic Copy)*. 1962. Moscow: “Izdatel’stvo vostochnoi literatury” Publ. (in Russian).
23. *Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) XXV*. 1949. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
24. Rzhiga, V. F. 1929. *Ocherki iz istorii byta domongol’skoi Rusi (Essays on History of Everyday Life in Pre-Mongol Rus)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 5. Moscow (in Russian).
25. Rybakov, B. A. 1964. *Russkie datirovannye nadpisi XI–XV vv. (Russian Dated Inscriptions of 11th–15th Centuries)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1-44 (in Russian).
26. Ryndina, A. V. 1972. In Lazarev, V. N., Vagner, G. K., Il’in, M. A., Podobedova, O. I. (ed. board). *Drevnerusskoe iskusstvo. Khudozhestvennaia kul’tura domongol’skoi Rusi (Ancient Russian Art: Artistic Culture of Pre-Mongol Rus)*. Moscow: “Nauka” Publ., 217–234 (in Russian).
27. Sreznevskii, I. I. 1895. *Materialy dlia slovaria drevnerusskogo iazyka po pis’mennym pamiatnikam (Materials for the Dictionary of the Russian Language by Written Sources)* II. Saint Petersburg: Saint Petersburg: Typography of Imperial Academy of Sciences (in Russian).
28. Sreznevskii, I. I. 1903. *Materialy dlia slovaria drevnerusskogo iazyka po pis’mennym pamiatnikam (Materials for the Dictionary of the Russian Language by Written Sources)* III. Saint Petersburg: Saint Petersburg: Typography of Imperial Academy of Sciences (in Russian).
29. Tatishchev, V. N. 1964. *Istoriia Rossiiskaia (Russian History)* III–IV. Moscow; Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).
30. Turilov, A. A. 2009. In Beliaev S. A., Vorotnikova I. A. (eds.). *Moskovskii Kreml’ XIV stoletia (The Moscow Kremlin in 14th Century)* 1. *Drevnie sviatyni i istoricheskie pamiatniki (Ancient Sacred Places and Historical Sites)*. Moscow: “Severnii Palomnik” Publ., 392–399 (in Russian).
31. Filin, F. P. 1972. *Proiskhozhdenie russkogo, ukrainskogo i belorusskogo iazykov. Istoriko-filologicheskii ocherk (Origins of Russian, Ukrainian and Belorussian Languages: Historical and Philological Essay)*. Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).
32. Shakhmatov, A. A. 1941. *Ocherk sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka (Essay on the Modern Russian Literary Language)*. Moscow: “Uchpedgiz” Publ. (in Russian).
33. Shchepkin, V. N. 1967. *Russkaia paleografiia (Russian Paleography)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
34. Yanin, V. L. 1970. *Aktovye pechati Drevnei Rusi X–XV vv. (Stamps of Medieval Russia)* I. *Pechati X–XIII vv. (Stamps of 10th – 13th Centuries)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

About the Author:

Medyntseva Albina A. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation

ИССЛЕДОВАНИЯ ОСТАТКОВ МОНУМЕНТАЛЬНОЙ ПОСТРОЙКИ К ЮГО-ЗАПАДУ ОТ СОБОРНОЙ МЕЧЕТИ В БОЛГАРЕ

© 2012 г. В.С. Баранов, Д.Ю. Бадеев, В.Ю. Коваль

На городище Болгар на участке к юго-западу от Соборной мечети были выявлены остатки большого кирпичного здания. Сооружение исследовалось раскопками 1989–1993, 2000 и 2011 гг. Выявлено, что его внешние стены были сложены из обожжённого кирпича, а внутренние – из сырца. Перекрытие здания могло быть балочным, на лёгких столбовых опорах. Планировка постройки, а также находки в ней торгового инвентаря подтверждают предположение, что это мог быть городской торговый двор или базар. По монетам постройка датируется 1340–1350-ми годами, а её гибель в пожаре – 1360–1370-ми гг. Строительные особенности сооружения указывают на его связь с архитектурной традицией нижеволжских городищ, Ирана и Средней Азии.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, золотоордынский период, город Болгар, торговый двор, базар, архитектура Золотой Орды, кирпич, торговый инвентарь, весы, гири.

Раскопки на участке, размещающемся в 100–150 м к юго-западу от Соборной мечети Болгара, были начаты сотрудником Института археологии Академии наук СССР (г. Москва) М.Д. Полубояриновой в 1989 г. Этот участок размещался в районе пересечения ул. Назаровых и Школьного переулка, на огороде небольшого землевладения (выморочной усадьбе Бушевых). Заложенный в 1989 г. раскоп CIV (104) имел площадь 108 кв. м. В том же году рядом с ним был заложен раскоп CV площадью 48 кв. м, которым руководила сотрудник ГИМа Г.Ф. Полякова. Таким образом, в первый год раскопок усилиями двоих исследователей и двух научных организаций Москвы была вскрыта площадь 156 кв. м. Эти работы сразу же получили широкую известность, поскольку на раскопе М.Д. Полубояриновой был обнаружен фундаментный ров шириной до 1,2 м и глубиной около 1 м, принадлежавший, несомненно,

крупному монументальному сооружению. В древности ров был заполнен бутовым белым камнем, скрепленным известковым раствором, однако почти весь камень из этого фундамента был выбран в XVIII–XIX вв. Рядом с фундаментным рвом фиксировались завалы битого кирпича золотоордынского производства, оставшегося от разборки стен некогда существовавшего здания.

Раскопки на рассматриваемом участке были продолжены в 1990 г., когда теми же исследовательницами (М.Д. Полубояриновой и Г.Ф. Поляковой) были пройдены еще 2 раскопа с номерами CVIII и CIX, каждый площадью 48 кв. м. В результате этих работ фундаментный ров монументального сооружения был зафиксирован на протяжении 20 м: он проходил по линии СЗ–ЮВ, причем на юго-восточном его конце угадывался угол (поворот стены на юго-запад). К сожалению, невозможность выхода

за пределы тогдашнего дворовладения не позволило продолжить изучение этого фундамента ни в одну из сторон. По различным объективным причинам зачинатель работ на данном участке М.Д. Полубояринова также более не возвращалась к исследованию в этом интереснейшем месте.

Однако оставалась возможность расширения раскопа к северу и эта возможность была реализована Г.Ф. Поляковой в 1991 и 1992 гг. (в последнем сезоне работы проводились совместно с Н.А. Кокориной) – раскопами СХІІІ и СХV. В 1993 г. Н.А. Кокорина самостоятельно продолжила работы на том же участке, сделав небольшую прирезку к раскопам прошлых лет – раскоп СХVІІІ. После этого наступил продолжительный перерыв в изучении этого интереснейшего участка древнего Болгара. Правда, в 2000 г. Н.А. Кокорина возобновила здесь работы, сделав прирезку к раскопам прошлых лет с севера (эта прирезка рассматривалась ею как продолжение раскопа СХVІІІ), но дальнейшее продолжение этих работ не последовало¹.

Итак, за 6 полевых сезонов (1989–1993, 2000 гг.) трем исследователям удалось изучить всю возможную на тот момент площадь, представлявшую собой прямоугольник размерами 26 x 20 м, вытянутый с севера на юг (до материка была вскрыта площадь 480 кв. м). На этой площади были прослежены упоминавшиеся выше остатки фундамента монументальной постройки и примыкавших к нему с северо-востока построек и сооружений, среди которых наибольший инте-

рес представляли собой фрагментированные остатки трех (сменявших друг друга) горнов, рассматривавшиеся Н.А. Кокориной как следы гончарного производства, совмещенного с ювелирным и стеклообработкой (Кокорина, 2005). Скрупулезный анализ этого же материала М.Д. Полубояриновой позволил ей сделать убедительный вывод о том, что горны принадлежали стеклообрабатывающей мастерской, занимавшейся изготовлением перстней и бус из стекла бирюзового и черного цвета. Большое количество стеклянных изделий (обломков перстней и бус), включая бракованные изделия, неопровержимо свидетельствует об изготовлении здесь таких украшений (Полубояринова, 2006). Правда, датировка мастерской осталась не вполне определенной – она отнесена к началу позднезолотоордынского периода, но без конкретной даты. Неясна была и стратиграфическая позиция этой мастерской по отношению к рассматриваемому здесь монументальному сооружению².

Однако вернемся к остаткам монументальной постройки, выявленным в первые два года раскопок. Уже в 1989 г. М.Д. Полубояриновой удалось зафиксировать в южном профиле бровки раскопа СІV (1989, чертеж 14) прослойку известкового раствора, отходившую от фундаментного рва и обозначающую горизонт строи-

² Для хронологизации стратиграфии данного участка уже накоплено достаточно материалов, но они пока не полностью систематизированы. Поэтому оставляем этот важный вопрос для решения в ближайшем будущем. Однако уже сейчас можно утверждать, что упомянутая стеклообрабатывающая мастерская функционировала до начала монументального строительства на данном участке.

¹ Отчеты о раскопках 1989–1993 и 2000 гг. хранятся в научном архиве Института археологии РАН (г. Москва) и в архиве Болгарского музея-заповедника.

тельства данной постройки, которая располагалась на глубине около 50 см от современной дневной поверхности, что ясно указывало на позднее (в рамках XIV в.) время строительства и разрушения этой постройки. Кроме того, в раскопе 1989 г. ею были обнаружены обугленные остатки деревянных конструкций, размещавшихся к юго-западу от исследованного фундамента, просевшие в заполнение более ранней ямы. Среди этих обугленных плах были найдены весовые гирьки и чашечка весов, что позволило сделать вывод о торговом назначении примыкавшей к фундаменту территории. Правда, раскопки последующих лет, проводившиеся в основном к северо-востоку от обнаруженного фундамента, где были выявлены кладки стен из обожженного кирпича, перпендикулярных этому фундаменту, подталкивали к мысли о том, что внутренний объем монументальной постройки размещался именно здесь и был поделен на отсеки (Кокорина, Полубояринова, Полякова, 1994, с. 22–23). Там же были открыты и остатки горнов явно производственного назначения. Отсюда в литературе появились туманные упоминания «каменно-кирпичных стен» некоего «ремесленного двора» (Кокорина, 2005, с. 112). Однако никто из руководителей раскопок тех лет так и не решился детально обосновать какую-либо интерпретацию открытого фундамента, что и не удивительно, поскольку данных для такой интерпретации было явно недостаточно.

Возобновление археологических исследований описываемого памятника произошло в 2011 г. в рамках программы благоустройства Болгарского музея-заповедника, осуществляемой

фондом «Возрождение» под руководством М.Ш. Шаймиева. Раскоп CLXII был заложен вплотную к западным бортам раскопов 1989, 1990 и 2000 гг. с минимальным смещением к северу от прежней сетки квадратов (площадь 188 кв. м). Руководство раскопками осуществлялось В.С. Барановым, в работах участвовала также группа специалистов Института археологии РАН¹. В 2012 г. исследование монументальной постройки было продолжено в рамках работы Болгарской экспедиции Института истории АН РТ двумя раскопами – CLXXVI под руководством В.С. Баранова и CLXXIX под руководством В.Ю. Коваля (общая площадь вскрытия 336 кв. м). Таким образом, за два года раскопок общими усилиями двух научных учреждений России (Института истории АН РТ и Института археологии РАН) была вскрыта площадь 524 кв. м, а суммарно (за все годы раскопок, начиная с 1989 г.) на данном участке было изучено 1000 кв. м.

Уже раскопки 2011 г. позволили полностью пересмотреть прежние представления о размещении обнаруженной монументальной постройки: был выявлен северный угол ее фундаментного рва, от которого ров поворачивал к юго-западу (рис. 1). Стало ясно, что внутренний объем здания располагался не к востоку, а к западу от ранее обнаруженного фундамента. Остальные параметры этого объекта, зафиксированные предшествовавшими исследованиями, не претерпели каких-то корректировок: фундаментный ров имел почти вертикальные стенки и плоское дно, его ширина

¹ В состав группы входили к.и.н. В.Ю. Коваль, Д.Ю. Бадеев, Е.Е. Васильева, М.А. Курицын, П.Н. Толоконцев.

колебалась от 1,2 до 1,8 м, причем в нижней части она составляла 1,0–1,2 м, расширяясь к верхним краям, что было связано с откосами стенок, образующимися при откапывании траншеи в сыпучем грунте и последующими обрушениями краев при выборке из нее камня (рис. 2)¹. Глубина заложения фундамента была примерно одинакова и составляла 0,8–1,2 м от уровня дневной поверхности времени строительства и существования здания. Интересно отметить, что фундаментный ров далеко не везде достигал материка, в ряде мест он пересекал котлованы подвалов деревянных зданий с достаточно рыхлым заполнением (рис. 3), причем лишь в одном случае (в раскопе Г.Ф. Поляковой 1991 г.) ров был доведен до дна такого котлована, в результате чего глубина фундаментной траншеи превысила 2 м. Во всех остальных близких ситуациях дно траншеи не углублялось, строителями не применялось также никаких конструкций, укрепляющих это дно (сваи, лежни) даже в очевидно опасных для него местах. Это говорит либо о небрежности стройки, либо о том, что проект строительства изначально не предполагал серьезной нагрузки на них. Отмеченное исключение из правила (углубление фундаментной траншеи до дна котлована предшествующего здания) можно объяснить только тем, что этот котлован был засыпан непосредственно перед началом строительства, грунт еще не успел слежаться, и строители не могли не понимать, что в этом месте

фундамент начнет деформироваться сразу после окончания стройки. Первоначальная кладка фундамента сохранилась фрагментарно, в основном она была уничтожена при позднейшей выборке камня. Никакой системы в размещении разноразмерных обломков известняка не применялось – они были набросаны хаотично и залиты довольно рыхлым известковым раствором (рыхлость этого раствора и позволила впоследствии легко вынуть из фундамента почти весь имевшийся там камень).

Раскопки показали также, что само здание не было «белокаменным», как упоминается в литературе (Кокорина, 2004, с. 109), – судя по завалам обожженного кирпича обычного для золотоордынских построек размера (квадратный со сторонами длиной 22–25 см и толщиной 4,5–6 см), на фундаменте покоились именно кирпичные стены. Исходя из ширины фундаментного рва, наибольшая ширина кладки могла составлять 4 кирпича. Кирпич не отличался высокой прочностью, укладывался же он на глиняном растворе, на что указывает присутствие в кирпичных завалах большого количества желтой глины. В нескольких случаях удалось зафиксировать остатки известкового раствора и алебаstra, использовавшихся, вероятно, для крепления отдельных конструкций. Не исключено вторичное использование уже бывших в употреблении кирпичей (с остатками известкового раствора) или применение этого раствора при укладке внешних рядов кирпичей и отделки поверхности стен (для усиления их влагостойкости), о чем свидетельствуют находки кирпичей со следами и глины, и извести. Особенно актуальным применение известкового

¹ На фото профиля раскопа воспроизведен разрез фундамента, выполненный по диагонали к его продольной оси. Поэтому ширина траншеи кажется большей, нежели она есть на самом деле.

раствора должно было стать в местах оконных проемов, где использование глины могло оказаться недостаточным в плане обеспечения прочности соединения.¹ Возможно, не случайно места находок железных решеток совпадают с массивами кирпича, глины, извести и алебастра.

Совмещение планов раскопов 1993–2000 и 2011 гг. (рис. 3) позволило установить длину северо-восточной стены постройки – около 32 м. Если предполагать квадратный план здания (а такое предположение кажется вполне допустимым), то размеры обнаруженной постройки оказываются сопоставимыми с Соборной мечетью (32 x 34 м). Однако светский характер этой постройки представляется несомненным: ее упрощенная архитектура (без каких-либо башнеобразных выступов по углам), относительно небольшая толщина стен и неглубокое заложение фундамента, равно как отсутствие мощных опор для колонн или столбов во внутреннем объеме, не позволяют видеть в ней сооружения, перекрытого куполом или иным каменно-кирпичным сводом. Нельзя рассматривать это здание и как недостроенное: в его внутреннем объеме обнаружены ленточные выкладки от внутренних перегородок, сделанные из сырцовых кирпичей (рис. 3, 4), которые были уложены на глиняном же растворе наклонно (как при кладке «в елочку») или вертикально (на ребре) шириной в 1 ряд, что заметно на их разрезах (рис. 5). Сами кирпичи были изготовлены из плотного желтого (оранжевого) суглинка и скреплялись

глиняным раствором, который едва отличался по цвету от кирпича – этот раствор имел чуть зеленоватый оттенок, заметный только на контрасте с материалом кирпичей. Толщина швов между кирпичами составляла 2–3 см. Под некоторыми из кладок фиксировались следы продольно уложенных деревянных досок, от которых сохранился только древесный тлен (рис. 6). В других случаях под кладками удалось зафиксировать прослойки желтого суглинка, аналогичного материалу сырцовых кирпичей, но насыщенного известью, которые фиксируют горизонт строительства белокаменного фундамента и всей постройки в целом. Следовательно, кладки из сырцового кирпича были сделаны уже после того, как был сооружен этот фундамент. В то же время, поверх кладок в ряде мест фиксировались остатки обугленных досок или плах, лежавших вдоль оси кладок, иногда прямо на их поверхности. Завалы кирпича перекрывали как кладки, так и обугленные древесные остатки, что указывает на разрушение стен здания после пожара, уничтожившего внутренние перегородки и перекрытия. Размеры сырцовых кирпичей в кладках достоверно не восстанавливаются, поскольку они были сильно повреждены перекопами и воздействием влажной среды. Сохранившаяся ширина и высота кладок составляла 15–35 см, однако, судя по разрезам кладок, первоначальные размеры кирпичей составляли 23–25 см (длина стороны) при толщине 4–5 см, следовательно, они не отличались от метрики обожженных кирпичей, использованных в кладках капитальных стен постройки.

Важно отметить, что основания сырцовых кладок фиксировались

¹ Авторы благодарят за консультации вопросам болгарского строительства с.н.с. НЦАИ Института истории АН РТ Р.Ф. Шарифуллина.

на том же уровне, что и дневная поверхность времени строительства каменно-кирпичной постройки, следовательно, эти основания не были заглублены в грунт и не являлись фундаментами, но они могли служить опорой для деревянных стен¹, причем в их расположении видна четкая система – все они строго параллельны фундаментам внешних стен здания (рис. 3). В частности, такие перегородки проходили на расстоянии 220 см от фундамента внешней стены, строго параллельно ему, причем в нескольких случаях (в т.ч. и в раскопе М.Д. Полубояриновой 1989 г.) расчищены остатки деревянного мощения пола в этом проходе – обугленные доски лежали перпендикулярно оси этого коридора, проходившего вдоль всей внешней стены постройки. Кроме того, остатки сгоревших деревянных конструкций в некоторых местах были зафиксированы и поверх завалов кирпича, однако сохранность их была крайне низкой, что не дает возможности для их достоверной интерпретации.

Важной деталью конструкции внутренних перегородок постройки являлись железные решетки (рис. 7), которых найдено 5 шт., а также железные засовы (пруты длиной до 0,5 м; 2

¹ Менее вероятна реконструкция этих стенок в виде каркасных систем с заполнением из сырцового кирпича – этому противоречит отсутствие завалов необожженной глины в руинах постройки. Во всех случаях сырая глина встречена только совместно с обожженными кирпичами, т.е. она являлась остатками скреплявшего кирпичи глиняного раствора. Исключения составляют локальные прослойки глины на уровне полов постройки, которые стратиграфически четко отделяются от завалов стен.

шт.), сильно перегоревшие в пожаре. Четыре решетки были изготовлены из 4 круглых в сечении прутьев диаметром около 1 см и имели размеры 60 x 60 см, а одна, найденная в центре постройки, была сделана из 6 прутьев – ее размеры 80 x 80 см. Эти решетки могли использоваться для перекрытия оконных проемов в кирпичных стенах или (и?) световых отверстий в кровле здания, размеры которых могут быть реконструированы в пределах от 40 x 40 см (для решеток малого размера) до 60 x 60 см (для решетки, найденной в центре здания). Такими же перегоревшими в пожаре были и обломки от железных навесных цилиндрических замков², находки которых фиксировались в основном вдоль внутренних перегородок постройки, где они могли маркировать места расположения дверей (рис. 8).

До завершения раскопок всего комплекса было бы преждевременно делать окончательные выводы о назначении исследуемой монументальной постройки, однако характер находок из слоя ее разрушения позволяет уверенно говорить о торговом назначении этого здания: здесь найдены многочисленные весовые гирьки, чашечки и другие детали весов, товарные пломбы, в т.ч. свинцовые и бронзовые (с рельефными изображениями), пробирные камни со следами золота на поверхности, слиток серебра, большое количество медных и серебряных монет (с соотношением первых ко вторым на разных участках от 4:1 до 12:1). Количество монетных находок в слое разрушения постройки внутри ее фундаментов примерно втрое превышает число находок за

² Только в раскопе 2011 г. таких замков (включая обломки) найдено 11 шт.

Рис. 1. Угол траншеи фундамента в раскопе 2011 г. Вид с востока.

Рис. 2. Разрез фундаментной траншеи сооружения в западном профиле раскопа 2011 г.

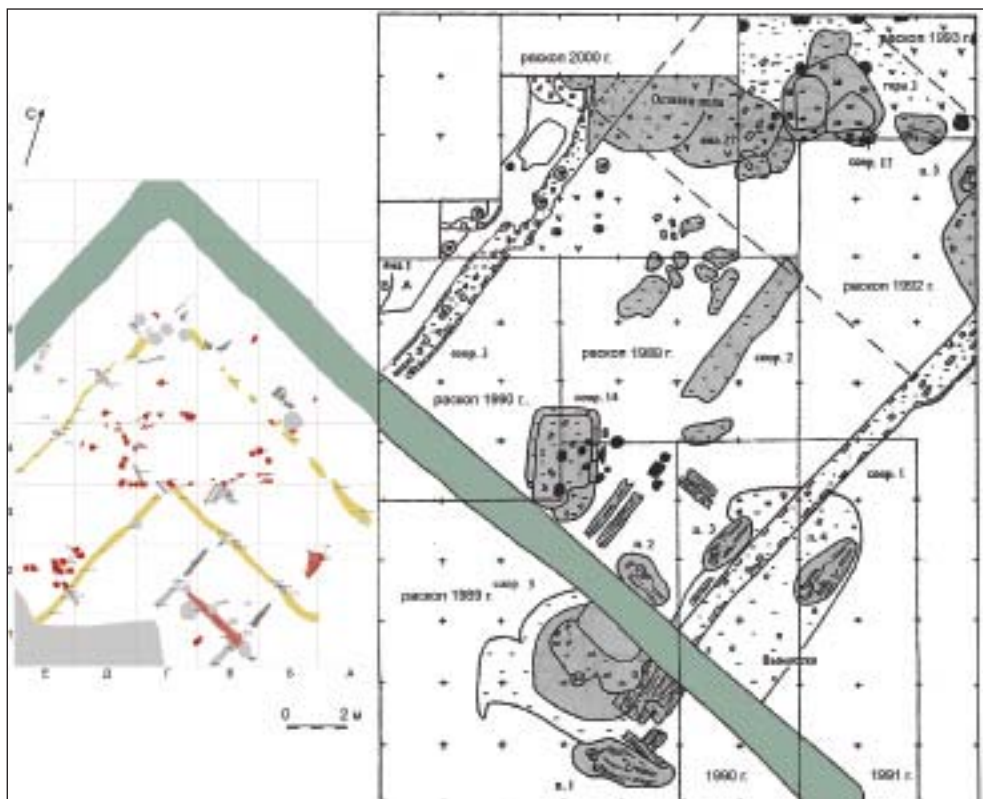

Рис. 3. Совмещенный план раскопов 2011 г. и 1989–2000 гг.

Рис. 4. Основания перегородок из сырцового кирпича в раскопе CLXXIX 2012 г.

Рис. 5. Продольный разрез кладки из сырцового кирпича в раскопе CLXXIX 2012 г.

Рис. 6. Тлен от деревянной доски под кладкой из сырцового кирпича в раскопе CLXXIX 2012 г.

Рис. 7. Железная решетка в слое разрушения постройки (раскоп 2011 г.).

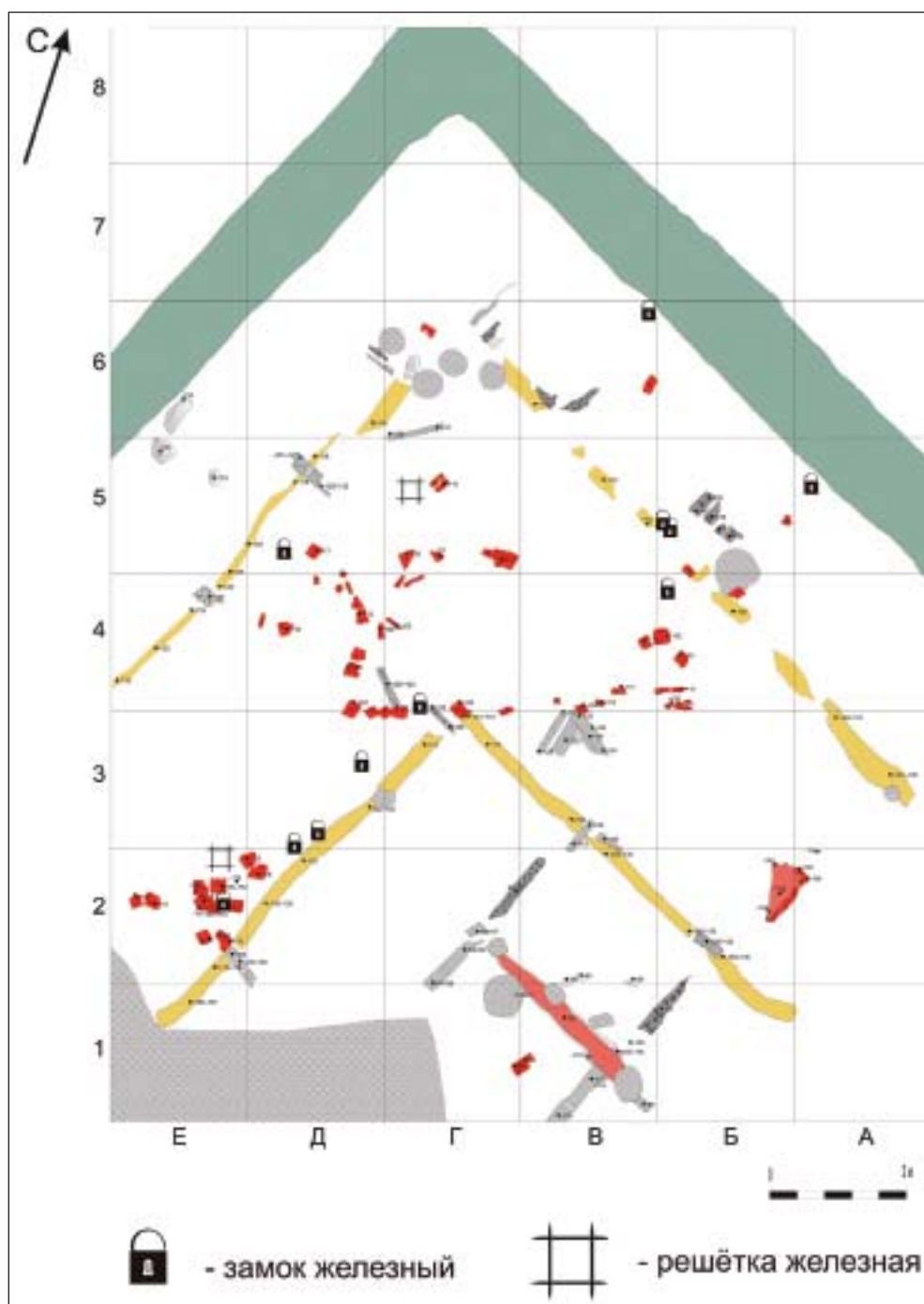

Рис. 8. Схема раскопа 2011 г. с обозначением мест находок замков и решеток.

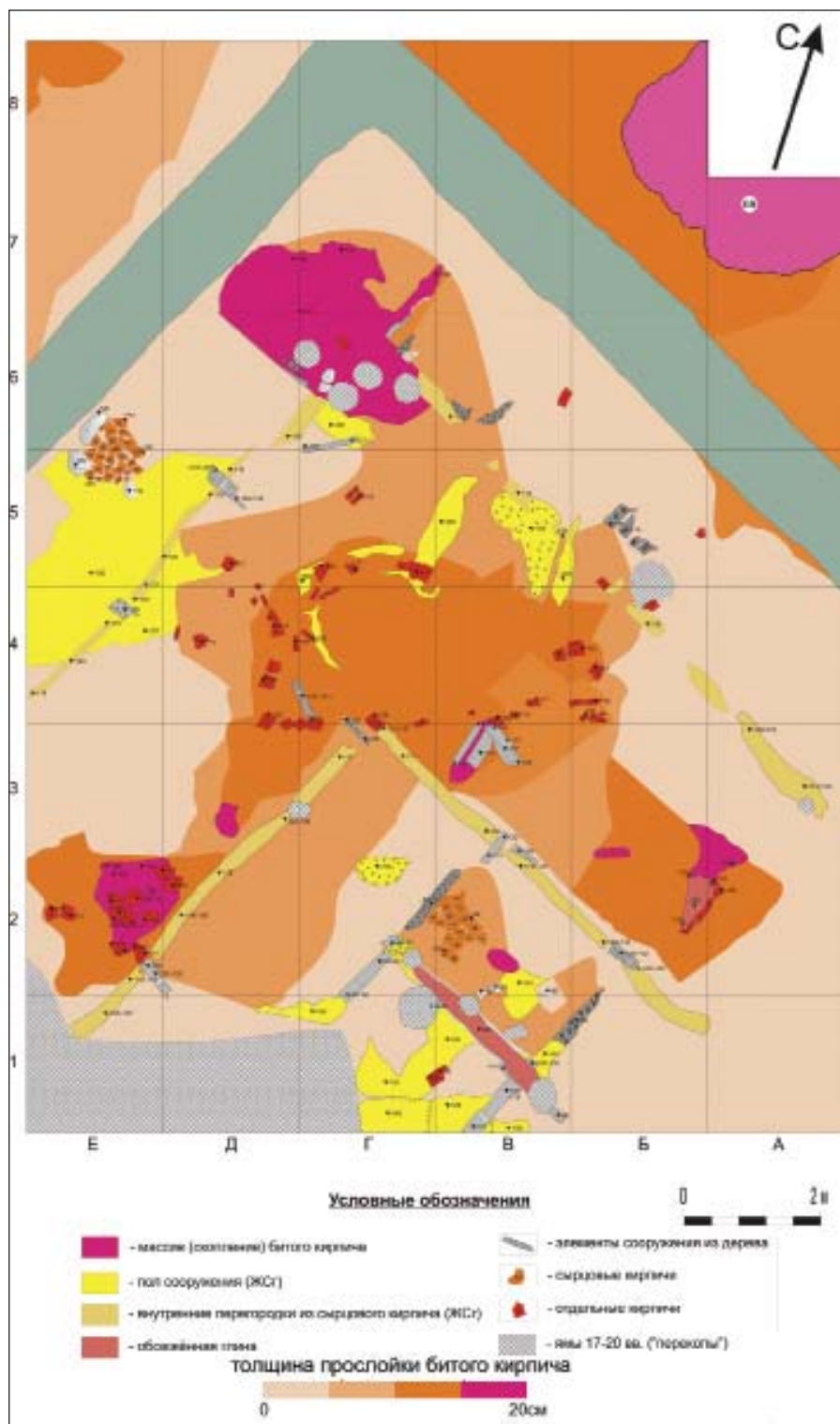

Рис. 9. Схема раскопа 2011 г. с обозначением мест размещения кирпичных завалов.

пределами ее контура. В то же время, здесь встречено крайне незначительное число бытовых предметов (ножей, оселков, пряслиц и т.п. вещей повседневного употребления), составляющих массовые находки в городских слоях самого разного времени.

Разрушению кирпичных стен постройки, как уже было замечено выше, предшествовал пожар, прослойка которого отчетливо фиксируется по всей площади внутри фундаментных рвов и частично – за их пределами. Судя по монетным находкам, этот пожар и последовавшее за ним разрушение кирпичных стен здания произошло, скорее всего, не ранее второй половины 1360-х гг. Единичные монеты более позднего времени зафиксированы только в маломощных отложениях, перекрывших горизонт разрушения и разборки здания (Хызр, чекан Гулистана, 762 г.х. с надчеканкой «Газизхан», которая производилась от имени Азиз-шейха до 1367 г; Тохтамыш, чекан Сарая, 1388–89 гг.)¹.

Кирпичные завалы обнаружены как внутри постройки, так и за ее пределами (рис. 9), причем наиболее мощные скопления битого кирпича зафиксированы именно с наружной стороны постройки, в верхней части заполнения обширных котлованов подвалов (погребов?), непосредственно примыкавших к фундаментам с внешней стороны (к северо-востоку от северного угла и к северо-западу от северо-западной стены). Дома с этими глубокими подвалами не могли существовать параллельно с нашей постройкой и погибнуть одновременно с ней, в том же самом пожаре, (который

никак не мог бы их миновать, если бы они примыкали вплотную к стенам постройки). Этому предположению противоречит отсутствие следов пожара и катастрофического разрушения на дне подвалов, нижняя часть заполнения которых состояла из перемешанного засыпного грунта. В ряде случаев края таких подвалов были перерезаны фундаментными рвами рассматриваемой постройки, например, «полуземлянка Б» (по М.Д. Полубояриновой (2006, рис. 1)²). Поэтому можно уверенно говорить о том, что подвалы функционировали до начала возведения рассматриваемой постройки, когда они были наспех засыпаны, сброс же остатков разобранных кирпичных стен привел к проседанию рыхлого заполнения подвалов и накоплению в образовавшихся западинах большого количества рушенного кирпича. Важно обратить также внимание на то, что при разборке кирпича из стен постройки значительная часть этого ценного строительного материала в дальнейшем вторично не использовалась.

Судя по датам монет из горизонта разрушения постройки и подстилающих ее горизонтов, возведение этого монументального сооружения можно относить к 1340–1350-м годам, а разрушение – ко второй половине 1360-х или 1370-м годам³.

² Сооружение 11 раскопок Г.Ф. Поляковой 1990 г., речь о котором шла выше при описании фундаментного рва постройки – именно при прорезке котлована этого сооружения дно рва было углублено и забутовано камнем.

³ Предлагаемые датировки являются предварительными, поскольку весь нумизматический материал из раскопок пока еще полностью не проанализирован.

¹ Определение монет проведено с.н.с. Болгарского музея-заповедника, к.и.н. Д.Г. Мухаметшиным

Возвращаясь к предполагаемому назначению исследуемой монументальной постройки, не будет слишком большой смелостью предположить, что это мог быть городской торговый двор (базар) с многочисленными помещениями торговцев внутри, разделенными перегородками из дерева или (и) сырцового кирпича. Этот защищенный капитальной кирпичной стеной двор мог служить для торговли дорогостоящими предметами (тканями, пряностями, ювелирными изделиями и т.п.), что и потребовало создания мощного ограждения. На именно такое использование данного места указывают перечисленные выше находки (в т.ч. западноевропейских и местных товарных пломб, весов и разнообразных гирек, пробирных камней, многочисленных замков и засовов, слитка серебра) и наличие железных решеток на окнах.

Открытым остается вопрос о реконструкции внешнего вида перекрытия над этим зданием, однако очевидно, что оно могло быть только балочным. Обнаружение на стыках внутренних перегородок кладок из бутового белого камня или обожженного кирпича (мощностью не более 40 см) позволяет допускать использование легких (деревянных) столбовых опор для такого перекрытия¹.

Архитектурные особенности исследуемого сооружения (использование обожженного и сырцового кирпича) характерно для построек нижеволжских золотоордынских городов, а также среднеазиатских и иранских построек XIV–XV вв. На-

пример, перегородки из поставленных на ребро сырцовых кирпичей использовались в здании медресе на городище Сауран в Казахстане (Байпаков, Акылбек, 2008, с. 59–69), и в крупной постройке на Селитренном городище (Федоров-Давыдов, Булатов, Егоров, 1985). Хотя применение кирпича-сырца зафиксировано на памятниках Волжской Болгарии уже в домонгольское время, оно не имело здесь собственных глубоких корней. Поэтому, естественно предположить, что строители данного сооружения могли происходить из стран Востока, вошедших в Улус Джучи. В этой связи следует отметить выявленное в керамическом материале раскопов большое количество посуды XIX группы, которая по типологии Т.А. Хлебникова имеет истоки в среднеазиатских мусульманских памятниках (Хорезм, Чач) и связана, по ее мнению, с перемещением групп населения, «скорее всего ремесленников» из районов Средней Азии в начальный период золотоордынского времени (Хлебникова, 1988, с. 49).

В заключение следует подчеркнуть, что торговое назначение рассмотренной выше монументальной постройки предполагалось уже М.Д. Полубояриновой, с легкой руки которой раскопы на данном участке стали называться расположенными «на рыночной площади». Остается отдать дань восхищения скрупулезности анализа археологического материала и точности интерпретаций этого выдающегося исследователя Болгара.

¹ Авторы благодарят члена-корр. РАН д.и.н. В.В. Седова и к.и.н. А.В. Яганова за консультации по архитектурным вопросам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байпаков К.М., Акылбек С.Ш. Медресе средневекового Саурана // Археология степной Евразии. – Кемерово; Алматы, 2008.
2. Кокорина Н.А. Ювелирная мастерская из Болгара // Древности Поволжья: эпоха средневековья. – Казань, 2005.
3. Кокорина Н.А., Полубояринова М.Д., Полякова Г.Ф. Исследования торгово-ремесленного квартала в центральной части Болгара (1989–1993 гг.) // Город Болгар и его округа. – Болгар, 1994.
4. Полубояринова М.Д. Отчет о работах на Болгарском городище в 1989 г. (по раскопам ХСIV, ХСVI, СIV) // Архив Болгарского музея-заповедника.
5. Полубояринова М.Д. Стеклоделательная мастерская XIV в. в Болгаре // РА. –2006. – № 4.
6. Хлебникова Т.А. Неполивная керамика Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. – М., 1988.
7. Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М., Егоров В.Л. Отчет о раскопках на Селитренном городище в 1985 году // Архив ИА РАН. Фонд Р-1. № 10766. М., 1985.

Информация об авторах:

Баранов Вячеслав Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Костромской государственной историко-архитектурной и художественной музей-заповедник, (г. Кострома, Россия); sl.baranov@mail.ru

Бадеев Денис Юрьевич, научный сотрудник, Институт археологии РАН, (г. Москва, Россия); denisbadeev@mail.ru

Коваль Владимир Юрьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); kovaloka@mail.ru

EXPLORATION OF REMAINS OF MONUMENTAL STRUCTURE IN THE SOUTH-WEST OF THE CATHEDRAL MOSQUE IN BOLGAR

V.S. Baranov, D.Yu. Badeev, V.Yu. Koval

The ruins of a large brick building were revealed on the Bolgar city site to the south-west of the Cathedral mosque. The structure was studied during the 1989–1993, 2000 and 2011 excavations. It has been found that that its outer walls were built of baked brick and the inside walls were made of mud brick. The roofing could be beamed and resting on light pole supports. The layout of the building and the finds of stock-in-trade items confirm the hypothesis that the structure could serve as the city trade yard (marketplace) or bazaar. The coins found make it possible to date the structure back to the 1340–1350s and its collapse in the fire to the 1360–1370s. The construction features of the building point to its relationship with the architectural tradition of the Lower Volga settlements, that of Iran and Central Asia.

Keywords: archaeology, the Middle Volga river region, the Golden Horde period, Bolgar city, trade yard, bazaar, architecture of the Golden Horde, bricks, stock-in-trade, scales, weights.

REFERENCES

1. Baipakov, K. M., Akylbek, S. Sh. 2008. In Baipakov, K. M., Iliushin, A. M. (eds.). *Arkheologiya stepnoi Evrazii (Archaeology of the Steppe Eurasia)* Kemerovo: Kuzbass State Technical University; Almaty: Institute for Archaeology, 59–69 (in Russian).
2. Kokorina, N. A. 2005. In Rudenko, K. A. (ed.). *Drevnosti Povolzh'ia: epokha srednevekov'ia (Issledovaniia kul'urnogo nasledii Volzhskoi Bulgarii i Zolotoi Ord)* (Antiquities of Volga Region:

the Middle Ages (Research of the Cultural Heritage of Volga Bulgaria and Golden Horde). Kazan: "Shkola" Publ., 109–132 (in Russian).

3. Kokorina, N. A., Poluboiarinova, M. D., Poliakova, G. F. 1994. In Mukhametshin, D. G. (ed.). *Gorod Bolgar i ego okrug* (*Town of Bolgar and Its Environs*). Bolgar: Bolgar State Historical and Architectural Museum and Preservation Area, 22–23 (in Russian).

4. Poluboiarinova, M. D. 1989. *Otchet o rabotakh na Bolgarskom gorodishche v 1989 g. (po raskopam XCIV, XCVI, CIV)* (*Report on Fieldworks on the Bolgar Hillfort in 1989: by digs XCIV, XCVI, CIV*). Archive of the Bolgar State Historical and Architectural Museum and Preservation Area (in Russian).

5. Poluboiarinova, M. D. 2006. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (4), 152–158 (in Russian).

6. Khlebnikova, T. A. 1988. In Fyodorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti* (*Town of Bolgar. Essays on Handicrafts*). Moscow: "Nauka" Publ., 7–102 (in Russian).

7. Fedorov-Davydov, G. A., Bulatov, N. M., Egorov, V. L. 1985. *Otchet o raskopkakh na Selitrennom gorodishche v 1985 godu* (*Report on Excavations on the Selitrennoye Hillfort in 1985*). Archive of the Institute for Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund R-1, no. 10766 (in Russian).

About the Authors:

Baranov Vyacheslav S. Kostroma State Historical, Architectural and Artistic Museum-Reserve. Mira Ave., 7, Kostroma, 156000, Russian Federation; sl.baranov@mail.ru.

Badeev Denis Yu. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; denisbadeev@mail.ru

Koval Vladimir Yu. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; kovaloka@mail.ru

РУССКАЯ ОБЩИНА ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ГОРОДА УКЕКА¹

© 2012 г. Д.А. Кубанкин

Свидетельства о существовании в золотоордынском городе Укеке крупной русской общины содержатся в письменных источниках. Раскопками выявлено, что в городе существовали (возможно, не одновременно) два русских квартала – юго-западный и северный. В юго-западном квартале обнаружены остатки монументального здания, датированного 1280-1290-ми гг., которое, вероятно, было православной церковью. Найдены клады предметов явно христианского характера, а также древнерусские звёздчатые колты. Часть христианских культовых предметов была изготовлена на месте. Всё это указывает на то, что в золотоордынском Укеке русские были представлены не только как рабы, но и как свободные жители. В то же время русское население в городе было в меньшинстве и подвергалось сильному влиянию восточных культур.

Ключевые слова: археология, Нижнее Поволжье, золотоордынский период, Укек, русское население, православный храм, предметы христианского культа, межкультурные связи.

Любые археологические исследования на Увекском городище, будь то раскопки или сбор подъемного материала, неизменно сопровождаются находками предметов средневековой русской старины. Это можно объяснить только наличием крупной славянской православной общины в золотоордынском городе Укеке. Первой научной работой, в которой детально рассматривался древнерусский материал с Увекского городища, стала монография М.Д. Полубояриновой «Русские люди в Золотой Орде» (1978). Позднее появлялись и другие публикации, затрагивающие эту тему (Недашковский, 2000; Кубанкин, 2011; 2011а), но монография М.Д. Полубояриновой остается основополагающим исследованием в области изучения русских древностей Укека.

Первым по времени письменным источником, в котором, возможно, упоминается Укек, является книга францисканского монаха Гильома де

Рубрука. В 1253 г. он проезжал через новый поселок на берегу Волги, «который татары устроили вперемежку из русских и сарацин, перевозящих послов, как направляющихся ко двору Бату, так и возвращающихся оттуда» (Путешествие в Восточные страны, 1997, с. 116). На роль такого поселка вполне подходит будущий город Укек. Во-первых, на Увекском городище присутствует слой середины – второй половины XIII в., насыщенный древнерусской керамикой. Во-вторых, здесь действительно существовала переправа через Волгу. Сирийский историк и географ Абу-л-Фида упоминает о соседстве ставки хана с городом Укеком (Коновалова, 2009, с. 125). В конце 1262 – начале 1263 г. город посетили купцы Николо и Матео Поло. По Волжскому пути они прибыли из Болгара, в Укеке переправились через Волгу и через 17 дней пути прибыли в Бухару (Путешествие в Восточные страны, 1997, с. 193). Итак,

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ: проект №12-31-01246.

письменные источники подтверждают, что Укек был одним из важных городов, основанных еще в XIII в. и располагавшихся на Волжском пути, у переправы к одной из ставок хана.

Письменные источники отмечают активную деятельность русских на Волге во времена Золотой Орды (Тизенгаузен, 1884, с. 63, 241). Некоторые из них вполне могли заниматься строительством речных судов, другие были гребцами и выполняли прочие обязанности на судне¹. Течение и уровень воды в Волге не постоянны, ежегодно менялся абрис островов, появлялись новые острова, мели и перекаты. Поэтому плавание по реке – довольно сложное занятие, особенно для крупных судов. Для благополучного прохода кораблей необходимы лоцманы, знающие все особенности русла на определенном отрезке в определенное время. Среди представителей этой профессии в Укеке вполне могли быть русские люди.

Рыбные богатства Волги были весьма велики и активно использовались. Об этом свидетельствуют многочисленные рыболовные приспособления, найденные на Увекском городище (Недашковский, 2002). Среди них – железные крючки для переметов и многочисленные грузила для рыболовных сетей различных размеров. Показательно, что при раскопках

¹ В ярлыке Бердибека к митрополиту Алексию упоминается «лодейщики» (монг. «онгачачи», тюрк. «кемэчи»), которые «обеспечивали транспортировку через водные преграды» (Григорьев, 2004, с. 97). В ярлыке Тимур-Кутлуга и более поздних упоминается термин, переводимый как «перевозчик», «ладейщик», «лодочник», «корабельщик», «мостовщик» (Федоров-Давыдов, 1973, с. 99).

на Увекском городище скопление чешуи рыб наиболее часто фиксировалось нами в слоях, насыщенных древнерусской керамикой. То есть русские жители Увекского городища часто питались рыбой. А. Олеарий писал о русских во время своего путешествия по Волге в 1636 г.: «Ввиду многих своих постных дней, упомянутых выше, они привыкли питаться скорее рыбой, чем мясом» (Олеарий, 2003, с. 328). Рыбные промыслы Волги высоко ценились русскими рыбаками и после распада Золотой Орды. Несмотря на опасную ситуацию, эти люди продолжали заниматься рыболовством в XVI в., промысляя в буферной зоне между Казанским и Астраханским ханствами: «на Волге под горами Девичьими и до (от) Змиева камня и до Увека, тысяче верст от Казани захавшее, тамо живяху лето все ..., а в осень возвращахуся на Русь» (Казанский летописец, 2000, с. 244). Таким образом, часть русского населения Увека, проживая в городе на Великом Волжском пути, по роду своей деятельности была связана с Волгой: судостроители, матросы, лоцманы, рыбаки и т.д.

Археологические материалы являются единственным, но весьма информативным источником при изучении вопроса о существовании православной древнерусской общины в Укеке. В 2010–2011 гг. археологической экспедицией Саратовского областного музея краеведения под руководством Д.А. Кубанкина проводились раскопки в центральной части средневекового города (рис. 1, участок 1). На начальном этапе развития Увека, во второй половине XIII в., это еще была юго-западная окраина. Здесь обнаружены следы массового проживания

древнерусского населения, датируемые второй половиной XIII – началом XIV в, а также следы двух монументальных сооружений. Нижнее (здание 2) было построено в 1280-х годах и относилось к слою, насыщенному древнерусской керамикой. Верхнее (здание 1) было построено в 1330-х или 1340-х годах и практически не содержало в строительном горизонте древнерусской керамики.

Стратиграфические наблюдения однозначно свидетельствуют, что на этом участке изначально поселились русские. На это указывает многочисленность древнерусской керамики, частые скопления чешуи рыб и присутствие свиных костей среди археозоологического материала¹. Самая ранняя монета – пул с тамгой, чекан Крыма, времени правления Менгу-Тимура (1266–1282 гг.). Монеты подобного или схожего типа датируются 674 г.х. (1275/1276 г. н.э.)².

В 1280-е годы начинается строительство монументального сооружения на каменном фундаменте, в засыпке которого обнаружена серебряная монета времен правления Туда-Менгу, чекан Сарая, 681 г.х. (1281/1282 г. н.э.). Еще одна такая же монета, но меньшего веса, обнаружена в верхних слоях разрушенного здания. К моменту строительства на данной территории образовался мощный культурный слой. Здание пострадало в пожаре и было разобрано. После гибели этого сооружения образуется новый культурный слой, который перекрывает остатки здания 2. Он тоже насыщен древнерусской керамикой, что свиде-

тельствует о дальнейшем проживании здесь славянского населения.

Верхняя граница слоя с древнерусской керамикой маркируется строительством здания 1, условно датированного по монетам 1330-ми – 1340-ми годами. Фундамент этой постройки возводили из каменных блоков вторичного использования. Среди них – камень с изображением креста (рис. 2) и многочисленные фрагменты известковой штукатурки с фресковой росписью (рис. 3) в засыпке фундамента (Кубанкин, 2012, с. 145, рис. 4). Эти архитектурные детали попали сюда из разобранный церкви. Кирпичные стены здания 1 были украшены восточными изразцами и, очевидно, не имели отношения к русскому храму.

Здание 2, построенное в 1280-х годах, исследовано лишь частично, поэтому многие выводы носят предварительный характер. Общая площадь постройки пока не установлена, однако ее монументальность бесспорна. Ленточный фундамент был заглублен на 1,4–1,6 м и ориентирован углами по сторонам света. Толщина фундамента капитальной стены в верхней части – 80–120 см, в нижней части у подошвы – 140 см. Толщина фундамента внутренних стены – 40–60 см, внизу у подошвы – 70 см. До начала строительства на поверхности были прорыты траншеи под фундамент, в которые слоями укладывались камни, соединенные только «грязевым» раствором – мокрым утрамбованным грунтом. При строительстве использовался песчаник, выходы которого до сих пор встречаются в большом количестве, как на территории городища, так и в его окрестностях. Для кровли служила глиняная черепица – керами-

¹ Изучение археозоологической коллекции проведено Л.В. Яворской.

² Определение А.В. Пачкалова.

ды и калиптеры, фрагменты которых найдены здесь в большом количестве. После пожара здание было разобрано до фундамента, поэтому материал, из которого возводились стены, нам неизвестен. Вполне вероятно, что это был все тот же песчаник. Видимо, массивные каменные блоки из этих стен попали в фундамент более позднего здания 1.

Полагаю, что здание 2 было православным храмом города Укека. Для окончательной уверенности необходимо найти апсиду. Пока же есть отдельные факты. Собираясь воедино, эти факты становятся весьма весомыми аргументами. 1) Здание 2 располагалось на участке длительного проживания древнерусского населения. 2) Постройка носит монументальный характер. 3) Возведенное на месте здания 2 сооружение содержит в своем фундаменте каменный блок с крестом и фрагменты штукатурки с фресковой росписью – элементы, характерные для оформления церкви. По определению Вл.В. Седова, фрески относятся к русской или византийской школе рубежа XIII–XIV вв.¹

Храм имел подвальные помещения, располагавшиеся в северо-восточной части. Здесь хранилось имущество, которое сильно пострадало в результате пожара. Позднее многие вещи были изъяты с пожарища, а само здание разобрано. Был разобран даже фундамент в южной части, от которого осталась лишь траншея и отдельные камни.

Вещи, обнаруженные в подвалах, свидетельствуют о незаурядности данного сооружения. Отдельно следует отметить парадную посуду: не

¹ Выражаю благодарность В.В. Седову за своевременные консультации.

менее одиннадцати кашинных сосудов иранского производства (рис. 4–7), четыре византийские поливные чаши (рис. 8), один светлоглиняный кувшин с ультрамариновой поливой из неустановленного центра производства (рис. 9)² (Кубанкин, 2012, с. 148–150, рис. 7–9). Тарная посуда: не менее восьми трапезундских амфор, три амфоры «группы клейма SSS» (рис. 10), две хумчи и, возможно, один критский пифос³. В двух трапезундских амфорах хранилось просо, на некоторых фрагментах остались маслянистые потеки гари. Возможно, в них хранилось вино или масло. Возле хумчи обнаружено скопление гороха, на одной из амфор «группы клейма SSS» – маслянистые потеки гари. Часть зерна (просо и пшеница) хранилась в деревянных емкостях – ведрах и ларях. В небольшом количестве найдены лесные орехи. Зафиксировано крупное скопление погоревшей деревянной посуды, выточенной на токарном станке: кубки, ковши, тарелки и пр. Фрагменты деревянных пластин с резным орнаментом, возможно, украшали шкатулку или ларец (Кубанкин, 2012, с. 146, рис. 5: 5). Они сделаны в технике плоскорельефной резьбы с выбранным фоном. Особо следует выделить фрагмент деревянного изделия с резным изображением протомы барса (рис. 11), возможно, служившего ручкой для ковша. Обнаружены фрагменты обгоревших хлебных изделий, в том числе двух лепешек с орнаментом (рис. 12). В подвалах хранились штуки тканей полотняного плетения из нитей рас-

² Определение керамики проводилось А.Н. Масловским, С.Г. Бочаровым и В.Ю. Ковалем.

³ Определение А.Н. Масловского.

тительного происхождения, мех. Из украшений обнаружены стеклянные и кашинные бусы, сердоликовая вставка (Кубанкин, 2012, с. 151, рис. 10: 1–3). В отдельном месте располагались кузнечные изделия: две крицы, одна из которых половинчатая, железный нож, а также два мешочка с порошком чистой меди или медного купороса. Такие разнообразные припасы могли принадлежать храму либо быть отданы туда на хранение от общины или отдельных купцов.

Время строительства церкви условно установлено нами по монете в фундаменте: не ранее 1281–1282 гг. Верхний хронологический рубеж здания 2 четко не установлен. А.Н. Масловский полагает, что представленный в подвале набор керамики укладывается в 1290-е годы, следовательно, пожар мог произойти в 1290-х годах.

Из находок в слое вне построек особо следует выделить стеклянную шпильку для волос ультрамаринового цвета. Вытянутый стержень венчает шляпка со стилизованным изображением разрезанного плода граната. Подобные изделия известны в Китае, в том числе периода династии Юань (Хан, 1999, с. 92)¹. Схожие предметы экспонировались в музее Метрополитен на выставке «The World of Khublai Khan: Chinese Art in the Yuan Dynasty». находка с Увекского городища происходит из самых ранних слоев и условно датируется по монетным находкам 1270-ми годами. Очевидно, что владелицей этого украшения была представительница неславянских народов, т.к. для последних не характер-

ны сложные прически с использованием шпилек. Среди находок в слое, помимо древнерусской керамики, следует выделить фрагмент каменного нательного креста (Кубанкин, 2012, с. 151, рис. 10: 6), обломки сероглиняной штампованной посуды, многочисленные фрагменты византийских поливных чаш. Среди древнерусской керамики условно можно выделить следующие центры производства: Москва и ее окрестности, Верхневолжье и Рязанское Поочье². Некоторые сосуды были сделаны русскими уже в Укеке, при этом отдельные фрагменты отличаются от остальной древнерусской керамики отсутствием крупных примесей и более качественным обжигом. Подобная ситуация зафиксирована на Водянском городище (Мыськов, 2007, с. 136), расположенном в 300 км от Увекского вниз по течению р. Волга.

Как установлено исследованиями на раскопе III 2010–2011 гг., данный участок города относился к христианскому кварталу, датируемому 1270–1320-ми или 1330-ми годами. Среди жителей этого квартала, судя по керамике, превалировало древнерусское население. Об этом же говорит и ряд находок предметов, относящихся к христианскому культу, сделанных на Увекском городище с конца XIX до конца XX в., места обнаружения которых также тяготеют к месту данного раскопа.

В 1990-х годах в 80 метрах к западу-северо-западу от нынешнего раскопа III была найдена шиферная иконка подпрямоугольной формы с выделенным бортиком, размером 4 x 4,7 см, с рельефным изображением Спаса на престоле (рис. 13). Христос

¹ Выражаю признательность С.И. Валиуллиной за представленную ссылку на китайское издание.

² Определение В.Ю. Коваля.

изображен с крестчатым нимбом, благословляющей правой рукой и с Евангелием в левой руке (Кубанкин, 2006, с. 25, рис. 1: 2). В соседнем дворе при земляных работах был найден целый древнерусский горшок.

В 140 м к юго-западу от раскопа III известно еще одно скопление древнерусского материала, обнаруженное в результате археологических раскопок. В верхних слоях, датируемых условно по монетам серединой XIV в., найдены одно ушко креста или иконки¹ и два фрагмента крестов-энколпионов (Кубанкин, 2011, с. 214, рис. 4: 5)². С этого раскопа происходят фрагменты двух красноглиняных поливных чаш. У одной, произведенной в Судак или Солхате³, на стопе кольцевого поддона прочерчены линии, образующие крест⁴. У другой, произведенной в Солхате на рубеже XIII–XIV вв.⁵, по дну с внешней стороны прочерчен крест⁶. Возможно, они служили для причастия. При раскопках греческого храма Св. Теодора Тирона и Стратилата в Каффе было обнаружено семь донцов от красноглиняных глазурованных чаш с процарапанным крестом на внешней стороне (Айбабина, Бочаров, 1996, с. 20, 21; 2002, с. 166–168).

На этом же участке Увекского городища в 1994 г. местными жителями в результате земляных работ был обнаружен комплекс вещей, которые вероятно, происходят из клада в

сгоревшем жилище. Среди них три кашинные чаши, два бронзовых светильника, два бронзовых зеркала и медная лампада (рис. 14). Кашинные чаши датируют комплекс временем не ранее 1330-х годов. Учитывая скопление древнерусских и христианских находок из этого места, можно с некоторой долей осторожности предположить, что клад принадлежал зажиточному жителю христианского квартала.

К этому же району, но без точной привязки, относятся следующие находки: бракованная бронзовая иконка с изображением Георгия Победоносца, датируемая М.Д. Полубояриновой XIV в. (1978, с. 96, 97), и иконка из темного камня в виде квадрифолия с рельефным изображением полуфигуры ангела в профиль. По мнению Н.Г. Порфиридова, иконка сделана в Византии в XI–XII вв. (Порфиридов, 1975, с. 122).

Все эти находки позволяют утверждать, что во второй половине XIII в. на юго-западной окраине города Увека был создан христианский квартал, заселенный русскими. В 1280-е годы здесь, вероятно, был построен храм, погибший от пожара в 1290-х годов. Проживание русского населения на всей территории квартала фиксируется в разной степени вплоть до 1360-х годов.

Однако это не единственный участок компактного проживания христианского населения. В районе ранее прослеживавшегося северного вала, к северу от станции Увек, в результате сборов обнаружены следующие вещи. 1) Шиферная иконка с изображением Гроба Господня, датируемая XIII в. (Николаева, 1983, с. 146). 2) Бронзовый крест с ушком, датируемый

¹ ЭКМ. Инв.№ НВСП 9088.

² ЭКМ. Инв.№№ ЭКМ 12314; ЭКМ 12319.

³ Определение А.Н. Масловского.

⁴ ЭКМ. Инв.№ ЭКМ 12311.

⁵ Определение А.Н. Масловского и С.Г. Бочарова.

⁶ ЭКМ. Инв.№ НВСП 9183.

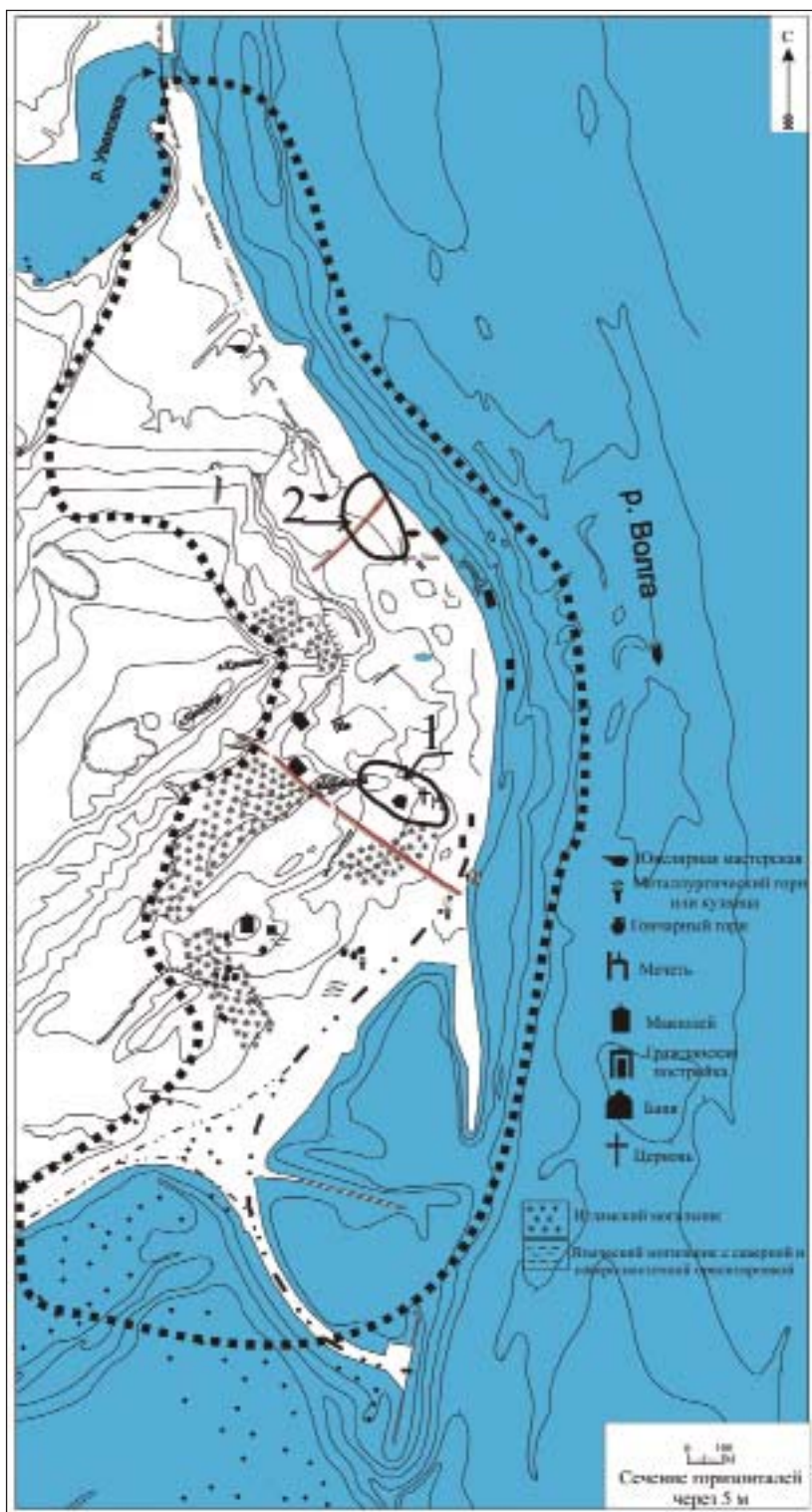

Рис. 1. План Увекского городища. №1 – приблизительные границы русского юго-западного квартала; №2 – условные границы северного квартала.

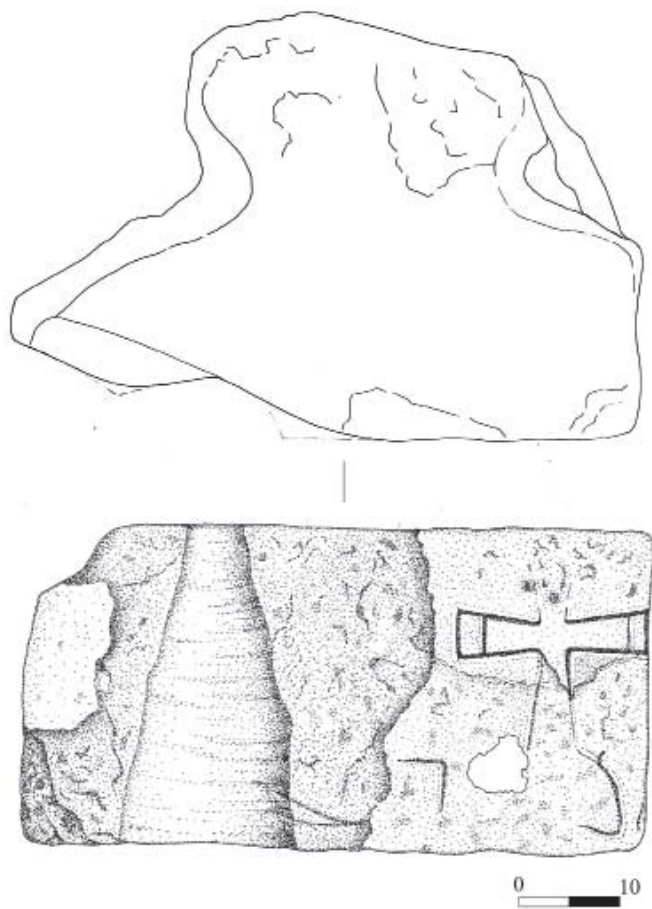
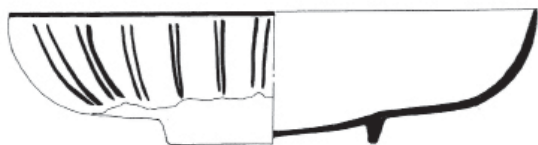
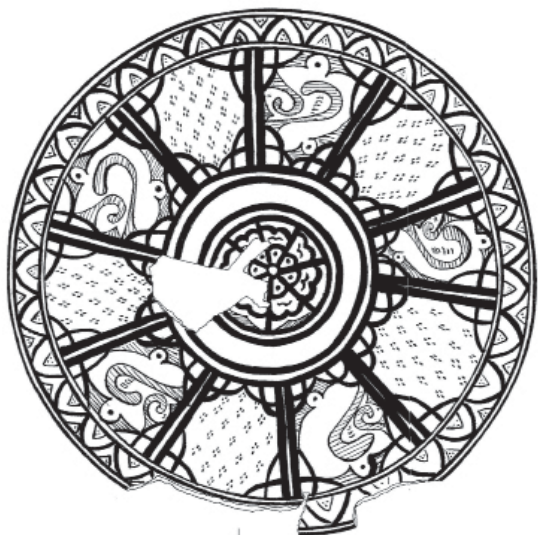

Рис. 2. Каменный архитектурный блок с изображением креста.

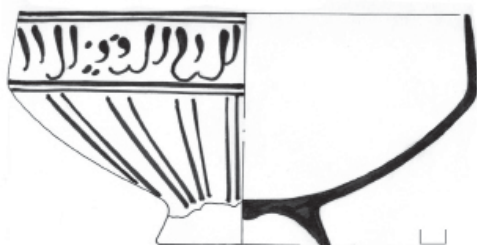
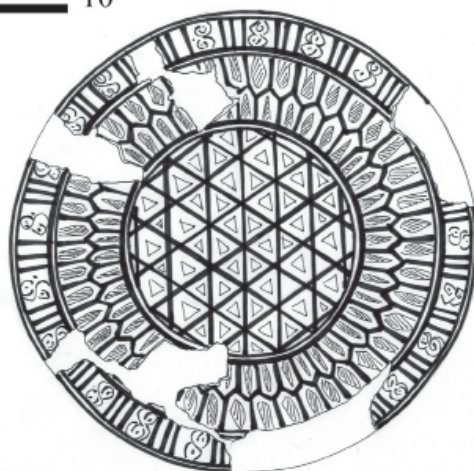

Рис. 3. Фрагменты штукатурки с фресковой росписью.

0 10

Рис. 4. Блюдо кашинное.
Раскоп III. Здание 2.

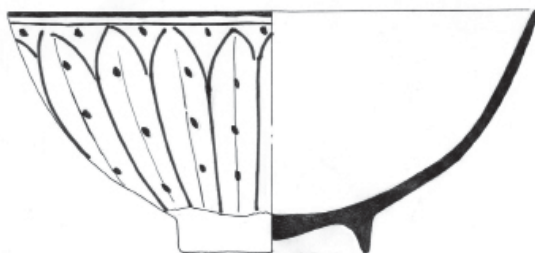
0 10

Рис. 5. Чаша кашинная.
Раскоп III. Здание 2.

0 10

Рис. 6. Тарелка кашинная.
Раскоп III. Здание 2.

0 ————— 10

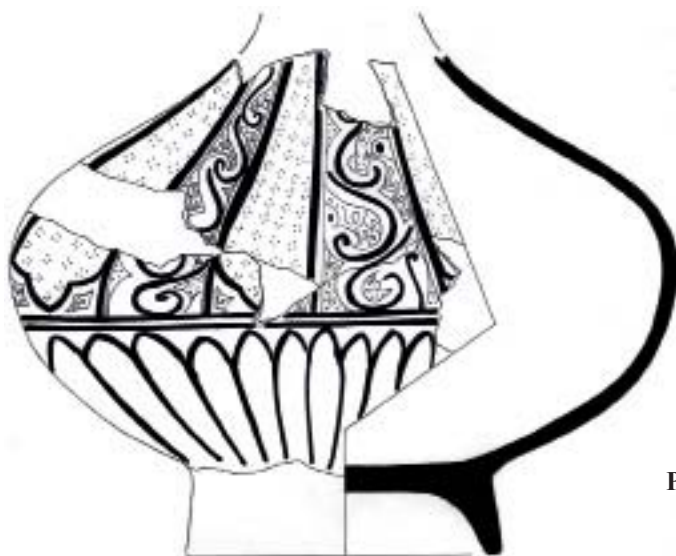

Рис. 7. Бутыль кашинная.
Раскоп III. Здание 2.

0 ————— 10

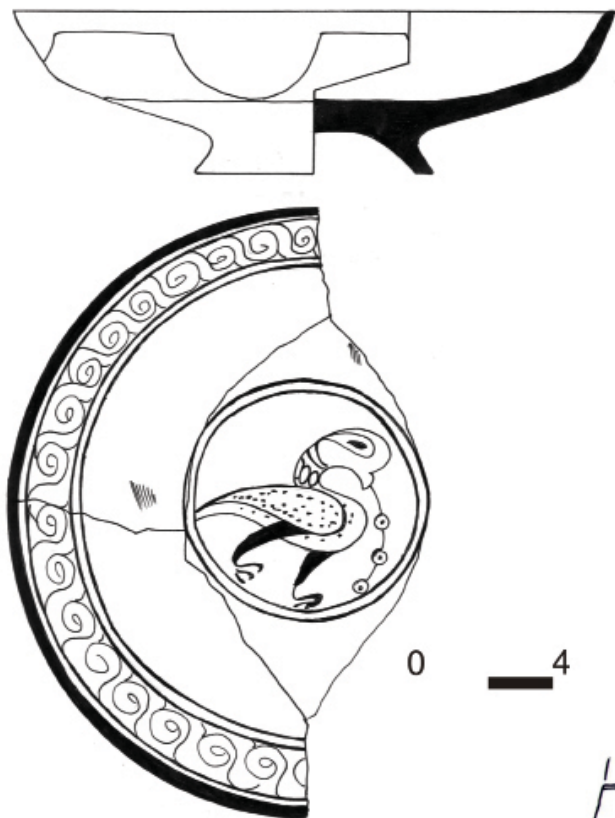
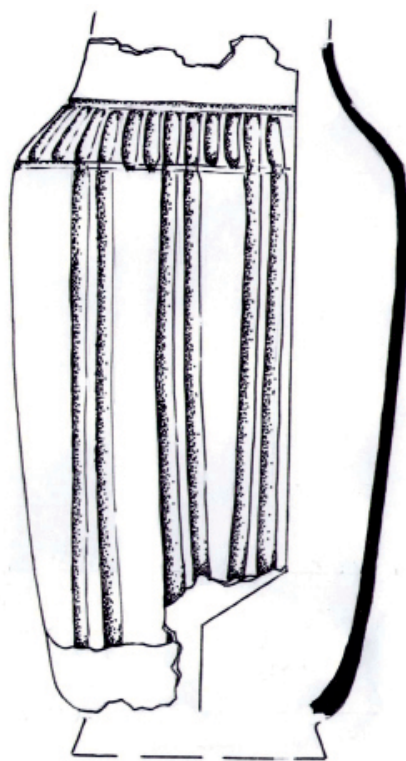

Рис. 8. Тарелка
красноглиняная.
Раскоп III. Здание 2.

Рис. 9. Кувшин
светлоглиняный.
Раскоп III. Здание 2.

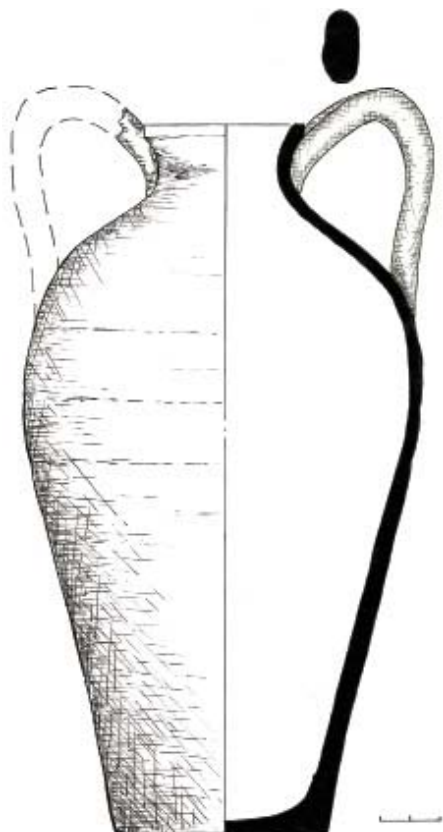

Рис. 10. Амфора клейма SSS.
Раскоп III. Здание 2.

Рис. 11. Фрагмент
деревянного резного
изделия с изображением
протомы барса.
Раскоп III. Здание 2.

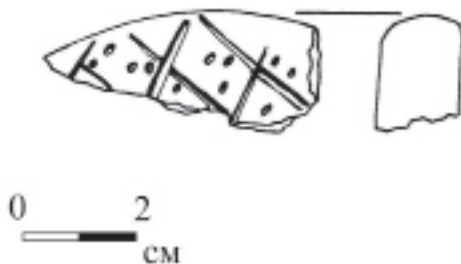
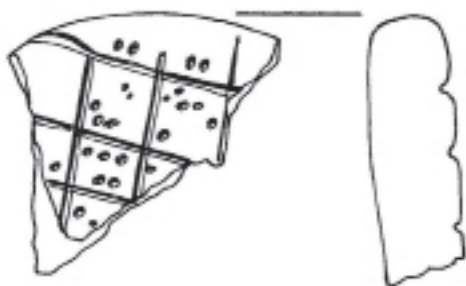

Рис. 12. Фрагменты хлебных лепешек. Раскоп III. Здание 2.

Рис. 15. Прорисовка оттиска с печати князя Михаила.

Рис. 13. Каменная иконка «Спас на престоле».

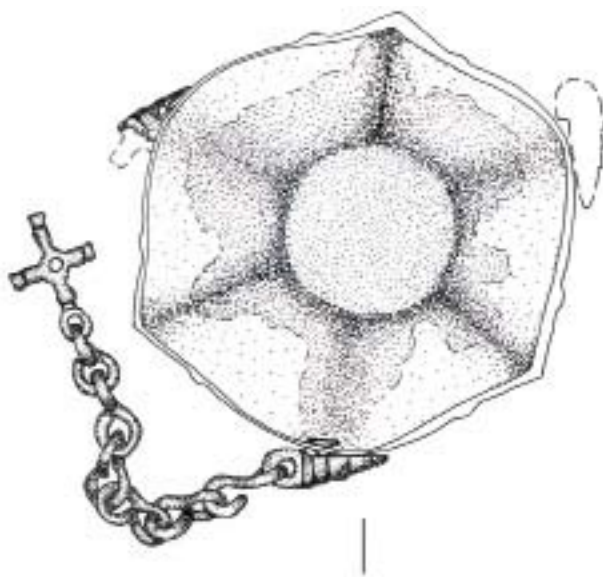

Рис. 14. Медная лампада из «клада» в юго-западном русском квартале.

М.Д. Полубояриновой XIII в. (1978, с. 98, 99); 3) Крест-мощевик (?) в составе клада из 46 серебряных монет в глиняном сосуде вместе с медным топором и двумя медными чашечками (Кубанкин, 2006, с. 20). А.А. Кротков, обобщивший в начале XX в. некоторые данные о находках христианских древностей, пришел к выводу о существовании на северной окраине Укека русского квартала (Кубанкин, 2005, с. 208). Возможно, на территории города Укека существовали две православные общины, расположенные на разных концах города, однако об их синхронности пока нет никаких данных. Между этими двумя окраинами на площади всего городища часто встречаются отдельные фрагменты древнерусской керамики, которые не образуют крупных скоплений. Вероятно, некоторые русские проживали вне христианского квартала и относились к числу рабов или зависимого населения.

Находка на Увекском городище каменного архитектурного блока с крестом и фрагментов штукатурки с фресковой живописью однозначно свидетельствуют о существовании не менее одного христианского храма. Это подтверждается обнаруженными предметами богослужения. Такие предметы могли использоваться в домах богатых христиан, однако их обилие свидетельствует, скорее, о наличии церкви. Находки следующие: 1) нижняя часть бронзового кадила – кацеи, датируемой XIII–XIV в. (Недашковский, 2000, с. 111, 107, рис. 30: 23); 2) верхняя часть кадила или лампы с тремя отверстиями для подвеса (Архив ИИМК. Оп. 1/1893, д. 107, л. 80; Nedashkovsky, 2004, p. 191, fig. 10); 3) описанная выше медная лампада из

клада в русском квартале на юго-западной окраине; 4. подсвечник хороса с шипом, аналогичный находкам из Древней Руси и Волжской Болгарии XI–XV вв. (Недашковский, 2000, с. 111, рис. 30: 21); 5) подсвечник хороса втульчатый, близкий Мстиславльской находке XIV–XV вв. (Недашковский, 2000, с. 111, рис. 30: 22); 6) фрагменты литых цепочек для хороса или лампы (Недашковский, 2000, с. 111, рис. 30: 20), имеющие аналогии в материалах с Царевского городища (Полубояринова, 1978, с. 60, рис. 9) и из богатого жилища в Новогрудке (Гуревич, 1981, с. 66, рис. 51: 1); 7) навершие хороса (Полубояринова, 1978, с. 101, рис. 31); 8) клад предметов христианского культа, найденный в 1846 г. крестьянами при ловле рыбы возле Увека: «Нашли в песке короб со следующими вещами: медный посеребренный крест, две медные дароносицы с чашами, лжицами и стеклянными сосудами, штуки от паникадила, посеребренные. Все эти вещи кажутся бывшими в огне» (Кубанкин, 2006, с. 23).

Сохранились некоторые предметы благочестия, которые носили на себе христиане Укека – иконки и кресты из камня и медных сплавов общим числом более 20 предметов (Кубанкин, 2011). По-видимому, потребности местных жителей в предметах христианского культа частично удовлетворялись за счет местных мастерских. Об этом свидетельствует литейный брак энколпиона (Полубояринова, с. 96, рис. 25: 2), иконки с изображением Георгия Победоносца (Полубояринова, 1978, с. 96, рис. 25: 1) и иконки с поясным изображением святого (Недашковский, 2000, с. 107, рис. 30: 18), цепочки для хороса или кадила (Недашковский, 2000, с. 107, рис. 30:

20). Найдена заготовка створки формы для литья ушка энколпиона или иконки (Недашковский, 2000, с. 107, рис. 30: 25). Очевидно, что часть продукции покупалась жителями округа Укека, где практически на каждом поселении встречается древнерусская керамика, а в некоторых случаях она доминирует.

Помимо предметов христианского культа, в Укеке отливали звездчатые колты – несомненный маркер древнерусского населения. Об этом свидетельствует фрагмент литейной формы, найденный на городище (Спицын, 1914, с. 101–102) и аналогичный многочисленным формочкам из древнерусских городов. Изготовление литых изделий свидетельствует о производстве их в большом количестве, в том числе для последующей продажи. То есть, помимо рабов, в городе и его округе однозначно существовало свободное, платежеспособное русское население. Это подтверждается находкой клада из трех кашинных чаш, двух китайских бронзовых зеркал, двух бронзовых ламп и медной лампы. Владеть такими вещами мог себе позволить далеко не бедный человек. Очевидно, что только богатые люди сообща могли наполнить подвалы храма, частично раскопанные нами в 2010–2011 гг. Покупать продукцию местных мастеров могли также русские купцы и представители русской знати. Присутствие в Укеке высокопоставленных лиц из древнерусских княжеств подтверждают находки печатей: 1) каменная печать – вставка в перстень, принадлежавшая некому князю Михаилу (рис. 15), датируется первой четвертью XIV в. (Кубанкин, 2008); 2) костяная печать Семена, относящаяся к рубежу XIII–XIV вв.

(Крамаровский, 1999, с. 40–48). Если печать князя вместе с перстнем могла попасть в Укек в качестве трофея, то костяная печать вряд ли представляла такой интерес. Наиболее вероятно, что она появилась в Укеке вместе со своим хозяином.

Возникает уместный вопрос: что делали здесь русские князья и знатные люди? Полагаем, что ответ кроется в местоположении города. Укек был расположен на переправе к одной из кочевых ставок хана. Об этом свидетельствует ряд источников. Гильом де Рубрук, вероятно, побывал именно в поселке на месте будущего Укека, где перевозили послов «как направляющихся ко двору Бату, так и возвращающихся оттуда, потому что Бату находится на другом берегу в восточном направлении, и он не проходит через это место, где мы остановились, когда поднимается лето, а он уже начал спускаться. Именно с января до августа он сам и все другие поднимаются к холодным странам, а в августе начинают возвращаться. Итак, мы спустились на корабле от этого поселка до двора Бату ...» (Путешествие в Восточные страны, с. 116). Арабский историк и географ Абу-л-Фида пишет: «На Укак двигалась орда царя татар из страны Берке, но не вступала в город» (Коновалова, 2009, с. 125). Наиболее вероятно, что летнее кочевье ханов Золотой Орды XIII в. располагалось в местности Лисья Балка возле с. Советского Энгельского р-на Саратовской области (Баринов, 1997, с. 183; Ракушин, 2007, с. 222), примерно в 50 км к востоку от города Укека.

Город Укек в этом случае служил промежуточным пунктом в путешествии ко двору хана. На территории русской общины в городе мог оста-

новиться русский князь или его доверенное лицо перед поездкой в ставку хана, собрать нужную ему информацию и подготовится к ответственному визиту.

Несмотря на многочисленность древнерусской керамики и предметов христианского культа, следует отметить, что русское христианское население не составляло доминирующего большинства среди жителей Укека. Как и в большинстве других нижневожских городов Золотой Орды, урбанистической основой здесь были турки, особенно это характерно для XIV в. (Кубанкин, 2006). Русское население Укека, с одной стороны, сохранило свою самобытность, пользуясь собственными формами посуды, исповедуя православие и активно общаясь с соплеменниками из различных княжеств. С другой стороны, оно оказалось подверженным влиянию местных условий жизни и соседствующих культур. Это сказалось на некоторых новациях в гончарных традициях и более активном использовании в быту импортных изделий, прежде всего восточного облика. Вовлечение города в посредническую торговлю изделиями различных культур от Китая до Египта нашло яркое отражение в быту местного русского населения. Несмотря на сохранение славянских христианских традиций, быт русских здесь все более отчетливо приобретал восточные черты. Об этом свидетельствует клад, найденный в русском квартале. Помимо медной лампы,

он содержал два бронзовых зеркала, выполненных в китайской традиции, две бронзовых лампы, характерных для исламского искусства Востока и распространенных в городах Золотой Орды, и 3 кашинных чаши, выполненных золотоордынскими мастерами. Еще одним подтверждением этого вывода является подвал местного храма. Здесь, помимо древнерусской керамики, обнаружена посуда из Ирана, с Кавказа, Юго-Восточного и Южного Причерноморья, Византии, стеклянные изделия из Сирии или Египта.

Итак, в Укеке постоянно существовала древнерусская община, члены которой занимались разнообразной деятельностью. Это были рыбаки, матросы, ремесленники, возможно, купцы, священники и пр. Здесь производились культовые вещи, находившие спрос также в сельской местности за пределами города, где тоже проживали русские православные люди. В Укеке на территории русского квартала был каменный православный храм. Город, расположенный на Волге, у переправы к летней ставке хана, посещали многочисленные посольства из различных стран. Русский квартал Укека был «своим» местом в Золотой Орде для многих купцов, послов и прочих вельмож из Руси. Здесь происходило общение с соплеменниками, постоянно проживавшими в джучидском городе. Полагаем, что последующие раскопки предоставят новые сведения о жизни древнерусской общины в золотоордынском городе Укеке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айбабина Е.А., Бочаров С.Г. Отчет об археологических исследованиях средневековой Каффы в 1996 году // Научный архив КФ ИА НАН Украины. 1996.
2. Айбабина Е.А., Бочаров С.Г. Греческие церкви средневековой Кафы // Православные древности Таврики. (Сборник материалов по церковной археологии). – Киев, 2002.

3. *Баринов Д.Г.* Золотоордынское кочевья Лисья Балка // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Материалы Международ. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения П.Д. Рау. – Саратов, 1997.
4. *Герасимов А.А.* Увек // Тр. Ставропольской УАК. – 1910. – Вып. II.
5. *Григорьев А.П.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: Источниковедческий анализ золотоордынских документов. – СПб., 2004.
6. *Гуревич Ф.Д.* Древний Новогрудок. – Л., 1981.
7. Казанский летописец // ПСРЛ. Т. 19. – М., 2000.
8. *Коновалова И.Г.* Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв. – М., 2009.
9. *Крамаровский М.Г.* Печать конца XIII–XIV в. с исламским вариантом христианской легенды об отроках из Эфеса // ТА. – 1999. – № 1–2.
10. *Кубанкин Д.А.* Неопубликованная рукопись А.А. Кроткова «Увек–Саратовский по данным истории и археологии» // Поволжский край. Вып. 12. Саратов, 2005.
11. *Кубанкин Д.А.* К вопросу о существовании в Укеке русской общины // Народы Саратовского Поволжья: история, этнография и современность (Тр. СОМК. Вып. 7). – Саратов, 2006.
12. *Кубанкин Д.А.* Погребальные памятники Увекского городища // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 4. – Саратов, 2006.
13. *Кубанкин Д.А.* Находка на Увек печати «князя Михаила» // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 8. – Саратов, 2008.
14. *Кубанкин Д.А.* Христианское население золотоордынского города Увек // Диалог городской и степной культуры на евразийском пространстве: материалы V Международ. конф., посвящ. памяти Г.А. Федорова-Давыдова. – Казань, 2011.
15. *Кубанкин Д.А.*, 2011а. Древнерусское население золотоордынского города Укека // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II. – СПб.; М.; Великий Новгород, 2011.
16. *Кубанкин Д.А.* Некоторые находки из раскопок на Увекском городище в 2010–2011 гг. (предварительное сообщение) // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 10. – Саратов, 2012.
17. *Мысков Е.П.* Керамические комплексы русского поселка и русского квартала Водянского городища // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 5. – Волгоград, 2002.
18. *Недашковский Л.Ф.* Золотоордынский город Увек и его округа. – М., 2000
19. *Недашковский Л.Ф.* Рыболовный инвентарь из Укека и его округа // Поволжье и сопредельные территории в средние века (Тр. ГИМ. Вып. 135). – М., 2002.
20. *Николаева Т.В.* Древнерусская мелкая пластика из камня XI–XV вв. // САИ. – 1983. – Вып. Е 1-60.
21. *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию. – Смоленск, 2003.
22. *Полубояринова М.Д.* Русские люди в Золотой Орде. – М., 1978.
23. *Порфиридов Н.Г.* История одного изображения в древнерусском искусстве // Древнерусское искусство. Зарубежные связи. – М., 1975.
24. Путешествие в Восточные страны. – М., 1997.
25. *Ракушин А.И.* Кочевые улусы Золотой Орды (по материалам курганных могильников Нижнего Поволжья XIII–XV вв.) // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 4. – Саратов, 2007.
26. *Спицын А.А.* Некоторые новые приобретения Саратовского музея // ИАК. – 1914. – Вып. 53.
27. *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. – СПб., 1884.

28. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. – М., 1973.
29. Хан Х. Древнее китайское стекло. – Тайбей, 1999. (На кит. яз).
30. Nedashkovsky L.F. Ukek: The Golden Horde city and his periphery. – Oxford, 2004.

Информация об авторе:

Кубанкин Дмитрий Александрович, старший научный сотрудник, Саратовский областной музей краеведения (г. Саратов, Россия); kubankin2008@yandex.ru

RUSSIAN COMMUNITY OF UKEK, THE GOLDEN HORDE CITY

D. A. Kubankin

The existence of a large Russian community in the Golden Horde city of Ukek is evidenced in written sources. Excavations have revealed that there were two Russian quarters in the city existed (perhaps not simultaneously): the southwestern and the northern ones. In the southwestern quarter, the ruins of a monumental building dated by the 1280-1290s have been found, which probably used to serve as an Orthodox church. Hoards of items of pronounced Christian character, and Old Russian star-shaped kolts (part of female headgear) have been discovered as well. Some of the Christian cult objects were manufactured locally. All this indicates that in the Golden Horde city of Ukek, the Russians had been represented not only as slaves, but also as free dwellers. At the same time, the Russian population of the city constituted a minority and was greatly influenced by Oriental cultures.

Keywords: archaeology, the Lower Volga river region, the Golden Horde period, Ukek, Russian population, Orthodox church building, Christian cult items, intercultural ties.

REFERENCES

1. Aibabina, E. A., Bocharov, S. G. 1996. *Otchet ob arkhelogicheskikh issledovaniyakh srednevekovoi Kaffy v 1996 godu (Report on Archaeological Investigations of Medieval Caffa in 1996)*. Scientific Archive of the Crimea Branch of Archaeology Institute, National Academy of Sciences of Ukraine (in Russian).
2. Aibabina, E. A., Bocharov, S. G. 2002. In *Pravoslavnye drevnosti Tavriki (Sbornik materialov po tserkovnoi arkhologii) (Orthodox Antiquities of Taurica (Collected Papers on Church Archaeology))*. Kiev: "Stilos" Publ., 159–168 (in Russian).
3. Barinov, D. G. 1997. In *Epokha bronzy i rannii zheleznyi vek v istorii drevnikh plemen iuzhnorusskikh stepei (Bronze Age and Early Iron Age in the History of Ancient Tribes in South Russian Steppes)*. Saratov: Saratov State Pedagogical Institute, 183–185 (in Russian).
4. Geraklitov, A. A. 1910. *Uvek (Uvek Hillfort)*. Series: Trudy Stavropol'skoi uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of the Stavropol Scientific Archival Commission) II (in Russian).
5. Grigor'ev, A. P. 2004. *Sbornik khanskikh iarlykov russkim mitropolitam: istochnikovedcheskii analiz zolotoordynskikh dokumentov (Collection of Khans' Jarligs to Russian Metropolitans: critical analysis of the Golden Horde documents as a source)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University (in Russian).
6. Gurevich, F. D. 1981. *Drevnii Novogradok. Okol'nyi gorod (Ancient Novogradok: Outer City)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
7. *Istoriia o Kazanskom tsarstve (Kazanskii letopisets) (Story of the Kazan Kingdom (The Kazan Chronicle))*. 2000. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) XIX. Moscow: "Iazyki russkoi kul'tury" Publ. (in Russian).

Supported by the Russian Foundation for the Humanities: Project No. 12-31-01246.

8. Konovalova, I. G. 2009. *Vostochnaia Evropa v sochineniiakh arabskikh geografov XIII–XIV vv. (Eastern Europe in Writings of Arab Geographers of 13th–14th Centuries)*. Moscow: “Vostochnaia literatura” Publ. (in Russian).
9. Kramarovskii, M. G. 1999. In *Tatarskaia arkheologiiia (Tatar Archaeology)* (1–2), 39–48 (in Russian).
10. Kubankin, D. A. 2005. In *Povolzhskii kraj (Volga Land)* 12. Saratov, 200–212 (in Russian).
11. Kubankin, D. A. 2006. In *Narody Saratovskogo Povolzh'ia: istoriia, etnografiia i sovremennost' (Peoples of the Saratov Volga Region: History, Ethnography, and Present Day)*. Series: Trudy Saratovskogo oblastnogo muzeia kraevedeniia (Proceedings of the Saratov Regional Museum of Local Lore) 7. Saratov (in Russian).
12. Kubankin, D. A. 2006. In *Arkheologiiia vostochno-evropeiskoi stepi (Archaeology of East-European Steppe)* 4. Saratov, 190–213 (in Russian).
13. Kubankin, D. A. 2008. In *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia (Archaeological Heritage of Saratov Land)* 8. Saratov: “Nauchnaia kniga” Publ., 156–161 (in Russian).
14. Kubankin, D. A. 2011. In Vasilev, D. V., Zeleneev, Yu. A., Sitdikov, A. G. (eds.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na evraziiskom prostranstve (Dialogue of Urban and Steppe Cultures on Eurasian Territory)*. Kazan; Astrakhan: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 211–215 (in Russian).
15. Kubankin, D. A. 2011. In Makarov, N. A., Nosov, E. I. (eds.). *Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda. Velikii Novgorod – Staraiia Russa (Proceedings of the 3rd (19th) All-Russian Archaeological Meeting. Veliky Novgorod – Staraya Russa)* II. Saint Petersburg; Moscow; Veliky Novgorod, 154–155 (in Russian).
16. Kubankin, D. A. 2012. In *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia (Archaeological Heritage of Saratov Land)* 10. Saratov: “Nauchnaia kniga” Publ., 141–151 (in Russian).
17. Myskov, E. P. 2002. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 5. Volgograd: Volgograd State University, 126–147 (in Russian).
18. Nedashkovskii, L. F. 2000. *Zolotoordynskii gorod Ukek i ego okruga (The Golden Horde City of Ukek and its Region)*. Moscow: “Vostochnaia literatura” Publ. (in Russian).
19. Nedashkovskii, L. F. 2002. In Poluboiarinova, M. D. (ed.). *Povolzh'e i sopredel'nye territorii v srednie veka (The Volga River Region and Cross-border Regions in the Middle Ages)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 135. Moscow: State Historical Museum, 122–128 (in Russian).
20. Nikolaeva, T. V. 1983. *Drevnerusskaia melkaia plastika iz kamnia XI–XV vv. (Ancient Russian Small Stone Plastic Art of 11th–15th Centuries)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1-60 (in Russian).
21. Olearius, A. 2003. *Opisanie puteshestviia v Moskoviiu (Beschreibung der muscowitischen und persischen Reise)*. Smolensk: “Rusich” Publ. (in Russian).
22. Poluboiarinova, M. D. 1978. *Russkie liudi v Zolotoi Orde (Russian People in the Golden Horde)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
23. Porfiridov, N. G. 1975. In Lazarev, V. N., Podobedova, O. I. (eds.). *Drevnerusskoe iskusstvo. Zarubezhnye sviazi (Ancient Russian Art: Foreign Relations)*. Moscow: “Nauka” Publ., 119–124 (in Russian).
24. Plano Carpini, G. del. *Istoriia mongalov*. 3-e izd.; Guillaume de Rubrouck. *Puteshestvie v vostochnye strany*. 3-e izd.; Kniga Marco Polo. 4-e izd. (Plano Carpini, G. del. *Ystoria Mongalorum*; Guillaume de Rubrouck. *The Journey of William of Rubruk to the Eastern Parts; Book of Marco Polo*). 1997. Moscow: “Mysl” Publ. (in Russian).
25. Rakushin, A. I. 2007. In *Arkheologiiia vostochno-evropeiskoi stepi (Archaeology of East-European Steppe)* 4. Saratov, 214–239 (in Russian).
26. Spitsyn, A. A. 1914. In *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission)* 53, 95–106 (in Russian).

27. Tiesenhausen, V. G. 1884. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordyy. T. 1. Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh (Collected Works Related to the History of the Golden Horde. Vol. 1. Excerpts from Arab Writings)*. Saint Petersburg (in Russian).
28. Fyodorov-Davydov, G. A. 1973. *Obshchestvennyi stroi Zolotoi Ordyy (Social Order of Golden Horde)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
29. Hang, H. 1999. *Drevnee kitaiskoe steklo (Ancient Chinese Glass)*. Taipei (in Chinese).
30. Nedashkovsky, L. F. 2004. *Ukek: The Golden Horde city and his periphery*. Oxford: Archaeopress.

About the Authors:

Kubankin Dmitriy A. Saratov Regional Museum of Local Lore. Lermontov St., 34, Saratov, 410000, Russian Federation; kubankin2008@yandex.ru

РЕДКИЕ ГРУППЫ КЕРАМИЧЕСКОГО ИМПОРТА В БОЛГАРАХ

© 2012 г. И.В. Волков, А.М. Губайдуллин

В статье дана характеристика керамических форм, встречающихся на Болгарском городище лишь в единичных экземплярах. Одна из них – круглодонная амфора, находящаяся в аналогии в сиро-палестинском регионе. Другой редкий для Болгара сосуд – пифос «первой критской» группы. Оба сосуда фрагментированы, но их форма в целом восстанавливается. Приводится их подробное описание, широкий круг аналогий и возможные датировки. Обычно сосуды, подобные описанным, включаются в группу Юго-Восточного Крыма, хотя не исключено, что их следует выделить из этой группы как продукцию более отдалённых центров. Анализ этих групп показал, насколько важно исследовать находки даже невыразительной неполивной керамики.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, Болгарское городище, неполивная керамика, средневековые амфоры, пифос, производственные центры, торговые связи.

При описании массового материала (а именно керамики) практически любого археологического памятника исследователи очень быстро сталкиваются с повторяемостью результатов. Оказывается, что на каждом новом раскопе представлены те же группы керамики, отличающиеся между собой по составу формочной массы, технологии изготовления и набору форм. Это провоцирует для упрощения записывать результаты описания в таблицы с уже вписанными названиями групп, и только размещать данные обо всех фрагментах в уже имеющиеся ячейки. Совсем просто и примитивно получается в тех случаях, когда учитывается только число венчиков, доньев и стенок, а единственной характеристикой, связанной с технологией оказывается субъективно определяемый цвет изделия. В этом случае часто ускользают от внимания редкие импорты, иногда отличающиеся от регулярно присутствующих групп очень ярко, а иногда – незначительно.

Г.А. Федоров-Давыдов вообще был противником описания массового материала с помощью таблиц, поскольку это ограничивает возможности характеристик, в то время как словесное описание можно затем при необходимости переносить в таблицы. Один из способов избежать довлеющего влияния таблицы – это отдельное подробное описание всего, что не вписывается в обычный список групп. Но и это не избавляет от необходимости хранения массового материала.

Здесь речь пойдет о керамике, которая встречается в культурном слое Болгарского городища эпизодически, но показательна с точки зрения представления о дальности экономических связей.

При характеристике импортной неполивной керамики М.Д. Полубояринова отметила, что наиболее многочисленны на Болгарском городище фрагменты амфор, но они не были рассмотрены в обобщающей работе (Полубояринова, 2008, с. 79). Большая часть фрагментов амфор уклады-

вается в те основные их группы, которые представлены в городах степной зоны. К сожалению, выборочность оставленных на хранение фрагментов не позволяет рассмотреть статистику ни по абсолютному количеству, ни по соотношению между различными группами. Все же, имеющиеся материалы производят впечатление того, что соотношение групп импорта между собой существенно отличается от такового в степных городах Золотой Орды, что отчасти можно объяснить разницей в датировке слоев. Например, здесь явно повышенное по сравнению со степными городами количество маломерных светлоглиняных амфор и есть очень редкий экземпляр

круглодонной амфоры группы Юго-Восточного Крыма.

Во время исследований на раскопе СLXXII в 2012 г. встречены фрагменты амфоры, которую удалось частично графически реконструировать. Это дает возможность рассмотреть возможное происхождение этой редкой группы керамики. Прежде единичные фрагменты таких амфор встречались в Азове, на Селитренном, Болгарском и Маджарском городищах. Однако фрагментарность материалов не позволяла судить о форме, к тому же, в Азове и на Маджарах существовала определенная вероятность того, что фрагменты связаны с расположенными здесь поселениями античного времени, на

Полевой шифр	Количество фрагментов
А/2, сл. I-II, шт. 2	1 стенка плечевой части
Г/2, сл. I-II, шт. 2	1 стенка плечевой части
В/5, сл. I-II, шт. 2	1 стенка средней части тулова
З/10, сл. I-II, шт. 2	1 дно
К/14, сл. I-II, шт. 2	2 стенки нижней части тулова
Л/14, сл. II, шт. 3	1 стенка придонной части
Л/11, сл. II, шт. 4	1 дно
К/11, сл. II, шт. 4	1 стенка придонной части
Ж/13, сл. II, шт. 5	19 стенок придонной части
К-М/10-11, сл. II, соор. 19.	3 стенка; 1 стенка плечика с прилепом ручки
К/12, сл. II	3 стенки нижней части тулова
Ж/12, сл. II, шт. 5	1 стенка плечевой части
З/13, сл. II, шт. 5	1 стенка с оттиском веревочки
З/14, сл. II, шт. 5	1 стенка нижней части тулова
Ж/10, сл. I-II, шт. 6	1 стенка плечика
И/5, сл. I-II, шт. 8	1 стенка нижней части тулова
Г/2, сл. IV, шт. 4	1 стенка плечика с нижним прилепом ручки
Г/2, сл. IV, шт. 5	1 стенка плечевой части
З/13, сл. IV, шт. 6	1 стенка; 1 крупная стенка в районе максимального диаметра с горизонтальным оттиском веревочки; 1 стенка с оттиском веревочки; 1 стенка плечика; 1 стенка плечика со свежим сколом по прилепу ручки; 1 стенка плечика с прилепом ручки и переходом к горлу.

которых много амфор аналогичного технологического уровня исполнения. Подтверждением золотоордынской даты были поволжские находки, а также факт использования веревочки для контроля величины диаметра сосудов, от чего остаются горизонтальные отпечатки на тулове (для античных сосудов такой прием не отмечен).

Большая часть фрагментов рассматриваемой амфоры найдена в переотложенном состоянии в русском слое II, и только 8 – в золотоордынском слое IV.

К ним можно приблизительно привязать три монеты (определения Д.Г. Мухаметшина): 1) кв. Г/4, сл. IV, шт. 3, гл. 56 см – анонимная, Сарай, 733–734 г.х., медная (Янина, 1954, №36, 40, с.434–436); 2) кв. Г/4, сл. IV, шт. 3, гл. 56 см – анонимная, Болгар, 734 г.х., медная (Янина, 1954, №37, с.435–436); 3) кв. Ж/14, шт. 7, гл. 128 см – Насир лид-Дин, без места чекана и года, медная (Янина, 1954, №2, с.427). Кроме того, в квадратах Ж-3/12-14 находилось, по-видимому, какое-то сооружение золотоордынского времени, сильно нарушенное русским слоем. Именно с этих участков происходили несколько фрагментов амфор и также три монеты: 1) кв. Ж/12, сл. IV, шт. 9, гл. 176 см – Узбек хан, Болгар ал-Махруса, 731 г.х., серебро (Янина, 1954, №32, с.434–435); 2) кв. Ж/12, сл. IV, шт. 9, гл. 176 см – Узбек хан, Сарай, 740 г.х., серебро (Янина, 1958, №44, с.405–406); 3) кв. Ж/13, сл. IV, шт. 9, гл. 175 см – Менгу каан, Болгар, без года, медь (Янина, 1954, №3, 4, с.427–428). Таким образом, из 6 монет 4 относятся к четвертому десятилетию XIV в., а еще 2 – ко второй половине XIII в. Запаздывание монет XIII в. в Болгарах вплоть до конца

правления Узбека – явление нормальное. Следовательно, наиболее вероятное время выпадения фрагментов рассматриваемой амфоры в культурный слой – 1330-е гг.

После склейки фрагменты дают представление почти обо всем профиле амфоры, недостает только венчика (верхней части горла) и ручек, от которых сохранились 3 прилепа. У склеенных блоков тулова по вертикали – 2 разрыва, но совмещение их рисунков по оси вращения дает реконструкцию удовлетворительной точности, по крайней мере, возможные погрешности не меняют принципиально представление о форме (рис. 1).

Амфора круглодонная, с грушевидным туловом с максимальным расширением в верхней части, с широким цилиндрическим горлом и двумя небольшими петельчатыми ручками на плечике. Судя по одному частично сохранившемуся нижнему прилепу ручки, на его нижнем крае были три глубоких вертикальных вдавления. Нижний прилеп ручки, скорее всего, был без дополнительного жгута изнутри. Тулово покрыто глубоким плавным рифлением с шагом около 0,7–1,1 см, гладкими оставлены два пояса: в нижней части тулова шириной около 13 см и по плечу и горлу вплоть до облома. На границе плечика и горла находится горизонтальный валик шириной 0,5 см и высотой около 0,25 см. Реконструируемая сохранившаяся высота – 58,5 см, сохранившаяся высота горла – 3,5 см, максимальный диаметр тулова – 47 см, он приходится на высоту около 44 см. Маловероятно, что сосуд такого размера вытянут из одной порции глины, но реконструировать последовательность формовки не представляется

возможным: внутренняя поверхность настолько качественно заглажена, что не видны следы стыковки элементов; по течению формовочной массы в вертикальных изломах участки спая также не прослеживаются; а колебания толщины стенки в целом незначительны и очень плавны. Наиболее толстые участки – на тулове между зонами рифления и на плечике. Можно только предполагать, что отдельные элементы – это донная часть вплоть до гладкого пояса и верхняя часть приблизительно от границы рифления и гладкого пояса.

В зоне максимального диаметра – горизонтальный отгиск грубой веревочки Z-кручения с шагом витков около 5,2 мм (рис. 2; 3). Небольшой участок отгиснут глубже и под углом к горизонтали – это место закрепления веревочки для промера (рис. 3). Здесь слабо просматривается S-кручение второго порядка.

Вариации цвета в пределах одного сосуда значительны. На толстых участках стандартны 5 слоев по цвету (рис. 4). Внешние поверхности более светлые, бледно-желтого цвета со слабым розоватым оттенком, внутренняя поверхность – более розовая, слой этого цвета – очень тонкий, до 0,1 мм. Толщина наружной внешней прослойки также невелика, порядка 0,1–0,2 мм. Еще одна светлая прослойка приходится на середину толщины излома, составляя приблизительно ее треть. Две прослойки рядом с поверхностными – более розовые, с желтоватым оттенком (рис. 4).

Заглаженные мокрой рукой при вытягивании поверхности – пупырчатые благодаря большому количеству минеральных отошителей, их общее количество – не менее 20%. Воз-

можно определенная калибровка, поскольку большая часть видимых зерен укладывается в интервал 0,2–0,5 мм. Крупнее – только отдельные зерна. Основные включения следующие:

1. Белые яркие, скорее всего, карбонатные, вытянутые со скругленными углами. Их очень мало, но они яркие.

2. Красно-бурые округлые железистые, также яркие и малочисленные.

3. Светло-серые, напоминающие полевой шпат, с видимыми сколами поверхности (не окатанные зерна).

4. Коричневые, серо-коричневые, темно-серые, напоминающие шамот.

5. Блестящие зерна кварца или полевого шпата – отдельные, все окатанные.

6. Слюда в очень небольшом количестве и совсем мелкой фракции, улавливаемая только по блеску на солнце. Желтых чешуек мало.

7. Небольшое количество пор (до 1%), но все – резко ориентированные по направлению ротации и вытягивания.

На поверхности видны более крупные зерна, почти не попадающие на излом, по рельефу напоминающие глиняный концентрат, но иногда с оголенной поверхностью зерен минералов. Их большая часть приходится на светло-серые и серо-коричневые зерна.

Вопрос о происхождении амфор этой группы сложен. С одной стороны, очевидно, что это дальний импорт, предположительно, средиземноморский, о чем свидетельствует и высокая технология формовки, и очевидный жесткий контроль стандартности сосудов, вероятно, со стороны гражданской администрации. (На более распространенных в Золотой Орде амфорах «трапезундской» группы использование веревочки для проверки

диаметра изделий практиковалось очень непродолжительное время при Узбеке, преимущественно во втором десятилетии XIV в., а на античных амфорах этот прием не известен). С другой стороны,стораживает полное отсутствие аналогичных вещей в Крыму и в Причерноморье в целом (за исключением упомянутых единичных фрагментов из Азака). Единственной вероятной аналогией (амфорой, относящейся к этой же группе, но к другому типу) может быть находка опять же из Азова (Масловский, 2006, с. 435–436, рис. 51: 9; 2012, с. 151, 473, рис. 225: 9), но она знакома только по публикации. Общими признаками являются петельчатые ручки на плечике и широкое цилиндрическое горло. Впрочем, за отсутствием в тексте характеристики формовочной массы и в связи с явно ошибочным отнесением этой амфоры к группе маломерных светлоглиняных амфор (Хиос?) считать ее родственным изделием невозможно. Хотя в тексте говорится, что к этой группе «отнесены изделия только одного центра» (Масловский, 2012, с. 151), это явное недоразумение, а характеристики формовочных масс группы нельзя распространять на именно эту находку. Таким образом, проблема почти полного отсутствия аналогий сохраняется.

Отчасти это может объясняться тем, что почти все причерноморские памятники – многослойные, с подстилающими слоями античного времени. При таком положении весьма вероятно, что попадающиеся фрагменты принимают за переотложенные античные, поскольку они действительно очень похожи. Это же относится и к средиземноморским памятникам, где помимо прочего слоев XIV в. относи-

тельно мало (в общей массе опубликованных средневековых материалов они составляют ничтожную долю).

Сложившаяся ситуация вынуждает искать аналогии в более широком хронологическом диапазоне. И в материалах позднеантичных и раннесредневековых эти аналогии находятся. Во всем Средиземноморье выделены амфоры с петельчатыми ручками, происходящие с восточного побережья Средиземного моря. Они представлены несколькими явными разновидностями по форме и составу формовочных масс, что объясняется и хронологической разницей, и особенностями различных (явно многочисленных) центров производства. Их массовое производство традиционно связывают с развитым виноделием в регионе (Walmsley, 2007, p. 326–330).

Наиболее распространены амфоры «Газы» с заостренным дном, высоким цилиндрическим туловом, петельчатыми ручками, фактически без горла – плечико переходит в невысокий широкий венчик (Hayes, 2003; Mayerson, 1992). Это собирательное название, и даже на основании письменных сведений есть основания для выделения из их числа амфор «Аскалона» с более коротким и широким туловом и округлым дном (Mayerson, 1992). Более сходны с болгарской находкой сиропалестинские амфоры с «сумкообразным» туловом: кроме петельчатых ручек, округлого дна и цилиндрического горла на них обычно присутствует такой же валик на границе тулова и горла, зоны свободные от рифления (Johnson, 1986, p. 589–591). Пропорции тулова, напротив, отличаются от болгарской амфоры очень ярко: у раннесредневековых изделий максимальный диаметр обычно расположен

Рис. 1. Реконструкция амфоры из раскопа CLXXII, 2012.

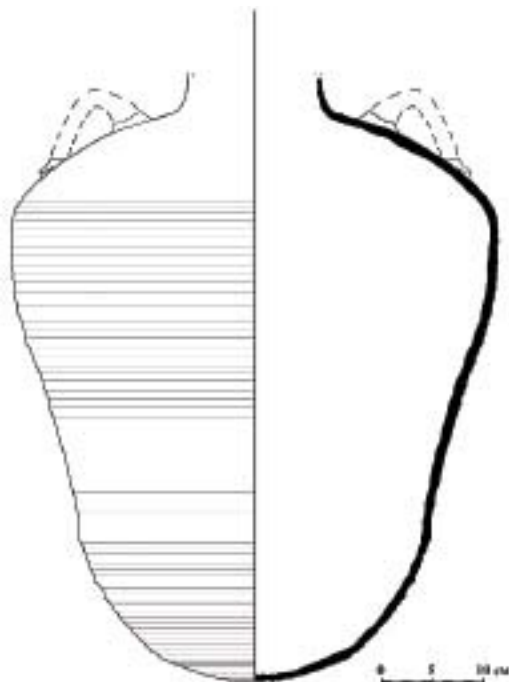

Рис. 2. Фрагмент амфоры из раскопа CLXXII, 2012. Стрелками показаны оттиски веревочки в районе максимального диаметра.

Рис. 3. Фрагмент амфоры из раскопа CLXXII, 2012. Стрелками показаны оттиски веревочки в районе максимального диаметра.

Рис. 4. Горизонтальный излом стенки амфоры из Болгара. Внешние светлые слои практически не видны.

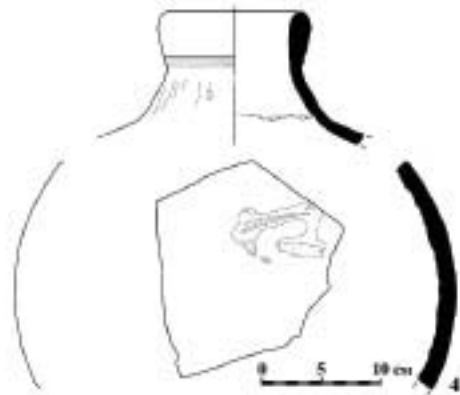

Рис. 5. 1-3 – фрагменты амфоры из раскопок М.Д. Полубояриновой в 1989 г. на раскопе СIV (кв.4-25, шт. 3-9, БГИАМЗ, КП 497-47 / 232-9); 4 – фрагменты пифоса 1 «критской» группы из раскопок М.Д. Полубояриновой в 1989 г. на раскопе СIV (БГИАМЗ, КП 497-47 / 232-1,2); 5 – фрагменты дна пифоса 2 «критской» группы, Селитренное городище, сборы 1989 г. Из отработанного материала из раскопок соборной мечети.

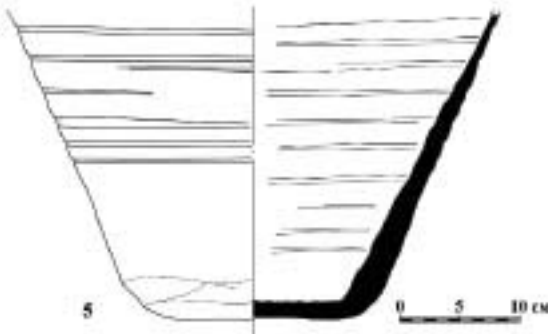

Рис. 6. Венчик пифоса из Болгар из раскопок М.Д. Полубояриновой в 1989 г. на раскопе CIV (БГИАМЗ, КП 497-47 / 232-1). А – стрелкой показано характерное карбонатное зерно на внешней поверхности; Б – стрелками показаны следы спая жгутов на внутренней поверхности.

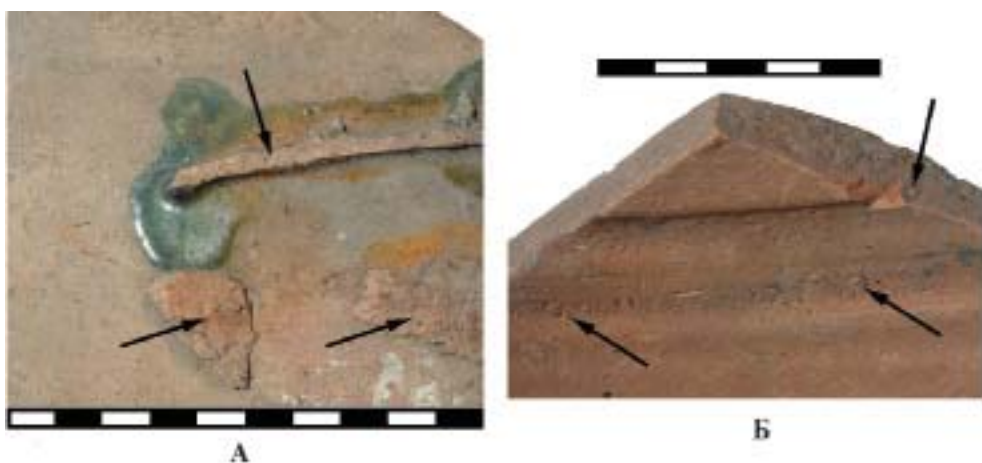

Рис. 7. Стенка пифоса из Болгар со случайными каплями поливы неправильной формы снаружи из раскопок М.Д. Полубояриновой в 1989 г. на раскопе CIV (БГИАМЗ, КП 497-47 / 232-2). А – стрелкой показаны обломы от других сосудов или печного припаса из формовочной массы того же состава на месте протекания поливы; Б – на внутренней стороне и в изломе стрелками показаны характерные зерна шамота.

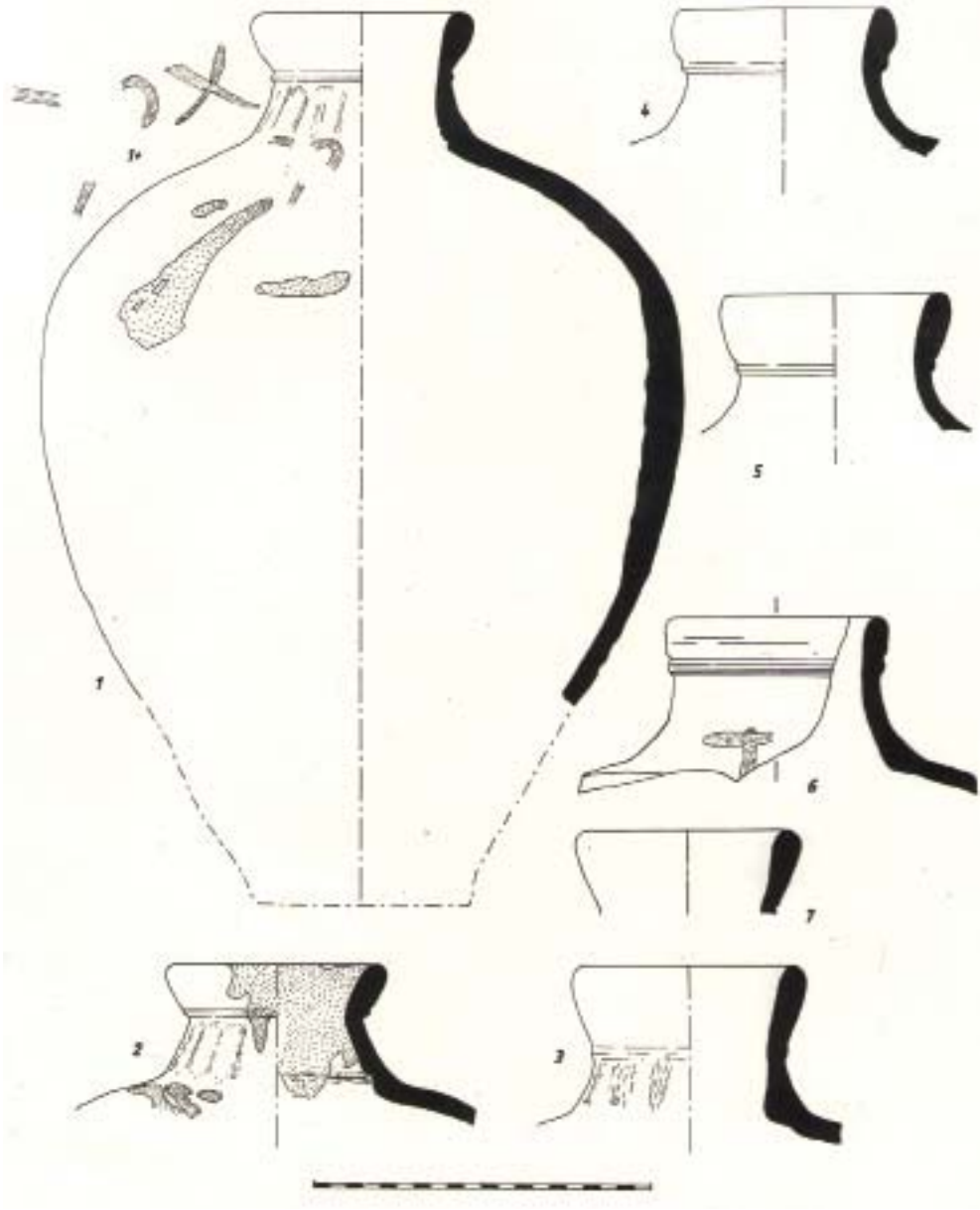

Рис. 8. Фрагменты пифосов 1 (1-6) и 2 (7) «критских» групп из Азова и с Селитренного городища. 1 – СГ-1970, раскоп II, горн 17 (раскопки Н.М. Булатова); 2-3, 7 – Селитренное городище, сборы 1989 г.; 4-6 – Азов.

ближе к дну. В раннем средневековье на этих амфорах встречается роспись ангобом из волн и спиралей, но это не обязательный признак. Сходны характеристики формовочных масс: здесь также распространены амфоры большим количеством крупных отощителей, от чего поверхность становится бугристой (Blakeley, 1988, p. 35–38).

Датируют их по-разному, начиная с первых веков нашей эры, наибольшее количество относят к IV–VII вв. н.э. Значительно реже они встречаются в более поздних комплексах вплоть до IX в. (Johnson, 1986, p. 589) и даже XII в. (Blakeley, 1988, p. 39). В целом это приблизительно соответствует динамике активизации городской жизни: арабское завоевание в VII в., в конечном счете, привело к сокращению численности населения на восточном побережье Средиземного моря (следовательно, формированию меньшего числа культурных слоев и комплексов), а главное – к существенному сокращению морских связей региона с внешним миром.

Связь болгарской амфоры с известными позднеантичными и раннесредневековыми сиро-палестинскими изделиями может показаться сомнительной из-за большого хронологического разрыва, почти в пять веков. Однако в некоторых случаях время их бытования распространяют вплоть до XII в. Вполне вероятно, что очаг производства развивался и дальше, и в его ассортименте сохранялись и амфоры, хотя, видимо, их производили меньше.

Амфора подобной формы встречена в комплексе начала XIII в. (до 1222 г.) в замке Саранда Колонес на Кипре (Rosser, 1985, p. 89, fig. 14), хотя в публикации не охарактеризова-

на формовочная масс и лишь указано на необычность формы сосуда. Эта амфора заметно ближе к болгарской находке: с максимальным расширением в верхней части тулова и гладким поясом на плечике.

Консервативность традиционного керамического производства – вообще явление нормальное. Если рассматривать конкретную форму – широкогорлых тарных сосудов с двумя петельчатыми ручками – то окажется, что она в Восточном Средиземноморье незначительно изменилась с раннего железного века, то есть появилась, по крайней мере, на пять веков ранее тех дат, к которым относится большая часть опубликованных экземпляров.

Таким образом, принципиальная преемственность формы и возможность связи всего эволюционного ряда с одним регионом вполне допустимы. Возможны погрешности, связанные с хронологическим разрывом (такие как перенос производства, заимствование формы в другом очаге гончарства и т.п.). Например, принципиально сходное соотношение элементов – конусовидное горло и петельчатые ручки на плечике – можно встретить на сосудах и иными консервативными признаками: с принципиально отличным сечением ручки, с гребенчатой волной на плечике, чего никогда не бывает у сиро-палестинских амфор (Hesperia, 2003, p. 162, fig. 18). Тем не менее, рабочей гипотезой можно считать именно сиро-палестинское происхождение болгарской находки.

Это не единственная находка таких амфор на Болгарском городище. Во время исследований М.Д. Полубояриновой в 1989 г. на раскопе CIV (кв. 4-25, шт. 3-9; БГИАМЗ, КП 497-47 / 232-9) найдены три фрагмента амфор,

которые могут быть отнесены к этой же группе (рис. 5: 1–3). Два из них – с выразительным глубоким рифлением, один – в целом с гладкой поверхностью (с плавными волнами вытягивания). Диаметр сосуда – не менее 50 см. Внешние поверхности на 2–3 мм – розоватые, внутренняя часть излома – желтая (как и на находке 2012 г.). До половины объема формовочной массы составляют минеральные примеси фракции до 0,5 мм: кварц, полевой шпат, светло-коричневый минерал, возможно, карбонат. (К сожалению, описание сделано в 2002 г., а повторно осмотреть их не удалось). Следовательно, поступление амфор этой «сиро-палестинской» группы в Болгар не было явлением исключительным.

Вопрос о том, что транспортировалось в Болгар в этих амфорах, решается традиционно: это вино. Конечно же, принципиально у тары могло быть и другое содержимое. Ф. Майерсон рассмотрел упоминания южнопалестинских амфор (вероятно, в том числе и как мер объема) в папирусах и на остраках, и результат оказался неожиданным. Также часто, как и вино, в качестве содержимого упоминаются засахаренные фрукты, сыр, реже – маринованная рыба, рис, фисташки и др. (Mayerson, 1992, p. 79), а вино в целом не является основным содержимым. Но речь может идти о вторичном использовании сосудов после выполнения основного назначения, а местное использование не по назначению могло практиковаться как «поддержка» сезонного в своей основе производства. В любом случае вино является самым вероятным продуктом для перевозки в таких амфорах.

К другой редкой группе керамического импорта относятся фрагменты

пифорса «первой критской» группы. Они были встречены при исследованиях М.Д. Полуобояриновой на раскопе CIV в 1989 г. К одному сосуду относятся 6 фрагментов горла (склеены) и 16 фрагментов стенок, дна нет (БГИАМЗ, КП 497-47/232) (рис. 5: 2; 6; 7). Сосуды этой группы являются устойчивой находкой в культурных слоях Азака и Селитренного городища, они неоднократно описаны (Волков, 1992а, с. 21; 1992б, с. 151–152, 156; Масловский, 2006, с. 435–437, рис. 51; 2012б, с. 150). Находки из Азова и Селитренного городища дают более полное представление о форме этих сосудов (рис. 8).

Пифосы имеют яйцевидное тулово и узкое почти цилиндрическое горло (рис. 8). Венчик может быть практически вертикальным или отогнутым наружу приблизительно до 20°, он имеет «каплевидное» сечение со скругленным краем, а под венчиком на горле всегда есть небольшой горизонтальный валик. Диаметр венчика очень стандартен – около 12 см, диаметр горла по перехвату – 10,5 см, высота горла – 7,5 см. Максимальный диаметр – около 38–39 см, общая высота – около 50 см. Пропорции тулова также весьма стабильны – его максимальный диаметр приходится приблизительно на 2/3 высоты.

Эти сосуды сделаны на этапе РФК-5–6 путем вытягивания на круге по частям. (По сути дела, единственным признаком, «опускающим» эти сосуды до этапа РФК-5 являются отпечатки от установки на круг и отсутствие следов срезания ниткой). На внутренней стороне всегда хорошо видны волны от вытягивания на круге. На всех сосудах без исключения есть следы стыковки отдельно вытянутого гор-

ла с краем тулова. Снаружи они выражены вертикальными отпечатками пальца на нижней части горла, а внутри – утолщением стенки и, иногда, углубленной бороздкой на месте шва. Болгарский пифос имеет определенные особенности: здесь на внутренней стороне горла видны следы спая жгутов, использованных при его формовке (рис. 6Б). Очевидно, что программа конструирования полого тела была донно-емкостной, но пока трудно определить количество отдельных элементов, из которых составляли сосуд. Создается впечатление, что часть сосудов сделана из двух элементов, а часть – из трех. Характер состава формовочной массы таков, что по ее течению очень трудно определить места стыковки в вертикальных изломах.

Внешняя поверхность не имеет следов специальной целенаправленной обработки кроме заглаживания мокрой рукой. В двух случаях на экземплярах из Азова были встречены несистематические и нерегулярные волны белого ангоба, нанесенные кистью. В остальных случаях ангоб для этих сосудов не использовался, а если внешняя поверхность имеет цвет, отличающийся от остального черепка и внутренней поверхности (как и на болгарской находке), то это можно связывать только с использованием соленой воды гончарами или присутствием легкоплавких солей в природных глинах.

На болгарском пифосе, как и на подавляющем большинстве таких сосудов есть беспорядочные и нерегулярные потеки зеленой поливы, обычно грязного цвета (рис. 7А). Это можно связывать только с тем, что пифосы обжигали в тех же горнах, где и поливную керамику, но ярусом ниже, и

Рис. 9. Латинское клеймо на пифосе I «критской» группы (Селитренное городище, 1990, раскоп XIX, раскопки Н.М. Булатова).

случайно стекающие излишки поливы капали на их стенки. Характер потеков позволяет сделать вывод о том, что пифосы располагались в горне преимущественно в лежачем положении или на плоскости край венчика – плечо.

Формовочная масса пифосов этой группы отощена крупнодробленным шамотом в концентрации около 25%. Зерна шамота хорошо видны не только в изломах, но и на внутренней поверхности (рис. 7Б). Кроме того, в ней присутствуют карбонатные (известковые) включения (рис. 6А) и крупный песок. Концентрации этих примесей незначительны (около 1%), и они, скорее всего, носят природный характер.

Происхождение этих сосудов с Крита не является бесспорным, хотя эта гипотеза наиболее вероятна. Подсказкой в этом направлении были клейма с латинскими буквами, одно из которых сопровождалось изображе-

нием льва (символа Св. Марка, покровителя Венецианской республики – рис. 9). Другой аргумент – распространение этих сосудов в тех местах, где были венецианские фактории и станции: в Азаке и Сарае. При этом они начисто (на текущем уровне знаний) отсутствуют в Крыму. К сожалению, по публикациям не удалось найти им аналогии на самом Крите, ни даже в Константинополе. Отчасти это объясняется тем, что на средиземноморских памятниках слоев XIV в. очень мало. Вместе с тем, цент-экспортер должен был быть значительным, поскольку на тех же золотоордынских памятниках представлена родственная вторая «критская» группа (рис. 5: 5). Ее продукция мало отличается от первой группы по форме и составу формовочных масс, но существенно отличается по технологии: видимо все тулово вытягивалось из одной порции глины, от чего в средней части стенки получались очень тонкими, а у дна излишки глины приходилось срезать грубыми горизонтальными движениями гончарного ножа. Отдельно формовалось только горло.

Наиболее вероятно, что в таких пифосах перевозили вино, крупным экспортером которого в золотоордынское время был Крит. В отличие от сиро-палестинских амфор, в них могли перевозить также и масло.

В связи с распространением этой группы обратим внимание на еще одну чисто археологическую проблему. Если бы не было латинских клейм и дипинти на «критских» пифосах,

скорее всего, мы рассматривали бы их как продукцию Юго-Восточного Крыма. Они имеют очень сходные составы формовочных масс и предельно близкое по внешнему виду качество глазури: степень блеска, набор цветов, количество и размер трещин цека. Технологические особенности (набор емкости по частям) можно было бы связывать с большей размерностью сосудов. Необъяснимым оставалось бы только отсутствие таких сосудов в Крыму.

Это наталкивает на мысль, что пока мы просто не выделяем поливную керамику этого очага производства из основной масс продукции мастерских группы Юго-Восточного Крыма. Следовательно, часть керамики, отнесенной на настоящий момент к группе Юго-Восточного Крыма, может оказаться продукцией более отдаленных очагов гончарства.

Наличие столь дальних импортов на Болгарском городище показывает, насколько важно хранение даже неполивной керамики в целом невзрачного вида. Еще больше может дать статистика внутренних золотоордынских импортов. Задача их выделения затрудняется тем, что многие группы внутри Золотой Орды очень близки между собой по технологическим показателям (например, не просто отличить лощеную керамику Болгара и Северного Кавказа). Тем не менее, ее решение, по крайней мере, частичное, возможно. Это открывает огромные исследовательские возможности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волков И.В. Керамика Азова XIV–XVIII вв. (Классификация и датировка): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – М., 1992. – 24 с.
2. Волков И.В. О происхождении и эволюции некоторых типов средневековых амфор // Донские древности. Вып. 1. – Азов, 1993. – С. 143–157.

3. *Масловский А.Н.* Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. – Азов: Азовский краеведческий музей, 2006. – Вып. 21. – С. 308–473.
4. *Масловский А.Н.* Керамический комплекс Низовьев Дона в XI–XV вв.: типология и хронология: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – М., 2012. – 29 с.
5. *Масловский А.Н.* Керамический комплекс Низовьев Дона в XI–XV вв.: типология и хронология: Дисс. ... канд. ист. наук. – М., 2012. – 495 с., илл.
6. *Полубояринова М.Д.* Торговля Болгара // Город Болгар: культура, искусство, торговля. – М.: Наука, 2008. – С. 27–107.
7. *Янина С.А.* Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1946–1952 гг. // МИА. – М.: Наука, 1954. – №42. – С. 424–484. (Труды Куйбышевской экспедиции. – Т.1).
8. *Янина С.А.* Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1953–1954 гг. // МИА. – М.: Наука, 1958. – №61. – С. 392–414. (Труды Куйбышевской экспедиции. – Т.2).
9. *Blakely J.A.* Ceramics and Commerce: Amphorae from Caesarea Maritima // Bulletin of the American Schools of Oriental Research, № 271 (Aug., 1988), pp. 31–50.
10. *Gerstel Sh.E.J., Munn M., Grossman H.E., Barnes E., Rohn A.H., Kiel M.* A Late Medieval Settlement at Panakton // Hesperia: The Journal of the American School of Classical Studies at Athens. – Vol. 72, No. 2 (Apr. – Jun., 2003). – P. 147–234.
11. *Hayes J.W.* Excavations at Saraçhane in Istanbul. – Princeton, 1992. – Vol. 2.
12. *Hayes J.W.* Hellenistic and Roman Pottery Deposits from the ‘Saranda Kolones’ Castle Site at Paphos // The Annual of the British School at Athens. – Vol. 98 (2003), pp. 447–516.
13. *Johnson B.L.* Syro-Palestinian bag-shaped amphoras in the Athenian Agora and Corinth collections // Recherches sur les amphores grecques: Actes du Colloque International organisé par le Centre National de la recherche scientifique l’Université de Rennes II et l’École Française d’Athenès (Athenès, 10–12 septembre 1984) / Éd. par J.-Y. Empereur et Y. Garlan. – Athenès; Paris: École Française d’Athenès, 1986. – P. 589–597. – (Bull. De correspondance hellénique / École Française d’Athenès; Suppl. XIII).
14. *Landgraf J.* Chapitre V: La Céramique Byzantine // Briend J., Humbert J.-B. Tell Keisan (1971–1976), une cité phénicienne en Galilée. – Fribourg, Suisse, 1980. – 400 p., 143 pl.
15. *Mayerson Ph.* The Gaza ‘Wine’ Jar (*Gazition*) and the ‘Lost’ Ashkelon Jar (*Askalônion*) // Israel Exploration Journal: Israel Exploration Society, 1992. – Vol. 42. – № 1/2. – pp. 76–80.
16. *Rosser J.* Excavations at Saranda Kolones, Pathos, Cyprus, 1981–1983 // DOP, 1985. – № 39. – P. 81–97.
17. *Walmsley A.* Economic Developments and the Nature of Settlement in the Towns and Countryside of Syria-Palestine, ca. 565–800 // *Dumbarton Oaks Papers*, 2007. – Vol. 61. – P. 319–352.
18. *Wightman G.J.* The Damascus Gate, Jerusalem: Excavations by C.-M. Bennett and J.B. Hennessy at the Damascus Gate, Jerusalem, 1964–66. – Oxford: BAR, 1989. – 4, 366 p., ill. (BAR IS. – Vol. 519).

Информация об авторах:

Волков Игорь Викторович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева (г. Москва, Россия); planu_2010@mail.ru

Губайдуллин Айрат Маратович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, (г. Казань, Россия); airg_g@mail.ru

RARE GROUPS OF CERAMIC IMPORT IN BULGAR

I.V. Volkov, A.M. Gubaidullin

Ceramic forms encountered on the Bolgar city site as singular items only are characterized in the article. One of them is the round-bottomed amphora with analogies characteristic of the Syria-Palestine region. Another vessel that is rare for Bolgar is the pythos referring to the “first Cretan” group. Both vessels are fragmented, but their overall shape can be reconstructed. A detailed description of both vessels, a wide range of analogies and possible dating are provided. Vessels similar to those described are usually included in the Southeastern Crimean group, although it is possible that they should be separated from the group as the products of more remote centers. The analysis of these groups has demonstrated the importance of investigating even expressionless unglazed pottery findings.

Keywords: archaeology, the Middle Volga river region, Bolgar city site, unglazed ceramics, medieval amphorae, pythos, production centers, trade ties.

REFERENCES

1. Volkov, I. V. 1992. *Keramika Azova XIV–XVIII vv. (klassifikatsiia i datirovka) (Pottery of Azov in 14th–18th Centuries (Classification and Dating))*. PhD Thesis. Moscow (in Russian).
2. Volkov, I. V. 1993. In *Donskie drevnosti (Don Antiquities)* 1. Azov, 143–157 (in Russian).
3. Maslovskii, A. N. 2006. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region)* 21. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve, 308–473 (in Russian).
4. Maslovskii, A. N. 2012. *Keramicheskii kompleks nizov’ev Dona v XI–XV vv.: tipologiia i khronologiia (Ceramic Complex of the Lower Don Area in 11th–15th Centuries: Typology and Chronology)*. PhD Thesis. Moscow (in Russian).
5. Maslovskii, A. N. 2012. *Keramicheskii kompleks nizov’ev Dona v XI–XV vv.: tipologiia i khronologiia (Ceramic Complex of the Lower Don Area in 11th–15th Centuries: Typology and Chronology)*. PhD Diss. Moscow (in Russian).
6. Poluboiarinova, M. D. 2008. In Starostin, P. N. (ed.), Poluboiarinova, M. D. (comp.). *Gorod Bolgar: Kul’tura, iskusstvo, torgovlia (The Town of Bolgar: Culture, Art, Trade)*. Moscow: “Nauka” Publ., 27–107 (in Russian).
7. Yanina, S. A. 1954. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition)* 1. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 42. Moscow: “Nauka” Publ., 424–484 (in Russian).
8. Yanina, S. A. 1958. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition)* 2. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 61. Moscow: “Nauka” Publ., 392–414 (in Russian).
9. Blakely, J. A. 1988. Ceramics and Commerce: Amphorae from Caesarea Maritima. In *Bulletin of the American Schools of Oriental Research* 271 (Aug., 1988), 31–50.
10. Gerstel, Sh. E. J., Munn, M., Grossman, H. E., Barnes, E., Rohn, A. H., Kiel, M. 2003. A Late Medieval Settlement at Panakton. In *Hesperia: The Journal of the American School of Classical Studies at Athens* 72 (2) (Apr. – Jun., 2003), 147–234.
11. Hayes, J. W. 1992. *Excavations at Saraçhane in Istanbul* 2. – Princeton: Princeton University Press.
12. Hayes, J. W. 2003. Hellenistic and Roman Pottery Deposits from the ‘Saranda Kolones’ Castle Site at Paphos. In *The Annual of the British School at Athens* 98, 447–516.

13. Johnson, B. L. 1986. Syro-Palestinian bag-shaped amphoras in the Athenian Agora and Corinth collections. In Empereur, J.-Y., Garlan, Y. (eds.). *Recherches sur les amphores grecques: Actes du Colloque International organisé par le Centre National de la recherche scientifique l'Université de Rennes II et l'École Française d'Athènes (Athènes, 10–12 septembre 1984)*. Bull. De correspondance hellénique / École Française d'Athènes. Suppl. XIII. Athènes; Paris: École Française d'Athènes, 589–597.

14. Landgraf, J. 1980. Chapitre V: La Céramique Byzantine. In Briand, J., Humbert, J.-B. Tell Keisan (1971–1976), une cité phénicienne en Galilée. Fribourg, Suisse.

15. Mayerson, Ph. 1992. The Gaza 'Wine' Jar (Gazition) and the 'Lost' Ashkelon Jar (Askalônion) In *Israel Exploration Journal* 42 (1/2). Israel Exploration Society, 76–80.

16. Rosser, J. 1985. Excavations at Saranda Kolones, Pathos, Cyprus, 1981–1983. In *Dumbarton Oaks Papers* 39, 81–97.

17. Walmsley, A. 2007. Economic Developments and the Nature of Settlement in the Towns and Countryside of Syria-Palestine, ca. 565–800. In *Dumbarton Oaks Papers* 61, 319–352.

18. Wightman, G. J. 1989. *The Damascus Gate, Jerusalem: Excavations by C.-M. Bennett and, J. B. Hennessy at the Damascus Gate, Jerusalem, 1964–66*. BAR IS 519. Oxford.

About the Authors:

Volkov Igor V. Candidate of Historical Sciences. Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage named after Dmitry Likhachev. Kosmonavtov St., 2, Moscow, 129301, Russian Federation; plany_2010@mail.ru

Gubaydullin Ayrat M. Candidate of Historical Sciences. Institute of History named after Sh. Marjani of Tatarstan Academy of Sciences. Kremlin, 5 entrance, Kazan, 420014, Republic of Tatarstan, Russian Federation; airg_g@mail.ru

КЛАССИФИКАЦИЯ БУС ИЗ КОЧЕВНИЧЕСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ВРЕМЕНИ

© 2012 г. Н.П. Курышова

Представлена классификация бус из кочевнических погребений Нижнего Поволжья эпохи Золотой Орды. Классификация проведена по следующим параметрам: материал, технология изготовления, форма, размер и цвет. Основную массу составляют одноцветные стеклянные бусы простых форм. Их цветовую гамму можно связать с особым значением определённых цветов для кочевников. В сравнительно небольшом количестве представлены фаянсовые, и в единичных экземплярах – хрустальные и сердоликовые бусы. Из органических материалов преобладают жемчуг и перламутр. Разнообразие украшений из различных материалов свидетельствует о широких торговых и культурных связях Поволжья в золотоордынское и предшествующее ему время.

Ключевые слова: археология, Нижнее Поволжье, Золотая Орда, кочевники, погребения, бусы, классификация, поделочный материал, символика цвета.

Территория Нижнего Поволжья издревле была «коридором народов» для кочевого населения Евразийских степей, которое оставило здесь многочисленные памятники, преимущественно погребальные – курганные могильники. С середины XIII–XIV вв. эта территория становится центром мощного государства Джучидов – Золотой Орды. Это было новое, очень крупное «вливание» кочевого населения в этническую картину региона. За этот период в столичной зоне Нижнего Поволжья концентрируются многочисленные погребальные памятники монголо- и тюркоязычных кочевников, в которых бусы становятся массовой категорией находок. Археологические памятники, материал которых был использован при исследовании, представлен курганами, курганными и грунтовыми могильниками, захоронениями в мавзолеях.

Общее количество рассматриваемых бус составляет 1014 экземпляров. Их большинство изготовлено из стекла. Стеклянные бусы представлены 620 экземплярами,

остальные бусы изготовлены из различных материалов (камень, металл, фаянс и др.).

Основой систематизации бус стали такие признаки, как материал, технология изготовления, форма, размер и цвет. Также учитывается не только размер бусины, но и ее пропорции, особенности технологического процесса изготовления. Изделия, изготовленные с использованием индивидуальных (или индивидуальных и серийных одновременно) приемов (навивка, тянутая палочка, однократное обертывание), относятся в основном к средним и большим бусам. К маленьким бусам и бисеру относятся изделия, выполненные массовым способом (из тянутой трубочки). Многочастные пронизи, изготовленные из тянутой трубочки, обычно не превышают в диаметре 6 мм. Диаметр большей части бус рассмотренной выборки не превышает 1,8–1,9 см. Исключение составляет несколько изделий диаметром 2,15–3,20 см. Некоторые из них по функциональному назначению являются подвесками

к оружию или фиксаторами, другие входят в состав ожерелья. Цвет и прозрачность изделий являются не менее значимыми признаками, чем форма и технология, эти признаки определялись визуальным способом. Для такого признака, как прозрачность, выделено три значения: глухое (непрозрачное), полупрозрачное и прозрачное стекло.

Декор – для полихромных бус этот признак является определяющим. Особенности декора бусины обычно важнее, чем технология изготовления основы, поэтому в иерархии их систематизации занимают первое место. При описании декора учитывались: технология изготовления декоративных элементов, способ их нанесения и цветовая гамма.

При типологии бус за основу принят предложенный А.В. Арциховским принцип разделения на отделы по поперечному сечению бус и на типы – по продольному (Арциховский, 1930, с. 28). Но классификация по этим принципам затрагивает только форму бусины, поэтому вводятся еще две ступени классификации: по материалу (группа) и по технологии (разряд – применительно к стеклянным бусам).

Самую большую группу бус, найденных в погребениях поздних кочевников, составляют бусы из стекла. Анализ показал, что в основе их изготовления лежали 4 способа: 1) навивка размягченной стеклянной массы на цилиндрический стержень, 2) вытягивание стеклянной трубочки с последующим членением ее на отдельные бусы. 3) вытягивание стеклянной палочки с последующим делением, и прокалыванием каждой отдельной бусины, 4) бусы вырезались из твердого застывшего стекла.

Дополнительная орнаментация бус (украшение ядра бусины пятнышками, глазками или полосками цветного стекла) позволили выделить внутри групп стеклянных бус еще несколько технологических разрядов.

Ниже приведена классификация бус из кочевнических погребений XIII–XIV вв.

ГРУППА I – СТЕКЛЯННЫЕ.

Разряд I – Одноцветные изготовленные путем разрезания стеклянной трубки.

Отдел А. Круглые.

Тип 1. Цилиндрические (рис. 1: 1) Бусы из непрозрачного зеленого, желтого, белого, темно-синего стекла. Размеры: 4–6–2¹; 7–9–2. Найдено 12 экз. Аналогии: желтые и голубые бусы встречаются в ранних памятниках – Саркеле (Львова, 1959, с. 325), Новгороде (Щапова, 1956, с. 171) и золотоордынских городах Поволжья (Бусятская, 1976, с. 40).

Тип 2. Рубленый бисер (рис. 1: 2) из непрозрачного и полупрозрачного стекла черного, синего, желтого, белого цветов. Размеры: 2–3 мм. Найдено 83 экз. Аналогии: для периода X–XII вв. бисер характерен для славянских памятников (Щапова, 1959, с. 172–173; Львова, 1959, с. 325), в XII–XIV вв. известен в мордовских могильниках (Алихова, 1948, с. 232) и золотоордынских городах Поволжья (Бусятская, 1976, с. 40).

Отдел Б. Ребристые.

Тип 1. Округлоребристые (рис. 1: 3) бусины из непрозрачного голубого

¹ Размеры бусин даны в трех измерениях, согласно схеме: наибольший размер продольного сечения – наибольший размер поперечного сечения – диаметр отверстия. Измерения даны в миллиметрах.

стекла. Размеры: 14–12–2. Найдено 3 экз. Аналогии подобного типа бусам довольно широко известны как во времени, так и в пространстве. Для периода XI–XIII вв. такие бусы наиболее характерны для среднеазиатских памятников, где с XII в., наряду со стеклянными бусами, появляются кашинные, покрытые голубой поливой. Аналогичные бусы, но из темно-синего стекла, встречаются в славянских памятниках, в частности, в курганах северо-восточной и северо-западной Руси (Фехнер, 1959, рис. 5: 10, 6, 7), курганах вятичей (Арциховский, 1930, с. 34), а также в Тамани, Саркеле (Львова, 1959, с. 325), Херсонесе. В XIII–XIV вв. голубые округлоробристые бусы продолжают существовать в среднеазиатских памятниках, встречаются в Каракоруме (Левашова, 1965, с. 302, 303, рис. 160: 17) и золотоордынских городах Поволжья (Бусятская, 1976, с. 41).

Разряд II – Одноцветные, изготовленные путем навивки на твердый стержень размягченной стеклянной массы.

Отдел А. Круглые.

Тип 1. Шаровидные (рис. 1: 4) бусы из коричневого, синего и белого глухого стекла. Размеры: 4–4–2; 6–6–2. Найдено 13 экз. Аналогии встречаются в домонгольских памятниках Средней Азии, мордовских могильниках XII–XIV вв. (Алихова, 1948, табл. III, 46). Белые бусы подобных форм известны в Каракоруме (Левашова, 1965, с. 300, рис. 160: 1).

Тип 2. Зонные (рис. 1: 5) бусы из непрозрачного и полупрозрачного стекла зеленого, синего и белого цветов. Размеры: 6–9–3 и 11–15–3. Найдено 16 экз. Аналогии встречаются в Саркеле (Львова, 1959, с. 327), в до-

монгольских памятниках Средней Азии, в Новгороде в слоях XII–XIII вв. (Щапова, 1956, с. 166), в курганах северо-западной Руси XIII–XIV вв., изредка в поздних мордовских могильниках, золотоордынских городах Поволжья. (Бусятская, 1976, с. 40).

Тип 3. Бочковидные (рис. 1: 6) из полупрозрачного темно-синего стекла. Размеры 7–6–2. Найдено 1 экз. Аналогии: бусы подобной формы но, черные, голубые и желтые встречаются в Саркеле (Львова, 1959, с. 327), Старой Рязани (Монгайт, 1955, с. 176), в Каракоруме (Левашова, 1965, с. 300, 301), средневековых слоях Херсонеса и золотоордынских городах Поволжья (Бусятская, 1976, с. 39).

Тип 4. Кольцевидные (рис. 1: 7–8) бусы из непрозрачного или полупрозрачного стекла зеленого или коричневого цвета. Размеры: 3–5–2; 2–8–5. Найдено 3 экз. Аналогии: зеленые, желтые, красные, белые бусы встречаются в домонгольских слоях Афрасиаба, средневековых слоях Херсонеса, курганах северо-западной Руси XIII–XIV вв., золотоордынских городах Поволжья (Бусятская, 1976, с. 39) и в Каракоруме (Левашова, 1965, с. 303).

Тип 5. Эллипсоидные (рис. 1: 9) бусы из зеленого стекла. Размеры: 6–4–2. Найдено 3 экз. Аналогии: бусы черного, голубого, синего стекла встречаются в Каракоруме (Левашова, 1965, с. 300), в Новгороде XI–XIII вв. (Щапова, 1956, с. 170, 171), в мордовских могильниках, домонгольских памятниках Средней Азии, золотоордынских городах Поволжья (Бусятская, 1976, с. 40)

Тип 6. Усеченно-биконические (рис. 1: 10) бусы из полупрозрачного стекла темно-синего, голубого, зеленого, белого цвета. Размеры: 5–8–2;

3–7–2; 4–9–3; 5–7–3; 4–8–3. Найдено 14 экз. Аналогии: черные, синие, желтые, голубые бусы известны в позднесредневековых слоях Херсонеса, в гдовских курганах, золотоордынских городах Поволжья (Бусятская, 1976, с. 40), мордовских могильниках XIII–XIV вв. (Алихова, 1959, с. 178, табл. 69: 5).

Тип 7. Подцилиндрической формы (рис. 1: 11) бусины в виде навитых друг на друга колец, из непрозрачного голубого, коричневого и полупрозрачного зеленого стекла. Одна из бусин веретенообразная (зеленая) (рис. 1: 12). Размеры: 7–4–1; 4–6–1; 5–9–1. Найдено 6 экз. Аналогии: бусы голубого цвета встречаются в славянских могильниках (Арциховский, 1930, с. 140; Щапова, 1972, с. 75).

Тип 8. Грушевидные (рис. 1: 13). Одна бусина светло-голубого цвета. Размеры: 6/4–8–2. Аналогии не известны.

Отдел Б. Граненые.

Тип 1. Усеченно-пирамидальные. Четырехгранная бусина из синего стекла (1 шт.). Аналогии не известны.

Разряд III. Одноцветные с металлической прокладкой, изготовленные путем навивки на твердый стержень размягченной стеклянной массы.

Отдел А. Ребристые.

Тип 1. Округло-ребристые (с золочением) (рис. 1: 14). Прозрачные. Найдено 1 экз. Аналогии: шаровидные и боченовидные бусы известны в Саркеле (Артамонова, 1963, с. 63), в древнерусских памятниках XI–XII вв. (Щапова, 1956, с. 171).

Разряд IV. Пятнистые, изготовленные путем навивки на твердый стержень стеклянной массы. Орнамент пятнистый в виде 3–6 глазков.

Отдел А. Круглые.

Тип 1. Шаровидные (рис. 2: 1–5) бусы из черного непрозрачного стекла, с белыми глазками; бирюзового цвета с темно-синими глазками; черного или темно-синего цвета с желтыми глазками. Размеры: 15–16–4; 11–12–3; 8–9–3. Найдено 4 экз. Аналогии встречаются в курганах северо-западной и северо-восточной Руси XI–XIII вв. (Фехнер, 1959, рис. 6: 13), в Болгаре в слоях XII–XIII вв., в могильниках Северного Кавказа, в позднесредневековых мордовских могильниках, памятниках Хорезма XIII–XIV вв., золотоордынских городах Поволжья (Бусятская, 1976, с. 41).

Тип 2. Зонные (рис. 2: 6–10) бусы из непрозрачного черного или темно-синего стекла с орнаментом в виде 3–6 пятен белого, желтого или зеленого цвета. Размеры: 5–7–2; 9–11–2; 15–18–4. Найдено 7 экз. Аналогии: территория распространения и время бытования аналогичны типу 1.

Разряд V. Пятнистые (мозаичные). Орнамент пятнистый, в виде множества разноцветных глазков, разбросанных по телу бусины (цветная крошка, спрессованная в горячей массе).

Отдел А. Круглые.

Тип 1. Шаровидные (рис. 2: 11–12) бусы из непрозрачного черного или темно-синего стекла, орнаментированы крошкой разноцветного стекла: зеленой, желтой, красной, голубой, коричневой. Размеры: 9–9–3; 13–13–3. Найдено 6 экз. Аналогии встречаются в Саркеле в слоях конца XI – начала XII вв. (Львова, 1959, с. 329), в мордовских могильниках XIII–XIV вв. (Алихова, 1948, с. 224), в памятниках Северного Кавказа, средневековых слоях Херсонеса, в Болгаре в слоях

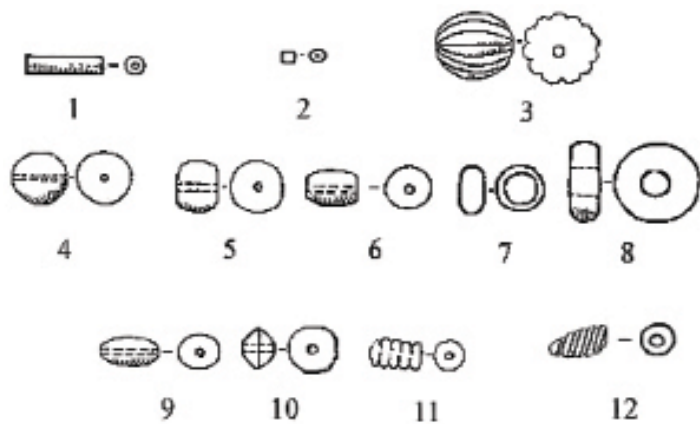

Рис. 1. Одноцветные стеклянные бусы.

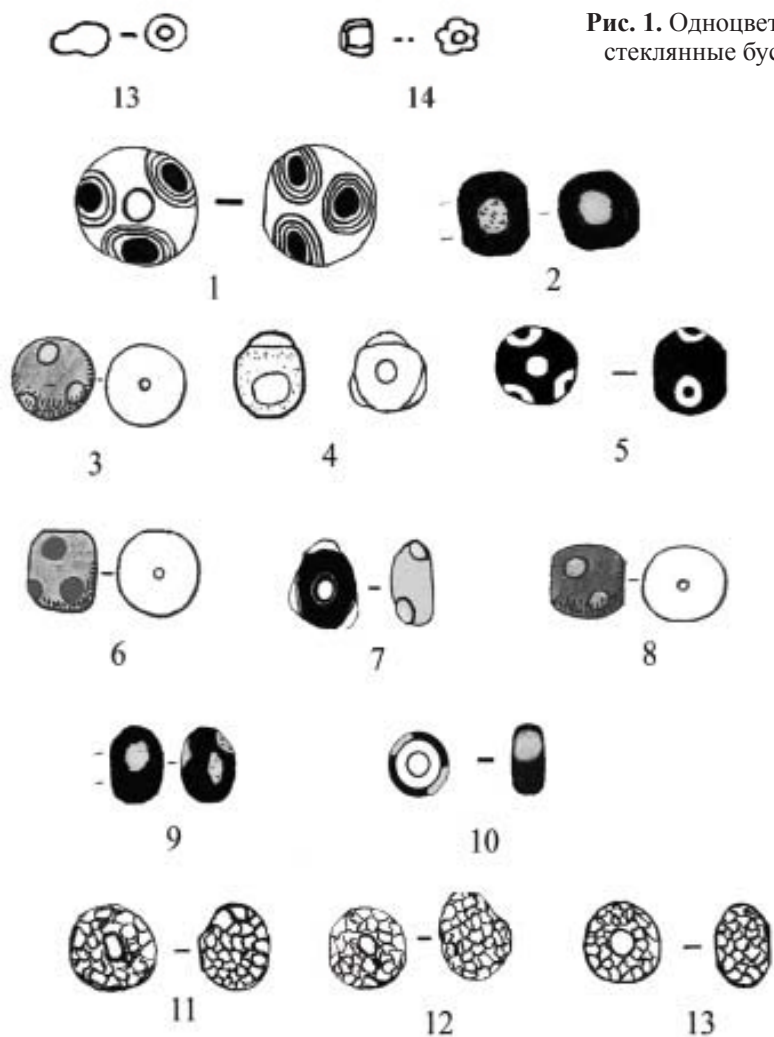

Рис. 2. Глазчатые и мозаичные стеклянные бусы.

XII – начала XIII вв., в курганах северо-западной Руси XIII–XIV вв., в городах Хорезма и золотоордынских городах Поволжья (Бусятская, 1976, с. 41).

Тип 2. Зонные (рис. 2: 13–14) бусы из непрозрачного черного или темно-синего стекла, орнаментированные цветной стеклянной крошкой. Размеры: 9–13–3. Найден 1 экз. Аналогии: территория и время бытования аналогичны Типу 1, кроме того, зонные бусы, орнаментированные крошкой разноцветного стекла, известны в курганах вятичей (Арциховский, 1930, с. 29).

Разряд VI. Полосчатые, изготовленные путем навивки стеклянной массы на твердый стержень. Орнамент в виде одной или нескольких волнистых линий.

Отдел А. Круглые.

Тип 1. Шаровидные (рис. 3: 1–3) бусины из непрозрачного темно-синего или черного стекла, украшенные желтыми прямыми или волнистыми линиями. Размеры: 10–10–3; 12–12–3. Найдено 3 экз. Аналогии: бусы черного цвета встречаются в позднесредневековых памятниках Хорезма и золотоордынских городах Поволжья (Бусятская, 1976, с. 42).

Тип 2. Зонные (рис. 3: 4–6) бусы из черного (редко темно-синего) непрозрачного стекла с желтыми или белыми линиями. Размеры: 14–17–5. Найдено 7 экз. Аналогии: встречаются в русских курганах XIII–XIV вв. (Фехнер, 1959, рис. 6: 24), в Новгороде в слоях XIII–XIV вв. (Щапова, 1956, с. 176), в мордовских могильниках (Алихова, 1948, с. 224), в золотоордынских памятниках Хорезма и золотоордынских городах Поволжья (Бусятская, 1976, с. 42).

Тип 3. Боченковидные (рис. 3: 7–9) бусы из черного или темно-синего непрозрачного стекла, орнаментированы желтыми, белыми, красными нитями. Изредка встречаются красные или зеленые бусины. Размеры: 13–12–3; 16–11–3; 8–6–2; 10–8–3. Найдено 12 экз. Аналогии: территория распространения аналогична типу 2.

Тип 4. Цилиндрические (рис. 3: 10) бусы из непрозрачного зеленого стекла с белыми полосами. Размеры: 8–5–3; 10–5–3. Найдено 3 экз. Такие бусы встречаются в древнерусских памятниках XII–XIII вв. (Щапова, 1956, с. 177).

Тип 5. Усеченно-биконической формы (рис. 3: 11) бусина светло-зеленого цвета с белой полосой. Размеры: 7–9–2. Найден 1 экз. Аналогии: бусы подобной формы и пропорций были широко распространены в Золотой Орде, наиболее массово – в Болгаре. Встречаются они в Средней Азии и в домонгольских слоях древнерусских памятников (Полубояринова, 1988, с. 167).

ГРУППА II. ФАЯНСОВЫЕ.

Покрываются голубой глазурью и отличаются качеством (твердостью) и цветом кашинной основы.

Отдел А. Круглые.

Тип 1. Шаровидные (рис. 4: 4). Размеры: 4–4–1; 5–5–1. Найдено 7 экз.

Тип 2. Ребристые (рис. 4: 1). Размеры: 10–10–3. Найдено 4 экз.

Тип 3. Боченковидные, иногда с 2 кольцевыми выступами по краям. Найдено 3 экз.

Тип 4. Кольцевидные. Найден 1 экз.

Отдел Б. Фигурные.

Тип 1. Бабчовидные (рис. 4: 3). Длина 10 мм. Найдено 3 экз.

Тип 2. Витые (завитушки) (рис. 4: 5). Длина 9–10 мм. Найдено 2 экз.

Тип 3. Бусина в виде стопы ноги (рис. 4: 2). Размеры: длина 10 мм, ширина 5 мм, диаметр отверстия 1 мм. Найдено 2 экз.

ГРУППА III. СЕРДОЛИКОВЫЕ.

Отдел А. Круглые.

Тип 1. Шаровидные (рис. 4: 6). Диаметр 7–8 мм. Найдено 2 экз. Такие бусы распространены очень широко. М.В. Фехнер датирует их X–XI вв. на древнерусской территории (Фехнер, 1959, рис. 6: 24). В Новгороде мелкие сердоликовые шарообразные бусины встречаются в слоях X – первой половины XI вв. (Колчин, 1982, с. 170). В Старой Ладогe сердоликовые шарообразные бусы являются наиболее ранней формой. Мелкие шарообразные сердоликовые бусинки в изобилии встречаются в могильнике Белой Вежи (последняя треть X – XI вв.) (Артамонова, 1963, с. 62, рис. 59, 65, 66, 70, 73). На Северном Кавказе эта форма преобладает в погребениях VI–VII вв. (Деопик, 1961, с. 231, табл. 2). В могильниках Верхнего Прикамья подобные бусы небольших размеров встречаются в погребениях конца VIII–IX вв. (Голдина, Королева, 1983, с. 63). В Средней Азии они известны на многих памятниках преимущественно рубежа I–II тыс. н.э. и более ранних: в Хорезме – на поселениях I–XI вв., единично подобные бусы встречаются на Афрасиабе и на городищах Мервского оазиса. Сердоликовые шарообразные бусы широко представлены в Болгаре (Полубояринова, 1991, с. 22). Таким образом, мелкие шарообразные бусы из сердолика на всей территории Восточной Европы и в Средней Азии встречаются большей частью в памятниках конца I – начала

II тыс. н.э., в Средней Азии они есть и в слоях золотоордынского времени или предшествующих им.

Тип 2. Кольцевидные (рис. 4: 7). Размеры: 5–15–2 мм. Найдено 6 экз. Аналогии им встречены в Средней Азии – в подъемном материале городища Гяур-кала в Туркмении (с античности до XIII в.), на территории Афрасиаба и Самарканда, на Царевском, Увекском, Селитренном, Болгарском городищах. (Полубояринова, 1991, с. 23).

Отдел Б. Граненые.

Тип 1. Призматические (рис. 4: 8) – шестигранные, уплощенные в сечении. Найден 1 экз. Аналогии известны очень широко. Они встречаются на Царевском, Увекском, Селитренном, Болгарском городищах (Полубояринова, 1991, с. 26). Призматические бусы есть в небольшом количестве в вятических курганах и в ряде других славянских захоронений и датируются X–XI вв. (Арциховский, 1930, с. 37, 145). В Старой Ладогe шестигранные бусы встречаются в основном, в слое X в. (Фехнер, 1959, с. 174). Изредка они встречаются в могильнике Белой Вежи. (Артамонова, 1963, с. 62, рис. 49: 3 б). Эти бусы есть и на памятниках Средней Волги (в Танкеевском могильнике IX–X вв. и Биляре) и в могильниках Верхнего Прикамья в погребениях X–XII вв. (Голдина, Королева, 1983, с. 64). В Средней Азии подобные бусы были найдены на поселении Карабулак (XI–XII вв.) (Брыкина, 1974, с. 93, рис. 63), на городищах Старого Мерва в отложениях XI – начала XIII вв., в Хорезме и на Афрасиабе. В Туркмении на поселении Шехр-Ислам такого типа бусы найдены в слоях IX–XI вв. (Полубояринова, 1991, с. 26). Таким образом, в Средней

Азии призматические бусы встречаются в течение всего домонгольского периода, в то время как на территории Восточной Европы время их бытования ограничено в основном IX–XI вв.

Тип 2. Бипирамидальные (рис. 4: 8) – в сечении шестиугольные, имеют двенадцать граней. Найден 1 экз. Аналогии встречаются на Увекском, Селитренном, Болгарском городищах (Полубояринова, 1991, с. 26). Бипирамидальные бусы часто находят в древнерусских курганах (Полубояринова, 1991, с. 27). Встречаются они также на Северном Кавказе в могильниках VIII–IX вв., в могильнике Белой Вежи (Артамонова, 1963, с. 62, рис. 49: 1), в Новгороде XII–XIII вв. (Колчин, 1982, с. 170), в могильниках Верхней Камы (Голдина, Королева, 1983, с. 59), в Биляре в слоях XI в., в курганах Южного Урала XI–XII вв. (Мажитов, 1981, с. 162, рис. 23). В Хорезме они датируются XII – началом XIII вв. В Туркмении в слоях XII – начала XIII вв. бипирамидальные бусы встречены на поселении Шехр-Ислам и Ярты-депе (Полубояринова, 1991, с. 27).

ГРУППА IV. ХРУСТАЛЬНЫЕ.

Отдел А. Граненые.

Тип 1. Четырнадцатигранные (форма куба со срезанными углами – рис. 4: 9). Найден 1 экз. Подобные бусы широко распространены на Руси, где датируются IX–XII вв. (Фехнер, 1959, с. 156, 183, рис. 2: 4а). Несколько таких бус было найдено в могильниках Дагестана VI–IX вв. Встречаются также в Средней Азии, например, на Гяур-кале (городище Старого Мерва) и на Селитренном и Болгарском городищах (Полубояринова, 1991, с. 36).

ГРУППА V. ПЕРЛАМУТРОВЫЕ.

Отдел А. Плоские.

Тип 1. Квадратные. Размеры: 10–9–1. Найден 1 экз. Перламутровые бусы встречаются изредка в Беловежском и Танкеевском могильниках (Артамонова, 1963, с. 63, рис. 50: 1а). Очень много их в удмуртском могильнике VIII–IX вв. Мыдлань-Шай и в бассейне р. Чепцы, на поселении Ярты-депе и на Селитренном городище (Полубояринова, 1991, с. 45).

Тип 2. Фигурные, с циркульным орнаментом (рис. 4: 11–12). Размеры: длина 16–21, ширина 10–12, толщина 0,2–2,5 мм. Найдено 16 экз. Аналогии неизвестны.

Очень ценили перламутр в древней Руси, появление его в виде вставок на древнерусских предметах датируется XIV в. (Полубояринова, 1991, с. 15).

ГРУППА VI. ЖЕМЧУГ.

Округлый (рис. 4: 10). Размеры: от 2–3 мм до 7 мм в диаметре. Найдено 39 экз. Жемчуг часто встречается в новгородских древностях и в Болгаре (Полубояринова, 1991, с. 46). Речной жемчуг встречается в реках Прибалтики, Карелии, северных областях Руси, в скандинавских странах (Корнилов, Солодова, 1987, с. 246).

ГРУППА VII. КОРАЛЛЫ.

Бусы из красного коралла в виде веточек (рис. 4: 13–15). Длина 2,5–3,5 см. Найдено 5 экз. Колонии кораллов разных цветов от белого до красного, изредка черного и голубого, встречаются в Средиземном и Красном морях, где они добываются до сих пор (Корнилов, Солодова, 1987, с. 247).

ГРУППА VIII. РАКОВИНЫ КАУРИ.

Всего учтено 11 раковин, из них 10 имеют просверленное отверстие для подвешивания. Длина от 13 до 30 мм.

ГРУППА IX. ЯНТАРНЫЕ.

Отдел А. Круглые.

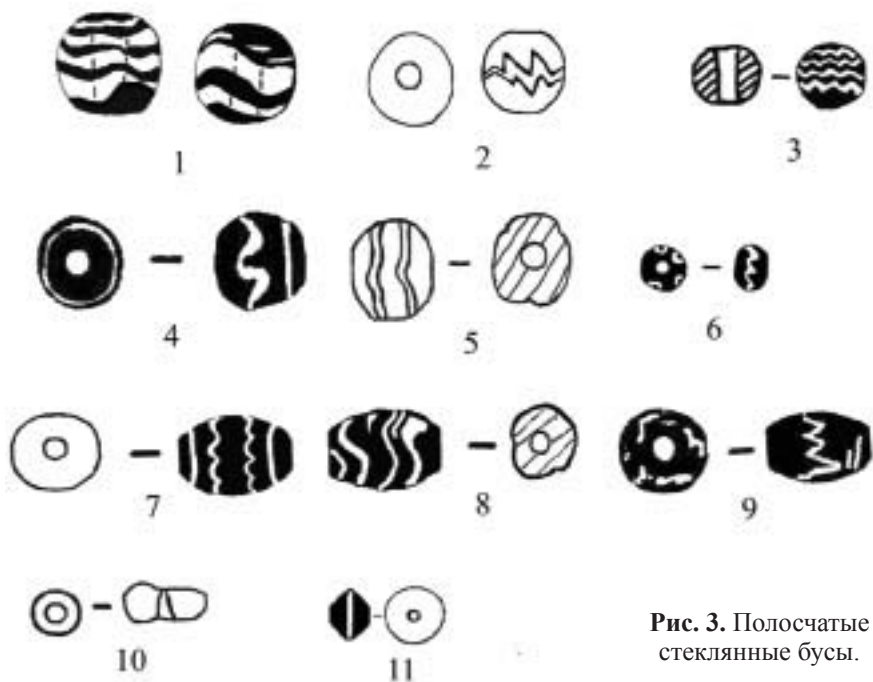

Рис. 3. Полосчатые стеклянные бусы.

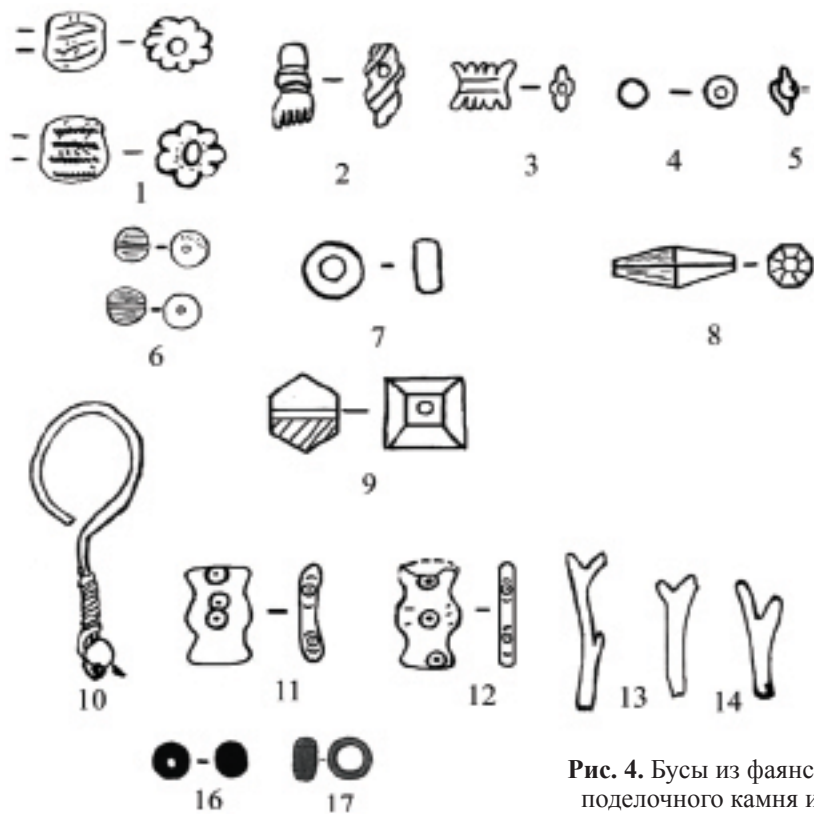

Рис. 4. Бусы из фаянса, поделочного камня и материалов органического происхождения.

Тип 1 – шаровидные. Диаметр 7–8 мм. Найдено 2 экз. Распространены очень широко.

Отдел Б. Плоские.

Тип I. Ромбические уплощенные – 2 экз. Высота 18–22 мм, ширина 9–14 мм, толщина 3–4 мм. По форме эти подвески близки сердоликовым и гагатовым ромбическим. Янтарные подвески такой формы встречены в Змейском катакомбном могильнике XI–XII вв.

Тип II. Бипирамидальные – 1 экз. В сечении – квадрат. Верхняя пирамида высокая, нижняя – низкая. Общая высота 20 мм, сторона 8 мм.

ГРУППА X. ГЕШИРОВЫЕ (гагатовые).

Отдел А. Круглые.

Тип 1. Зонные (рис. 4: 16–17). Размеры: 7–14–2. Найдено 2 экз. Подобные бусы известны в могильнике Бекешево I на Южном Урале (Мажитов, 1981, с. 162, рис. 23: 11, 12). Много гагатовых бус в Танкеевском могильнике, на Северном Кавказе в памятниках VIII–IX вв., на Селитренном и Болгарском городищах (Полубояринова, 1991, с. 46).

Тип 2. Кольцевидные (рис. 4: 17). Размеры: 2–8–2. Найдено 3 экз. Кольцевидные гагатовые бусины есть в слоях XI–XIII вв. на городищах Старого Мерва, в слоях XI–XII вв. на Шехр-Исламе (Туркмения). В Хорезме в XII–XIII вв. много гагатовых бус, среди них есть и кольцевидные. Встречаются подобные бусы и в Болгаре (Полубояринова, 1991, с. 46).

* * *

Приведенная выше классификация позволяет сделать ряд выводов, относительно бус, происходящих из погребений кочевников XIII–XIV вв. Основную массу составляют бусы

одноцветные: белого, синего, голубого, зеленого, коричневого стекла простых форм – шаровидные, зонные, боченковидные, кольцевидные. Аналогичные бусы были известны очень широко и встречались как в ранних среднеазиатских и славянских памятниках XI–XIII вв., так и в памятниках монгольского времени, среди последних они представлены в Новгороде и на территории городов Золотой Орды. Но в этой категории выделяются бусы белого цвета. Аналогии таким бусам известны в Каракоруме (Левашова, 1965, с. 298). Обилие белого цвета, видимо, связано с его сакральным значением для монголов.

На долю орнаментированных бус приходится лишь небольшая часть от общего количества стеклянных. По орнаменту эти бусы делятся на пятнистые, глазчатые и полосчатые. Аналогии первым широко известны в памятниках XI–XIII вв. на территории Кавказа, Волжской Болгарии, Средней Азии и встречаются в небольшом количестве на территории Древней Руси. В XIII–XIV вв. основной территорией распространения пятнистых бус становятся города Поволжья. На Селитренном городище была раскопана мастерская по изготовлению стеклянных украшений, в первую очередь орнаментированных бус (Галкин, 1984, с. 43). Вместе с тем, пятнистые бусы продолжали существовать в позднесредневековых городах Средней Азии и изредка встречались на русских памятниках.

Наряду с пятнистыми, представлены глазчатые бусы, аналогии которым известны в памятниках VIII–XI вв., когда они получают распространение у многих народов, в том числе и в Восточной Европе. В XIII–XIV вв. ареал

глазчатых бус сужается, они встречаются преимущественно в Средней Азии и в Поволжье.

Полосчатые бусы, с орнаментом в виде волнистой линии, часто многократно повторенной в виде спирали, идущей от одного конца отверстия к другому, имеют аналогии в домонгольских памятниках Руси, золотоордынских городах Поволжья и Хорезма. Аналогии таким бусам в XIII–XIV вв. известны, главным образом, на памятниках Средней Азии и в северных районах Руси.

На основании широкого ареала распространения и близости типов бус можно предположить, что существовала мода, вызывавшая спрос на определенные виды украшений. Вместе с тем, для бус из погребений характерна своя цветовая гамма (синее, белое, черное стекло), что говорит об

определенном значении этих цветов для кочевников.

Особую группу представляют бусы из поделочного камня и материалов органического происхождения. В нее входят бусы из горного хрусталя, янтаря, сердолика, гагата, кораллов, перламутра и жемчуга. В погребениях самую большую группу составляют бусы из жемчуга и перламутра, что вновь подчеркивает значимость белого цвета. Бусы из хрусталя, сердолика, кораллов, гагата встречаются в единичных экземплярах, возможно, их в погребениях заменяет стекло такого же цвета. Разнообразие украшений из различных материалов – это свидетельство налаженных торговых связей Поволжья со странами Востока и Запада как в домонгольский, так и в золотоордынский период истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алихова А.Е. Старосотенский могильник. // Археологический сборник. Вып. 1. – Саранск, 1948.
2. Алихова А.Е. Эрзянский могильник XIV в. у с. Гагино // Археологический сборник. Вып. 1. – Саранск, 1959.
3. Артамонова О.А. Могильник Саркела – Белой Вежи // МИА. – 1963. – № 109.
4. Арциховский А.В. Курганы вятичей. – М., 1930.
5. Брыкина Г.А. Карабулак. – М., 1974.
6. Бусятская Н.Н. Стекланные изделия городов Поволжья (XIII–XIV вв.) // Средневековые памятники Поволжья. – М., 1976.
7. Галкин Л.Л. Стеклодельная мастерская на городище Селитренное // СА. – 1984. – № 2.
8. Голдина Р.Д., Королева О.П. Бусы средневековых могильников Верхнего Прикамья // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первовобытную эпоху. – Ижевск, 1983.
9. Деоник В.Б. Классификация бус Юго-Восточной Европы VI–IX вв. // СА. – 1961. – № 3.
10. Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. – М., 1982.
11. Корнилов Н.И., Солодова Ю.П. Ювелирные камни. – М., 1987.
12. Левашова В.П. Бусы из Кара-Корума // Древнемонгольские города. – М., 1965.
13. Львова З.А. Стекланные браслеты и бусы из Саркела – Белой Вежи // МИА. – 1959. – № 75.

14. Львова З.А. Восточноевропейские стеклянные украшения VIII–XII вв. – Л., 1961.
15. Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. – М., 1981.
16. Монгайт А.Л. Старая Рязань. // МИА. – 1955. – № 49.
17. Полубояринова М.Д. Стеклянные изделия Болгарского городища // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. – М., 1988.
18. Полубояринова М.Д. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. – М., 1991.
19. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – М., 1966.
20. Фехнер М.В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Тр. ГИМ. Вып. 33. – М., 1959.
21. Щапова Ю.Л. Стеклянные бусы древнего Новгорода // МИА. – 1956. – № 55.
22. Щапова Ю.Л. Стекло Киевской Руси. – М., 1972.

Информация об авторе:

Курьшова Наталья Павловна, аспирант, Волгоградский государственный педагогический университет (г. Волгоград, Россия)

CLASSIFICATION OF BEADS FROM NOMAD GRAVES OF THE GOLDEN HORDE PERIOD

N.P. Kuryshova

A classification of the beads from nomadic burials of the Golden Horde period located in the Lower Volga region is presented in the article. The finds have been classified according to the following parameters: material, manufacturing method, shape, size and color. Monochrome glass beads of simple shapes comprise the bulk of the findings. The range of their colors can be associated with the special significance of certain colors for the nomads. Beads made of faience are represented in relatively small quantities, while those made of rock crystal and carnelian are met in rare instances. Organic materials are predominantly represented by pearls and mother-of-pearl. The diversity of the jewelry items made of different materials attests to the existence of extensive trade and cultural ties maintained by the Volga river region prior to and during the Golden Horde period.

Keywords: archaeology, the Lower Volga river region, the Golden Horde, the nomads, burials, beads, classification, decorative materials, color symbolism.

REFERENCES

1. Alikhova, A. E. 1948. In *Arkheologicheskii sbornik (Archaeological Collected Papers)* 1. Saransk: Mordovia Language, Literature, History, and Economy Institute, 138–230 (in Russian).
2. Alikhova, A. E. 1959. In *Arkheologicheskii sbornik (Archaeological Collected Papers)* 1. Saransk: “Mordovskoe knizhnoe izdatel’stvo” Publ., 169-194 (in Russian).
3. Artamonova, O. A. 1963. In *Trudy Volgo-Donskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Volga-Don Archaeological Expedition)* 3. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 109, 9–215 (in Russian).
4. Artsikhovskii, A. V. 1930. *Kurgany viatichei (Barrows of Vyatichi)*. Moscow: Russian Association of Institutes for Research in Social Sciences (in Russian).
5. Brykina, G. A. 1974. *Karabulak (Karabulak Hillfort)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

6. Busiatskaia, N. N. 1976. In Smirnov, A. P., Fyodorov-Davydov, G. A. (eds.). *Srednevekovye pamiatniki Povolzh'ia (Medieval Sites from the Volga Region)*. Moscow: "Nauka" Publ., 38—72 (in Russian).
7. Galkin, L. L. 1984. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2) (in Russian).
8. Goldina, R. D., Koroleva, O. P. 1983. In *Etnicheskie protsessy na Urale i v Sibiri v pervobytnuiu epokhu (Ethnic Processes in Ural and Siberia in Prehistoric Age)*. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).
9. Deopik, V. B. 1961. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 202—232 (in Russian).
10. Kolchin, B. A. 1982. In *Novgorodskii sbornik (50 let raskopok Novgoroda) (Novgorod Collected Works (50 Years of Excavations in Novgorod))*. Moscow: "Nauka" Publ., 156—177 (in Russian).
11. Kornilov, N. I., Solodova, Yu. P. 1987. *Iuvelirnye kamni (Jewelry Stones)*. Moscow: "Nedra" Publ. (in Russian).
12. Levashova, V. P. 1965. In Kiselev, S. V. (ed.). *Drevnemongol'skie goroda (Early Mongol Towns)*. Moscow: "Nauka" Publ., 303—312 (in Russian).
13. L'vova, Z. A. 1959. In *Trudy Volgo-Don'skoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Volga-Don Archaeological Expedition)* 2. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 75 (in Russian).
14. L'vova, Z. A. 1961. *Vostochnoevropeiskie stekliannye ukrasheniia VIII–XII vv. (East European Glass Decorations of 8th–12th Centuries)*. Leningrad: State Hermitage Museum (in Russian).
15. Mazhitov, N. A. 1981. *Kurgany Iuzhnogo Urala VIII–XII vv. (Barrows of Southern Ural, 8th–12th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
16. Mongait, A. L. 1955. *Staraiia Riazan' (Old Ryazan)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 49 (in Russian).
17. Poluboiarinova, M. D. 1988. In Fyodorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (Town of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow, 151—219 (in Russian).
18. Poluboiarinova, M. D. 1991. *Ukrasheniia iz tsvetnykh kamnei Bolgara i Zolotoi Ord'y (Jewelry of Gemstones found in Bulgar and the Golden Horde)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, Institute for Archaeology (in Russian).
19. Fedorov-Davydov, G. A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov: Arkheologicheskie pamiatniki (East European Nomads under rule of Altyn Orda Khans: Archaeological Sites)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
20. Fekhner, M. V. 1959. In *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum)* 33. Moscow, 149—224 (in Russian).
21. Shchapova, Yu. L. 1956. In *Trudy Novgorodskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Novgorod Archaeological Expedition)* 1. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 55, 164—180 (in Russian).
22. Shchapova, Yu. L. 1972. *Steklo Kievskoi Rusi (The Glass of Kievan Rus)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

About the Authors:

Kuryshova N.P. Volgograd State Pedagogical University. V. I. Lenin Ave., 27, Volgograd, 400005, Russian Federation.

**КОСТНЫЕ ОСТАНКИ ЖИВОТНЫХ
ИЗ РАСКОПА СЛXII ГОРОДА БОЛГАРА:
НЕКОТОРЫЕ НОВЫЕ МЕТОДЫ ОБРАБОТКИ И
ОЦЕНКИ АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ¹**

© 2012 г. Л.В. Яворская

Впервые при исследовании костных останков животных с городища Болгар применены современные методики, позволяющие решать не столько биологические, сколько археологические и исторические проблемы. Приводится подробное описание процесса работы по этим методикам, а также полученных результатов. В частности, удалось установить, что скот, забитый в Болгаре, не разводился в самом городе, а поставлялся в него извне. Также впервые зафиксировано изменение в составе находок костей диких животных по хронологическим периодам.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, Болгарское городище, домонгольский и золотоордынский период, археозоологические исследования, мясное потребление, состав стада, продукты охоты.

Введение

Кости животных, полученные из раскопок крупного средневекового городища «Великие Болгары» (Спасский район Республики Татарстан) неоднократно обрабатывались специалистами-остеологами. В 1950-х годах такие исследования проводил В.И. Цалкин, затем, начиная с 1970-х годов, остеологические материалы обрабатывала преимущественно А.Г. Петренко, а с 1990-х годов и поныне определения ведет Г.Ш. Асылгараева. Наиболее объемные обобщения результатов исследования костей животных из Болгара предложены А.Г. Петренко. В 1984 г. выходит ее монография «Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья», где значительное место занимает анализ остеологических материалов из города Болгара (Петренко, 1984). В 1988 г. в коллек-

тивной монографии, посвященной результатам археологических исследований в Болгаре «Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности», размещена статья Аиды Григорьевны, обобщающая основные результаты остеологических исследований на материалах коллекции в 40 тысяч фрагментов костей, накопленных к этому времени (Петренко, 1988).

Ее остеологическими определениями на Болгарском городище зафиксировано 9 видов домашних животных и 6 – диких. Домашние виды представлены следующими таксонами: крупный рогатый скот, овца, коза, лошадь, свинья, верблюд, осел, собака и кошка. Дикие виды представлены редкими находками костей бобра, зайца, куницы, волка, лося, косули (Петренко, 1988, с. 254). Таким образом, очерчен видовой состав животных, чьи останки встречаются в культурных слоях памятника.

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект №11-06-00190-а).

Кроме этого, исследовательницей проанализирован морфологический облик наиболее многочисленных видов – домашних мясных животных и указано на размерное и морфологическое сходство скота на всех памятниках региона средневековой эпохи (Петренко, 1988, с. 257). Средние размеры крупного рогатого скота составляли 114,5 см в холке для коров, 118,35 см – для быков, 123 см – для волов (Петренко, 1988, с. 259). В остеологическом комплексе крупного рогатого скота А.Г. Петренко выделено несколько разновидностей или «пород» скота, высказано предположение о возможном попадании этих разновидностей в результате обменов с соседями – славянами и южными кочевниками.

Размеры мелкого рогатого скота обобщенно реконструируются исследовательницей по высоте в холке в пределах 64–72 см. По ее мнению, на фоне преобладания крупнопородных овец, наличествуют и мелкие особи, чье происхождение связано с северными соседями болгар (Петренко, 1988, с. 261). Рост в холке лошадей реконструируется в широком диапазоне от 115 до 142 см. Наиболее распространенными, по А.Г. Петренко, были лошади с высотой в холке 135–140 см.

Возрастные характеристики домашних мясных животных, чьи останки обнаружены в слоях города, оценивались исследовательницей по традиционной в ее время методике, где учитывается очередность выхода зубов и смены молочных на постоянные. К сожалению, этот метод дает результат определения возраста не далее 3,5 лет. То есть, обозначить все другие возрасты преимущественного забоя оказывается невозможным.

Как определение возрастов животных, так и фиксация других характеристик остеологических материалов Болгара проводились и кое-где проводятся сейчас по общепринятой методической схеме исследования, изложенной В.И. Цалкиным в 50-х годах XX в. Тогда ставились задачи преимущественно биологического характера – определения морфологической характеристики животных, специфики их краниологии, реконструкции размеров. Эти задачи для материалов Болгара успешно решены работами А.Г. Петренко.

Однако для современной ситуации в археологии и археозоологии более актуальными становятся задачи извлечения из костей животных информации археологического и исторического характера. Для решения подобных задач необходим иной подход к костям животных из культурного слоя памятников. В лаборатории естественно-научных методов в Институте археологии РАН разработана методическая схема, которая принципиально отличается от предыдущей. Отличие состоит в подходе к костям животных, в первую очередь, как к массовому археологическому материалу, и лишь потом – как к источнику информации биологического характера (Антипина, 2004а).

При таком подходе становится необходимым фиксировать не только определяемые кости, но общее количество костных фрагментов в коллекции, а также объем коллекций каждого слоя и объектов. Эта информация уже позволяет судить об интенсивности жизни на тех или иных участках памятников или в разные хронологические периоды. Объем, который занимает остеологический матери-

ал, измеряется в кубических дециметрах. Этот параметр используется и для оценки степени раздробленности фрагментов, делением общего числа костей в конкретной выборке на занимаемый ими объем. Итоговый показатель – индекс раздробленности (ИР), указывает на то, сколько обломков содержится в 1 дм³. Оценивается сохранность фрагментов по пятибалльной шкале, а также характер раздробленности – естественный или искусственный, следы искусственного воздействия на кости: погрызы хищниками и грызунами, следы огня и воздействия высокой температуры, следы разрубов и надразов лезвием ножа, следы ремесленной обработки кости. И только анализ всех этих параметров дает возможность понять, с какой именно категорией костных останков мы имеем дело: с останками животных, мясо которых съели на памятнике («кухонные остатки»); с останками животных, погибших при каких-то катастрофах, жертвенных ритуалах, остатками тушек из погребов, заготовками или отходами косторезного производства, с современными интрузивными включениями в древний культурный слой и т.п.

Далее должна анализироваться таксономическая принадлежность костей животных и анатомическая структура останков каждого вида. Для определения возрастов фиксируется степень прирастания эпифизов и состояние костной ткани фрагментов, для зубов – степень стирания жевательной поверхности. При этом используются общепринятые в западной археозоологии методики (Grant, 1982; Levine, 1982), позволяющие оценить возраст животного до глубокой старости.

Для всех костей взрослых животных оценивается относительный размер – маленькая, средняя, или крупная; для серий промерных костей – общепринятые промеры, позволяющие оценить пропорции кости. Крайне важно отметить патологии на костях, вызванные заболеваниями или спецификой эксплуатации животных.

По этой методической схеме было проведено исследование коллекции костных остатков из раскопа CLXII, заложенного в центральной части Болгарского городища и расположенного к юго-западу от здания Соборной мечети. Исследования, проведенные здесь в 1989–2000 гг. М.Д. Полубояриновой, Г.Ф. Поляковой и Н.А. Кокориной, выявили слои как домонгольского (слой V), так и золотоордынского (слои IV-ранний и IV-поздний) периодов. Среди обнаруженных объектов – ряд производственных комплексов, жилые и хозяйственные постройки домонгольского и золотоордынского времени. В верхнем горизонте позднезолотоордынского времени (слой IV-поздний) были исследованы остатки фундамента монументальной постройки.

Общие сведения об остеологической коллекции раскопа CLXII

Общее количество костных фрагментов в данной коллекции составляет 21295. Количество фрагментов, определяемых до вида (иногда только класса) – 17277, что составляет 81,1% от общего числа фрагментов. Такая степень определимости костей на фоне хорошей естественной сохранности остеологических материалов обнаруживается во многих средневековых городах на Волге. В данном случае естественная сохранность, при которой поверхностный слой ком-

Таблица 1.1

Общие сведения о коллекции костных остатков из раскопа CLXII.

Объекты раскопок	Всего костей (фр-тов)	Для них оценки:						
		Неопределимых млекопитающих:		Определимых млекопитающих		Объем (дм ³)	ИР	ЕС
		крупных по размерам животных	средних по размерам животных	абс. число	%			
Слой IV позд	11764	961	1046	9757	82,9	406	29,0	4
Слой IV ранн	4569	541	196	3832	83,9	222	20,6	4
Слой V	320	43	25	252	78,8	11	29,1	3-4
Слой V-VI	38	12	4	22	57,9	1	38,0	3-4
Яма 11	3	1		2	66,7	0,1	30,0	4
Яма 12	14			14	100,0	0,3	46,7	4
Яма 24	32	4	9	19	59,2	0,9	35,6	4
Яма 26	11	5	2	4	36,4	0,3	36,7	4
Яма 27	45	16	12	17	37,8	1	45,0	3
Яма 28	14	5		9	64,3	0,3	46,7	4
Яма 29	35	9	2	24	68,6	1	35,0	4
Яма 30	647	81	85	481	74,3	23	28,1	4
Яма 32	6	2		4	66,7	0,1	60,0	3-4
Яма 36	3			3	100,0	0,1	30,0	4
Яма 36-а	14		1	13	92,9	1	14,0	4
Яма 39	327	20	67	240	73,4	11	29,7	4
Яма 43	72	17	8	47	65,3	1,6	45,0	3
Яма 43-в	6	2		4	66,7	0,1	60,0	3
Яма 44	50	15	8	27	54,0	1,4	35,7	3
Яма 47	1	1			0,0	0,1	10,0	4
Яма 49	22	8		14	63,6	1	22,0	3-4
Яма 50	174	30	12	132	75,9	5,4	32,2	3-4
Яма 51	365	40	25	300	82,2	13	28,1	4
Яма 51-а	8		2	6	75,0	0,2	40,0	4
Яма 52	115	22	7	86	74,8	6,3	18,3	3-4
Яма 59	64	9		55	85,9	4	16,0	4
Яма 61	126	24	16	86	68,3	3	42,0	3
Яма 62	25	9	1	15	60,0	0,6	41,7	4
Яма 63	63	16	2	45	71,4	2	31,5	4
Яма 64	130	23	22	85	65,4	5	26,0	3-4
Яма 65	1247	172	146	929	74,5	57	21,9	3
Яма 65-а	10		3	7	70,0	0,2	50,0	3
Яма 65-вг	1			1	100,0	0,1	10,0	3

Яма 65-е	2			2	100,0	0,1	20,0	3
Яма 65-н	20	2	3	15	75,0	0,4	50,0	3
Яма 66	27	3	3	21	77,8	1,2	22,5	4
Яма 67	39	12	12	15	38,5	1,2	32,5	3
Яма 68	8	1	3	4	50,0	0,5	16,0	3
Яма 69	66	10	4	52	78,8	3	22,0	3-4
Яма 65-69	116	15	13	88	75,9	3,5	33,1	3-4
Яма 71	4	4		0	0,0	0,1	40,0	3
Яма 75	5	2		3	60,0	0,1	50,0	4
Яма 76	106	5	1	100	94,3	3,1	34,2	3
Яма 78	6			6	100,0	0,3	20,0	3
Яма 79	12		3	9	75,0	0,2	60,0	3
Яма 82	40	4	12	24	60,0	0,9	44,4	
Яма 84	21	10		11	52,4	0,4	52,5	3
Яма 85	28	11		17	60,7	0,7	40,0	
Яма 86	154	25	18	111	72,1	7	22,0	3
Яма 107	3			3	100,0	0,1	30,0	3-4
Сооруж. 1	19	1	1	17	89,5	1,6	11,9	3-4
Сооруж. 3 (конгл. 1)	200	19	24	157	78,5	17	11,8	
Сооруж. 3 (конгл. 2)	49			49	100,0	11	4,5	
Сооруж. 4	30	2		28	93,3	1,5	20,0	4
Сооруж. 11	3	1		2	66,7	0,1	30,0	4
Линия 7 зачистки материка	2			2	100,0	0,1	20,0	3
Линия 3 зачистки материка	17	3	3	11	64,7	0,4	42,5	3
Всего по объектам	21295	2217	1801	17277	81,1	834,3	25,5	4-3

ИР – индекс раздробленности; ЕС – естественная сохранность.

пакты костной ткани слабо нарушен, оценивается чаще всего в 4, реже – 3 балла по пятибалльной шкале (табл. 1.1). Это позволяет уверенно оценить следы искусственного воздействия и утверждать, что раздробленность костей была вызвана искусственными факторами, связанными с человеческой деятельностью.

Индекс раздробленности (ИР, табл. 1.1) находится в пределах от 18 до 29 обломков на 1 дм³. Средний его показатель приближается к 25 фрагментам на 1 дм³. В небольших конгломератах костных остатков (5–50 фрагментов) индекс раздробленности сильно варьирует, часто увеличиваясь до 40–60 фр. на 1 дм³: понятно, что здесь сраба-

тывают случайные факторы малых по количеству фрагментов выборок. Поэтому индекс раздробленности считается достоверным лишь для наиболее крупных конгломератов костей. С другой стороны, уменьшение индекса до 11–15 фрагментов наблюдается в наиболее поздних по времени накопления конгломератах, синхронных верхним слоям памятника (сооружения 1 и 3, соответствующие слоям I–II). Это обусловлено тем, что в заполнениях этих сооружений встречены фрагменты целых скелетов животных. Кости в них не только целые, не раздробленные, но и, как правило, очень хорошей сохранности. Соответственно раздробленность здесь низкая (4,5 – 11 фрагментов на 1 дм³). В целом же раздробленность с индексами 18–29 при среднем – 25 на 1 дм³ отражает обычную кухонную разделку мяса животных (от 10 до 70 фрагментов на 1 дм³) (Антипина, 2004б).

Таксономическая идентификация костных остатков обозначила виды, уже известные по обработанным ранее другими исследователями материалам. Среди домашних животных обнаружены восемь обычных для города Болгар видов – крупный рогатый скот, лошадь, мелкий рогатый скот (овца и коза), свинья, верблюд, собака и кошка¹ (табл. 1.2). Они имеют наибольшую долю в остеологическом спектре памятника – 95%.

Остатки диких млекопитающих представлены семью таксонами: два вида плотнорогих копытных (лось, косуля), крупные всеядные млекопитающие (дикий кабан и медведь), сред-

ние по размерам, преимущественно пушные млекопитающие (бобр, лиса, заяц), и группа мелких млекопитающих, которая пока не определена полностью, но в большинстве в ней представлены остатки грызунов (табл. 1.3). Их доля в остеологическом спектре весьма невелика – 0,34%. Птицы и рыбы также составляют небольшие доли в остеологических остатках – 1,4 и 2,8% соответственно.

В остеологическом спектре домашних копытных для всех представительных по числу костей выборок первое место со значительным преимуществом неизменно занимает мелкий рогатый скот – 72,6%. Затем следуют крупный рогатый скот (2–2,6%), далее – лошадь (3,3%), а последние места занимают свинья (0,2%) и верблюд (0,04%) (табл. 1.2). Кухонными остатками в этих спектрах являются кости всех копытных: на подавляющем их большинстве зафиксированы следы искусственного, именно «кухонного» воздействия: порубы острым краем тяжелого металлического орудия (топор, мясницкий нож), дробление, воздействие открытого огня или высокой температуры (немногочисленны), погрызы собак (также немногочисленны). Кости лошади, судя по степени раздробленности и следам искусственного воздействия, имеют и кухонное и некухонное происхождение: по-видимому, это животное использовалось в пищу лишь изредка. Это утверждение можно отнести и к немногочисленным остаткам свиньи и верблюда. Останки собак и кошек не имеют отношения к мясному потреблению. Доли этих животных в слоях города составляют 0,8 и 0,3% соответственно.

Морфологический облик животных Волжской Булгарии тщательно

¹ По данным А.Г. Петренко в материалах памятника фиксируется 9 видов домашних животных, но костей осла в материалах данного раскопа не обнаружено.

Таблица 1.2

Таксономический состав остеологических остатков домашних животных из раскопа CLXII.

Таксоны (русск, latin)/ Слои-объекты	КРС (Bos taurus)	Лошадь (Equus caballus)	МРС: овца (Ovis aries), коза (Capra hircus)	Свинья (Sus scrofa f. Domestica)	Верблюд (Camelus camelus)	Собака (Canis familiaris)	Кошка (Felis catus)	Всего домашних
Слой IV поздний	2013	275	7026	25	1	67	17	9424
Слой IV ранний	846	123	2660	9	1	33	12	3684
Слой V	61	10	155				1	227
Слой V-VI	5		15					20
Яма 12	2		11					13
Яма 24	2		11					13
Яма 26	1	1	2					4
Яма 27	5		12					17
Яма 28			7					7
Яма 29	6		16			1		23
Яма 30	90	19	350	1			1	461
Яма 32			4					4
Яма 36	1		2					3
Яма 36-а	3	1	6					10
Яма 39	38	7	188	1		3		237
Яма 43	10		27			3		40
Яма 43-в	1		3					4
Яма 44	15	4	8					27
Яма 47								0
Яма 49	9		5					14
Яма 50	30	7	72					109
Яма 51	51	8	195			1	16	271
Яма 51-а			6					6
Яма 52	40	5	32	1	3			81
Яма 59	6	1	30					37
Яма 61	31	7	36					74
Яма 62	7	2	6					15
Яма 63	24	4	13				1	42
Яма 64	19	5	57				3	84
Яма 65	202	31	588		2	7	1	831
Яма 65-а		1	5					6
Яма 65-вГ			1					1

Яма 65-е			2					2
Яма 65-н	5		9					14
Яма 66	6	2	11					19
Яма 67	10		4					14
Яма 68								0
Яма 69	16	6	29					51
Яма 65-69	15	4	52			14	1	86
Яма 71								0
Яма 75			2					2
Яма 76	19	1	66			4		90
Яма 78	1	2	3					6
Яма 79			5					5
Яма 82	9	1	9				1	20
Яма 84	5	1	4					10
Яма 85	5		7					12
Яма 86	14	10	65			2		91
Яма 107			3					3
Соор 1	5	5	6	1				17
Соор 3	28	4	121					153
Соор 3	49							49
Соор 4	9	1	17					27
Соор 11	1		1					2
Соор 59	16		2					18
Линия 7 зачистка материка	2							2
Линия 3 зачистка материка			10					10
Всего	3733	548	11977	38	7	135	54	16492
%	22,64	3,32	72,62	0,23	0,04	0,82	0,33	100,0

проанализирован в предшествующих исследованиях А.Г. Петренко, которая выявила основные размерные характеристики домашнего скота (Петренко, 1984; 1988). Исследуемая выборка костных остатков с данного раскопа ничем существенно к уже установленным характеристикам прибавить не могла.

О возрастах забитых на мясо животных судили в рамках традиционной методики прошлого века по двум параметрам: по очередности вырастания молочных и постоянных зубов нижней челюсти и на основании прирастания или не прирастания эпифизов длинных трубчатых костей. Оба параметра дают нам информацию о

Таблица 1.3

Таксономический состав диких животных из раскопа CLXII.

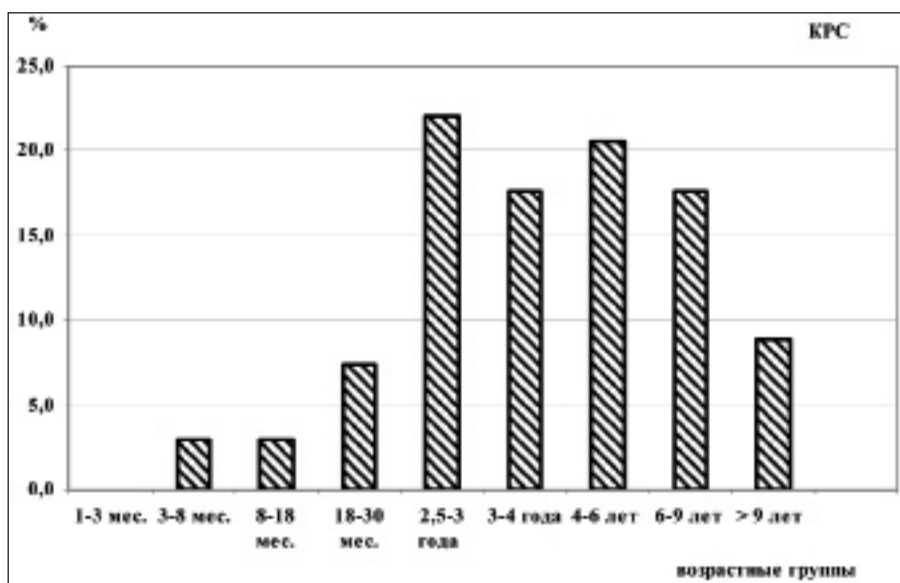
	Лось (Alces alces)	Косуля (Capreolus capreolus)	Олени*	Кабан (Sus scrofa f. Ferus)	Медведь (Ursus arctos)	Лиса (Vulpes vulpes)	Бобр (Castor fiber)	Заяц (Lepus sp.)	Мелкие грызуны	Всего
Слой IV поздний	8	2	1			1		8	5	25
Слой IV ранний	2		1	2	3			2		10
Слой V										
Слой V-VI										
Яма 24								1		1
Яма 30	3							2		5
Яма 39								1		1
Яма 50							1			1
Яма 51						2		2		4
Яма 61									1	1
Яма 65	1	1						2		4
Яма 65-н							1			1
Яма 66								1		1
Яма 76					1			2		3
Яма 82							1			1
ВСЕГО	14	3	2	2	4	3	3	21	6	58

* Обнаружены опилки рогов плотнорогих млекопитающих (олени). Размеры фрагментов невелики и более детальное определение до вида оказалось невозможным.

возрасте не далее 3,5–4 лет. Поэтому А.Г. Петренко, говоря о возрастах забоя Болгарского крупного рогатого скота на мясо, указывала лишь на то, что большая часть животных достигла возраста 3,5 лет. Но это весьма шаткие основания для рассуждений об особенностях хозяйственной эксплуатации животных. В современном археозоологическом исследовании применяется методика А. Грант (Grant, 1982), которая дает более дробную картину возрастов преимущественно забоя.

В коллекции с раскопа CLXII было всего 34 единиц костей (зубы и нижние челюсти) КРС, по которым можно было достоверно оценить возраст забоя животных, понятно, что этих данных недостаточно для достоверных выводов. Но, несмотря на это, попробуем на имеющемся материале оценить специфику забоя. На диаграмме 1.1 распределение возрастов забоя показывает, что на рынок Болгара, вероятно, преимущественно поставлялись животные в полном убойном весе (останков телят до 2,5 лет не много).

Диаграмма 1.1. Возрасты КРС города Болгара с раскопа CLXII по методике А.Грант.

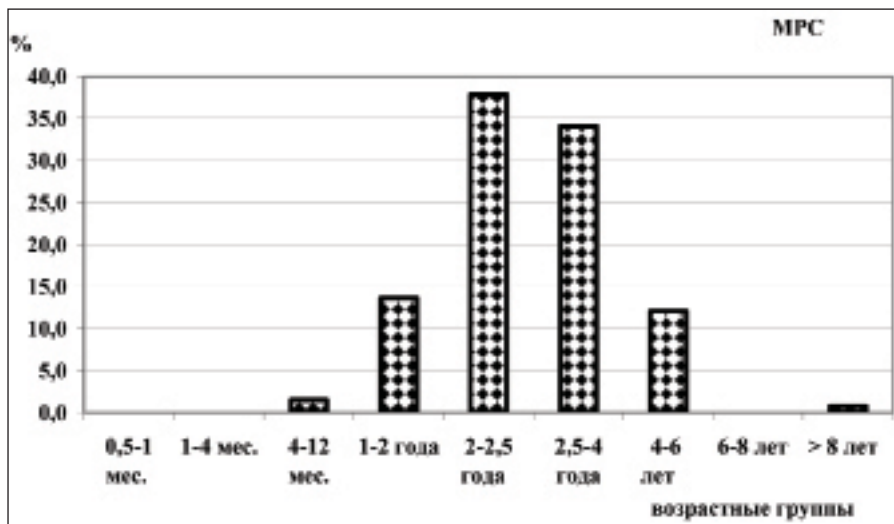
Следующие две возрастные группы (2,5–3 года и 3–4 года) имеют самые высокие доли в спектре и могут быть интерпретированы как забой бычков, которые уже достигли полного веса взрослого животного, но которые не используются в хозяйстве. Высокие показатели группы 4–6 лет, могут свидетельствовать о том, что на мясо были забиты и быки, и самки продуктивного возраста. Такая ситуация не типична при разведении КРС и потреблении его мяса в одном и том же хозяйстве: поскольку для собственного хозяйства существенна задача сохранить маточное поголовье, которое начинают выбраковывать и сокращать в возрасте 6–9 лет. Но специализированные и масштабные поставки мяса в город строятся на выбракованных взрослых животных любого возраста, в том числе и доживших до старости (ранг старше 9 лет). Следует сделать вывод, что полученное для Болгара по материалам раскопа CLXII распределение возрастов выбывания живот-

ных отражает именно поставки мяса КРС в город, а не разведение мясных животных прямо в городе.

Результаты анализа 132 нижних челюстей МРС с раскопа CLXII могут считаться вполне достоверными. Новорожденных животных совсем нет в данной выборке, ювенильных с нежным мясом очень мало – не более 15%. Получается, что на городской рынок поступало преимущественно мясо взрослых животных (2–2,5 и 2,5–4 лет), то есть животных в полном убойном весе. Их свыше 70% в представленной совокупности. Это самый продуктивный возраст как для самок, так и самцов. По-видимому, для получения прижизненной продукции (напр., шерсти), существовали другие животные за пределами Болгара. Такая картина также характеризует специализированные мясные поставки в город.

Возрасты забоя других домашних мясных животных достоверно оценить не представляется возможным

Диаграмма 1.2. Возрасты МРС города Болгар с раскопа CLXII по методике А. Грант.

из-за крайне небольшого количества их зубов и нижних челюстей.

Информацию о характере содержания и формах эксплуатации животных дает анализ патологий на костях. В исследуемой коллекции их выявлено немного. На костях крупного рогатого скота (слой IV-поздний, ямы 65, 76) зафиксированы три случая патологии, связанные с разрастанием костной ткани вокруг сосудистых отверстий на телах позвонков под невральской аркой. Такие патологии возможны из-за гормонального дисбаланса, возможно, голода в какой-то период жизни животных. Также в IV-позднем слое встречены фаланги-I КРС с наростами, которые образуются в местах прикрепления боковых связок как реакция на их воспаление (рис. 1). Зафиксирована также плюсневая кость КРС с наростами вокруг проксимальной поверхности (рис. 2). Такие патологии характерны для животных, используемых на тяжелых работах. На одной из нижних челюстей КРС (слой IV-поздний) у молодого

животного не выпал молочный зуб и постоянный премоляр (PMIV) начал расти в щечную сторону, что, несомненно, мешало животному, травмируя щечную поверхность изнутри. Смена этих зубов происходит между 2,5 и 3 годами. Скорее всего, это животное, достигшее полного убойного веса, выбраковали и забили на мясо. В поздних слоях памятника (засыпь сооружения 3) выявлены кости КРС со следами остеопороза. Эта патология характеризует гормональный дисбаланс взрослых и старых животных. Однако эти остатки не связаны со средневековыми слоями.

Для самой многочисленной категории кухонных костных останков мелкого рогатого скота патологий выявлено крайне мало. Дважды встречены костные наросты – остеофиты. В одном случае остеофиты были в виде «кружева» вокруг головки тела 5-го шейного позвонка (находка в IV позднем слое). По-видимому, это – следствие какого-то чрезмерного напряжения шейных мышц, в результате

Рис. 1. Болгар. Раскоп CLXII.
Фаланга-I (phalange-I)
крупного рогатого скота
(*Bos taurus*) с наростами.

Рис. 2. Болгар.
Раскоп CLXII.
Плюсневая кость
(metatarsus) крупного
рогатого скота
(*Bos taurus*) с
патологическими
наростами. 1 – вид
сбоку, 2 – вид с торца.

Рис. 3. Болгар. Раскоп CLXII.
Шейный позвонок
(vertebra cervicalis) мелкого
рогатого скота (ovis aries&capra
hircus) с наростами-остеофитами.

Рис. 4. Болгар. Раскоп CLXII.
Наросты-остеофиты на
локтевой и лучевой костях
(radius-ulna) мелкого рогатого
скота (ovis aries&capra hircus).

которого возник воспалительный процесс в местах их прикрепления (рис. 3). Возможно, что на шее животного висел тяжелый предмет (ботало?). Кроме того, отмечены наросты-остеофиты на лучевой и локтевой костях, как следствие травмы (находки в слое IV-позднем) (рис. 4).

Таким образом, немногочисленность патологий и их характер (следствие травм, тяжелой работы и гормонального дисбаланса) свидетельствуют, во-первых, что условия содержания животных были хорошими, во-вторых, что КРС использовали на тяжелых работах, в-третьих, велся тщательный отбор и выбраковка животных с травмами и патологиями в развитии.

Набор останков диких млекопитающих выявил как виды, уже известные в городе Болгаре, так и доселе не фиксируемые (табл. 1.3). Из известных ранее: лось, козуля, заяц, бобр. Из тех, что не фиксировались в работе А.Г. Петренко: остатки дикого кабана, медведя, лисы.

Среди диких млекопитающих наиболее многочисленными оказались остатки зайца (21 фр. – 36,2 % от всей совокупности диких) и лося (14 фр. – 24%). Оба вида – обычная для данного региона охотничья добыча. На костях лося от «мясных» и «немясных» частей туши видны следы разделки. Кости зайца представлены как «мясными» (тазовая), так и немясными частями (метаподии). Скорее всего, пушного зверька использовали в двух направлениях – как ценный мех и как питательное мясо. В выборке данного раскопа наличествуют немногочисленные остатки козули – как мясные (таз), так и немясные (нижние челюсти). То же самое можно сказать

об остатках бобра и медведя: мясные части (лучевая и локтевая кости медведя; большая берцовая и плечевая кости бобра, а также таз), соседствуют с фалангами этих же животных, которые традиционно считаются возможными остатками отделения шкуры. На локтевой кости медведя фиксируются многочисленные собачьи погрызы. Некоторые из костей бобра несут следы «кухонной» разделки. От лисы в коллекции присутствуют фрагменты верхней и нижней челюстей, возможно, что это остатки от снятой шкуры. Немногочисленные, но наличествующие в выборке с данного раскопа останки дикого кабана также разделяются на «мясные» (лучевая со следами «кухонного» слома) и «немясные» – клык крупного самца. Кроме того, в слоях города обнаружены обломки рогов плотнорогих млекопитающих (оленьи) с отчетливыми следами спилов. Их следует трактовать как производственные, то есть заготовки или остатки от производства изделий из рога.

Представленный анатомический спектр останков диких животных означает, что в культурный слой города попали те из них, которые являлись источниками ценной шкуры или меха. После отделения шкуры мясо большинства этих объектов охоты (лося, бобра, зайца, медведя, кабана) использовалось в пищу. Выборка костей мелких млекопитающих (6 фр. – 10%) пока не определена до видового уровня.

Анализ остеологических материалов раскопа CLXII по хронологическим группам

Костный материал на данном раскопе собирался по слоям, традиционно фиксируемым в городе Болгаре на

протяжении всего периода его раскопок, и по объектам, выявленным на данном участке в 2011 г. (ямы и сооружения). В предоставленном материале есть выборки из заполнения объектов, относимых к наиболее позднему периоду жизнедеятельности памятника – слой русской деревни XVII–XX вв. Материалы этого периода кратко рассматриваются здесь лишь в качестве сравнения.

К этому периоду отчетливо относятся костный материал из ям 12, 32, сооружения 1 и, в некоторой степени, сооружения 3. Материал из ям и сооружения 1 очень невелик, сохранность его составляет 4–5 баллов по пятибалльной шкале. Сооружение 3 содержало в себе 2 конгломерата костных фрагментов. Один конгломерат «кухонных остатков» с характерными сломками, сохранностью в 3 балла, с очень невысоким индексом раздробленности – 11 фрагментов на 1 дм³ (конгломерат 1 – табл. 1.1) включает фрагменты черепов КРС и МРС и несколько крупных фрагментов трубчатых костей КРС. В другом конгломерате сохранность – 4–5 баллов, индекс раздробленности совсем невысокий 4,5 фрагмента на 1 дм³ (конгломерат 2 – табл. 1.1). Это может означать, что туда попали целые кости крупного животного. В этом втором конгломерате оказались кости передней половины туловища взрослой коровы: полный череп с обломанными рогами, все шейные и грудные позвонки, ребра, длинные кости передних конечностей. На костях не выявлено никаких патологий и следов разделки. По степени стертости зубов нижней челюсти возраст оценивается в 4–6 лет. Животное не старое, продуктивного возраста, по-видимому, погибло при неясных

обстоятельствах, и часть его тела попала в верхний слой сооружения 3. Другой конгломерат костей из сооружения 3 по индексу раздробленности и по следам на костях следует отнести к «кухонным» остаткам. Сохранность этого конгломерата фрагментов иная – 3 балла по пятибалльной шкале.

Для археозоологического исследования наибольший интерес представляют средневековые слои города Болгара, которые на данном раскопе и в остеологической коллекции представлены материалами слоев IV, V, VI. Слой IV, датирующийся серединой XIII – началом XV вв., разделяется на два горизонта: позднеордынский (середина XIV – начало XV в.) и раннеордынский (середина XIII – середина XIV в.). Слои V и VI характеризуют домонгольский период функционирования Болгара (X – середина XIII вв.), но они представлены на данном раскопе небольшим количеством комплексов и очень тонким культурным слоем, слабо насыщенным костными остатками.

Интересно охарактеризовать заполнение средневековых слоев и сооружений костными фрагментами и, при возможности, сравнить их между собой, чтобы выявить динамику изменений. Для сравнения были объединены все фрагменты, происходящие из слоя и соответствующих ему по хронологии объектов.

При анализе остеологических материалов по периодам учитывался объем коллекции и общее количество фрагментов по каждому периоду. Коллекции оказались разными по объему: позднеордынский, самый крупный, – 497 дм³ (14 034 фрагмента), раннеордынский, поменьше, – 282 дм³ (6272 фрагмента), домонгольский, очень не-

Таблица 2.1

Общие параметры остеологической коллекции средневековых слоев города Болгара по периодам. Раскоп СХLII.

Периоды	ВСЕГО по слоям и сооружениям	Объем (дм ³)	ИР	Структура определимых остатков				
				ВСЕГО		Домашние млекопитающие	Дикие млекопитающие	Птицы-рыбы
				Абс. число	Доля			
IV поздний (середина XIV – нач. XV в.)	14034	497	28,23	11444	81,5	10969	437	38
%				100,0		95,85	3,819	0,33
IV ранний (середина XIII – середина XIV в.)	6272	282	22,3	5084	81,3	4833	231	20
%				100,0		95,06	4,544	0,39
Домонгольский (X – середина XIII в.)	679	25	27,2	493	72,6	440	53	
%				100,0		89,25	10,75	

большой – 25 дм³ (679 фрагментов). Первые два вполне можно сравнивать между собой, домонгольский с ними можно сравнивать, но лишь по отдельным параметрам.

Изменения объемов костных фрагментов по периодам отражают динамику интенсивности их накопления на данном раскопе: так, в границах раннеордынского периода кухонных остатков примерно вдвое меньше, чем в рамках позднеордынского. Следует отметить, что хронологически раннеордынский слой накапливался в течение примерно 100 лет, а позднеордынский несколько меньше – в пределах 60–70 лет. Однако если оценивать мощность культурного слоя археологически в количественном выражении, то при раскопках зафиксировано, что напластования раннеордынского периода

оказались вдвое меньшими, чем позднеордынские. Такая ситуация нуждается в объяснении. Возможно, на данном участке города во второй трети XIV в. бытовая жизнь и, соответственно, накопление костных остатков резко интенсифицируется. Индивидуальных находок с данного раскопа в позднеордынском слое значительно больше.

По остальным обсуждаемым параметрам (соотношение домашних и диких животных, а также доля птиц и рыб) существенной динамики от раннеордынского слоя к позднеордынскому не наблюдается. Остатки домашних млекопитающих составляют 95% от совокупности определимых, диких – не достигают 0,4%. Доля птиц и рыб составляет примерно от 4 до 4,5% (табл. 2.1). Доля определимых фрагментов в коллекциях по пе-

Таблица 2.2

Распределение костных остатков диких млекопитающих раскопа CLXII города Болгара по хронологическим группам.

	Лось	Косуля	Кабан дикий	Медведь	Лиса	Бобр	Заяц	Всего
Слой IV поздний	8	2			1		8	19
Яма 24							1	1
Яма 30	3						2	5
Яма 65	1	1					2	4
Яма 76				1			2	3
Всего по IV позднему	12	3		1	1		15	32
Слой IV ранний	2		2	3			2	9
Яма 39							1	1
Яма 50						1		1
Яма 51					2		2	4
Яма 65-н						1		1
Яма 66							1	1
Яма 82						1		1
Всего по IV раннему	2		2	3	2	3	6	18
ВСЕГО диких видов	14	3	2	4	3	3	21	50*
%	28,0	6,0	4,0	8,0	6,0	6,0	42,0	100,0

* Всего на раскопе зафиксировано 58 фрагментов костей, принадлежавших диким млекопитающим. В данном разделе анализируются остатки охотничьей добычи. Поэтому из рассмотрения исключены кости грызунов (6 фрагментов) и производственные остатки рогов плотнорогих (оленьих), неопределимые до видового уровня (2 фрагмента).

риодам практически одинакова, только индекс раздробленности несколько вырастает от раннеордынского периода к позднеордынскому с 22,3 до 28,3.

Выборки остатков охотничьих животных по периодам отличаются примерно вдвое (38 фрагментов – в позднеордынском и 20 – в раннеордынском слое, см. табл. 2.2).

В видовом составе охотничьих млекопитающих по наиболее встречаемым видам существенной динамики по периодам не наблюдается – примерно в одних и тех же пропорциях

представлены все виды. Исключение составляют остатки кабана и бобра, которых вообще не фиксируется в позднеордынском слое, хотя оба вида обитали и обитают на данной территории. Остатки кабана в городских слоях могут оцениваться как свидетельство аристократической охоты. В таком случае именно в раннеордынский период могли наблюдаться подобные охотничьи развлечения, поскольку именно в этот период Болгар был крупным, отчасти столичным центром для Золотой Орды, местом

пребывания аристократии. Остатки бобра – свидетельство пушной охоты, источника ценного снадобья – бобровой струи и дополнительного источника белковой пищи. Поэтому удивительно, что в огромной выборке из позднеордынского слоя нет его остатков. В центре города в раннеордынский период, по-видимому, жило разноэтническое население, которое, несомненно, не только охотилось, но и употребляло в пищу мясо бобра.

Возможно, что мусульманское население в городе позднеордынского периода уже не употребляло специфичное мясо отдельных видов диких животных. Вероятно, радикально изменилось само назначение данного участка города с середины XIV в.

Обратим внимание и на факт, что костей лося в позднеордынском слое и синхронных ему сооружениях значительно больше, чем в раннеордынском (12 против 2). Помимо прекрас-

Таблица. 2.3

Остеологические спектры домашних копытных раскопа CLXII по периодам (кол-во фрагментов).

	КРС	Лошадь	МРС	Свинья	Верблюд	ВСЕГО остатков
IV поздний	2357	332	8138	26	3	10856
%	21,7	3,06	74,963	0,24	0,03	100,0
IV ранний	1185	182	3381	11	4	4763
%	24,9	3,8	70,985	0,23	0,08	100,0
Домонгольский*	104	25	305			434
%	24,0	5,8	70,2			100,0
По раскопу в целом	3733	548	11977	38	7	
	22,898	3,361	73,465	0,23	0,04	

* Коллекция домонгольского периода приведена в качестве дополнительной информации, но не рассматривается и не анализируется.

ной шкуры, это животное – поставщик большого количества дополнительного мяса. Несомненно, оно в большей степени употреблялось в позднеордынский период, то есть тогда же, когда бытовая жизнь участка стала более интенсивной.

Как указывалось выше, в позднеордынский период увеличивается количество и объемы «кухонных» остатков, возможно, и число жителей на данном участке города. Об изменениях мясного потребления по периодам возможно судить преимущественно на основании подсчетов остатков до-

машних мясных млекопитающих и их долей в остеологическом спектре.

Общий вид остеологического спектра домашних копытных сохраняется по периодам: лидирует мелкий рогатый скот (70–74%), на втором месте – КРС (21–24%), на третьем – остатки лошади (3–3,8%). Доля свиньи – 0,2%, доля верблюда не достигает десятой доли процента. Эта ситуация близка к спектру по раскопу в целом, то есть она характерна для данного участка памятника и, скорее всего, для всего города. К тому же величина выборок по периодам (около

Диаграмма 2.1. Остеологические спектры трех значимых в коллекции видов домашних копытных из раскопа CLXII по хронологическим периодам.

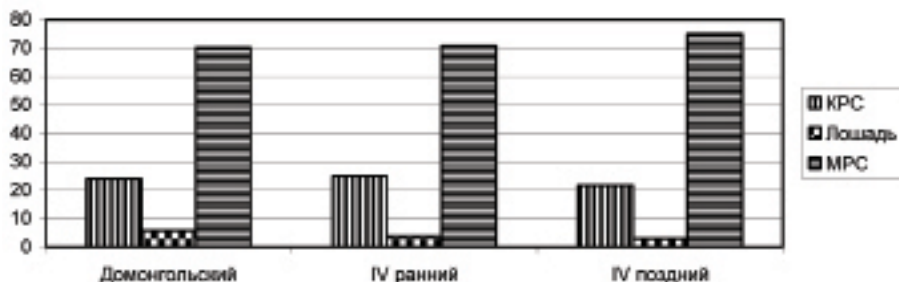

Таблица 2.4

Остеологический спектр и спектр мясного потребления города Болгара по периодам (по материалам раскопа CLXII)

	КРС	Лошадь	МРС	Свинья	Верблюд	Всего
Остеологический спектр (%)						
IV поздний	21,7	3,1	75,0	0,24	0,03	100
IV ранний	24,9	3,8	71,0	0,23	0,08	100
Домонгольский	24,0	5,8	70,2			100
По раскопу в целом	22,9	3,4	73,5	0,23	0,04	100
Кратность веса туш						
	6	5,5	1	1	10	
Абстрактные мясные единицы (ед.)						
IV поздний	130,3	16,8	75,0	0,24	0,28	222,6
IV ранний	149,3	21,0	71,0	0,23	0,84	242,3
Домонгольский	143,8	31,7	70,2			245,7
По раскопу в целом	137,4	18,5	73,5	0,23	0,43	230
Спектр мясного потребления (%)						
IV поздний	58,5	7,6	33,7	0,11	0,12	100
IV ранний	61,6	8,7	29,3	0,10	0,35	100
Домонгольский	58,5	12,9	28,6	0	0	100
По раскопу в целом	59,7	8,0	31,9	0,10	0,19	100

11 тысяч фрагментов и около 5 тысяч) придают остеологическим спектрам еще большую достоверность. Доля лошади в спектрах по периодам почти не различается. Уменьшение доли КРС в остеологическом спектре позднеордынского периода с 24 до 21% происходит за счет роста доли МРС с 71 до 75%. Однако эти различия не-

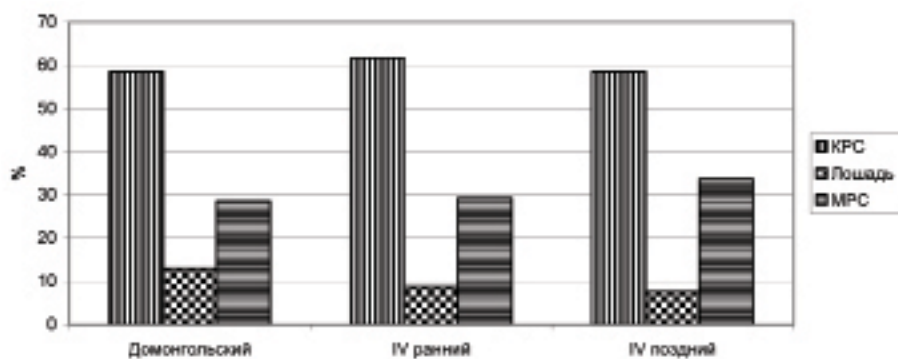
велики и находятся в рамках допустимой статистической погрешности.

Структура остеологических спектров отличается от структуры мясного потребления. Это обусловлено естественными различиями в весе животных разных видов. Для вычисления доли каждого вида в мясном потреблении необходимо сначала выявить

весовые соотношения вида в конкретной популяции. За весовую единицу традиционно выбирается вес одной овцы, с которой и будет сравниваться вес остальных видов по соответствующему коэффициенту. О размерах животных в данной популяции, подсчитанных А.Г. Петренко, говорилось выше. Размеры болгарского скота средневековой эпохи почти ничем не отличаются от скота этой же эпохи центральной части Золотой Орды

– Нижнего Поволжья, изученного В.И. Цалкиным (КРС – 115 и 121 см в холке для коров и быков соответственно) (Цалкин, 1967). По средним показателям разница на 2 см в росте между животными этих популяций, так же как и их разница по весу будет несущественной. Таким образом, для анализа специфики мясного потребления мы можем использовать те же коэффициенты или кратность веса мясных туш, которые традиционно установле-

Диаграмма 2.2. Спектры мясного потребления раскопа CLXII по периодам.

ны для Нижнего Поволжья. Эти коэффициенты или кратность означают во сколько раз больше или меньше весит животное конкретного вида по отношению к одной овце (50 кг). Для данной популяции будут приняты следующие коэффициенты (кратность веса туш): КРС – 6, лошадь – 5,5, свинья – 1, верблюд – 10 (см. табл. 2.4).

Поскольку в основном все животные забивались взрослыми и, соответственно, в полном убойном весе, корректировки на долю молодняка, который меньше весит по отношению к взрослому животному, не требуется.

Как и должно быть в среде оседлого населения, в мясном рационе всех периодов решительно лидирует говядина, баранина – на втором месте,

роль конины в мясном потреблении жителей этого города ниже, чем других видов мяса. Доли основных мясных видов в рационе горожан почти не изменяются от раннеордынского периода к поздеордынскому.

Основные итоги

Итоги исследования показывают, прежде всего, то, что принципиально нового дала обработка костей животных из раскопа CLXII по современным археозоологическим методикам.

Впервые для памятника замерялся общий объем коллекции и общее количество костных остатков с одного раскопа. Эти данные позволяют сравнить интенсивность накопления массового археологического материала – костей животных в культурных

напластованиях города Болгара по хронологическим периодам. Кроме того, общее количество костных фрагментов позволило вычислить долю определяемых в этой совокупности. Она высока – 81%. Такой высокий показатель должен сочетаться с хорошей сохранностью фрагментов и не слишком высокой их раздробленностью.

Степень естественной сохранности, индекс раздробленности, а также характер раздробленности также указаны впервые. По этим параметрам для данного участка памятника четко отделены конгломераты костных фрагментов, не имеющих отношения к «кухонным» остаткам (в поздних сооружениях памятника). По степени раздробленности и характерным следам искусственного воздействия выделена категория «кухонных» остатков.

Таксономический состав костных остатков на данном участке памятника традиционен, как по домашним, так и по диким животным (виды, которые не обозначены в публикации А.Г. Петренко, возможно, обнаруживались исследователями, но не опубликованы). Почти все дикие животные были источниками ценного меха или шкуры. Однако вряд ли они добывались горожанами. Зафиксировано, что мясо всех видов диких животных употреблялось в пищу и именно поэтому их остатки попали в культурный слой города. Впервые четко зафиксировано изменение в распределении находок костей диких животных по хронологическим периодам. Оказалось, что кости бобра и дикого кабана фиксируются только в раннеордынском хронологическом горизонте, и это, возможно, связано с особым, почти столичным статусом Болгара в этот период.

Остеологические спектры по домашним мясным видам почти не изме-

няются по периодам. В них первое место со значительным преимуществом неизменно занимает мелкий рогатый скот, затем следует доля крупного рогатого скота, затем – лошади. Доли свиньи и верблюда невелики, не достигают 1% в остеологическом спектре.

В мясном потреблении решительно превалирует говядина, что вполне согласовывается с результатами исследования других волжских городов золотоордынского периода – городищами Водянским, Царевским, Селитренным, Самосдельским. На втором месте баранина, а конину в пищу употребляли, но нечасто.

Выявлены изменения интенсивности бытовой жизни в городе по накоплению кухонных костных остатков в культурном слое. В хронологический период середины XIV – начала XV в (слой IV-поздний) общее количество костных остатков оказалось вдвое большим, чем за предыдущий раннеордынский период (слой IV-ранний). Это может быть связано с локальной ситуацией на данном участке памятника, но может также отражать тенденцию в слоях города в целом. Болгар в этот период становится центром формирующегося самостоятельного государственного образования, столичным центром данной территории, в нем протекает более интенсивная бытовая жизнь, отразившаяся в материалах данного участка.

Отмечу, что слой IV-поздний по археологическому и историческому контекстам характеризует не только расцвет Болгара и высокую интенсивность жизни на данном участке памятника в середине XIV в., но и период постепенного упадка городской жизни во время смуты в Золотой Орде («Великой замятни» русских летописей), прекращения функционирования монументального сооружения

и его разбора. Все костные остатки этого периода вошли в единую выборку и рассматривались совокупно. Полагаю, что для дальнейших исследований данного района необходимо собирать материал IV-позднего слоя по прослойкам и отделять периоды расцвета и затухания жизни на данном участке в этот период.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антипина Е.Е. Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты // Новейшие археозоологические исследования в России. – М., 2004.
2. Антипина Е.Е. Археозоологические материалы // Каргалы. Т. III. – М., 2004.
3. Петренко А.Г. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. – М., 1984.
4. Петренко А.Г. Остеологические остатки животных их Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. – М., 1988.
5. Цалкин В.И. Домашние животные Золотой Орды // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отделение Биологии. Т. LXXXII (1). – М., 1967.
6. Яворская Л.В. Специфика мясного потребления золотоордынских городов «столичной» зоны // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. – Волгоград, 2007.
7. Grant A. The use of Tooth Wear as Guide to the Age of Domestic Ungulates // Ageing and Sexing Animal Bones from Archaeological Sites / BAR (British Series). № 109. – Oxford, 1982.
8. Levine M.A. The use of crown height measurements and eruption-wear sequences to age horse teeth // Ageing and Sexing Animal Bones from Archaeological Sites / BAR (British Series). № 109. – Oxford, 1982.

Информация об авторе:

Яворская Лилия Вячеславовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, доцент, Институт археологии РАН, (г. Москва, Россия); lilechka.yavorska@list.ru

ANIMAL BONE REMAINS FROM EXCAVATIONS CLXII OF BOLGAR CITY: SOME NEW METHODS OF ARCHEOLOGICAL-ZOOLOGICAL MATERIALS PROCESSING AND APPRAISAL

L.V. Yavorskaya

It is for the first time in the study of animal bone remnants from the Bolgar city site that modern techniques have been applied, which have made it possible to solve archaeological and historical problems rather than purely biological ones. A detailed description of the work process based on these techniques and of the results obtained is offered. In particular, it has been found out that the cattle intended for slaughter in Bolgar had not been bred within the city limits but rather supplied from outside. Also for the first time, a change in the distribution structure of finds of wild animals' bones as per chronological periods has been recorded.

Keywords: archaeology, the Middle Volga river region, the Bolgar city site, the pre-Mongol and Golden Horde period, archaeozoological studies, meat consumption, herd composition, products of hunting.

Supported by the Russian Foundation for Fundamental Research (project No. 11-06-00190-a).

REFERENCES

1. Antipina, E. E. 2004. In Chernykh, E. N., Antipina, E. E. (eds.). *Noveishie arkhеozoologicheskie issledovaniia v Rossii. K stoletiiu so dnia rozhdeniia V. I. Tsalkina (Recent Archaeozoological Studies in Russia: towards the 100th anniversary of V. I. Tsalkin)*. Moscow: "Iazyki slavianskoi kul'tury" Publ., 7—33 (in Russian).
2. Antipina, E. E. 2004. In Chernykh E. N. (ed.). *Kargaly (Kargaly) III. Selishche Gornyi: Arkheologicheskie materialy. Tekhnologiia gorno-metallurgicheskogo proizvodstva. Arkheobiologicheskie issledovaniia (Gorny Site. Archaeological Materials. Mining and Metallurgy Technology. Archaeobiological Studies)*. Moscow: "Iazyki slavianskoi kul'tury" Publ., 182—239 (in Russian).
3. Petrenko, A. G. 1984. *Drevnee i srednevekovoe zhitovnovodstvo Srednego Povolzh'ia i Predural'ia (Ancient and Medieval Cattle-Breeding of the Middle Volga Area and Cis-Urals)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
4. Petrenko, A. G. 1988. In Fyodorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (Town of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: "Nauka" Publ., 254—271 (in Russian).
5. Tsalkin, V. I. 1967. In *Biulleten' Moskovskogo obshchestva ispytatelei prirody. Otdelenie Biologii (Bulletin of the Moscow Society of Naturalists. Department of Biology)* LXXXII (1). Moscow, 114—129 (in Russian).
6. Yavorskaya, L. V. 2007. In *Problemy arkheologii Nizhnego Povolzh'ia (Problems of Archaeology of Lower Volga Region)*. Volgograd: Volgograd State University, 195—204 (in Russian).
7. Grant, A. 1982. The use of Tooth Wear as Guide to the Age of Domestic Ungulates. In Wilson, B., Grigson, C., Payne, S. (eds.). *Ageing and Sexing Animal Bones from Archaeological Sites*. BAR British Series 109. Oxford, 91—108.
8. Levine, M. A. 1982. The use of crown height measurements and eruption-wear sequences to age horse teeth. In Wilson, B., Grigson, C., Payne, S. (eds.). *Ageing and Sexing Animal Bones from Archaeological Sites*. BAR British Series 109. Oxford, 223—250.

About the Author:

Yavorskaya Lilia V. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; lilechkayavorska@list.ru

Хроника

ПЯТАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ДИАЛОГ ГОРОДСКОЙ И СТЕПНОЙ КУЛЬТУР НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ», ПОСВЯЩЕННАЯ ПАМЯТИ Г.А. ФЕДОРОВА-ДАВИДОВА

© 2012 г. Ю.А. Зеленев

Пятая Международная конференция «Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве», посвященная памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова, проводилась в октябре 2011 г. в с. Селитренном Астраханской области. За 10 лет проведения этих конференций сформировался круг постоянно обсуждающихся вопросов. К ним относятся: степи Евразии от раннего железного века до средневековья; связи Золотой Орды с окружающим миром; средневековая нумизматика; естественнонаучные и статистико-комбинаторные методы в археологии. Этим вопросам и были в основном посвящены представленные доклады. По итогам конференции был издан сборник статей.

Ключевые слова: археология, Нижнее Поволжье, международная научная конференция, история и археология Евразии, средневековая городская культура, кочевая цивилизация, средневековая нумизматика, естественнонаучные и математические методы в археологии.

3–7 октября 2011 года в селе Селитренном Харабалинского района Астраханской области состоялась 5 Международная конференция, посвященная памяти Г.А. Федорова-Давыдова «Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве», организованная Астраханским государственным университетом, Институтом истории АН Татарстана, Историко-культурным центром «Сарай-Бату», Марийским государственным университетом и Харабалинской районной администрацией Астраханской области (председатель оргкомитета Ю.А. Зеленев).

Первая конференция, посвященная Г.А. Федорову-Давыдову, состоялась в Нижнем Новгороде в 2001 году

(председатель оргкомитета Т.В. Гусева). Впоследствии эти конференции проходили: 2-ая – в Казани и на Яльчике (председатель оргкомитета А.Г. Мухамадиев); 3-я – в Москве, санаторий «Клязьма» (сопредседатели оргкомитета В.Л. Егоров, В.Л. Янин); 4-ая – в Азове (председатель оргкомитета Л.Т. Яблонский). За десять лет, в течение которых проводились эти конференции, произошли серьезные изменения в изучении тех проблем, которые ранее изучались Г.А. Федоровым-Давыдовым, что всегда находило отражение в докладах участников конференций. Сформировался тот круг вопросов, которые обсуждаются на конференциях, посвященных Г.А. Федорову-Давыдову.

Фактически они стали традиционными и стали соответствовать секциям проводимых конференций. К ним относятся: «Степи Евразии и сопредельные регионы в раннем железном веке и раннем средневековье», «Золотая Орда и окружающий мир», «Средневековая нумизматика», «Естественнонаучные и статистико-комбинаторные методы в археологических исследованиях». Стабильность и постоянное развитие этого традиционного научного форума стало возможным в результате работы постоянного оргкомитета, в который входят В.Л. Егоров, Т.В. Гусева, Ю.А. Зеленева, К.А. Руденко, М.Д. Полубояринова, Л.Т. Яблонский.

На 5-ую Международную конференцию, посвященную 80-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова, были представлены доклады представителей различных научно-исследовательских учреждений России, Украины, Казахстана и Азербайджана.

Конференция проходила в селе Селитренном, рядом с которым находится Селитренное городище и где организован историко-культурный центр «Сарай-Бату» (директор Е.М. Пигарев). Ее участники имели возможность ознакомиться с городищем и с раскопом Поволжской археологической экспедиции 2011 года.

Поволжская археологическая экспедиция ведет исследования Селитренного городища с 1965 года. Эти работы были начаты по инициативе Г.А. Федорова-Давыдова и проходили под его руководством. Роль Г.А. Федорова-Давыдова в исследовании Селитренного городища была освещена в докладе Ю.А. Зеленева, которым была открыта конференция. Сели-

тренное городище стало основным объектом исследований Поволжской археологической экспедиции в Нижнем Поволжье в середине 70-х годов XX века и остается таковым и в настоящее время.

В докладе В.Л. Егорова обобщены данные о культурном развитии Золотой Орды. Развивается мысль о феномене золотоордынской культуры.

Доклад об исторической географии средневековых кочевников Урало-Поволжья представили В.А. Иванов и М.И. Иванова. По их мнению, формирование этнической карты степей Урало-Поволжья в эпоху средневековья в значительной степени определялось природно-климатическими факторами.

О коллекции хорезмийских монет из археологического музея гимназии № 1505 города Москвы рассказала А.А. Евдокимова. С докладом о северной границе половецкой земли в Подонье выступил М.В. Цыбин, который отметил, что в русских источниках имеются сообщения о территориях, называвшихся «поле» и входивших в русские земли. О военной организации кочевников степей Предкавказья доложили В.Н. Чахидзе и И.А. Дружинина, по существу осветив общую картину военной организации половецкого общества в Предкавказье в дозолотоордынский период.

О так называемых «вавилонах» сообщили Д.Ю. Бадеев и В.Ю. Коваль. Они уверенно утверждают, что находки предметов с прочерченными фигурами являются полями для игры в «мельницу». Л.М. Носкова выступила с докладом об адыгских средневековых памятниках.

В докладе С.Г. Бочарова представлены данные по исторической гео-

графии Генуэзской Газарии XIV–XV веков (Кампанья Каффы). По его мнению, Кампанья Каффы занимала территорию вдоль восточного побережья Крыма 30 км в длину и 3–9 км в ширину. *И.В. Волков* выступил с докладом о двух Сараях на карте Андреа Вальшпергера 1448 г. Им отмечается, что данные этой карты свидетельствуют о том, что ранний Сарай, Ак-Сарай и Кандак – это одно и то же. Возможно, что впоследствии было три города имевших в своем названии корень «Сарай».

Е.И. Гончаров изложил некоторые итоги изучения монет XIII века из Дженда. Он считает, что Джендский улус с 1267 года отошел под власть джучидов и оставался под их контролем до «великой замятни», но в денежном деле Дженда чувствуется влияние Джагатайского улуса. *М.В. Горелик* познакомил коллег с результатами изучения монгольского пояса из Киргизии, выполненного в стиле «фалань», выделив изделия с перегородчатой эмалью с территории Улуса Джучи. По его мнению, появление здесь этого вида прикладного искусства связано с мастерами, поселившимися в итальянских колониях Северного Причерноморья во второй половине XIII века. *Т.М. Достиев* представил данные о взаимосвязях Золотой Орды и Азербайджана в XIII–XIV веках, особенно остановившись на архитектурном влиянии Азербайджана на культовое зодчество Золотой Орды. Он считает, что анализ источников позволяет констатировать наличие тесных связей между этими регионами. *А.В. Евглевский* и *М.Л. Швецов* сообщили об уточнении некоторых данных о Царином городище. Они отмечают, что массового за-

селения среднего Подонцовья в дозолотоордынское время не было.

Э.Д. Зиливинская ознакомила коллег с основными тенденциями развития культовой и гражданской архитектуры Золотой Орды. Она выделяет в гражданской архитектуре элементы с кочевыми и оседлыми истоками.

С.А. Кравченко предложила трактовку функционирования гончарного ремесла в Азаке. По ее мнению в этом городе выделяются две группы мастеров-гончаров. В то же время размеры и объемы азакских мастерских сильно уступают столичным мастерским.

Со своими взглядами на вопрос об этнической принадлежности головного убора-бокки ознакомил коллег *И.С. Котеньков*. Он предполагает, что монголы переняли моду на ношение этого головного убора у кыпчаков-половцев.

Наличие христианского населения в Золотой Орде отметили *Д.А. Кубанкин* (на примере Укека), который указывает на наличие многочисленной русской православной общины в Укеке и *А.Ф. Кочкина* (на примере памятников Самарского Поволжья).

Д.В. Марыксин попытался проследить, как совершались захоронения в сырцовый оградке на территории Западного Казахстана. Он считает их бескурганными или долгое время остававшимися открытыми. *А.Н. Масловский* сообщил о кладках и экстраординарных погребениях из Азака, которые он попытался интерпретировать как комплексы криминального происхождения.

Л.Ф. Недашковский в своем докладе обратился к курганным золотоордынским погребениям у Ленинска. Он обращает внимание на то, что зо-

лотоордынские захоронения впускались в курганы эпохи бронзы и раннего железа. *П.В. Попов* выступил с докладом о распространении буддизма на территории Улуса Джучи. Он считает, что археологические данные свидетельствуют о широком распространении буддизма среди золотоордынской аристократии. *Ю.В. Селезнев* представил признаки принадлежности к элите Джучиева улуса в вещевой атрибутике. Основанием к причислению к ханской элите являлся ханский ярлык. Вместе с ярлыком хан жаловал колчан, меч или саблю, головной убор и кафтан, что являлось вещным олицетворением элитарности жалуемого субъекта.

Е.А. Беговатов, В.Н. Седых, О.А. Кашина, Р.Р. Закиров обнародовали принципы создания ГИС «Топография кладов золотоордынских монет», основанную на работах Г.А. Федорова-Давыдова. Доклад о разработке пакета прикладных программ на сервере Казанского университета для реконструкции размера и веса монеты по ее фрагменту представили – *Е.А. Беговатов, Э.Н. Гайнанова, О.А. Кашина*. Доклад о естественнонаучных исследованиях курганов Нижнего Поволжья был представлен *В.А. Демкиным, С.Н. Удальцовым, М.В. Ельцовым, Т.С. Демкиным, Т.Э. Хомутовой, Н.Н. Каширской*.

С докладом о золотоордынских монетах из раскопок и сборов археологической экспедиции музея-запо-

ведника на Селитренном городище в 2005–2007 годах выступил *Е.М. Пигарев*. Их анализ позволил ему сделать вывод о преобладании в находимых на городище монетах экземпляров чеканки 1330–1350-х годов.

В докладах *Л.В. Яворской* обобщены данные изучения археозоологического материала из средневековых городов Нижнего Поволжья.

Проведенная 5 Международная конференция, посвященная памяти Г.А. Федорова-Давыдова, в очередной раз подтвердила свое высокое научное реноме и тот факт, что эта конференция является необходимым форумом при решении проблем кочевниковедения и взаимодействия кочевников и оседлого населения в эпоху раннего железа и средневековья. Особенно важна она для сохранения традиционных научных связей для специалистов России, Украины, Казахстана, Средней Азии и Закавказья.

По результатам конференции был выпущен сборник трудов «Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы 5 Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова» (Казань; Астрахань, 2011), объемом 45 а.л.

6 Международную конференцию, посвященную памяти Г.А. Федорова-Давыдова, предложено провести Донецкому национальному университету. Координация работ по ее организации возложена на *А.В. Евглевского*.

Информация об авторе:

Зеленев Юрий Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола, Россия); u_zelenev@mail.ru

**THE FIFTH INTERNATIONAL CONFERENCE
«DIALOGUE OF URBAN AND STEPPE CULTURES ON THE EURASIAN AREA»,
DEVOTED TO THE MEMORY OF G.A. FEDOROV-DAVYDOV**

Yu.A. Zelenev

The Fifth International Conference “Dialogue of Urban and Steppe Cultures on the Eurasian Space”, dedicated to the memory of G. A. Fyodorov-Davydov, was held in the village of Selitrennoye, Astrakhan oblast, in October 2011. For the 10 years of holding these conferences, a range of constantly debated issues has formed. To these refer problems as: the steppes of Eurasia from the Early Iron Age through to the Middle Ages; relations of the Golden Horde with the outside world; medieval numismatics; natural science and combined statistics methods in archaeology. The contributions were mainly centered on these issues. The materials of the conference were published as a collection of articles.

Keywords: the Lower Volga river region, international scientific conference, history and archeology of Eurasia, medieval urban culture, nomadic civilization, medieval numismatics, natural science and mathematical methods in archaeology.

About the Author:

Zelenev Yuriy A. Doctor of Historical Sciences. Mari State University. Lenin Square St., 1, Yoshkar-Ola 424000, the Mari El Republic, Russian Federation; y_zelenev@mail.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АЕС – Археология евразийских степей. – Казань.
 АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
 АО – Археологические открытия. – М.
 АЭМК – Археология и этнография Марийского края. – Йошкар-Ола.
 БГИАМЗ – Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник
 ГИМ – Государственный Исторический музей (Москва)
 ГОМРТ – Государственный объединенный музей Республики Татарстан
 ГЭ – Государственный Эрмитаж. – СПб. (Л.)
 ИА РАН – Институт археологии РАН
 ИАК – Известия Императорской археологической комиссии. – СПб.
 ИИМК – Институт истории материальной культуры
 ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
 КИО – культурно-историческая общность
 КСИА – Краткие сообщения Института археологии
 КСИИМК – Краткие сообщения института истории материальной культуры
 КФ ИА НАН – Крымский филиал Института археологии НАН
 МА РТ – Музей археологии Республики Татарстан Института истории им. Ш. Марджани АН РТ
 МВФ – Музейное ведомство Финляндии
 МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. – М.
 НАН – Национальная академия наук Украины
 НМ РТ – Национальный музей Республики Татарстан (Казань)
 ОНАЭ – Отчеты нижекамской археологической экспедиции
 ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
 РА – Российская археология. – М.
 РАН – Российская академия наук
 СА – Советская археология. – М.
 САИ – Свод археологических источников. – М.
 СГПУ – Самарский государственный педагогический университет
 СОИКМ – Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина
 СОМК – Саратовский областной музей краеведения
 ТА – Татарская археология. – Казань
 Тр. МАЭ – Труды Марийской археологической экспедиции. – Йошкар-Ола
 УАК – Ученая архивная комиссия
 УАС – Уральское археологическое совещание

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Общие положения

Научный журнал «Поволжская археология» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин (антропология, палеозоология, эпиграфика, нумизматика и др.). Материалы распределяются по разделам: «Статьи», «Публикации», «Заметки», «Рецензии», «Хроника». Основным требованием к публикуемому материалу является соответствие его высоким научным критериям (актуальность, научная новизна и т.д.).

Небольшие исправления стилистического и формального характера вносятся в статью без согласия с авторами. При необходимости более серьезных исправлений правка согласовывается с авторами или же направляется им на доработку.

Все материалы принимаются только в электронном виде. E-mail редакции: arch.pov@mail.ru.

Авторы гарантируют отсутствие плагиата и других форм неправомерного заимствования в предоставляемых для публикации рукописях.

Все поступающие рукописи проходят рецензирование. Решение редколлегии о принятии рукописи к публикации, отклонении или необходимости доработки материалов сообщается автору после заключения рецензентов.

Представление материалов и требования к их оформлению

Объем. Общий объем статьи (включая таблицы, список литературы, подрисовочные подписи и аннотации-резюме) не должен превышать 1 а.л. (16 стр. через 1 интервал или 40 тыс. знаков с пробелами) и содержать не более 8–10 иллюстраций. Для раздела «Заметки» допустимый объем рукописи не более 15 тыс. знаков. Некрологи и юбилейные материалы, публикующиеся в разделе «Хроника», не должны превышать 10 тыс. знаков; в конце текста следует давать список лишь наиболее значимых трудов ученого.

Компьютерный набор. Все материалы принимаются в формате MS Word (doc, docx или rtf) (шрифт Times New Roman, кегль 14).

Таблицы, схемы, иллюстрации. Все они должны быть упомянуты в тексте, пронумерованы в соответствии с порядком ссылок на них в тексте. Иллюстрации принимаются в форматах *.tif и *.jpg с разрешением не менее 300 dpi (на реальный размер изображения). Фотографии и цветные рисунки должны быть высокого качества. Если рисунок содержит номера или текст, они должны быть впечатаны в электронном виде. Иллюстрации и подписи к ним представляются в виде отдельных файлов.

Резюме и ключевые слова. К рукописям (по разделам «Статьи», «Публикации», «Дискуссии») должно быть приложено краткое резюме на русском и английском языках (не более 0,3 стр.) и *ключевые слова* (не более 10). Все нестандартные буквенные и иные обозначения в тексте рукописи должны быть четко и разборчиво вписаны от руки.

Сведения об авторах. На отдельном листе приводятся сведения об авторах (фамилия, имя, отчество полностью, место работы, должность и ученая степень, с обязательным указанием почтового и электронного адреса, а также контактного телефона).

Оформление рукописи. Начало рукописи оформляется по следующему образцу:

МУСУЛЬМАНСКИЕ НЕКРОПОЛИ СЕВЕРСКОГО ДОНЦА

© 2012 г. Э.Е. Кравченко

Донецкий областной краеведческий музей, г. Донецк (E-mail)

Ключевые слова на русском языке.

Постраничные примечания в тексте даются внизу соответствующей страницы со сплошной нумерацией для всей рукописи (1, 2, 3...).

Ссылки на литературу и источники даются в круглых скобках: фамилия автора без инициалов (кроме работ однофамильцев) или сокращенное название (если издание не имеет автора), год издания через запятую; ссылка на страницу, рисунок и т.п. Образец: (Смирнов, 1964, с. 23–25, рис. 5: 1; 6: 3; табл. XII, 16; Свод памятников, 2007, с. 93, № 590).

Список литературы и источников дается общий в алфавитном порядке после текста статьи и состоит из двух частей: первая – работы на кириллице, вторая – на латинице. Работы одного автора располагаются в хронологическом порядке. При наличии публикаций одного года с ним проставляются литеры а, б, в..., включая первое упоминание. К списку литературы должен быть приложен список сокращений (кроме общепринятых – АО, КСИА, КСИИМК, МИА, РА, СА). Источником библиографического описания является титульный лист издания. Год издания в монографиях и сборниках ставится после места издания, в конце сноски. При ссылках на периодические издания необходимо указать том, № или номер выпуска, включая иностранные издания. Образец:

Литература

Амиров Ш.Н. Природная среда верховьев Хабура // РА. – 2000. – № 3.

Арциховский А.В. Основы археологии. – М., 1954.

Беленицкий А.М. Конь в культурах и идеологических представлениях народов Средней Азии и евразийских степей в древности и раннем средневековье // КСИА. – 1978. – Вып. 154.

Свод памятников археологии Республики Татарстан. – Казань, 2007.

Смирнов К.Ф. Савроматы. – М.: Наука, 1964.

Хлебникова Т.А. Гончарное производство волжских болгар X – начала XIII вв. // МИА. – 1962. – № 111.

Чернов С.З. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори в 1977 г. // Архив ИА РАН. 1977. Р-1. № 6695.

Шутилов А.В. Энеолит Икско-Бельского междуречья (по материалам поселенческих памятников): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2012.

Chalikova E.A., Chalikov A.H. Altungarn an der Kama und im Ural: Das Gräberfeld von Bolschie Tigani. – Budapest, 1981.

Далее следуют название рукописи, ключевые слова и резюме на английском языке.

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале.